

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ**

М.О. ӘУЕЗОВ АТЫНДАҒЫ
ӘДЕБИЕТ ЖӘНЕ ӨНЕР ИНСТИТУТЫ

Мұхтар Әуезов

ШЫҒАРМАЛАРЫНЫҢ
ЕЛУ ТОМДЫҚ ТОЛЫҚ ЖИНАҒЫ

48-том

СӨЗДЕР, ПІКІРЛЕР,
ЖОЛЖАЗБА, АУДАРМАЛАР

“ДӘУІР”
“ЖІБЕК ЖОЛЫ”

АЛМАТЫ
2014

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7
Ә 82

Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігі Ақпарат және мұрағат комитеті «Әдебиеттің әлеуметтік маңызды түрлерін басып шығару» бағдарламасы бойынша шығарылды

Редакциялық кеңес:

Кеңес төрағалары – М. Құл-Мұхаммед, А. Сәрінжіпов

Жалпы редакциясын басқарған – ҰҒА корреспондент мүшесі,
филология ғылымдарының докторы У. Қалижанов

Кеңес мүшелері:

Әкім Т., Әуезов М., Жұртбай Т., Кекілбаев Ә., Қанатиянов Б., Қасқабасов С., Қирабаев С., Қонаев Д., Қошанов А., Құрманғали Қ., Мағауин М., Мұртаза Ш., Нұрпейісов Ә., Оразалин Н., Сүлейменов О., Тасмағамбетов И., Ыбырай Ш.

Әуезов М.

Ә 82 Шығармаларының елу томдық толық жинағы. – Алматы: “Дәуір”, “Жібек жолы”, 2014.

48-том: Сөздер, пікірлер, жолжазба, аудармалар. – 452 б.

ISBN 978-601-294-190-6

Мұхтар Омарханұлы Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымының 48-томына бұрын еш жерде жарияланбаған “Алуа” пьесасы мен “Происшествие на Караш-Караш” повесінің автордың өзі жасаған сөзбе-сөз аудармасы, сонымен қатар пікірлері, сөйлеген сөздері, 1935 жылы Шығыс Қазақстанға барған жолсапарының жоспары енді.

Кітап ғылыми қызметкерлерге, студенттерге, жалпы әдебиетті сүйетін жұртшылыққа арналған.

УДК 821.512.122
ББК 84 Қаз-7

ISBN 978-601-294-190-6 (48-том) © М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, 2014
ISBN 978-601-294-142-5

СӨЗДӨР

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА ОБЩЕГОРОДСКОМ СОБРАНИИ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
18 НОЯБРЯ 1940 г.**

Из последних высказываний товарища Сталина о литературе, переданных нашему собранию писателем Л. Соколовым недавно, сейчас литературный отряд многонациональной, многоязычной советской литературы делает свои выводы. Отдельные литературные отряды общей литературной продукции, каждый отдельный писатель для себя делают вывод о своем личном творческом опыте.

Нам нужно говорить по существу вопросов, задетых в беседе товарищем Сталиным, по существу вопросов, касающихся литературного движения. А там немало поднято глубочайших серьезных проблем роста сегодняшней нашей литературы.

На каких основных вопросах я хотел бы остановить внимание товарищей сейчас. Выступавший до меня тов. Абишев коснулся некоторых из этих вопросов, я тоже начну с одного, на мой взгляд, центрального вопроса — с вопроса о создании положительного героя в нашей литературе. “Огромный проблемный вопрос” — создание положительного героя. Этот вопрос во все времена роста, по-моему, настоящего поступательного роста литературы, литературы многих народов, расцвета литературы во многих историях, стоял и сейчас в пределах нашей социалистической культуры должен стоять гораздо более ярко, выпукло, чем когда бы то ни было в мировой литературе. Возьмите, вообще большая литература существует только большими произведениями, большими голосами...

... построенными на жизни, на борьбе, на мыслях, стремлениях, лучших порывах души отдельных живых личностей, являющихся представителями определенной социальной среды.

Вспомните романы из классиков мировой литературы Запада и русской или мировой народной литературы, фольклора, везде в массах большие писатели, большие певцы всегда вызывают по ассоциации другие имена. С Гомером связана целая группа имен народных героев греческого народа, с именем Шекспира связан целый ряд литературных персонажей, с именем Толстого по ассоциации встают имена Анны Карениной, Ростовой, Безухова и других.

Большая литература создается на больших литературных образах, вылепленных скульптурно, мощно.

Точно сейчас товарищ Сталин ставит перед нами, как огромную проблему, создание положительного героя, это должно стать краеугольным камнем и этот положительный герой сегодняшнего дня, сегодняшней социалистической стройки. Но здесь резких разграничений не делается и этим не говорится, что нельзя работать над историей прошлого, на исторические темы. Но я хочу сказать, что мы для себя должны сделать вывод, чтобы создать достойный и положительный образ современного человека, большого строителя нашей сегодняшней светлой жизни.

Чего недостает нашей литературе в этом смысле? Я остановлюсь на ряде основных, проблемных высказываниях товарища Сталина.

Первое. Создание положительного героя.

Второе. Об изображении образа врага.

Третье. О культуре писателей и литературных культурных традициях, которые идут из далекого прошлого до сегодняшнего дня. И в этом свете косвенное сочетание имени Ванды Василевской.

И четвертый момент, это вопрос, связанный с методом изображения чувств человека, вопрос о творчестве Авдеенко, как не нужно изображать любовь.

На этих вопросах я хочу остановить ваше внимание. Вопрос о положительном герое в литературе в умах наших писателей и требовании общественности стоял во все времена. Но каково было решение этого вопроса? Чтобы ясно пред-

ставить масштабную, серьезную творческую задачу, нужно более или менее ясно представить наши творческие ошибки. Наши ошибки заключаются здесь в том, что положительные персонажи часто рисуются с огромной полировкой и положительные персонажи носят схемный, набросанный образ, он носит определенные социальные функции. И ввиду того, что он не изображен художественно, проникновенно, многосторонне, часто получается номенклатурное изображение. Например, ребенок не умеет нарисовать озеро и он рисует кружок, а наверху надписывает – озеро. Так и мы говорим – секретарь райкома, инструктор ревкома, он имеет ремарку, он не должен иметь ошибок, промахов, настолько он безошибочен и отполирован. Он лишается настоящей жизни, правды, настоящего живого дыхания...

...Лишаясь настоящего живого дыхания, вопрос о положительном образе без номенклатурных обозначений, сам образ должен говорить, полотно должно само показывать, что нарисовано горное озеро, степное озеро и т.д.

Какой из этого вывод? Изображать положительный персонаж, с точки зрения правды его чувств, правды мысли, правдивого выражения его чувств, облеченных в речевую характеристику, в его действенную характеристику, в его поступки, стремление и т. д., тогда положительный персонаж может приобрести облик живого убедительного человека. Притом этот человек, каждый советский человек одновременно в своих поступках, стремлениях носит искру, идею коммунистического воспитания, искру, идею нашей сегодняшней страны, наших сегодняшних общих масштабных порывов, то, что несет на своем знамени. Это должно говорить, что представляет линию партии. Не должно быть заблаговременной схемы, а если отступление от схемы, то должно получаться как искажение изображения. Искращения бывают, эта полировка превращает литературное произведение, литературный образ уже не в художественный образ, а превращает в иную категорию, т.е. это в художественной литературе политграмма, в художественной литературе может стать социологией.

Сама по себе и социология, и политика, и политэкономика являются могущественными факторами в нашем общественно-научном строительстве нашей жизни. Но

они, попадая в пределы литературы, должны жить органической жизнью, не должны быть схемами. Когда литература включает политику, как политику, не претворяя языком художественного образа, художественного творения в органическую основу нить художественного произведения. И история, и этнография, и физика, и политика, и социология в литературе, определяющие как в жизни, как в истории развитие общества, должны иметь определяющее место. Они должны быть не в механической смеси, а в органическом соединении. В таком смысле положительный образ будет жить настоящим, значительным полнокровным образом, достойным воплощением лучшей части нашего общества. Все, что говорится в области социологии, в области политики, в области наличащих стремлений нашей партии, все это должно быть сказано в художественной литературе языком художественной литературы через живое дыхание, через живую мысль, через поступки героев должны быть даны.

Создание такого убедительного образа борца, строителя современной жизни, по-моему, ставит товарищ Сталин перед нами как основной проблемный вопрос в развитии нашей литературы. Это относится ко всем литературам нашего Советского Союза. Это относится, в первую очередь, к передовой русской литературе, литературе, представленной творениями русских писателей. Это относится в большей степени к национальным культурам, в которых еще настоящие культурные литературные традиции не крепки, где писательские кадры недостаточно впитали в себя литературную культуру классической русской литературы.

Поэтому мы должны больше всего думать о том, что беда не в том, что мало писали мы на современные темы, каждый из нас писал и пишет не мало, а потому что мы на современную тему о современном герое не создали полноценного произведения. В этом смысле исключения очень редкие и малые у нас имеются. Теперь изображение образа врага в нашей литературе. В этом отношении тоже спорных моментов было много, оспаривалось в пределах всей советской прессы, в какой мере показать врага или во весь рост, или в уменьшенном виде, или с выпячиванием особых моментов его характера и т.д. Вот та или иная мера изображения врага. Больше всего на страницах наших журналов уделялось вни-

мания вопросу изображения отрицательных персонажей, тогда как жизнь строящих, ведущих, двигающих в литературе должна быть построена на положительных примерах. У отрицательных типов учатся как не надо поступать, от положительных типов учатся героизму, замечательным поступкам и положительные герои формируют среду нашего племени, нашего общества, которое рождает продолжателей.

Вы знаете из истории мировой литературы, когда рождаются положительные герои, своей психикой совпадающие с обществом того времени, эта литература рождает вокруг себя целую плеяду продолжателей, и этот герой среди молодежи приобретает много последователей и т.д.

А наш положительный герой, в жизни всеми любимый, достойно отображенный в литературе, какое бы могучее влияние мог оказать на общество. Поэтому вопрос о положительном герое для всей советской литературы, особенно для нашей, которая становится на ноги, должен быть основным моментом и о положительном герое, о достойном изображении его должны больше думать, о его правдивом, точном, жизненном изображении. Если вопрос об отрицательном персонаже ставится теоретически и практически в нашей казахской литературе, то нужно сказать также, что у нас отрицательные персонажи недостаточно художественно полноценно изображаются. Более разнообразны эти типы в поступках, более активны в каких-нибудь повестях, рассказах и т.д., но если разобраться в нем, как в человеке, как в личности, во всем психофизическом комплексе, это все же не живая личность. Из него получается больше всего какой-то зоологический вид, он относится к семейству плотоядных, у него часто бывает схемное, поверхностное изображение, он лишен мысли, жизни, правды и поэтому...

...и поэтому он вялый от начала до конца, однотонно выкрашенный персонаж, с первой страницы произведения выглядит скудоумным, в речах туп, в поступках — зверь. Такое изображение не литературное, не художественное полноценное произведение.

Поэтому из передачи тов. Соболева обратил внимание на один момент. В произведениях Ванды Василевской, о творчестве которой тов. Сталин говорил: она врагов нового

общества изображает убедительно, но и врагов этих врагов изображает весьма убедительно.

Это два основных раздела, то, что составляет живую ткань произведения, то, что составляет костяк произведения. Живой образ, образ, борющийся активно, живущий, действующий, но правдиво изображенный, вот, по-моему, что требуется от нас, чтобы создавали качественные высокохудожественные полотна.

Теперь другой момент — о культуре писателя. Неслучайно тов. Сталин упомянул именно ряд классиков русской литературы, мировой литературы, называл Шекспира, Гоголя, отмечал, что существует метод Шекспира, существует метод Гоголя, существует метод Грибоедова и еще особо выделил и назвал творческий метод Чехова.

Сам по себе перечень этих классиков русской и мировой литературы говорит о многом для нас. Мы знаем, 20 лет тому назад казахская литература существовала изолированно, в условиях изолированной отсталости казахской литературы. Только Октябрьская революция, как всю культуру казахского народа, возрожденного казахского народа приобщила к русской литературе, а через это к мировой европейской литературе. Раскрылись широчайшие пути перед всем нашим обществом и перед каждым писателем в особенности. А вот обращение писателей к классическим образцам мировой русской литературы — это должно быть для такой литературы, как наша молодая литература, с молодыми, неокрепшими, но вполне созревшими писательскими кадрами, одним из самых важных моментов. На этом мы должны всегда делать акцент. Вопрос учебы, учебы у классиков русской литературы, мировой литературы не должен сниматься с нашей повестки литературного движения.

Вопрос критики. Как критиковал Белинский, как создавалась журналистская культура, везде и всюду должны учиться у мировой литературы и в данном случае именно учиться творчески обращаться. Не то что читать произведения и иметь в голове перечень отдельных персонажей из “Мертвых душ”, “Горе от ума”, мы должны вникать в существо творческого метода этого художника.

Почему часто ссылаются наши вожди на отдельные произведения, скажем, Гоголя, Салтыкова-Щедрина? Мы

должны понять, в чем привлекательность, неувядающая (привлекательность) и неуменияющаяся привлекательность этих художников и учиться должны у них, обращаясь как к достойным полноценным образам.

Вопрос о современной, исторической темах. Я не знаю такого писателя, у которого существует такое ограничение — историческая и современная темы, что какой-нибудь писатель говорил, что он будет только на исторические темы писать. Не живой человек тот писатель, который не пишет о современности. Всмотритесь в нашу практику. Каждый из нас за актуальную современную тему берется, но, может быть, недостаточно оправдывает ее. Но это не значит, что он должен быть разочарован. Не всегда первый опыт удаётся и не всегда он может показать его как зрелого художника, но будет не плохо, если он с приобретенным опытом придет к значительной современной теме.

Что я думаю? Я работаю над образом Абая в пределах пьесы и работаю над образом Абая в пределах романа. Высказывания товарища Сталина в отношении положительного образа должны мыслиться таким образом, что положительные персонажи и отрицательные персонажи вышли бы убедительными в этих произведениях, и опыт, приобретенный в этих произведениях, должен помочь в этом деле.

Я думаю на год переселиться в Балхаш и писать там о борьбе и деятельности современных строителей нашей культуры. Есть исторические темы и произведения и в одном моменте я с тов. Абишевым спорил, что есть исторические темы — легенды и есть такие, которые являются и вчерашними и сегодняшними. Например, образ Джамбула в литературе. Что это только образ прошлого? Нет. Джамбул боролся с вековыми косными устоями того времени и Джамбул является нашим сегодня, он идеологически разбивает противника в революции. И в той же мере, я должен сказать, что тема об Абае — не устаревшая историческая тема. Это прошлое и сегодняшнее, потому что Абай одной стороной обращен к феодальному прошлому, с которым он боролся, а другой стороной — к светлому будущему, к мировой культуре. Поэтому образ Абая стоит для меня историческим и современным.

Еще на одном моменте я хочу остановиться, это на вопросе об изображении любви, не как на более самостоятельной проблеме, но, критикуя метод Авдеенко, сказать, как не нужно изображать любовь. Любовь двигает на большие поступки, на героические поступки и изображать любовь, как изображает Авдеенко в порядке плотского, вульгарного понимания, нельзя. Здесь должен стоять вопрос не только о любви, но и о дружбе, чести, морали советского человека. Вот поэтому неправильное изображение этого чувства у Авдеенко...

...Поэтому вопрос моральной чистоты, моральной высоты, вопрос чести советского человека, вопрос дружбы, в этом комплексе изображение любви — это должно занимать огромное место в нашей литературе. Этим темам в таком комплексном понимании, как любовь, дружба, как честь, мораль и чистота советского человека, таким темам могут быть посвящены самые благородные порывы советского художника и самые наилучшие страницы его творчества. На эти темы, думаю, мы будем писать по возможности полноценно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА НА РЕСПУБЛИКАНСКОМ СОВЕЩАНИИ РАБОТНИКОВ ИСКУССТВА (1948 г.)

12 марта 1952 г. и хотя в меньшей доле, но справедливость требует этого признать, что в заметной доле он был и самокритичным. Критика в докладе была конкретная, деловая, принципиальная и требовательная, а потому она была правильная, следовательно, полезная и нужная. Эта критика явилась не выдумкой только тов. Ахметова. Он выразил на конкретных фактах сказанное партией по поводу действительного положения на этом фронте, на примерах ошибок и срывов каждого творческого работника фронта искусств, на примерах деятельности композиторов, драматургов, режиссеров и целых творческих групп, творческих коллективов. Тов. Ахметов убедительно обосновал сказанное в решениях VIII пленума ЦК КП (б)К и V съезда КПК.

Но это не означает, что, сделав критический доклад, тов. Ахметов поставил деятельность Управления по делам искусств или собственную деятельность как начальника управления над критикой или вне критики.

У нас, как у работников, связанных с Управлением по делам искусств, будут отдельные замечания по работе управления и о них я скажу позже.

В первую очередь я обязан включиться в обсуждение задач и проблем искусства в нашей республике, включиться, исходя из требований жизни и истории, из требований справедливой партийной принципиальной критики, из требований, предъявляемых к писателям и драматургам.

Надо признать, что мы отвечаем за состояние фронта искусства, и казахские писатели отвечают одними из пер-

вых, мы отвечаем всесторонне и отвечаем, не состоя ни в каких штатах управления, отвечаем, если даже не состоим в каком-нибудь договорном отношении с управлением или театром на сегодня. В данном случае к драматургии ближе всего из театральных искусств стоит, конечно, вопрос о драматическом театре. Конкретизировать сказанное нужно начиная с наших отношений, с наших обстоятельств по этому разделу.

Общеизвестно, что драматургия и театр взаимно связаны и взаимно обязаны во всех своих достижениях. Если мы сошлемся на один пример исторического развития драматургии России, советской драматургии, одно это обстоятельство может иметь много блестящих примеров. Взять, например, Островского, Чехова, я уже не буду говорить о их предшественниках Гоголе, Грибоедове, Горьком в театре, советских писателях в нашем советском театре. Все это говорит о том, что театр развивался на основе драматургии, а драматургия на основе театрального искусства. В этом отношении наши обязательства перед искусством колоссальные и они с нас никогда не снимают ответственности. Мы отвечаем за драму, расчлняя нашу ответственность по данным видам нашего искусства, также отвечаем за либретто, репертуар опер, за колхозный театр и до народного творчества, отвечаем за филармонию, за репертуар эстрады, за жизненный репертуар, за творчество композиторов.

Поэтому все выступившие за последние 2 дня товарищи, представители различных отраслей перечисленных мною искусств были правы, когда говорили, что такому творчеству должно предшествовать, быть ведущим началом в творчестве поэта, писателя, драматурга и т.д.

Ни в одном из указанных жанров, особенно в советском социалистическом искусстве, нет того, что не было бы достойно пера, вдохновенного творчества, внимания советского писателя. Почему так — потому что наше искусство народное и все то, что создается нашим искусством, идет в народ. Поэтому ни в одном из перечисленных жанров писатель, поэт, берясь писать в этом жанре что-либо, не может считать, что это мало достойно его творчества, что это требует лишь его обыкновенного творчества, внимания и напряжения.

Возьмите второй малый жанр. Слово “малый” я употребляю в смысле формы, размера, а не содержания советских писателей, их поэтического мастерства, истинного вдохновения – это советская песня. Над советской песней у нас работали и работают лучшие русские поэты. Был лучшим поэтом, а поэтому он стал и самым популярным, любимым автором песен – Лебедев-Кумач. Прекрасный поэт. Большой популярностью пользуются песни Суркова.

Возьмите прошлую русскую и казахскую литературу. Вы знаете Пушкина, его лирические произведения, красивые посвящения по вопросам любви, лирики, настроениям, лирики природы – как они красивы. Возьмите, например, Абая, его 17 новых стихотворных форм, которые были переложены на музыку, были выражены в песнях, и сегодня еще композиторы продолжают использовать поэзию Абая как наиболее подходящую для переложения на музыку для вдохновенной творческой работы.

К перечисленному я добавлю и еще не менее важные разделы искусства – театральной критики и театроведения. Мы – писатели, Союз писателей в целом, деятели искусств, должны создавать и развивать критическую, теоретическую, последовательную литературу о культуре наших театров, в части разработки монографий о советском казахском театре, в этом мы испытываем острейшую нужду, но до сегодняшнего дня наши деятели искусств не уделяли этому вопросу достаточного внимания.

Представитель казахского колхозного театра тов. Абинтаев предъявил много законных требований к творческим работникам республиканских театров. Нужен Станиславский на казахском языке. Правильно, Станиславский нужен, и театральную критику нужно развивать, нужно развивать театральную мысль в Казахстане путем создания театральной критической литературы.

Должна быть освещена народность театра, связь литературы с театром, драматургия, театры, литературные образы, все это должно быть освещено. Надо показать работу отдельных режиссеров и т.д. и т.п.

Работники искусств в освещении задач и пропаганды идей коммунизма должны занять большое место.

Должен сказать о связи театра с жизнью, о боевом наступательном характере нашего театра, об отражении количества ведущих идей современности в его программе.

Вот такие должны стоять задачи в создании периодической литературы. Так мы, писатели, творческие мыслители, деятели искусства, обязаны участвовать и заложить основу такой отрасли работы в будущем нашем искусстве.

Дальше. Я вернусь к отдельным видам нашей ответственности по разделам искусства. Возьмем оперу и драму. Правильно, мы слишком долгое время занимались поисками драмы, эпоса на исторические темы. Следовало уделить особое внимание этим темам, но я не буду долго задерживаться на этом вопросе, потому что под руководством соответствующего отдела ЦК партии, наш Союз советских писателей должен провести расширенные конференции или совещания, на которых мы должны выявить свое отношение к эпосу.

В докладе тов. Ахметова были перечислены вещи по своей идеологии непригодные, скажем, “Козы Корпеш” и другие. В этом отношении управление должно решить этот вопрос весьма ответственно.

Я не останавливаюсь подробно на этом, потому что много тем с точки зрения предстоящих задач, поэтому постараюсь остановиться на них. Скажу в отношении репертуара наших театров. Мы пошли в этом отношении по пути любования, а не по пути творческого преодоления, пошли по пути творческого перепева.

Революционное искусство после Октябрьского периода, социалистического периода Казахстана, да и других народов, в том числе русского народа, основано на материалах исторического прошлого, оно, прежде всего, по заветам Ильича требовало творческого преодоления. Здесь перспективы должны быть другие. А мы смотрели то, что есть на сцене Русского классического театра, такие вещи, как “Садко”, “Лебединое озеро”, “Князь Игорь” и другие. Мы забыли, что эти классические произведения созданы в далеком прошлом, что если бы они были созданы после Октября, к ним были бы предъявлены другие требования, а мы равнялись по произведениям 19-го века.

Мы забыли о том, что этим театрам тоже нужно было встать на путь творческого преодоления, пересмотреть имеющийся репертуар.

Вот с позиций этого революционного требования мы должны были подходить к темам, мы не сумели этого сделать, за что мы, в первую очередь писатели, в том числе я — Ауэзов, Мусрепов и другие, отвечаем, также отвечают композиторы, режиссеры, дирекция театров, Управление по делам искусств, потому что они механически повторяют то, что делают писатели, в то время как корректируя, развивая материал они должны критически участвовать в освещении этого материала.

Мы отвечаем за состояние драматургии на современную тематику. В советской, русской классической драматургии, отражающей историко-революционные события нашей Родины, мы имеем такие пьесы, как “Любовь Яровая”, “Разлом”, “Бронепоезд”, признанные советской классикой.

В казахской драматургии мы еще подобных вещей не имеем. Справедливо сказать, что писалось на современную тематику не мало, писали и Мусрепов, и Муканов, и Тажибаев, и Ауэзов, но все же казахская драматургия еще не обеспечила устойчивым репертуаром на современные темы наши театры.

Наши авторы много писали на современные темы и я думаю, то, что ими написано, не все еще ушло в прошлое. Мы имеем, например, такие пьесы, как “Курес”, или пьесу “Ак-кайын”, или пьесу “Гвардия чести”, мне кажется, что эти пьесы могут быть еще пересмотрены и использованы. Возьмем далее историко-революционные пьесы, пьесу об Амангельды, написанную Мусреповым, или пьесу “Тунги сарын”. Все эти пьесы еще не навсегда ушли из репертуара, но в то же время мы не можем сказать, что это классика. Они ушли из репертуара в свое время, потому что были плохо поставлены, не на высоком художественном уровне, но их еще можно пересмотреть, потому что методы их построения еще не устранены.

Все, вероятно, читали передовицу “Литературной газеты” за 6-е марта. Говоря о современной советской драматургии, там предъявляются очень большие требования к русской передовой драматургии. Если русские советские

драматурги не могли поднять еще драматургию на должный уровень в сравнении с другими жанрами, то это отнюдь не облегчает наши задачи, так как у нас дело обстоит еще хуже. Совершенно справедливо признается в этой передовице, что драматургия сейчас представляет самую отсталую отрасль литературно-творческой деятельности в нашем Союзе, что драматургию нельзя сравнивать с достижениями русской прозы и русской советской поэзии.

Мы должны разрешить проблемы драматургии не только в Союзе писателей изолированно, но и вместе с Управлением по делам искусств. Разрешая эти вопросы теории драмы, мы должны поставить их на уровень общесоюзных задач, мы должны давать новые произведения, которые могли бы войти в общесоюзную сокровищницу.

Вопросы конфликтов, вопросы сюжетов, вопросы характера, вопросы изображения остальных явлений, современной жизни и т.д. — в этих вопросах должно быть какое-то смелое, новое решение. Необходимо дать теоретическое обсуждение вопроса в общесоюзном масштабе. Все, чему мы должны учиться в разрешении этого вопроса.

По поводу пьес на современные темы, по поводу успешного выполнения тем я бы назвал три необходимых условия. Во-первых, надо глубоко изучить жизнь. Не изучив жизни, не показав действительности, мы не напишем большого художественного произведения. В частности, прав был тот человек, который говорил: “Прежде, чем написать большое художественное произведение, надо знать столько, сколько он должен выпарить из каждой поры вашего организма”. Следовательно, должны быть накоплены знания, чтобы написать произведение. Вы должны заканчивать последнюю строку и чувствовать, что у вас осталось еще много материала для следующего произведения. Вот с таким обогащенным жизненным материалом можно писать большие художественные произведения. Мы приехали, осмотрели и на этом факте пишем произведение, и оно недостаточно глубоко органично становится для нас. Надо учиться у русской передовой классической литературы с ее реалистическими традициями, русской передовой советской драматургии.

Только на основе знания приходит любовь, а любить можно то, что вы знаете, не зная ничего — нельзя любить.

Поэтому это умно надо изучить, изучить лучшие традиции, достижения советской русской драматургии, которые созданы классиками, признанными в мировом масштабе.

Затем, товарищи, надо упорно трудиться для того, чтобы создать большое художественное полотно.

Русские советские драматурги, которые идут по пути реалистического театрального искусства, стали реалистами. У нас больше всего говорят какими-то стихами, монологами.

К традициям русских классиков мы не обращаемся. Как писали Гоголь, Островский, Чехов, Горький? Это как традиция в области драматургии мало освоено, тогда как в области прозы, поэзии мы больше учимся и больше успеваем. Часто бывает, что мы легко пишем. Научившись писать, человек любое произведение может быстро написать, может написать много печатных листов, а пьесу за 20 дней можно написать. Но что это за пьеса? Интересно вспомнить, что говорил Еврипид. К нему пришел драматург и спросил: сколько вы работаете над пьесой? И Еврипид ответил: “Очень долго”. А драматург говорит: “А я за три дня могу написать”. И тогда Еврипид сказал: “Вы пишете для трех дней, а я пишу для вечности”. Это художественная историческая правда. Вот так надо учиться писать, конечно, надо упорно трудиться, а у нас часто в любой отрасли литературы пишем быстро, от него страдает качество. Знание жизни, хорошая учеба, классический упорный труд над своей вещью — вот три условия.

Отвечаем мы за перевод и его качество. Кто должен биться за хорошую постановку, за классическую драматургию — русскую, современную, переведенную нами? Мы должны проявить гордость и заинтересованность в наших собственных пьесах. Мы должны болеть за постановку пьес этих авторов или умерших, или ныне живущих русских авторов.

Тов. Ахметов сказал, что руководил переводом 101 пьесы. Я о них скажу особо, как они переведены, как осуществлены на сцене. 101 пьеса — колоссальное приобретение, а сколько удержалось из них на сцене, сколько полноценных из них — об этом скажу несколько позже.

До сих пор я говорил об ответственности писателя отдельно, особо, а теперь остановлюсь на совместной ответственности, имеется много моментов по главным проблемным

вопросам искусства. Для примера возьмем Академический театр драмы. Если нет театра без драматургии, то нет драматургии без театра, они взаимно обуславливают друг друга.

О драматическом театре надо говорить не потому, что он академический, находится на должном уровне, этот театр существует одновременно как театр-школа. Это театр ведущий, который учит колхозно-совхозные театры, на его работе должны учиться другие театры.

Каково положение в нашем драматическом театре? Академический театр должен быть лучшим, примерным театром республики, полновесным в полном смысле этого слова, а таков ли он сегодня? Нет. У нас есть отдельные мастера (5–6 чел.), которыми мы гордимся, а Академического театра все-таки нет. Для того, чтобы театр стал академическим, у него должны быть академические постановки, а мы не можем назвать таких академических постановок. У нас нет пьесы, которая бы не сходила со сцены. Вот, возьмите Малый театр, со сцены которого не сходит “Любовь Яровая”, возьмите МХАТ, со сцены которого не сходит “Бронепоезд”, “Разлом”. У нас нет таких вещей.

Может быть, какие-нибудь переводные пьесы не сходят со сцены. Тов. Ахметов говорил, что переведена 91 пьеса с русского репертуара, мирового, современного, мы не можем назвать ни одной вещи, которая бы удержалась на сцене.

Горьковская пьеса “На дне”, мне даже совестно сказать, не выдержала одного сезона, что, разве у нас плохие актеры? Нет, этого сказать мы не можем. Мне даже совестно сказать, сколько раз шла эта горьковская пьеса “На дне” в одном сезоне. Эта пьеса, по которой определяется творческий путь МХАТа — Академического мирового театра, театра-музея. Эта пьеса “На дне” у нас на сцене на продержалась одного сезона.

Почему пьеса Островского “Гроза” ни одного сезона как следует не выдержала? Что, “Гроза” виновата, виноват Островский или наш зритель? Нет, если бы поставили спектакль как настоящую академическую вещь, то мы бы держались.

Почему нет на сцене “Ревизора” на казахском языке? Я считаю позорным, что такую вещь, пользующуюся большой

любовью народа, к 100-летию Н.В. Гоголя не поставили на сцене на казахском языке.

Мне сказали, что костюмы устарели, а денег не хватает.

Где “Отелло”, где “Любовь Яровая”, мы хорошо перевели эти произведения, а их не поставили на сцене. Потому что спектакли не были на высоте, так как беден театр составом, зданием, деньгами. Это отражается на качестве постановки.

Позвольте, тов. Ахметов, сказать пару слов о том, как вы, как начальник, несете ответственность. Вы, как начальник, на работе с 1946 года, а до этого около 6 лет работали также очень близко к искусству в ЦК партии. 10–12 лет вашей общественной деятельности вы посвятили казахскому искусству. Но скажите, за какой театр вы боролись по-настоящему? В Москве стоял вопрос в отношении строительства театра драмы, но вы как следует не боролись, и в Алма-Ате вы не старались, чтобы было построено здание Академического театра драмы, не проявили по-настоящему инициативу.

Вот когда я прохожу мимо театра для юношества, я всегда чувствую большую благодарность тов. Шаяхметову, благодаря инициативе которого был построен этот театр в трудные годы войны, а не вам, тов. Ахметов.

А как вы шефствуете над отдельными спектаклями? Вы бываете только на просмотре, их премьере, а на последующих 5–6 спектаклях вы не бываете. И получается, что хороших дублеров нет и после повторной постановки пользуются слабыми силами. Тех артистов, которых вы подобрали из театрального училища, они разъехались, остались только слабые силы.

А сколько важных спектаклей вы опустили. Много сил ваших уходит также в кино, и тогда вы вовсе не сможете ставить “Амангельды”, “Ибрая Алтынсарина”. У вас нет накопления репертуара. Я много лет работаю с театром и наблюдаю такую картину, что все начальники Управления по делам искусств, как тов. Ахметов и его предшественники, имели привычку мерить достижения театра только достижениями последнего сезона. Это, очевидно, делается в порядке перестраховки. Я, например, очень хорошо помню, что говорили ваши предшественники о спектаклях, кото-

рые ставились 10 лет тому назад. Я, например, помню, что тов. Баишев говорил, что “Кобланды” – это шедевр. И, как говорит пословица, имеющие уши, да слышали, а имеющие память – помнят об этом.

Пять лет тому назад говорили, что “Бир семья” – это тоже шедевр. Каждый год меняют направление, меняют путь творческих поисков, и вы уже об этих старых вещах не помните, и они вычеркнуты из вашей памяти. Помните ли вы, что хвалили 6 лет тому назад? Помните ли вы то, что было сказано 4–3 года тому назад? Вот сейчас вы хвалите “Амангельды” и “Ибрая Алтынсарина”, но я не знаю, насколько долго они уживутся в вашей памяти, и, быть может, через два года вы будете говорить совершенно другое.

А вот теперь упрекают авторов за то, что они не писали на современную советскую тематику. Нет, товарищи, они писали, и вы хвалили это 5–6 лет тому назад, хвалили то, о чем я говорил выше.

Почему же вы не используете эти пьесы? Может быть, они были тогда поставлены не на должной высоте, что особенно относится к пьесам современного репертуара.

Но, может быть, можно эти пьесы переработать, можно их использовать и в настоящее время. Почему мы не имеем у себя достойного накопления репертуара? Почему у нас существует такое равнодушное отношение к нашему репертуару, в результате которого писателям становится горько и обидно? Такое довольно хладнокровное отношение существует со стороны Управления по делам искусств и лично тов. Ахметова, они легко мирятся с трудностями и ненормальностями, они легко мирятся с тем, что многие пьесы уходят из нашего репертуара и не создается накопления. Такое хладнокровное отношение может легко перейти и в холодное равнодушие – никого и ничего не жаль. Тут может сложиться и бюрократическое отношение, а в области искусства это не должно иметь место, так как искусство требует страсти. Все виды искусства, начиная с песни, эстрадных номеров, скетчей и кончая оперными и драматическими произведениями, все они рассчитаны на эмоции, все идет на эмоцию советского зрителя, в народ. Здесь не может быть хладнокровия, здесь должно быть страстное отношение, с горячим сердцем должны подходить, когда вы

будете дорожить, что вами создано и сохранять его, давайте будем требовательны к себе и к другим. У нас ничего не противостоит, нет противоречащих условий, наоборот, только в слитных действиях мы будем сильны.

Советские писатели и советские драматурги делают ответственный серьезный вывод из того, что сказано партией в решениях 8 пленума и 5 съезда.

Я не буду далеко ходить за примером. Вот недавно прошло серьезное обсуждение пьесы тов. Тажибаева “Цветущая долина”. 17 человек выступили, это обсуждение превратилось в целую конференцию. Я чувствовал ответственное отношение писателей к этой пьесе, за исключением 2-3 в тех выступлениях, из которых одни стремились огульно охаять, перечеркнуть пьесу, в этом выразились отрывки прошлой недавней болезни, другие же отнеслись чрезвычайно простительно, по-приятельски. Вот, повторяю, за исключением этих 2-3 выступлений остальные выступления показывали тревогу, ответственное отношение к задачам, поставленным перед советскими драматургами, особенно за современные советские темы. В этой пьесе очень много хороших задатков, здесь изображены люди и изображены на нашей сцене, но в этой вещи очень много недостатков, надо сильно работать. Кто настоящий друг тов. Тажибаева, казахского театра драматургии, то должен сказать – работайте упорно над этой пьесой, тогда получится хорошая пьеса. В этот день выступали 4 представителя искусства. Отношение работников искусства было очень умильное, они были только в восторге, у них не было критического суждения и тревоги за драматургию, они выражали апологетику. Это характерно для отдельных работников культуры, которые должны быть требовательными, принципиально требовательными. У вас это в Управлении по делам искусств не развито. В Управлении по делам искусств мало критикуют, хотя в управлении говорят, что писателей мало критикуют, но писатели критикуют и это сказывается.

С другой стороны, в отношении писателей имеется хорошее явление, это то, что в драматургию пришло несколько писателей. Долгое время их постигала неудача. Но упорный труд приводит к положительным результатам. По-новому стали работать тт. Мусрепов, Тажибаев, Хусаинов, Баишев.

Я чувствую, что писатели стали осознавать свои пробелы и хотят идти на помощь драматургии. В этом отношении должно быть взаимное понимание.

Заканчивая свое выступление, я хочу сказать, что все-таки в этом году я хочу прийти в драмтеатр с новой пьесой — о формировании казахской советской интеллигенции из женщин. (Аплодисменты.)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ М.О. АУЭЗОВА
НА СОВЕЩАНИИ ПРИ ЦК КП
КАЗАХСТАНА ПО ВОПРОСУ ПОДГОТОВКИ
К ДЕКАДЕ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА В г. МОСКВЕ
(1958 г.)**

Я хочу высказать несколько конкретных предложений. Прямо с них и начну потому, что наше совещание хоть и многолюдное, но деловое.

Я хочу начать с отдельных пожеланий, предложений и соображений по отдельным компонентам участников этой декады. Начну с литературы, ввиду того, что это наиболее близкая отрасль к моей сфере деятельности.

Я думаю, что в этой декаде казахская литература тоже самое должна представить новые этапы развития широкого, разностороннего развития всех жанров казахской литературы. На предыдущей декаде казахская литература была представлена во второстепенном плане, ни одно произведение по-настоящему специально изданным не было вывезено в Москву, а посмотрите на декаду, которая проходит эти два тура — они привозят огромное количество переведенных на русский язык подлинных образцов литературных произведений. Туркмения сравнительно скромная республика, с меньшим количеством членов Союза писателей, привезла 60 произведений, переведенных на русский язык во всех жанрах.

Я согласен с общей постановкой, которую высказал тов. Мустафин, что наша литература должна представлять новый опыт как искусство в нашей республике. Литература во всех жанрах, в том числе из области поэзии, прозы, драматур-

гии, должна быть представлена новыми произведениями, главным образом, посвященными огромным историческим новым фактам действительности республики. Поэты должны создавать поэмы, отдельные стихи на тему о целине, о развивающейся колоссальной промышленности в нашей республике. Ничто от нас не ушло, то, что есть — при нас, это будет включено. Максимум энергии и внимания надо сосредоточить на создании новых произведений, чтобы декада была на том уровне, на каком находится политическое и экономическое состояние республики. Экономика нашей республики выдвинута на передовую линию — каждый день говорится о Казахстане. Поэтому перед поэтами в первую очередь поставлена большая, конкретная задача — выезжать на целину и создавать произведения, отличные от тех, которые писали до сих пор, т.е. бороться за создание реалистической поэзии, которая существует в передовой русской поэзии. Поэзия больше всего агитационно-пропагандистская, так и должно быть, но она недостаточно художественно эмоциональна и она должна приобретать новое качество на основании реалистического свойства передовой поэзии, реалистических традиций, а у нас часто стихотворения напоминают рифмованную статью-передовицу. Надо поэмы, стихи создавать на конкретном сегодняшнем материале высокохудожественного качества. Надо поднять уровень драматургии. Она отстала от нашего литературного творчества.

Первые наброски, которые тов. Пильчук считает предварительными — будет создана организационная комиссия, которая позаимствует из того, что доложили здесь, и примет во внимание. Что будет сделано до 1958 года, я останавливаться не буду, многие товарищи об этом говорили. За эти два с половиной года драматурги могут внести много нового в область искусства, в историческую жизнь Казахстана. Поэтому не откладывая написание романов, надо создавать драматургические произведения на современные темы из области производства.

На сегодняшний день, если бы из Москвы задали вопрос, что есть в казахском театре, в области культуры, искусства, какие смогли дать образцы художественной прозы, то можно назвать десятки романов, оставшиеся после декады 1949

года. Затем, что казахская литература может представить в Москве, могут спросить, готова ли республика приехать на декаду. Это могут спросить Министерство культуры, союзы композиторов, писателей. Я могу назвать, что с 1949 года, когда проводили декады казахской литературы, написаны – “Пробужденный край” Мусрепова, “Школа жизни” Муканова, сейчас он дорабатывает книгу высокого значения о целине. Два романа Муканова, один роман Мусрепова, затем романы молодых авторов – Нурпеисова, Сарсенбаева и других. На сегодня наши молодые товарищи, успешно выступавшие в области критики, заканчивают свои повести, как Ахтанов и др. Таким образом, на сегодня для обсуждения широкого круга писательской критической общественности могли бы представить около десятка прозаических полотен. Ни одна из республик Средней Азии не могла поехать с таким количеством произведений. В этом смысле более-менее обстоит благополучно, но мы не должны на этом успокаиваться. Мы должны обратиться к освоению тематики современности, должны стараться создавать романы. Идет 1957 год. Это великолепная дата нашей страны – 40-летие Октября, и мы должны готовиться к этой дате, мобилизуя все наши силы и возможности для того, чтобы отобразить нашу действительность.

В исторической тематике у нас какие-то достижения есть, мы должны переключиться на современную тематику. Тут не представлено ни одно произведение прозаического жанра. Это то, что относится к задачам, стоящим перед писателями. В этом отношении мы все должны сегодня отметить одно важное обстоятельство, что декада – это историческое событие. Декада, на которую мы должны приехать теперь, не может иметь никакого сравнения с теми декадами, которые имели место раньше. Поэтому мы должны очень сурово, взыскательно, разборчиво готовить то, что имеется налицо по линии искусства, а между тем, надо сказать, что ни одна вещь не могла бы поехать на декаду, ни один спектакль оперы, ни один спектакль драматического театра русского и казахского. А что касается филармонии, то она находится в бедственном положении. Та традиция, которая существует во всех республиках, во всей нашей стране, она должна быть непременно неукоснительно учтена руководителями нашей

декады и начаться декада должна теперь. Надо помнить, что мы на высоте исторического этапа будем встречаться с всесоюзной общественностью. Что это значит? Это значит, что мы теперь не можем приехать, если не готовы. Возьмите филармонию. Слава этому коллективу, что он хорошо преуспевал перед отдельными зрителями нашего Советского Союза, были в Румынии, получили лауреатство, но оркестр народных инструментов — это все-таки уровень этнографический. Это хорошо для того этапа. Сегодня на декаде он участвовать будет, но мы должны показать достижения нашего искусства, дать такие показатели, которые являются мировыми, по крайней мере общесоюзными показателями. Декада должна быть одета теперь не в одеяния с перьями на шапочке, камзолы и халаты. В отдельные моменты концерта они участвовать будут, но сейчас надо открывать декаду так, как открывают ее все республики. Она должна быть начата национальным казахским хором. Этот хор должен открывать и закрывать декаду, он должен представить произведения казахской и мировой культуры. В этом хоре мужская группа должна быть одета во фраки, смокинги. Это коренное отличие от того, как мы были представлены в 1946 году. Женщины должны быть в бальных платьях. Вся сцена должна быть заполнена этим хором. С этого хора начинается декада и этим же хором она завершается, как это делали участники декады России, Украины, Литвы, Белоруссии и другие. Этот элемент верный и яркий показатель будущей декады Казахской Республики. Пусть этот хор исполнит русские, казахские и классические вещи и необходимо сказать, что хотя много сохранилось певцов, но мы должны переходить на иной этап. Например, до сих пор в казахской и русской опере хор совместный, надо, чтобы хор в русской и казахской операх был самостоятельный.

К сожалению, не могу сказать, что казахское искусство, драматургия, опера представлены выдающимися, крупными, настоящими режиссерами, за исключением Исака Моисеевича не могу никого больше назвать. Посмотрите, как был поставлен спектакль “Укрощение строптивой” в Москве. Разве мы не могли бы подготовить этот спектакль для русского и казахского театров? Для этого нужно пригласить хормейстера для оперы и драмы. Но это исключает

ет того, чтобы наши силы затирали. Пусть они участвуют в этом, надо работать в содружестве, приобретать опыт. Если, например, приедет народный артист Завадский, то у него здесь есть ученики, сам он тесно связан с Казахстаном. Почему бы не поучиться Штейну, Айманову и другим у него? Начиная с них, мы заложили бы основу серьезной подготовки к декаде.

В отношении репертуара. Если взять Казахский драматический театр, он будет разговорный, а для московских зрителей это будет непонятный язык. Это будет неприемлемо. Поэтому для Казахского драматического театра надо идти по другому пути, а именно по пути, по которому идут другие национальные республики. Казахскому драматическому театру, чтобы его молодые силы были поставлены по-настоящему, нужно, чтобы они выгодно выступали в Москве. На непонятном для зрителей языке спектакль не прозвучит должным образом. Поэтому театру надо вести преимущественно произведения мировой и русской классики – спектакли Шекспира, Гоголя или Островского, одну оперу на современную тематику. Наши драматурги должны стараться создавать такие произведения на современную тему, которые успели бы до этого пройти на сцене Московского театра, чтобы казахская драматургия, представленная произведениями на тематику исторического фольклора, была поставлена на должной высоте. Это было бы благородной задачей.

Русский драматический театр при наличии МХАТа, Малого театра и многих других не удивит никого в Москве и зрителя не привлечет казахский репертуар. Почему мы сейчас должны говорить только о вещах, которые созданы 6–7 лет тому назад? Может быть, современные вещи будут поставлены на такой высоте, что мы их повезем. Поэтому некоторые сообщения т. Пильчука я воспринимаю условно. Русский драматический театр я бы перевел на постановку казахских произведений, казахский театр – на мировой классический репертуар. Самое главное сейчас заключается в том, чтобы мы говорили неллицеприятную товарищескую критику о наших недостатках. Наше искусство – опера, драматургия, филармония – находится в печальном положении, оно стоит на месте, а что не идет вперед, то идет назад.

Это случается с отдельными ведущими актерами драмы, с ведущими артистами оперы, писателями. Я бы, например, сказал нашим артистам оперы, что это не наша вина, а ваша печальная судьба, что вы пришли на оперную сцену недоучившись, поэтому вы должны напряженно работать. Поэтому вам надо сейчас за это время, не исключая никого из вокалистов, учиться, потому что вы будете представлять уровень вокального искусства в Казахстане на концертах. Концерты для вас будут самым большим испытанием. На концертах вы должны в три минуты удержать внимание московского зрителя на своем исполнении, художественном исполнении арий из “Пиковой дамы”, из “Евгения Онегина” и т.д.

Это будет ваше искусство, большой показатель роста и развития нашей культуры. В этом отношении можно представить Серкебаева в исполнении Фигаро. Каждый из вас к такому выступлению должен быть готов. Ведь выступление народного артиста или народной артистки – это три минуты, и эти три минуты должны выдержать зрителей на высоком напряжении. Вокальное искусство, как вы знаете, в этом отношении нуждается, чтобы его подтянули. Для этого надо пригласить лучших профессоров и на это надо включить средства в бюджет. Надо их хорошо устроить. Вот с этого надо начинать выполнение задачи, которая стоит перед декадой. Наши художественные силы должны быть пополнены и организационно укреплены, административное руководство должно быть хорошо продумано и пополнено.

О кино я не говорю. Декада литературы и искусства в Москве должна сопровождаться и демонстрироваться нашими лучшими кинофильмами. К этому времени нужно создать художественные фильмы. Показать Казахстан, целину в цветных красках в документальных фильмах. Для этого нужно пригласить мастеров документальных фильмов, и нужно создать такие картины, чтобы кино шло на всех экранах Москвы. Кино в этой декаде должно участвовать как одно из самых сильных, глубоких компонентов в казахской литературе и искусстве.

Надо объединить все руководство по подготовке к декаде в одно целое, в единый мыслящий, действующий руководящий орган. Этим органом должна быть организационная

комиссия и в данном случае ее должно возглавлять одно из самых решающих лиц из Совета Министров или Центрального Комитета партии. Мы должны дискуссировать о наших нуждах 1,5–2 месяца и за это время должны сказать решающее слово – с чем мы будем выступать.

Решение о проведении казахской декады мы рассматриваем как большой исторический шаг, и сегодня своевременно поставлен этот вопрос, пусть замедленно, но мы должны дать такое искусство, чтобы тот Казахстан, который сейчас звучит во всем Советском Союзе на передовой линии очень высоко, своими сельскохозяйственными достижениями в области промышленности, науки и т.д., чтобы он был на том же уровне представлен и в искусстве, чтобы мы достойным образом поддержали бы героические достижения нашего советского народа. То великое, что значит на знамени партии и правительства, мы должны держать достойно на таком высоком уровне, на каком еще среднеазиатские республики не были представлены. У нас есть такие элементы литературы и искусства, которые обещают очень много и которые звучат перед советским зрителем довольно полновесно. Надо ориентироваться по таким нашим достижениям.

Пікірлер

**ОТЗЫВ НА КНИГУ С.К. КЕНЕСБАЕВА
“Устойчивые сочетания слов казахского
языка (парные слова, идиомы и фразы)”,
представленную в качестве диссертации
на соискание ученой степени доктора
филологических наук
(1944 г.)**

Настоящий труд С.К. Кенесбаева представляет собой результат долголетних, систематических и, главное, методологически верных изысканий автора в области изучения незатронутых пластов и связанных с ними научно-теоретических проблем казахского языка. Мы говорим “пластов” с полным осознанием и подчеркиванием всего смысла и объема данного понятия. Вопрос о категории парных слов, идиом и фраз в казахском языке, да и не только в казахском, а в ряде и других тюркских языков не изучен и не затронут другими языковедами до С.К. Кенесбаева. А книга С.К. Кенесбаева своей оригинально новой, научно плодотворной постановкой вопроса, своими глубоко верными, точными предпосылками и обоснованными на правильных определениях анализа — выводами, доказывает с предельной убедительностью, насколько велико место и значение данной категории языкового мышления для всей лексико-фразеологической природы казахского языка, его первоначальной стадии зарождения, в его истории становления и его современном состоянии с постепенным формированием литературного языка. Нельзя не отметить также с огромным удовлетворением и того факта, что значение научных изысканий С.К. Кенесбаева в данной области не ограничивается пределами казахского языка, а наоборот, охватывает попутно те

же проблемы, освещает те же пути научного изучения аналогичных категорий, фактов и на почве родственных казахскому: киргизского, узбекского, татарского, ойротского и вообще целой группы языков тюркоязычной системы.

Исзуемая в настоящем труде С.К. Кенесбаева языковая категория столь же обычна и типична в пределах каждого из перечисленных нами языков, как типична и многозначительна в обогащении запасов и выразительных возможностей казахского языка. А состояние изученности этой важнейшей проблемы в киргизском, каракалпакском, узбекском языках и даже во всей системе тюркских языков до настоящего исследования С.К. Кенесбаева находилось в лучшем случае в самой зачаточной стадии или таковое исследование вовсе отсутствовало. Таким образом, опыты систематизации, анализа, постановки проблемы и отдельных законченных обоснованных выводов, сделанных автором в настоящем капитальном труде, имеют одинаково важное, научно актуальное значение и для других родственных языков. Широко применяемый С.К. Кенесбаевым метод сравнительного изучения парных слов или их компонентов на почве казахского, киргизского и отчасти узбекского, татарского, ойротского языков уже включает в значительной степени проблему научного изучения особенностей тюркских языков. И в этом смысле труд С.К. Кенесбаева является капитальным, высокоценным вкладом в тюркологию. Не менее важным в научном отношении методологически последовательным стержнем настоящего труда выступает принцип историзма, легшего в основу анализа, осмысления каждого изучаемого факта. Автор мыслит как диалектик, как историк, исходящий из основ учений классиков марксизма, и определения, обоснования его исторических корней, причинной обусловленности тех или иных языковых образований, сочетаний с моментами общественно-экономического, идейно-исторического порядка справедливы по сути, убедительны по доказательствам. Исторические объяснения возникновения отдельных слов и отдельных идиоматических, фразеологических образований на почве казахского языка через многовековое взаимопроникновение и взаимосвязи казахского языка с языками монгольской системы, и отчасти, с персидским и арабским языками по-настоящему раз-

вернуто и конкретно, убедительно обоснованы в настоящем труде С.К. Кенесбаева.

Избрав как объект своего изучения категорию парных слов, идиом, фраз в казахском языке, выделив их со всеми особенностями и исключительно оригинальной структурой, подчеркнув их обилие и особую роль в составе казахского и родственных ему языков, автор тем самым раскрывает глубоко специфическую, принципиально новую вообще для своего языковедения особенность этих языков. И с этой стороны труд С.К. Кенесбаева открывает широкую перспективу для последующего разностороннего научно-теоретического и практического изучения этих особенностей казахского языка самих по себе, и также для изучения связанных с ними попутно проблем смежных рядов в филологии и проблем эволюции, формирования литературного языка.

Настоящее исследование автора почти в одинаковой мере столь же лингвистическое, сколько литературоведческое. И парные слова всех видов, и идиомы, и фразы, охваченные данным исследованием, кроме их служебного, практически понятного значения, еще составляют и исключительно специфические, в огромном своем составе, почти не передаваемые в буквальном обозначении на ином языке, изобразительно-выразительные средства казахской поэтической лексики. Обратиться ли к казахскому фольклору раннему или творчеству акынов современности, или же обратиться к казахской классической и современной художественной литературе, современному литературному языку в области журналистики, историографии, социально-экономических наук, везде без исключения мы встретим обильное наличие этих категорий, употребляемых как художественно-поэтические средства усиления, обогащения изобразительно-стилевых качеств всех произведений. Трудно определить их количество во всем лексическом запасе казахской поэзии, но процент их наличия несомненно очень велик. Начатый в настоящем труде С.К. Кенесбаева опыт составления словаря различных групп этой категории настолько многоценен и актуален по своему значению, что только остается пожелать еще дальнейшего продолже-

ния, расширения словаря до максимально широкого охвата большинства фактов этого характера.

Имея в виду художественно-изобразительные значения парных слов, С.К. Кенесбаев научно точно определил и абсолютно убедительно объяснил также законы образования парных слов. Не только как лингвист, но и как теоретик в области изучения поэтики. Он объяснил природу парных слов на основе законов рифмы, ритмики, звуковых повторов (аллитерации, ассонансов) и на основе специфических для силлабического стиха разносложных компонентов парных слов. За немногими исключениями верно и точно определены так же и закономерности в нарушениях принципа разносложности в компонентах. Многие страницы и главы настоящего труда С.К. Кенесбаева несомненно должны войти в теорию литературы и дополнить собой еще не восполненные в литературоведении пробелы казахской поэтики.

Примеры, иллюстрирующие высказанные нами положения, можно привести из любого раздела книги. Но особый интерес представляет как для языковедения, так и для литературоведения нахождение и раскрытие смысла отдельных компонентов парных слов, до сих пор не расшифрованных, не осмысленных до конца в казахском словоупотреблении. К ряду этих последних примеров можно отнести слова: “абыр” (из парных слов “абыр-сабыр”), “ажын” (из парных слов “абысын-ажын”), “бұлан” (из парных слов “бұлан-талан”), “жасқау” (из парных слов “жамау-жасқау”), так же и “абырой”, “түлік”, “ажа” и т.д. А примеры рифмирующихся парных слов “көйлек-көншек”, “жамау-жасқау” или примеры ассонанирующих или аллитерирующих парных слов с двухсложной или реже с односложной основой каждого компонента объяснены, раскрыты многопланно изобретательно. Верно объяснены и законы образования неравносложных компонентов парных слов, основанных на звуковой гармонии, звуковых повторах начала каждого компонента “тай-тулақ”, “жөн-жосық” и т.д. Только серьезным пожеланием к автору в этом разделе его книги можно было бы высказать необходимость дополнения его данных еще примерами новообразований в казахском современном литературном языке. Было бы весьма полезным и важным, если бы автор на основе своего анализа глубочайших осо-

бенностей казахского языка попытался бы установить закономерности и в этом отношении, и, не оставив в одиночестве пример нового словоупотребления “каулы-қарар”, еще добавил бы и такие новые парные слова, как “жоба-жоспар”, “бұйрық-жарлық”, “үгіт-насихат”, “бау-бакша”, “тәлім-тәрбие”, “заң-зақун”, “қат-қабар”, “сау-саламат”, “хал-ахуал” и т.д. И не лишне, а даже полезно было бы при терминологических поисках с целью обогащения казахской лексики указать, рекомендовать органический и легко усвояемый для массового употребления путь словообразований, словосочетаний по примеру столь распространенных в языке слов, идиом и устойчивых фраз.

Исключительный интерес представляет и детальный анализ ряда числительных, как “жеті, үш, тоғыз, қырық”, связанных с особыми понятиями народа, способствующих образованию огромного ряда устойчивых фраз, и в своих истоках, в более раннем употреблении отражающих мифические представления, верования народа.

Поставленную перед собой задачу в отношении казахской фразеологии, задачу — охватить изучением по возможности пошире употребляемые в устной речи в настоящей стадии развития языка словосочетания и обороты — автор выполнил в значительной степени с огромным старанием, с тонкой проницательностью и обнаружил в своем объемистом труде солидное знание множества деталей и весьма сложных особенностей казахской речи.

Но одновременно с признанием этих высоких качеств настоящего труда С.К. Кенесбаева считаем необходимым указать на ряд недочетов, неточностей и вытекающих отсюда нежелательных для такого капитального научного исследования погрешностей. К ним, в первую очередь, относятся неправильные употребления и отсюда неверные толкования отдельных компонентов в парных словах и ряда слов в идиоматических выражениях и в устойчивых фразах. У автора сказано (стр. 25) “қанаттыға қактырмай, тұмсыктыға шұқытпау”. Здесь слово “шоқытпау” заменено неподходящим данному случаю “шұқытпау”. По-нашему, так же неправильно утверждение автора о том, что слово “әбүйір” в сочетании “әбүйірі ашылды” не употребляется (стр. 27). Такого же характера ошибки встречаются (стр. 35) в отноше-

нии компонента парного слова “санда”, в отношении слова “жалбарынып” (стр. 116) и в ряде моментов идеоматических выражений, построенных на слове “жүрек”.

Неправильно, неточно употреблена фраза “ол әкесіне сойып қаптағандай”, вернее было бы сказать – “ол сойып қаптағандай әкесі” (стр. 263). А на странице 266 слово “сүрен” истолковано автором как “байбалам салу”. Это неверно. “Сүрен” употребляется в парном слове “ұран-сүрен”, где “ұран” – родовой клич, а “сүрен” – боевые возгласы схваток и битв, как, например, “қапта-қапта”, “қайт-қайт”, “қыр, жой” и т.д. Парное слово “табан серппестен” (стр. 269), по-нашему, употреблено неправильно. Вернее, распространенное сочетание “тұяқ серппестен”. Но оговариваем, если все же есть такое парное слово, то необходимо автору указывать при всех подобных спорных случаях районы употребления их.

Из лингвистических терминов, принятых или создаваемых автором, неудачным, противоречащим смыслу самого термина считаем название “жалаң қос сөз”. Слово “жалаң” выражает понятие единичности и им обозначать какой-то вид парного слова по-нашему нелогично. Вообще, касаясь терминов, используемых автором в настоящем исследовании, нужно подчеркнуть со всей требовательностью нежелательность чересчур обильного употребления научных обозначений понятий из лексических запасов русского и западноевропейских языков. Слова, которыми пестрят первые страницы книги, как, например: оборот, категория, фраза, инфинитив, фразеология, форма, семантика, фактылар, критериін, компонент, принципте, эффектідей (стр. 7). Или же относительді (8), параллельді, буын составы, семьяда, правосыз и т.д. в огромном большинстве могли быть заменены равноценными словами из запасов самого казахского языка. Иначе при бесконтрольном употреблении неосвоенных, малоупотребительных и вполне заменимых слов получается досадная небрежность, необычная пестрота стиля изложения. Примером подобного порядка может послужить следующий абзац из 122 стр. книги С.К. Кенесбаева: “басқаша айтқанда, идиом ішіндегі компоненттер өзінің лексикалық формасы мен мағынасын жоғалтады да, грамматикалық формасын сақтайды; бұлар

(компоненттер) — негізгі бір кесек күрделі лексикалық единицаның грамматикалық элементтері (мүшелері) болып есептеледі”...

Писать исследование о казахском языке на таком мало-внятном языке и тем более писать такому знатоку казахского языка с его богатым словарем, с его хорошим красноречивым изложением материала в других случаях — нежелательно, неверно. Так же считаем неправильным объяснение смысла отдельных казахских или киргизских слов по-русски (стр. 75). “Тай еже, тай ене” — сестра матери, бабушка по матери. А вообще касаясь включения русского текста, переводящего, объясняющего парные слова, идиомы или устойчивые фразы — надо сказать, что это есть попытка, во многих случаях заранее обреченная на неудачу, несмотря даже на хорошее знание русского языка С.К. Кенесбаевым. Объясняется это тем, что вся эта категория языка, исследуемая в данном труде, составляет ту специфическую особенность языка, которая ни семантикой своей, ни дополнительными ассоциациями, вызываемыми ими, не передаваемы на ином языке в адекватном выражении. Поэтому русский перевод в книге должен быть сведен до минимума.

Говоря вообще, надо сказать, что все немногие подобные шероховатости, недостатки изложения должны быть устранены автором до первого издания его книги.

С исправлением указанных здесь неточностей, шероховатостей настоящий труд приобретает от начала до конца, во многих деталях строгую тщательность, подобающую ее глубоко научному, высокоценному содержанию стройность и убедительность.

Но, подчеркиваем, что все указанные здесь недочеты книги не умаляют ее основного, огромного научно-теоретического, самостоятельного, оригинального значения, неопределимо полезного для всей тюркологии и для общего языкознания.

На основании этих данных считаю автора данного капитального труда С.К. Кенесбаева безусловно достойным присвоения ему ученой степени доктора филологических наук.

**ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
тов. ГАБДИРОВА И.Х. НА ТЕМУ
“ГОРЬКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ
КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ”
(1946 г.)**

Диссертационная работа тов. Габдирова И.Х.¹ состоит из общего введения, из пяти глав исследования и заключения. Во введении и в первых двух главах, представляющих собою частью историко-справочный и частично теоретически обобщающий обзор, даны предпосылки всего дальнейшего конкретно-сравнительного исследования.

А в главах III, IV, V и также в заключении, составляющих в целом 132 страницы, т.е. более чем четыре пятых всего труда диссертанта, разработаны основные проблемы, собственно исследовательские вопросы в полном соответствии с темой и задачами настоящей работы.

При общей характеристике данного труда в целом, следует сказать, что она состоит из двух основных, весьма серьезных по своему значению элементов. Первый из них составляет анализ творческого наследия А.М. Горького, под определенным углом зрения, конкретно со стороны влияния его на развитие советской литературы, а второй представляет собой первую серьезную, самостоятельную попытку на почве истории казахской литературы научно-критически осмыслить, определить степень усвоения горьковских идейно-художественных традиций молодой казахской советской литературой в пределах хотя бы одного жанра, а именно художественной прозы.

В постепенном развитии и становлении литературоведческой науки в Казахстане особо благодарную, важную по своему идейно-воспитательному значению и при том сложную и ответственную проблему составляет серьезная, научная разработка вопросов, освещающих пути и этапы развития казахской советской литературы. Диссертационная работа, ставящая перед собой эти задачи, в случае достижения ею положительных результатов, станет трудом полезным, актуальным и ожидаемым нашей общественностью, явлением социалистической культуры Советского Казахстана. А исходить при исследовании и анализе литературного процесса у нас из определения роли и влияния творчества великого пролетарского писателя Горького на этот процесс означает, что данная работа несет в себе двоякое важное назначение. Во-первых, изучение Горького в связи с развитием национальной советской литературы дополняет, обогащает общую советскую науку о Горьком. Во-вторых, проверка степени зрелости данной литературы, ее кадров, степени овладения литературной культурой на данной почве в исторической преемственной связи через наследие Горького ставит не только задачу осмысления прошлого, но и проливает свет наперед, в известной мере предрекает русла, по которым возможно и должно идти дальнейшее развитие, процветание казахской советской литературы.

Такого рода значительные цели и задачи ставит перед собой данная работа тов. Габдирова.

Два составных элемента в диссертации, указанные нами выше, не рассматриваются т. Габдировым разобщенно, а освещены в органической, достаточно мотивированной внутренней связи. И это является безусловно положительным фактом в работе. Благодаря этому свойству книга в целом получила логически убедительную стройность. Мысли и исследования автора, посвященные наследию Горького, не ограничиваются вводными главами, особо освещающими вопросы о роли и значении Горького в составе пролетарской советской литературы, в творческой разработке принципов и метода социалистического реализма; они пронизывают всю работу от начала до конца, и благодаря этому мы имеем возможность проследить на конкретных фактах

рассказов, повестей и романов казахских писателей степень отражения горьковского влияния, горьковских традиций на литературном процессе целого десятилетия, а в иных случаях и двух десятилетий развития казахской прозы.

Другое дело, конечно, вопрос о том, насколько удачны в отдельных случаях отбираемые диссертантом образцы из казахской литературы и насколько они отвечают вопросу о горьковских традициях. Есть, на наш взгляд, встречающиеся в данной работе спорные и неправильные сопоставления. О них будет сказано ниже. А пока, при общей оценке положительных качеств диссертации в целом, необходимо признать, что и со стороны теоретических положений, предпосылок и также со стороны конкретного приложения, применения этих положений в отношении отдельных произведений тов. Габдиров развивает последовательную и продуктивно правильную линию исследования.

Другим существенно ценным качеством диссертации является умелое и достаточно широкое обращение автора к трудам классиков марксизма-ленинизма. Мысли Ленина о партийности литературы, о роли Горького в пролетарском искусстве, высказывания тов. Сталина, Жданова о социалистическом реализме, о национальной форме, о задачах советского искусства и также многократные теоретические высказывания А.М. Горького о методе социалистического реализма, об особенностях романтизма в искусстве социалистического реализма использованы тов. Габдировым в большинстве случаев в достаточно убедительной органической связи с его общими или частными высказываниями, оценками конкретных явлений.

При этом с удовлетворением отмечаем следующие явные достоинства, как серьезные положительные качества диссертации. Это, во-первых: обнаруживаемое тов. Габдировым разностороннее и подробное знание многих сторон наследия Горького за его долгий и продуктивный творческий путь. Во-вторых: подлинно исследовательская попытка самостоятельно проанализировать степень усвоения горьковских традиций на почве казахской советской прозы. В-третьих: достаточно широкий охват и тщательное изучение количественно богатого и разнообразного по жанрам

материала из творческой продукции казахских писателей. В-четвертых: достаточно умелая постановка задач и проблем глубокого освоения горьковских традиций перед отдельными писателями, принципиально критическая требовательность, объективно справедливый анализ недостатков в творчестве этих писателей. В-пятых: умение литературно-выразительно излагать (письменно) свои исследовательские, критические мысли не только по-казахски, но и по-русски, что свидетельствует о приобретенных прочных знаниях и о выработанных навыках диссертанта вести научно-исследовательскую работу на русском языке.

Наряду с этими положительными качествами работа т. Габдирова страдает и отдельными ошибочными положениями, недостатками.

В своих общих высказываниях о творчестве Горького в начальной стадии его писательской деятельности (на 22 стр.) диссертант пишет “чем объяснить, что Горький прибегал к образам народных сказок, легенд? Это объясняется тем, что рабочее движение в то время находилось в зачаточном состоянии”. Это положение неверно, если вспомнить о том, что начальный период творчества Горького приходится на девяностые годы, а в эту пору освободительное движение в России вступило в третий этап – пролетарский этап, начало которого Ленин датирует 1895 годом. Касаюсь отбора и анализа образцов казахской прозы, исследуемых в диссертации, нельзя не отметить как недостаток некоторую случайность сопоставлений автора отдельных мест из произведений казахских писателей с текстом горьковских произведений.

Оторванные от сюжета идеи, а главное, от метода построения горьковских произведений сопоставления и поиски аналогий, по чисто внешним и общим для любого прозаического произведения обычным приемам, признакам, местами приводят автора к крайним утверждениям, необоснованным выводам.

Нет в диссертации также строгого разграничения понятий метода и темы. Ведь могут быть у двух авторов сходные или даже совпадающие темы, а методы творческой разработки их принципиально идейно различные. Примеры:

“Заступничество матери” у Мусрепова и “Мать” Горького, “Мои мектебы” Муқанова и “Мои университеты” Горького. Надо было особо отметить то, какую существенную роль в творчестве Горького играет мотив материнства, какое почетное отличие горьковской традиции, когда эта тема материнства у него выступает в органической связи с мотивацией революционного гуманизма, гуманизма борьбы.

Помимо этого надо было автору помнить о том постепенном наполнении пролетарским содержанием творчества Горького, когда начальному периоду был свойственен стихийный романтизм, позже в повести “Мать” или в произведениях последнего этапа, как “Мои университеты”, “Дело Артамоновых” и “Клим Самгин”, перерастающий в революционный романтизм.

Исходя из определения Жданова “быть инженерами человеческих душ — это значит активно бороться за культуру языка, за качество произведений”, надо было подчеркивать диссертанту мысль о том, что только в высокохудожественных по форме произведениях могут быть достойно отражены величие и красота людей социалистического общества. В этом смысле из горьковской писательской культуры, из его художественных традиций необходимо было особо выделить задачу сопоставлений и анализа языковых, стилистических особенностей творчества Горького в сравнении с продукцией казахских писателей. Горький — мастер афоризма, у него люди — мыслители, люди оригинальной образной речи. Находит ли свое отражение в казахской прозе эта его выдающаяся особенность? Желательно было бы иметь ответ в диссертации и на этот вопрос, особенно тогда, когда автор находит некоторые элементы горьковских традиций в конкретных казахских произведениях.

В выяснении тех же вопросов горьковских традиций, влияний на казахскую советскую литературу за многие годы ее становления, по-нашему, следует помнить не только о Горьком-прозаике, но и о драматурге. Желательно было бы, чтобы в дальнейшей разработке настоящей своей темы тов. Габдиров обратил свое внимание и на эту существенную проблему в изучении горьковских традиций в казахской советской литературе.

Указывая на перечисленные отдельные недочеты в работе тов. Габдирова, одновременно с этим я подчеркиваю особую значимость и ценность настоящего труда в целом, а недостатки считаю поправимыми и на основании всего сказанного ходатайствую перед ученым советом Каз. гос. университета присвоить т. Габдирову искомую степень кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ О НАУЧНЫХ ТРУДАХ ТОВАРИЩА ШАЛАБАЕВА Б.

Из трудов тов. Шалабаева Бельгийская мне известны два вида. Один из них составляют научно-исследовательские, учебно-педагогические труды, а к другому виду относятся его самостоятельно творческие литературно-художественные произведения.

Как исследователь в области истории казахской литературы, тов. Шалабаев дал ряд ценных, обоснованно-научных очерков и монографий о творчестве казахского поэта Султанмахмута Торайгырова. Его исследования по казахскому фольклору (размером около 15 печ. листов) являются ценным вкладом в число вузовских пособий. Участвуя в составлении объемистой научной хрестоматии для вузов, он дал очерки по истории казахской литературы по разделам фольклора, начального периода письменной литературы и литературы XIX столетия.

Особо исключительную ценность имеют его научно-популяризаторские статьи, очерки о творчестве Белинского, Горького и др. Им же переведены на казахский язык критические статьи Белинского “Сочинения Пушкина”, “Разделение поэзии на роды и виды” и ряд статей М. Горького о литературе. Тов. Шалабаев занимается не только разработкой проблем истории казахской литературы. Исследуя формы и стилевые особенности отдельных видов казахской поэзии, он также принимает деятельное участие в разработке вопросов теории литературы (например, его статья “О романе”), в намечении путей и принципов создания научной истории казахской литературы. Много статей его

конкретно-исследовательского, аналитического характера посвящены творчеству классика казахской литературы Абая Кунанбаева и творчеству ряда современных поэтов и писателей Казахстана.

Статьи и исследования молодого казахского ученого тов. Шалабаева обнаруживают следы вдумчивой, углубленно-научной, самостоятельной работы над большими проблемами создания и развития науки о казахской литературе, литературе, малоисследованной до сих пор.

Вооруженный систематизированным, солидным знанием марксистско-ленинского метода изучения литературы, как воспитанник передовых вузов (Пединститут и аспирантура Ленинградского университета), тов. Шалабаев уже вступил в путь зрелой, самостоятельно исследовательской, научной деятельности. Наиболее полным и солидным подтверждением этого положения является его последняя работа – диссертационный труд “Наследие творчества Торайгырова в истории казахского романа”. В этом своем исследовании тов. Шалабаева ставит и решает ряд кардинальных, научно-исторических проблем, связанных с определением роли и значения всего творческого наследия классика казахской литературы Торайгырова. Как один из первых серьезных исследователей жизни и творчества и эпохи поэта, тов. Шалабаев дает действительно верную, обоснованную в идейно-теоретическом смысле оценку эволюции, достижений и плодотворного влияния наследия Торайгырова на исторические пути развития казахской литературы накануне Октября и в дореволюционном периоде, хотя непосредственной темой данного исследования тов. Шалабаева является круг вопросов о первоначальной художественной прозе, об истоках ее и о романах Султанмахмута Торайгырова диссертант справедливо, разумно останавливается и на особом характере поэтического творчества Торайгырова. Поэт ярко выраженной творческой индивидуальности, обособленного пути демократического просветительства, идейно высоких порывов социальной лирики, Торайгыров еще в ранних своих стихах частично предвосхитил главенствующие общественные мотивы и тематикой, и сюжетно-идейной канвой своих романов.

Исследование тов. Шалабаева, начинающееся с особенностей поэтического наследия Торайгырова в переходе к прозе, к романам его, убедительно и продуктивно для изучения казахской литературы, вскрывает внутреннюю закономерность зарождения самой темы романов, вскрывает закономерность своеобразного построения, отличительных свойств обрисовки образов, выбора конфликтов, коллизий в романах исследуемого автора.

Анализ творчества предшественников и современников Торайгырова казахских прозаиков Испандиара Кубеева, Салима Кашимова с т.з. внешнего сходства, единообразия тематики, фабулы (вопросы эмансипации казахской женщины), одновременным установлением огромной разницы, контрастов, отличительных высоких качеств идейно-художественного порядка в романах Торайгырова дает безусловно верное и широкое представление о литературной эпохе и о непосредственном литературном окружении Торайгырова. Всесторонний критический разбор и историческая оценка, данные романам Торайгырова “Красавица Хамар” и “Кто виноват”, убедительно вскрывают художественную сущность этих произведений со стороны присущих для той поры и для творчества самого Торайгырова особенностей.

Верные определения, данные тов. Шалабаевым по поводу особой обрисовки персонажей приемами тонкого психологизма, ставят актуально заново проблему изучения казахского романа с т.з. эволюции формы и стиля его и также верно, точно устанавливают огромное значение художественных поисков Торайгырова в создании жанра романа на почве казахской письменной литературы начала XX столетия.

Правильно поняты и убедительно освещены диссертантом также проблемы преемственной связи прозы Торайгырова с предшествующими периодами казахской литературы: устной и классической, письменной. Народные истоки казахского романа, выливающиеся в формы изустных новелл, исторических хроник, легенд с их особыми приемами сюжетосложения, стилистических красок, справедливо вошли в круг исследования тов. Шалабаева как значительный

фактор, преемственно повлиявший на стиль и сущность художественной прозы последующих этапов. Та же мысль о преемственной связи и об установлении литературных традиций проходит также и в частичном сравнительном анализе ранних образцов татарской художественной прозы.

Серьезный, самостоятельный научный труд т. Шалабаева в настоящем своем виде имеет, однако, некоторые пробелы, а местами и спорные утверждения. Досадным пробелом настоящей работы я считаю отсутствие анализа словесно-стилистических, образно-поэтических средств выразительности в творчестве Торайгырова как в поэтическом, так и в художественно-прозаическом творчестве его. Обособленно творческий и индивидуально яркий облик поэта важно было бы выявить не только по линии идейно-сюжетных особенностей, но и по линии особых новых форм словесного стиля его творчества. К спорным моментам относятся высказанные диссертантом положения о любовной тематике в творчестве некоторых предшественников Торайгырова. Утверждение о том, что тема любви взята в некоторых повестях, например в “Мунды Мариям”, в качестве отхода от актуальных проблем общественной борьбы, выглядит схематичным, поверхностным суждением. Так же спорно и другое положение тов. Шалабаева, определяющее Султанмахмута Торайгырова сентименталистом демократического направления. Правда, здесь речь касается не сути определенных тов. Шалабаевым, а заключается в неточном употреблении термина “сентименталист”. Поэт-общественник с ярко выраженными общественными устремлениями, как сборник широкого просвещения, социального преобразования жизни своего народа, поэт огромного волевого напора и гневной обличительной силы, с особой мускулатурой всего стиля его творчества, Торайгыров никак не сходен и несовместим с обычными представлениями о сентиментальных поэтах, писателях в прошлой истории многих народов. Определение сентименталистом целесообразнее, вернее было бы заменить с соответствующим научным обоснованием – жизненной романтикой в творческой природе поэта. Наряду с указанием на эти отдельные спорные моменты исследования тов. Шалабаева, считаю данный его труд цен-

ным вкладом в историко-литературную науку о казахском классике Торайгырове.

Считаю, что и количеством объемом, и качеством своих научных трудов тов. Шалабаев вполне заслуживает присвоения ему ученой степени кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ
О КНИГЕ тов. БЕГАЛИНА С. НА ТЕМУ
“МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ДЖАМБУЛА”
(Первоначальный вариант книги тов. Бегалина С.¹)

Материалы к биографии Джамбула, рецензированные мною в первом моем отзыве, подверглись автором огромной, тщательной переработке. Согласно замечаниям и указаниям, сделанным мною в качестве не только рецензента, но и в качестве редактора в последующей стадии работы, автор, прежде всего, сделал большие сокращения обильного сырого материала, собранного им первоначально. Одновременно автор проделал огромную работу в историко-социальном осмыслении многих существ. фактов из жизни акына. Им восполнены существовавшие раньше пробелы в идейно-политической трактовке, художественно-историческом правильном освещении значения связи творчества Джамбула с его предшественниками, с эпохой. Верно определены направление и психология творчества Джамбула в годы его юности и в зрелую пору. Сделанные автором существенные добавления в отношении Катагана, Суюмбая, Кулмамбета, Сыдыка, Шоже, Балуан Шолака и др. и так же убедительное раскрытие смысла и значения многих иных интересных встреч Джамбула, его импровизацию, состязания, особенно его состязание с Шашубаем, на много и значительно подняли идейно-политический уровень книги. Оставаясь книгой живых воспоминаний, интересных, занимательных и красочных зарисовок из жизни великого акына, в дополнение ко всем прежде (в первом отзыве) перечисленным мною достоинствам сейчас, в настоящем виде, книга тов. Бегалина стала одним из самых ценных и необходимых трудов для

опубликования ее в пользу исследователей жизни и литературного творчества Джамбула, так же и для широкого круга читателей.

Считаю необходимым добавить, что настоящий труд тов. Бегалина в этой последней редакции должен быть переведен и срочно издан параллельно с казахской редакцией также и на русском языке.

“ЖАМБЫЛДЫҢ ӨМІРІ” АТТЫ ӘБДІЛДА ТӘЖІБАЕВ КІТАПШАСЫ ТУРАЛЫ ПІКІР (1946 ж.)

Жамбылдың өмірбаяны бұл күнге шейін жазылмаған тың тақырып. Әрі ұзақ өмір, әрі көп заманды кешіп, көп өзгерістерге кездескен және ақырғы шағында социализм дәуірінің ақыны боп қайта туғандай, жаңа жастық тапқандай, тыңайып жасарған өмір оп-оңай зерттеліп, жазыла алмайды. Әсіресе бұрынғы шақтары хатқа түспей, із-тозсыз болғандықтан, ол кезеңдер туралы әр айтушы әртүрлі шалашарпы әңгімелер айтып, шын менен көмескінің арасын араластырып жіберген. Осы күнге шейін жазылған біренсаран материалдарда қайшылық та, дәл еместік шалағайлық та көп болғаны содан.

Енді, соңғы кезде Жамбыл өмірін көп зерттеп, дәл деректерді мол жиған Сапарғали Бегалин материалдарынан соң бұрынғы шала мағлұматтардың көбінің үстірт айтылып жүргені анықталып отыр. Әбділда мына соңғы қысқаша өмірбаянды көбінше сол ең соңғы деректерге сүйеніп жазған. Ол деректер ақынның өміріндегі бұрынғы кездері мен соңғы шақтарының бәрінен де кең, толық мәліметтер беретін. Сондықтан Әбділда жазған кішкене кітапшада көп жаңалық және шындыққа жақын дәлдік, қонымдылық бар. Бұрынғы жазылып жүрген мәліметтердегі ақынның жас шағын ертегілік аңызға айналдырып әкететін жасандылық бұл кітапта жоқ. Бұндағы Жамбыл қазақ өмірінің тарихи шындығынан, анық айқын болмысынан, қоғамдық даму нәтижесінен туған нағыз халықтың бел баласы. Түсінікті тұлғасы, өмір соқпағы бар толық тұлғалы халық ұлы.

Кітапша Жамбыл өмірін оқушыға қызық әңгіме етіп береді. Жеңіл оқылатын, оңай ұғылатын көпшілік қолды

кітап болып шыққан. Соның бәрімен қатар көңілге қонымды дәлелдер, мағлұматтар, қуәліктер арқылы Сталин дәуірінің ұлы жыршысы болған халық ақынының таптық мүддесі, ірі отаншылдығы, ұлы азаматтығы да, зор адамгершілігі де дұрыс, дәл ашылған.

Кітапшаның алғашқы жазылған қалпына айтқан бірнеше ұсақ сындармен қатар, үш түрлі күрделірек пікірлеріміз бар еді. Оның **біріншісі**: кітаптың басында келтірілген жүз жыл бұрынғы ірі адамдар жайында толық мағлұматтар керексіз дегенбіз. Келтірген күнде де жалғыз Шевченко жайы болмаса, одан басқалары Жамбылға жанаспайтын жандар, сондықтан сол бөлімшені, қазақ оқушысының көпшілігіне түсініксіз болатын бөлімшені алып тастау керек дегенбіз. **Екінші** – кітапшаның орта тұсында Жамбыл орташа қара шаруаның өкілі деп бірталай таратып айтқан пікірлер бар-ды, сол керексіз және даулы пікір дегенбіз. **Үшінші** – кітапшаның соңғы жағы (1936 жылдан соңғы ақын өмірін айтқан жағы) автордың естегісі ретінде әңгімеленген. Ол алғашқы бөлімдерден стиль жағынан өзгеше боп кетеді. Және өмірбаян мен естегі екі бөлек нәрсе, мынадай объективтілікпен әңгімеленіп келе жатқан кітапшаға ондайлық субъективтік ағым кіргізу ұнамайды. Кітаптың кестесін өзгертіп, шырқын бұзады дегенбіз.

Автор Әбділда жолдас бұл айтылған сындар бойынша кітапшасына өзгерістер кіргізбек болған. Олардың түзелуі де оңай. Көп еңбекті керек етпейді. Сондықтан бұл кітапшаны негізінде татымды деп тауып, тез бастыруды қажет деп қорытамыз.

ОТЗЫВ О РАБОТЕ тов. ЧАРНОМСКОГО ПО ОФОРМЛЕНИЮ СПЕКТАКЛЯ “КОБЛАНДЫ” В КАЗАХСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ ДРАМЫ (1946 г.)

В истории Казахского академического театра драмы художественное оформление спектакля “Кобланды” справедливо должно считаться одним из незаурядных, творчески весьма значительных явлений.

Этот эпос, как всякое иное эпическое произведение любого народа, требовал для художественно-творческого освоения его на сцене огромных поисков, проникновенного понимания эпического, специфического стиля его. Кроме того, как произведение, воспроизводящее события и обстановку исторически далекой от нашей современности эпохи, данное эпическое произведение носило на себе отпечатки различных, далеких и скрещивающихся культур, в данном случае буддийской, древнеиранской, монголо-тюркской и т.д. Все факты этнической, материально-бытовой среды еще были окрашены в воображении эпиков — исполнителей былины — в тона приподнято-возвышенные, красочно-фантастические. Художник тов. Чарномский¹ в своих эскизах, макетах и затем в своем окончательном оформлении настоящего эпоса драмы на сцене пошел по продуктивному, но трудному пути исторически убедительных и вдохновенно поэтических исканий. В воссоздании обстановки, материально-вещественной среды, в воспроизведении условно-изображаемой (драмат. произведением) природы, в костюмном оформлении персонажей художник сумел ярко, картинно и скульптурно-выпукло дополнить, обогатить выразительность спектакля. Он обнаружил бо-

гатовство фантазии и чуткое такое понимание былинного, условно-реального языка действенной борьбы и столкновений страстей. Художник в настоящем своем оформлении с огромным успехом соревнования своим воображением с фантазией и былинно поэтической выразительностью эпика певца древнего аэда. Я лично рассматриваю настоящую истинно вдохновенную работу тов. Чарномского как один из ценнейших творческих фактов на сцене Казахского академического театра драмы.

**ОТЗЫВ
НА ТРУД Б. КЕНЖЕБАЕВА
“ПОЭЗИЯ СУЛТАНМАХМУТА
ТОРАЙГЫРОВА”
(1946 г.)**

Султанмахмут Торайгыров является тем поэтом, чье творчество на фоне непосредственного литературного окружения его эпохи и на фоне всего литературного движения послеабаевского периода на казахской почве — выделяется как истинно незаурядное, громадное историческое явление. Его наследие в сумме своей характеризует не только пути и этапы развития литературного процесса, но также определяет собою замечательные этапы истории развития общественной мысли в тогдашнем Казахстане и даже во всем Ближнем Востоке. Это поэт, привнесший в казахскую литературу возвышенные мысли, глубокие мысли о преобразовании жизни общества, народа, мысли об ином, лучшем устройстве жизни, судеб людей. С творчеством Султанмахмута Торайгырова казахская литература послеабаевского периода поднялась на высокую ступень социально-философских обобщений, где великие надежды, великие мечты и чаяния грядущей революции стали полноценным выражением высокого интеллекта поэта-гражданина, поэта-борца. Торайгыров в этом смысле явился достойным продолжателем Абая, стоял на продолжающемся пути положительного, прогрессивного развития истории своего народа. И справедливо теперь исторически оценить, как это делает диссертант, его место в литературе начала XX-го века как поэта, создавшего целую эпоху. И если, следуя на время традициям истории литератур, попытаться обозначить известный период в литературе определенного выдающегося

художника, то справедливо все литературное движение от революции 1905 года до 1917 г. обозначать, называть периодом “торайгыровским”. С ним казахская литература кануна Октября поднялась на небывалую ранее ступень по линиям: интернациональной, гуманистической, общечеловеческой идей. Поднялась и литературная культура в самой казахской поэзии, еще более вплотную подошедшей после Абая в новый век, на сближение с великой русской литературой, с ее высоким гуманизмом, с ее спасительными идеями социальной революции, с ее волевыми порывами к борьбе, с ее верой в победу над миром зла, эксплуатации, гнета трудового человечества.

Замечательно характерно для Султанмахмута, главным образом, то, что ему на всем протяжении его творчества не изменяло глубоко роднящее его с трудовым людом верное чутье здорового, оптимистического, волевого отношения к действительности, к поступательному ходу истории. Он всеми порывами духа был устремлен вперед, в грядущее, и что значилось еще накануне и в самом начале революции на знамени русского революционного пролетариата, руководимого гением Ленина, поэт, даже снедаемый тяжелым недугом на закате дней своих — почувствовал с глубоким восторгом и приветствовал с истинным волнением.

Примечательна и краткая, но наполненная огромными поисками жизнь поэта, неповторимо велико значение и замечательного наследия его.

Но это и не то имя, о котором и критикам, и истории литературы легко было бы дать свои анализы и сделать хотя бы временно успокоительные выводы свои. Потому-то и написано о нем не мало по количеству обзоров, критических оценок, попыток анализа отдельных сторон его творчества. Но было и не мало ошибок, недопонимания, схематически тенденциозных суждений о нем. В попытках критического осмысления сути творческого наследия поэта впадали в ошибки большей или меньшей степени большинство из нас, обращавшихся к этой эпохе. Но неизменно устойчивым, абсолютно положительным и благодарным оставалось отношение казахского читателя, подрастающих поколений казахского советского народа к творчеству и к личности Султанмахмута. И вот на фоне множества поверхностных,

ненаучных, потому и малосерьезных суждений о поэте — за последние годы появились два новых, истинно серьезных исследования творчества и жизни Торайгырова. И здесь, к чести нашего Казахского государственного университета им. Сергея Мироновича Кирова, надо сказать, что оба эти исследования созрели и родились в стенах нашего университета, получают оценку (одно — два года тому назад, а другое — ныне) авторитетного круга наших ученых, почтенных членов ученого совета университета. Первое исследование, посвященное прозе, романам Султанмахмута Торайгырова, принадлежало кандидату филологических наук, доценту Бельгибаю Шалабаевичу Шалабаеву. А второе исследование, представляемое вниманию ученого совета сегодня, диссертационная работа на соискание ученой степени кандидата филологических наук тов. Кенжебаева Бейсембая¹ на тему “Поэзия Султанмахмута”.

Труд тов. Кенжебаева состоит из трех основных разделов, которые обрамлены обстоятельным введением и обобщенными выводами.

Известный для широкого круга казахских читателей критик-исследователь в области казахской истории литературы и истории казахского народа тов. Кенжебаев подвергает справедливой, объективной и принципиальной оценке все сказанное до него о Султанмахмуте. И несколько пространное мое вступление в оценке смысла и сути творчества Султанмахмута, в значительной части своей исходит из основных тезисов данного диссертационного труда.

Исследование тов. Кенжебаевым поэзии Торайгырова, впервые в нашей историко-литературной науке, ставит во весь рост проблемы истинно исторической, объективной оценки поэта. И в этом смысле, в первую очередь, необходимо отметить, как большое достоинство настоящей работы, ее строгую, продуманную логичность построения. Кажущийся на вид излишним для диссертации раздел о жизни поэта становится крайне важным в уяснении автором целей широких исканий и великой веры поэта в будущее в тот период жизни, когда тяжелый недуг клонил его к могиле. Исследование убедительно для нас раскрывает пути идейного становления самого поэта от шакирца — воспитанника духовного медресе — до постижения вершин русской рево-

люционной мысли в творческом наследии Герцена, Белинского, Чернышевского и еще дальше до глубокого освоения и принятия основ марксизма и учения Ленина о социальной революции в России. Не только по линии биографической, но на всем протяжении и творческого пути, творческой эволюции Султанмахмута автор с исключительной наблюдательностью и критической прозорливостью шаг за шагом прослеживает постепенное обновление, идейное обогащение, зрелое наполнение художественных качеств стихов и поэм Торайгырова в различные стадии его деятельности.

Прав диссертант также, когда выделяет, как определяющую доминанту в поэзии Султанмахмута, его социальную лирику, где мысли свежие и смелые возвышались до приговора истории над всем прошлым, косным бытом Востока и казахской феодально-родовой старины. Поэта гражданина, поэта правдивого и непокорного, ставшего в своих пламенных стихах выразителем общественной совести в мрачную эпоху царской реакции, народной трагедии 1916 года, буржуазно-националистического консерватизма и также поэта предвестника Октября, помогает постичь нынешнему поколению данная книга нашего уважаемого диссертанта. Убедительно и весьма ценно также раскрытие автором внутренней, родственной связи последних поэм Султанмахмута с бессюжетными, но идейно-философски глубокомысленными поэмами Маяковского. Новы, поучительны для многих исследователей наследия Султанмахмута и анализ, объяснения тов. Кенжебаева стиля и формы поэзии Торайгырова. В этом разделе особенно ценно установление автором органических, почвенных связей отдельных сторон поэзии Султанмахмута с народной поэтической традицией и также установление моментов сознательного отхода от этих традиций с целью обогащения новой стихотворной техникой, новой образной системой, новой выразительной лексикой общепоэтической культуры.

Однако серьезное, новое и верное почти во всех основных научно-принципиальных положениях исследование тов. Кенжебаева, на наш взгляд, в ряде частных своих моментов грешит отдельными неточностями и некоторой недодуманностью.

К ним, в первую очередь, относится неточное определение характера реализма у Султанмахмута. Часто автор упоминает о реализме поэта, но не договаривает, и досадно, что не берется доказывать наличие именно критического реализма, столь близко подводящего Торайгырова к социалистическому реализму. Кроме того, когда автор верно и точно определяет романтическую струю в творчестве поэта, не подчеркивает отличие этой жизненной романтики, естественной у большинства великих реалистов мира, от романтизма вообще.

Весьма желательно было бы так же более расширенное толкование и прояснение тезиса автора (82 стр.) о внутреннем сходстве лирических отрывков с поэмами и наоборот. Лично я не согласился бы и с утверждением автора относительно натуралистичности лексики и отдельных оборотов Султанмахмута (93 стр.) в ряде его ранних стихов. Натуралистичное с точки зрения нашей эпохи еще было жизненным, общеупотребительным языковым фактом в эпоху создания этих стихов.

Дальше я имею замечания по поводу отдельных слов и терминов в тексте, в словесном оформлении книги тов. Кенжебаева. Вообще я должен особо оговориться относительно языка изложения в целом, как исключительно удачном, точном и выразительно богатым. Однако выступающие на этом весьма благоприятном фоне термины, как “публицистическая лирика” вместо “социальная лирика” (правда, однажды употребленное выражение, 83 стр.) или терминологическое обозначение “селкеулігі” 113 стр., или же “ғылымнын деңгейінде” – и не верные по сути, или же расплывчаты по смыслу своему. Нахожу еще более неуместным употребление почти жаргонного выражения “ток етерін аңғартады”.

Делая упомянутые здесь отдельные замечания, я подчеркиваю вновь, что они в целом составляют не основные моменты, а частные стороны диссертации тов. Кенжебаева. А потому тов. Кенжебаева я позволяю себе рекомендовать к защите. Благодарю за внимание.

ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ТОВ. ГАБДУЛЛИНА МАЛИКА НА ТЕМУ
“ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БЫЛИНЫ
“КОБЛАНДЫ БАТЫР”

Диссертационная работа тов. Габдуллина Малика состоит из пяти основных глав. В первой главе автор приводит подробные данные о работах русских и казахских востоковедов, впервые занимавшихся собиранием казахского фольклора, в частности образцов героического эпоса, в прошлом столетии. Выделив имена В.В. Радлова, Ильминского и Алтынсарина, как лиц, впервые записавших и опубликовавших в XIX в. варианты “Кобланды батыра”, т. Габдуллин, путем сопоставлений с поздними вариантами, правильно устанавливает, что Ильминский и Алтынсарин воспроизводят в своих записях вариант былины, восходящий к Марабаю, этому плодовитому и талантливому эпическому поэту XIX столетия.

В этой же главе, с точными, подробными ссылками на источники, диссертант перечисляет все имеющиеся опыты начального изучения эпоса казахскими фольклористами за последние 20–25 л. Как глава, в значительной степени справочно-историческая, фактологическая, эта часть работы т. Габдуллина не вызывает особых сомнений, и вместе с тем она свидетельствует о проделанной диссертантом серьезной работе по сбору, систематизации и знакомству с источниками, с разнообразными, порою редкими научно-литературными материалами на казахском и русском языках, с материалами, имеющими прямое или косвенное отношение к избранной автором теме.

Вторая глава посвящена выяснению эпохи и событий, воспроизведенных в сюжетно-исторической основе были-

ны. Здесь автор подвергает справедливой критике имевшиеся ошибки в ранних и поздних высказываниях ряда историков казахской литературы, относивших события былины к периоду завоевания Казани Иваном Грозным. Эти неправильные, не оправдавшиеся в научно-историческом смысле догадки переходили в свое время из страницы журнальных статей, исследований, очерков по истории казахской литературы и, наконец, стали ходячим мнением, переходя даже в учебные пособия для средних школ. Тов. Габдуллин в своем исследовании убедительно опровергает указанные ошибки в трудах предыдущих исследователей и присоединяется к мнению о том, что сюжет былины воспроизводит события не XVI-го, а XIII и XIV столетий, т.е. события из эпохи борьбы кипчаков с ильханами, царствовавшими в ту эпоху в Персии.

Надо отметить, что мнение о большей вероятности возникновения сюжета былины из эпизодов длительной борьбы племенного союза кипчаков с иранами, в частности с ханом Газием или Казаном (по эпосу), принадлежит не самому т. Габдуллину. Часть историков литературы, допуская раньше ошибочное предположение о мнимой борьбе Кобланды с Иваном Грозным, уже сами высказали новые, правильные догадки ряд лет тому назад.

К серьезным заслугам диссертанта надо отнести то, что он, на основе собранных им многочисленных дополнительных данных из трудов историков-востоковедов, из документов истории Средней Азии, Ближнего Востока, еще более убедительно обосновывает правильность положений об исторической первооснове былины.

Но наибольший интерес и, в значительных своих частях, настоящую научную ценность в работе т. Габдуллина представляют последующие главы, а именно: III-я глава о вариантах былины, IV глава об образах былин. Можно, с известной оговоркой (о чем будет идти речь ниже), отнести к ценным главам и V главу (“Некоторые вопросы поэтики “Кобланды”).

Останавливаясь, в порядке последовательном, на третьей главе о вариантах былины, нужно отметить, что автор, сопоставляя имеющиеся 10 вариантов былины, не пошел по линии только констатации фактов совпадений или

различий сюжетов, текстов в этих вариантах. Тов. Габдуллин впервые, на почве изучения казахского фольклора, вводит анализ вариантов по признакам различия традиций, стилей и манер установленных им же поэтических школ ранних или поздних исполнителей данного эпоса.

Вопрос о школах в эпической традиции каждого народа в различные эпохи бытования изустных творений представляется для фольклористов одним из самых значительных, решающих вопросов. Особенно это важно при научно-критическом осмыслении вариантов произведения со всеми их расхождениями: по линии сюжетно-повествовательной канвы, по признакам идейной и социальной направленности, по мотивам поэтически стилевой канонизации особых приемов героической песни в пределах эпической традиции каждой отдельной школы.

Изучать сюжеты сказок, варианты былин в тесной связи с изучением особенностей различных школ сказочников, эпиков стало за последние десятилетия наиболее продуктивным, научным методом в советской фольклористике. Этот путь исследования образцов фольклора, начатый крупными русскими фольклористами Азадовским, Ончуковым, бр. Соколовыми и др., получил широкое применение в исследовании эпических произведений братских народностей Советского Союза. Примеры мы видим в изучении узбекского эпоса В.М. Жирмунским и Зарифовым, в изучении киргизского эпоса “Манас” русскими и киргизскими исследователями за последние годы.

Вводя метод сравнительного анализа вариантов былины по их принадлежностям к двум основным школам (Марабая, Биржана, Мергенбая в одном случае, и Айсы, Есмурата, Мурына, Нурпеиса в другом случае) диссертант, во-первых, выводит проблемы изучения казахского эпоса на путь, общепринятый в советской фольклористике, на путь плодотворного научного анализа. Во-вторых, различия в общей трактовке эпического сюжета в пределах каждой школы диссертант устанавливает по линии социально-исторического задания, по линии идейно-классовой значимости воззрений акынов той или иной школы. При этом автор правильно подчеркивает влияние классовой

позиции советских акынов — последних исполнителей Кобланды — Нурпеиса и Муруна, в своих вариантах наиболее полно и последовательно изобличающих коварство и предательство ханов и их сатрапов в отношении народа и его представителей.

В этой же главе, подтверждая правильность предположений акад. Веселовского об известной роли и значении лирических бытовых песен в возникновении начальных вариантов былин, т. Габдуллин подчеркивает особое композиционное значение песен “коштасу” (прощание) в варианте школы Марабая, и подробное значение песен “жоктау” (оплакивание утраты) в варианте школы Айсы, Муруна.

Недостатком же настоящей главы является, во-первых, неполное освещение вопроса о наследиях. Эпическая песня в своем многовековом, изустном бытовании включает в себя множество напластований различных эпох, различной соц. среды. Коснувшись (на 33 стр.) вопроса влияния на эпос различных верований у казахов, автор недостаточно глубоко раскрыл влияние ислама на поздние варианты. Важно и необходимо было это влияние объяснить особенностями той слушательской среды социальных верхов, которые способствовали проникновению религиозных мотивов путем непосредственного социального заказа, идеологического воздействия на акынов своего круга.

Во-вторых, спорно и неубедительно в этой главе (стр. 38) утверждение автора о том, что вариант Марабая в его исполнении был неполным, не исчерпывал всей сюжетно-тематической основы былины, и что вариант этой школы дополнен, расширен более поздними исполнителями — Биржаном и Мергенбаем.

По нашему мнению, для подобного утверждения у автора нет данных. А ссылка из Алтынсарина, якобы записавшего из уст самого Марабая его вариант, не вносит достаточной ясности в этот вопрос потому, что при многих ранних записях акыны исполняли или сокращенные редакции, или же одну, две песни из цикла, т.е. песни, рассчитанные для речитации в течение одного исполнения. Так было при записи Чоканом Валихановым эпоса “Манас”, так же было при записи В.В. Радловым того же “Манаса”, хотя

исполнителем у него был Тыныбек, знаменитый в XIX в., который в обычной среде своих слушателей исполнял свой вариант “Манаса” в течение 5–6 месяцев. Короче, нам не известен полный вариант “Кобланды” Марабая, потому что запись не довела до нас его полный текст.

Особую ценность для казахской фольклористики представляет глава IV “Об образах Кобланды батыра”. Здесь диссертант широко применяет метод сравнительного изучения особенностей казахской былины в сопоставлении с подобными же особенностями былин: русских, киргизских, узбекских, армянских, бурят-монгольских, ойротских, якутских и т.д. Начиная с мотивов рождения героя былины Кобланды и дальше, останавливаясь на мотивах героического сватовства, на сборах в поход, на фольклорном трудном пути, на поединках и на многих иных моментах перипетийных переломов по линии развития динамических мотивов в повествовании, диссертант приводит множество параллелей из русских былин – об Илье Муромце, о Добрыне Никитиче, о Василии Буслаеве и др., так же приводит параллели из былин о Манасе, о Давиде Сасунском, о Джангаре, о Гесере, об Аламжи Мергене, о Бум Ердене, об Эр Соготохе и т.д. Короче, приводит примеры сходства из былин, изучаемых сейчас советскими фольклористами в целях научного освоения богатого наследия народностей Советского Союза. Тов. Габдуллин включает поиски казахских фольклористов в общую систему изучения эпоса в советской науке. Самое ценное в подобном изучении памятников прошлого заключается в том, что диссертант преодолевает, отрицает изолированный метод прежних опытов, ограниченный ранее только в пределах одного казахского фольклора.

В свете подобного изучения своей темы, автор убедительно раскрывает закономерности в пределах эпического жанра в обрисовке образов былины (основного героя, его соратников, его врагов и т.д.).

Правильно указаны автором важнейшие приемы изображения героя через повествование самого певца, через драматизацию, монологи действующих лиц, через описания и через характеристику героя устами других персонажей былины.

Упущением т. Габдуллина в этой главе является недостаточное раскрытие приемов контраста и израстания в действенной характеристике героя.

Эпосу свойственно особое нагнетание событий через психологическое нарастание действия. В этом смысле (стр. 112–115) следовало раскрыть глубже значение длительного описания певцами бега Тайбурыла. Этот мотив, встречающийся во всех циклах песен о “Кёр Оглы” с длительным описанием скачки Гирата или в “Шахнаме” — скачки Рахшид, и так же истинно поэтическое описание скачек коней соревнующихся героев в “Манасе” — несет сложную функцию в композиции эпоса. Здесь не только описывается конь, как это полагает диссертант, а дается дополнительная характеристика героя столь стремительно, неудержимо несущегося на врага с усиливающимся в нем чувством ярости и мести. Смысл эпизода глубже, нежели толкование т. Габдуллина. В многопланности данного эпического приема заключена огромная художественная значимость варианта, и это следовало оценить во всей сложной полноте его свойств.

А глава “О некоторых вопросах поэтики былины” тов. Габдуллин достаточно разносторонне применяет свои знания в области поэтики вообще. Его наблюдения и выводы в отношении специфического стиля, напевно-речитативного строя стиха в былине, и также в определении преобладающего тирадного объединения строк соответственно смысловому заданию в эпизодах — правильны и достаточно убедительны. И в этой своей части работа становится ценной, благодаря ее конкретной обоснованности и меткой наблюдательности при значительном количестве анализируемого диссертантом фактического материала.

Автор умело использует основные положения из трудов акад. Веселовского относительно странствующих сюжетов и положения сторонников теории самозарождения, при определении оригинальных черт повествования “Кобланды” (122 стр.).

Он правильно определяет, как основной способ рассказывания во всех вариантах “Кобланды”, прием нанизывания эпизодов, где стержнем или поводом к возникновению

новых эпизодов является длящийся путь странствий героя (126–127 стр.).

Интересны и оригинальны, хоть и спорны местами, высказывания т. Габдуллина в отношении звуковой инструментовки стиха былины. Специфические свойства казахской устной поэзии, часто использующей звуковые повторы в виде аллитераций и ассонансов, диссертантом освещены на материале ряда вариантов былины с достаточной полнотой (139–143 стр.) и с оригинальными, новыми мыслями, не высказанными раньше никем в отношении казахской эпической поэзии.

Спорными в настоящей главе являются, во-первых, крайние утверждения автора, отрицающего возможность заимствования сюжетов в пределах эпоса вообще. Правильнее было бы сказать, что на основе сходных социально-экономических условий в каждой этнической среде могут возникнуть самостоятельные мотивы повествования, но не сочетания мотивов, т.е. сюжет.

Во-вторых, не менее спорна чрезмерная оценка автором смыслового значения звуковых повторов. Утверждения его о том, что аллитерация используется певцами для передачи действенных эпизодов (143 стр.), а ассонансы – для описаний, для статических мотивов – выглядят, пока что, формалистическими высказываниями.

Автор так же чрезмерно увлекается, осмысливая по своему, звуковые повторы, построенные на звуке “К” – как дополнительный штрих для характеристики Кобланды, на звуке “Б” – для характеристики Барса, на звуке “Д” – для Дауамана, на звуке “Т” – для Тайбурыла (140–141 стр.).

Звуковые повторы, столь часть употребляемые в казахской устной поэзии, хоть и несут определенные функции в мелодическом, гармоническом строе стиха, рассчитанного не на чтение, а на интонационно-акустическое воспроизводство и восприятие его, все же (без одностороннего увлечения формальной стороной поэзии) не могут быть истолкованы до такой степени смысловой значимости, как это делает диссертант.

Подводя итоги нашей оценке диссертационной работы тов. Габдуллина Малика, надо отметить, что наряду с указанными выше некоторыми недостатками по отдельным

главам книги, в целом необходимо признать, что настоящее исследование представляет собой вполне зрелый и ценный научный труд в казахской фольклористике.

Исследуя новую, незатронутую до сих пор никем всерьез проблему в истории казахской литературы, т. Габдуллин вносит существенный вклад не только в казахскую фольклористику, а вообще в советскую науку об эпическом наследии народов Советского Союза. На близком, всесторонне доступном ему и хорошо изученном им материале казахского эпоса, он впервые создает монографический труд, могущий способствовать своими свежими, дополнительными данными расширению сферы исследования всей советской фольклористики в дальнейшем. А ученый совет Казахского государственного университета, обсуждающий ныне качества диссертации тов. Габдуллина, участвует не только в определении степени научной подготовленности диссертанта, но так же он становится как в лице его оппонентов, так и всем своим составом участником, в зарождении и становлении отдельных специальных отраслей знания в молодой советской науке о казахской литературе.

На основе вышеупомянутых положительных данных самой диссертации и на основе только что высказанных мною аргументов, я ходатайствую перед ученым советом Казгос-университета о присвоении тов. Габдуллину Малику искомой им степени кандидата филологических наук.

“ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІ ТАРИХЫНЫҢ” ТАРИХИ ЖЫРЛАР БӨЛІМІ ТУРАЛЫ ПІКІР (1947 ж.)

Кіріспеде тарих пен жыр жәйі ұзақ:

а) Эпос пен тарихтық жыр айырмасы керек емес.

б) Тарихи жырлар Абылай, Кенесары туралы көп айтылады, анығы сол-ақ па? 16-жыл ше?

Абылайларды мадақтау қалай?

в) 786 – Сырым, Көтібар, Жоламан, Қаратай, Қасым, Есенгелді, Кенесары – Наурызбай, Жанғожа, Бекет, Сұраншы, Саурық, Досан – осының қаншасы керек?

Көтерілістер “халыктікі”, “Қазақ халқынікі” деп аталады. Осы үнемі дұрыс бола ма?

786 – Тарихи жырдың тағы бір көп тобы 16-шы жыл көтерілісімен байланысты екенін жазу керек. Кейін тексерілетінін ескертіп кету керек.

Абылай туралы жыр мен әңгімелер

788 – “Жырдың көркемдік жағы нашар”.

– “Жыр сюжетті, оның сюжеті шебер”.

– “Абылай тұлға бейнесі жақсы берілген, шебер келтірілген”... Бұл қандай қайшылықтар?

791 – “Осылай Сабалақ хан боп сайланды. Ордасы Көкшетауда болады” дейді. Бұл тарихтық жырдың жансақ айтқаны. Анығында, Абылай көп кейін, Әбілмәмбет өлгеннен кейін ғана хан болады. Ол неге ашылмаған?

793 – Жырға, образдарына, композициясына тексеру берілмегені несі? Сабалақта көп халықтық сыр бар ғой. Ол тұйық қалған.

793 – Қанішер Абылай Хиуада өлмесе керек. Ол

Түркістанда хандық орнатып тұрған және Ғайып ханнан ол ары емес пе? Хиуаға барған Уәлі ғой.

795 – 96 – 97 – Тиссов әңгімесі емес пе?

– Қазыбек Абылайдан үлкен. Мынада теріс әңгімеленеді.

797 – “Абылайдың әруағы” – деген аңызды талқылап, ескі діндік наным, соны үстем тап, көпке миландыруға тырысқан деу керек емес пе екен?

800 – “Абылай тұсында қазақ халқы батыр болады” – деген тезис ұшқары емес пе? Одан бұрын, бұдан кейін батыр болмаған бола ма? Онда халыққа батырлықты бітірген Абылай ғана болады да, ел қасиеті болмай, тек Абылай қасиеті болады емес пе?

800 – Шоқан сөзі нашар аударылған. “Абылайдың, оның батырларының” деп сөйлемей орысшалап құруды қолданбау керек қой. Орыс тіліне қонымды құрылыс қазақшасында жатық шықпайды.

800 – “Осы “тағы-тағылар” дейтін Бейсенбайдың газетшілік дәуірінің нашар “кестесі” қашан қалар екен?

801 – Абылай образдарына тарихтан, шындықтан асыра қосқан қоспа көп. Оның әруағы, оның әділ билігі, шешендігі, батырлығы, жетімдік балалығы – бәрі де өсіріліп, әсіреленеді. Хан болғанда да, ерте хан етіп қояды. О да шындыққа қайшы.

Жә, осылай әңгімелеушінің бәрі халық па, Бейсеке?

Белгілі дәрежеде, халық мүддесімен бұның іс-талабы қабысқан жерде халық оны өзге хандардан бөліп ап дәріптейтіні, қостайтыны рас. Бірақ Абылайды көтерген, дәріптеген, оның әмір-қуатын зорайтып, өз табынын үстемдігін нығайта түсуге нық пайдаланған би, сұлтан, төре, жуан аталар да бар ғой, көп қой. Ол ортада “киеге” илану сияқты қараңғы, надандық нанымдар бар ғой. Осыларды, яғни қоғамдық, таптық сыр, шындықтарды да аша түсу керек қой. Сонда жаңағы өзіңіз келтіріп өткен аңыз, әңгіме, жырдың бәрін туғызып отырған Абылайды дәріптеуші орталық кейіп, кескінін де аша түсесіз ғой. Халықтық аңыз бар. Бірақ оған көп қосылған, үстем тап, хан ордасы, оның санашылдары қосып, халық санасына сіңірмек, қондырмақ, құппатпақ болған қоспа да көп екенін ашпаса, тексеруде нәр болмайды.

“Кие” дегендердің, Қалданнан құтылуда орыс көмегін айтпай, Абылайдың өз басын, өз өнерін көп мадақтаудың бәрінде сондай сырлар барын ашу керек.

Жырда Әбілмәмбет Абылайдың бетінен сүйді де, хандығын бере салды деп, Әбілмәмбетті де дәріптеп, әділетшіл етіп қояды. Шынында, Абылайға хандық көп заманнан соң, тек Әбілмәмбет өлген соң ғана тиген. Ендеше, жырда, тарихта шалғай дәріптеулер бар екенін де ашу керек.

Аңыз, әңгіменің бәрін келтірген теріс емес. Қайта керек те. Оқушы өзге жерден тауып ала алмайды. Бірақ жанағыдай талдауын мығым етіп берсе ғана келтірудің мағынасы бар.

Сырым туралы

828 – Сырымның Хиуа ханына айтқанын басуға лайық па? Керексіз емес пе?

829 – Тексеру жоқ. Сырым жөнінде тарихтық, қоғамдық, халықтық талқылау қосу қажет. Сырым жайындағы осы аз аңыздардың өзінде де көп, терең халықтық мағыналар барын ашу керек. Қысқа болсын, бірақ сол қажет.

“ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІ ТАРИХЫНЫҢ” “ШЕШЕНДЕР СӨЗІ” БӨЛІМІНЕ ПІКІР (БАЙҚАЛҒАН КЕМШІЛІКТЕР ТУРАЛЫ) (1947–1948 жж.)

Бөлімнің алғашқы төрт-бес бетінде жалпылау кіріспе айтылады. Би деген сөздің төркіні, бидің бұрынғы тіршіліктегі орны, қоғам тіршілігіндегі әмір құдіреті айтылады. Би деген сөзді шешен деген мағынамен қатар түрде теңетеді. Бидің рушылдық, феодалдық құрылыстағы үстем тап өкілі екендігі, көпшілікті әр заманда қанаушы болған, хан-сұлтандар сүйеніші, жәрдемшісі екені осы кіріспеде ашылса керек еді. Мұнда ол жоқ. Және феодалдың типі тарихи әр алуан дәуірлерге байланысты қоса өзгеріп, негізінде қанаушылық табиғатын жоймай отырса да, әр түрге ауысатынын ашпайды.

Және бөлімнің басталған жерінен шешендік сөзді тек қана сол билерге тиісті деп, солар ғана тудырған өнері, кестелі сөз мұрасы деп, нық байлап алады да, барлық (жүз он жеті беттік) тексерудің бойында фольклордың осы түрін зерттеуші тек қана сол феодал билердің қасиетіне бұйырып береді. Халық даналығы, халықтық шығарма деген, не болмаса халықтық қоғамдық, таптық салт-сананы, шындық сырларын шешен сөздерден ашу деген талапты зерттеуші өзіне міндет етіп қоймаған.

Егер осы жайлар зерттеудің мұрат-мүддесі болса, оны осы ең алғашқы кіріспе беттерде айқындап ашып, алғашқы сөзді сол жаңағы айтылған екі жайға арнау міндет етеді. Ол бұнда жоқ.

Енді, бет сайын байқалған кемшіліктерді нақтылы орны-орнында атап көрсетейік.

669–673-бетке шейін Тиесовтің өз жанынан жазған тарихтық хроника әңгімесі түгелге жуық, өзгертілмей кіргізілген. Ғылымдық зерттеу үшін бұл лайықсыз жұмыс.

Және Қазыбек сөзі алынатын болса, оған бұндағыдан басқа, сыртқы саясат ретінде түсініп, талдау керек емес пе?

675 – Бөлтірік би, Атағазы би (бұл тәуір сөз) сөздеріне, Қаратайға айтқанына таптық сын, талдау баса берілу шарт еді.

Жалпы кіріспе туралы. Бұнда кіріспелік, топтаған пікір жоқ. Нені, қандай жанрды қалай талқыламақ, оның жіктері, түрлері қандай, қандайлық ғылымдық, тарихтық, қоғамдық мәні бойынша тексерілмек 1 – бұның бірі де ашылмайды, айтылмайды. Тек ұлан-ұзақ. Бір мысалдарсыз бір мысалды санап тізе беру шұбыртпа, көп боп кеткен.

686 – **Шешен билердің салты** (глава).

Майқы, Төле, Әнет баба, Қазыбек, Құттыбай, Едіге, Мәме, Әйтеке, Кебек, Қаражігіт, Қаратоқа, Есет, Мөңке, Сүйінғара – (бәрі шонжар би) – шешендік сөздің бәрінің түп иесі, шығарушылары осылар болып келеді. Олар Шыңғыс хан, Әз Жәнібек, Қасым хан, Есім хан, Абылай хан, Қаратай хандар замандастары, көмекші, ақылшылары болады. Осының бәрін зерттеуші – “ел бастаған көсем”, дана, “шешен” деп келеді.

687 – Көктөстің Шыңғыс ханға айтқанынан сөз бастаудың не қажеті бар?

688–89–90–91 – Сексенбай мен Арғынғазы жәйі ұзақ және қанша көркемдік, қоғамдық мағына бар?

693–95 – Қараменде, Кеңгірбай – керексіз.

696 – “Артына сөз қалдырып, шешен сөздері елге кейін аңыз болған шешендердің көбі Майқы би, Төле, Қазыбек, Жәнібек, Едіге, Тіленші, Қаражігіт, Мөңке, Есенгелді, – кейінгі шешен билер, олардың еткен биліктеріне еліктеген, соларша сөйлеуге тырысқан. Бұлар өз заманында қандай ардақты болса, кейінгілерге де сондай қадірлі болған”, – дейді зерттеуші. Бұл пікірлерде тарихтық, таптық идеяның, совет фольклорисі боп зерттеудің ешбір елесі жоқ. Өте оғат түрде, көтере дәріптеу бар, негіз идеалистік көзқарас.

697 – Бұнда айтылған пікір қоғамдық мағынасының терістігі жағынан аса сорақы.

700–701–702 – Алшынбай туралы... Шоң, Тіленші, Алшынбай туралы керексіз теріс материал келтірілген. Өлеңі өрескел (“Заты жоқты оздырғанмен бас болмас”).

703–704 – Саржан жастың Бұхарды жеңгені атасының тексіздігінен туады – бұқарашылдық ой, сана жоқ. Бұл неге керек?

704 – XIX ғасыр шешен билері: Тайкелтір, Ақтайлақ, Жәнібек, Балаби, Қартқожа – Есет, Досбол, Байдалы, Шоң, Торайғыр, Шорман – бәрі шонжар би. Осының бәрін топтап келіп, зерттеуші “халықтың бір кез асыл ардақтыларынан саналған” дейді. Өрескелдігі айқын.

705 – “...Өнегелі істері көпке үлгі, өнеге болып, мектеп болған”, “Қазақтың шешендері ілгері-кейінді бір-бірінен мықтап үйренген” деген пікірлер айтылады. Бұнда да таптық, тарихтық шындықтардан, реалдық болмыстан бөлініп алынған санашылдық көзқарас басым шығады.

707 – Төле би туралы аңыз неменеге керек? Бар атасының би болғаны халықтық шешендік өнерді тексеру үшін қанша қажет?

708 – Төле би мен Жәнібек жөнінде таптық талдау керек, бұнда ол жоқ.

709 – Моңғол, Конфуций философиясы, Цицерон, Демосфендер көп. Бұдан кейін де көп кездеседі. Көбінше төтелей, я тарихтық байланысы жоқ келтірулер.

707 – II – Ылғи Төле би неге керек? Бұл өмірбаян ба? 701-беттен Төле бидің баласы Қожамжар, оның баласы Дербісәлі, одан Шойбек, одан ары Көкпек, Абылай, Бахадур сияқты шынжыр қатар билер саналады. “Төленің нәсілдері бәрі ел ісіне қатынасқан” деп дәріптеледі. Бәрінің де айтқан сөзінен еш нәрсе келтірілмей, тек ел билеген атқамінерлер ретінде санау неге керек болды?

712 – Қазыбек мадақталады. Тіленші, Жәнібек – Тіленші сөзі – “Мен қалың қара тоғаймын” дегені тап үстемдігін, өзінің жуандығын айтқаны, бұл неге қоғамдық жағынан талқыланбайды? Тіленші, Алшынбай, Мәпи шежірелері, аталық шежіресі кімге керек?

714–15 – Едіге би тұқымы да “төңірегіне топтанып билер ұялаған” “шешендер тобы” болып саналады. Құлболды, Айдабол, Төлебай, Едіге, Шоң, Торайғыр боп тағы да билер, жуан аталар шежіресі саналған. Бұлардың айқын тұрған

үстем таптық санасын Торайғыр: “Әділ биі болмаса, бірлігі кетіп ел ғаріп” деп қорытады. Зерттеуші осыған да советтік оқымысты көзімен қарап, қоғамдық қорытынды жасамайды.

718 – “Әділ билік жасаған маңғаз көсемдердің алды Үйсін Төле би” деген қорытынды өрескел.

720 – Нарымбай, Құттыбай, Ақтайлақтардың, яғни тағы бір топ жуан атаның шежіресі саналады.

722 – “Әділ би жоғалды, жаман төрелер шықты... жол бұзды...” дейді зерттеуші. Бұндағы себеп не? Ол неге ашылмайды? Қазіргі қалпында бұл пікірлер арыдағы хан мен би замандарын дәріптеу. Өрескел идеализация.

723 – Жақсы сөзді әйелдер де айтқан деп бастап келіп, оны тағы да “келелі бәйбіше” айттыға саяды.

725–26 – Бұнда әйелдер “айтысына” түсіп кеткені несі?

727–28 – Қорытынды жаңа пікір айтпайды, әсіресе қоғамдық, таптық жағынан зерттеу жоқ. Және үнемі алдыңғы айтқан азғантай, сұйқыл, біржақты санашылдық, теріс пікірлерді қайталау ғана бар.

Шешен сөздердің мазмұны (глава)

729 – “Бай, жарлыға бөлінеді” дейді. Тым құрмаса осы арада тапты айтса болмай ма? Таптық қайшылық, тартыстар деген ойлардан зерттеуші үнемі қашып отырғандай. Бұрынғы билер тұсында, арғы заманның өзінде де, зерттеушінің жақсы билерінің тұсында да халық тапқа бөлінбеп пе? “Бара-бара үш жүз атынан емес, жеке бастың қамын тілеуге айналады” дейді зерттеуші. Бұл да тарихтық, қоғамдық талқылау болып па? Сауатсыз, тап тартысынан тыс, өткен заманға, бұрынғы құрылысқа құрғақ, сыңаржақ апология болып шығады.

731–32–33–34 – Көп би әңгімесі татымсыз. Азғандықты айтпақ болса, бұрын да бар екен. Жоғарыда, ендігі би азды деген тезисі қайда? Және әсіресе бұл билердің көбі бірімен бір тұстас емес қой. Ол тарихтық шалағайлық. Жалған аңыз. Әрі қоғамдық мазмұны нашар, өнімсіз әңгіме.

738–39-беттерде жақсы нақылдар бар – бірақ бәрі билердікі болғаны лайықсыз (Мөңке, Доспол, Ормамбет, Шоқан би). Осылар атынан айтылған нақылдар дәл осылардың өзінікі ме? Олар бұрынғы халық айтқан нақылды

колданып отырған жоқ па? Осыған да ойлап қарау керек емес пе еді? Барлық халықтық ақыл-нақыл сөзді талғамастан, толғанбастан тек билерге ғана береміз де отырамыз ба?

740 – Жақсы сөздер бар, бірақ бәрі де билердің айтысы емес, мақалға жақын. Билердікі деген бекер болу керек.

745 – Исатайды көтермейтін нашар мысал алынған. Сөз алым, пара туралы болып, жаман мағынаға ауысып кеткен. Өзге билер онды алғанда, мұның тым құрмаса бірді алғысы келеді. Исатай басына қаншалық қасиет бітірдік?

Шешен сөздердің түрлері (глава)

745 – “Шешен билер тұқым қуалап, нәсіліне, тегіне қарап би атанып отырған” деген тезис бар. Бұнда да тарихтық, қоғамдық, таптық мән-жөн аталмай, ескерілмей кетеді.

758 – Жақсы сөздерге түр жағынан талқылау бере бастайды. Зерттеудің ең татымды, бағалы жағы осы тұста басталғандай. Бірақ бұндағы сөздер алғашқы бөлімдерде келтірілген шешендік үлгілері емес, мүлде басқа түрлі сөздер болып кетеді. Қысқарып, мақал, мәтел болған сөздер ғана тексеруге алынады. Және осындай даусыз халықтық мақал-мәтел, нақылдардың бәрін тағы да пәлен-түглен бидікі деп тексереді. Бұнысы тағы дұрыс емес. Ғылымдық шындыққа қайшылық.

750 – Билер неге буалдыр мағынамен сөйлейді? Шеше алмаған, таптық сырын аңғармаған.

751–56–58-беттерде түрді тексеру орнына қайта әңгімелеу көп. Бос, құрғақ сөздермен тәптіштеу, қайталау көп. Ылғи “дала, көсем, ұлы шешендер” болады да отырады. Тағы да әңгімелеу көп.

764–70-беттерде халықтық жақсы нақыл тақпақтар бар. Мақал боп кеткендер. Осыны “Шондықі, Мөңкенікі, Қасым хандікі” демей, халықтікі десе нетер еді? Өз сөздерін, зерттеуші, көп қысқартып айту шарт.

772–73 – Түрді тексерулері ұнамды, мазмұн мен түрді жақсы ғылымдық тексерумен қабыстырған. Бірақ көп сөзділік, ұзақтықтар әлі де көп. Сол күй тексерудің қалған беттеріне 781-бетке шейін түгел созылады. Осы кемшіліктер тексерудің үлкен бір өрескел жағы.

Қорытынды пікір

Бұл бөлім бұл тұрған қалпында бірінші томға кіруге мүмкін емес. Барлық ұзақ көлемінің тоқсан процентін жарамсыз деп анық байлап айтуға болады. Ең зор міні – бұнда методология теріс. Салт-саналық, совет ғылымына лайық, дұрыс принцип жоқ. Бұл бөлім мүлде қайта жазылу керек, ең алдымен қысқа болу керек. Жиыны қырық беттен артауы тиіс.

Қайта жазылғанда – шешендік сөздерді екі түрлі жолмен алуға болады. Бірінші – билер сөзінен алынса, үстем таптық қайшылықтарын, қанаушылық сырларын ашатыны халықтық бағытқа шалғай, жат келетін, анық шиеленіскен айтыстарды келтіру керек. Солардың таптық сырын тереңдеп, әшкерелеп ашып отыруды зерттеуші өзінің ең бірінші, осы бөлімді жазудағы ең басты міндеті деп ұғыну керек. Екінші – шешендік сөздерде әсіресе нақыл, мақал, мәтел түрінде жиналып сақталғанның баршасын билердікі демей, халықтың өзінікі, халық даналығы туғызған қысқа, көркем, өрнекті мұралар деп таныту, талқылау керек.

Осылай зерттеудің нәтижесінде халық осындай шығармаларменен замандағы үстемдікке, қанауға қарсы қатты қарысып, алысып, билердің, хандардың, жуан аталардың зорлықтарымен сөз өнері арқылы алысып отырды деген қорытынды шығару керек. Сонымен қатар билер халықтың, бұқараның, әлсіз, аз рулардың қанаушысы, айламен жеушісі, зорлықпен өз ырқына бағындырушысы болып әшкереленіп отыру керек. Билер айтысының ішінен осы пікірге дәл келетін парақорлық, жуандық, айлалы тәсілгерлік сияқты мінездер, істер, сөздер ғана алыну керек.

ҒАБИДЕН МҰСТАФИННИҢ “ҚАРАҒАНДЫ” РОМАНЫ ТУРАЛЫ РЕЦЕНЗИЯ (1951 ж.)

Талантты, ізденгіш, ірілеп өсіп келе жатқан үлкен прозаигіміз Ғабиден Мұстафиннің “Қарағанды” романы оның бұрынғы шығармаларынан және де өрлеп биіктей түсіп, тағы бір қымбат еңбек тудырғанын танытады. Бұл роман тек Қарағанды жайына құрылып, сол Қарағандының болымсыздан бел-биіктей өсіп жеткенін ғана көрсетіп қоймайды. Сол арқылы капитализм дәуірін аттап өтіп, социализмге жеткен Қазақстанның және көшпелі жабайылық күйден, жоқшылық қорлық, надандықтан — коммунизмді жасаушылардың алдыңғы қатарына жеткен социалистік ұлттың ленин-сталиндік нәсілдерін көрсетеді. Бір өндірістің тақырыбы барлық индустрленген Қазақстанның ұлы тарихтық жолын танытады. Адам талабы, тартысы, өсуі, бақытты тағдыры, асқақ табыс жағынан шолғанда, бұл роман Октябрьден бергі бүкіл қазақ қауымының жеңіп, жетіскенін көрсетеді. Сол себепті роман тек Қарағанды жайы ғана емес, социалистік дәуірдегі қазақ сахарасының жаңғырысын суреттейді. Ғылым, техника қуатына мол сүйенген, индустриялау майданында айқынырақ көрінген жаңалықтарды үлкен обобщение ретінде береді.

Бұл жағынан қарағанда, Мейрамнан бастап қарт Маусымбайға шейін, жас мамандарға шейін, қартаң ана Шекерден Ардаққа шейін созылып жатқан қалың қатар адам тағдырлары, тартыстары, өсіп ұлғаюлары анық шебер жазушылықтың, көңілге қонымды, шыншыл образдарды өте шеберлікпен бере білгендігін танытады.

Романда жеңіл өмір жолы жоқ. Әр адамның басында ауыр ой, қиын қысталаң, көп кейіс, реніш, өкініш, олақтық

кателіктер де бола жүреді. Бірақ анық советтік жақсы адамдар осындай тартыстың, құрылыстың, бас тірліктің ыстық-суығына кезек шомып, бір күйіп, бір тоңа жүріп, үдеп, өрлеп өсе береді. Азаматтық сапада өседі. Еңбекте, коллектив қазанында жаңғырады. Білім техника да, басшылық тәжірибе де өседі. Романда осылай өсетін совет адамдары әр жас, әр буыннан шыққан. Бұлардың сандары да көп. Сапалары да әр алуан. Әсіресе психологиялары, мінез-мерзімдері біріне-бірі ұқсатылмай, алуан-алуан алынған. Және осы топтың бәріне ортақ бір ерекше қадірлі қасиет – бәрі де өмірді ашық қабақпен, сергек сезіммен, үлкен үмітті оптимистікпен, жарқын жүзбен сезініп, кешіріп отырады.

Бұлар осылай үнемі өрлеумен болғанда, халық ісіне қастық ойлаған арамза топтар, анық ел бойындағы паразиттердей боп, айқындала, таныла тоза береді. Ақыры, бәрі де ит өліміменен өмірлерін тауысады.

Қарағанды алыбын ұлғайтып, ұлы дәрежеге өсірген үлкен күштің молы – орыс халқының жұмысшылары, құрылыс басшысы, тәжірибелі совет мамандары болатын. Романның ішінде Шербаков, Лапшин, Козлов сияқты және басқа да көп ірі адамдар образдары жақсы іс-мінезбен қонымды суреттелген.

Ғабиденнің бұл шығармасының тағы бір көзге түсетін ерекше қасиеті – тіл шеберлігінде. Әсіресе Ғабиден диалогке мастер. Жанабіл сияқты, Ардақ сияқты геройларының сөз тапқырлығы, әзілқой жағы және басқа да орыс, қазақ адамдарының көңілді, қалжың, қаға сөздерге ұсталықтары оқушыны қатты сүйсіндірерліктей.

Бұл роман туралы толық тексеру, көлемді, көнеулі сын мен таныстыру сөздер кейін көп айтылатын болады. Қазақ совет әдебиетінің бүгінгі тақырыпқа жазылған, әзіргі көрінген шығармаларының арасында шоктығы биік бұл роман, жаңағы айтқандай, үлкен ойлы сындар, сапалы сындар талап ететініне күмән жоқ.

Бірақ кітап баспаға жана беріліп отыр. Жазушының бұл романын жарыққа шығарар алдында әлі де қосымша еңбек етіп, азды-кемді мін-мүлтікпен арылтып шығаруы шарт. Автордың өзі де осы кезде сондайлық соңғы мүсіндеу еңбегінің үстінде, сол себепті оған жолдастық сын ретінде, жәрдем боларлық кейбір кенестерді айту қажет.

Осы жағынан қарағанда, біздің ойымызша, романда бірнеше елеулі кемшіліктер мен ұсақ міндер де жоқ емес. Енді соларды атап өтейік.

Сол ретте, бірінші үлкен күдік туғызатын жай, Әлібекті суреттеуде. Бұл адам бойдактіс атымен Ғабиденнің алғашқы романы – “Өмір не өлімде” көп орын алған еді. Мынада басқа атпен келсе де, сол бір құнарсыз образ ана романдағы істерінің көбін қайталайды. Қызына жолығу, жолшыбай кісі өлтіру, маяны өртеу, тоғанды бұзу, кейін Қарағандыда обвал жасау, қызымен екі арасындағы қайшылықты тудыру, – бәрі де бұрын бір жазылған образдың іс-мінез, әрекетін қайталайды. Рас, бұл романда Әлібек барлық сұмырай мінездерімен үлкейе түскен. Бірақ сонда да, 1930 жылдар шығармаларында көп кездесетін схемалық түрде көрсетілетін зиянкестік тақырыптары мынандай реалистік дәрежесі өзге жақтарынан қатты өскен ірі көркем шығармада ілесе жүруге лайық емес сияқты. Әсіресе қайталаулар орынсыз көрінеді. Ол жау болсын, жауыз болсын, бірақ басқа адам боп, басқаша жаулық, жауыздық әрекеттер істеуі дұрысырақ болар еді. Бұнда және жақсы қыз Ардакпен екі арасы, оған және келіп ең жақсы коммунист Мейрамның өмір соқпағы кеп шиырласуы лайықты емес. Қазіргі кездегі жазылып жүрген социалистік реализм талаптарына үлкен жауап берерлік шығармаларда осындай жасанды және әсіресе арзан шытырман орынсыз көрінеді.

Романның көпшілік оқушыны арзан түрде қызықтырарлық, шетін түйін, шұғыл тартыстары осы адамның істеріне байланысты боп кететін жерлер аз емес. Сол көп болған сайын, және оның бір жағында, қатарында Ардақтай, Мейрамдай аса жақсы адамдар жанасып жүргендіктен, сыншы – оқушыға ұдайы өкініш, кірбең керексіз алаң бітіріп отырады. Әсіресе Мейрамның басын, бұл лаңды, жиренішті жақпен алыс ұстау қажет еді.

Романның осы желісі жасанды болғандықтан және ескірген ситуацияларға, конфликтерге құрылғандықтан, айқын кемшілік боп сезіледі.

Екінші бір даулы жай, романдағы орыс-қазақ жұмысшысының төбелесі. Бұған да қазіргі реалистік романда орын беру орайсыз сияқты. Берілетін болса, төбелес бастаған Бондаренконы романдағыдай жазықсыз адам тәрізді етпей,

Әлібек сияқты тамырлы, түбірлі қастық, бұзықтық ұстап келген кісі етіп көрсету қажет еді. Оны жолдастық сотта ақтап қол бермей, қылмысты сотында қандымойын жазалы етіп, кеңінен әшкерелесе, тәрбиелік мәні молырақ болар еді. Мына күйінде әрі-сәріде жамалған бұл мотив автордың ниетін ақтай алмай, жарым жолда қалып тұр.

Үшінші, романның алғашқы бөлімінде қиындықты, неше алуан жана тарих алдындағы қайшылықты суреттеу кең болғанмен, ол жақтағы уақиға тартыстың қызығы зиянкестік әрекеттер айналасына ауысыңқырап кеткен. Оқуға қызғылықты (арзан қызғылықты) конфликт сюжет жақсы адамдар жағында емес, жанағы жаман жандар жағына көбірек ауысып кеткен.

Төртінші кемшілік, романдағы орыс адамдарының интеллигенті – басшы қызметкері, мамандары, жұмысшылары – бәрі де сөзде анық орысқа ұқсамайды. Аттары орыс боп алынып, қарым-қатынаста, сезінуде, сөйлеуде ұдайы қазақ боп шығады. Қазақы мінез өзгелерден көрі барлық қасиет, қабілетімен, ішкі психологиясымен орыс адамын жақындай суреттелген Щербаковтың басында да бар. Оның көп сөзі “мен қазақпын” деп тұрғандай болудың үстіне, Мейрамға Ардақты теліп, жеңгетайлық етеді. Ол мінезден бұл романда жақсы жандардың бәрі де құр емес. Жанабіл, Шекер, Балжан, тіпті Анна Феодоровнаға шейін сол екі жасты бір-біріне ұзақ уақыт теліп жүреді. Бұлардың кейбіріне сыйса да, осы мінез көбіне лайық емес. Әсіресе Щербаковқа тіпті орынсыз берілген.

Жалпы, қайталап айтатынымыз – орыс адамдарын орысша ойлатып, орысша сезіндіріп, анық орысша сөйлету керек. Ол образдарды осылай шығармау біздің бауырлас елдер әдебиеттеріміздегі жетіспеген кемшілік есепті боп келген. “Қарағанды” сияқты үлкен реалистік романның осы жағын ойдағыдай аңғаруды социалистік реализмнің орынды талабының бірі дер едік.

Бұдан соңғы кемшіліктерінің көбі кейбір сөздердің, мінездерінің жасандылық, қонымсыздығында. Кей жерлерде асығыстық себебінен солай жеткендері де бар. Әкемен сөйлескенде, Ардақ сөзі (61-бет) және Ардақтың (75-бет) естегісі; онан соң (117–118-бб.) Мейрамды алдын ала мақтау, Щербаков, Жанабілдердің және Балжанның (126–127-бетте,

202-беттерде, 228-беттерде) ұдайы жеңгетайлық етулері бар. Кей жерлерде геройлардың аса ұзақ сөйлейтіндері де жоқ емес. Жиылыстан сырт жерде де Мейрам, Шербаковтар ұзақ-ұзақ сөйлей береді. Бұдан соңғы оңай түзелетін кемшіліктер Ғабиденнің тілі мен сөйлемдерінде де жоқ емес. Мысалы, 91-бетте локомотивті “қасқыр талаған қойдай” деп теңеу лайықсыз, сол бетте Иванды “Ешкімге жанаспайтын, сөз сүймейтін томырық адам” дейді. Сөз сүймейтін адамның бәрі томырық болу шарт емес. Ол ез бен ынжықтан да шыға алады. 95-бетте “Қалындау аузында сиректеу сақал” орынсыз сөйлем. Сол бетте “Тасшарыққа қайрап жатыр партия” – лайықсыз, 243-бетте “қанағат алғандық” – қанағат тапқандық деу керек. 270–276-беттерде суреттелген өндіріс кеңесі солғын, қызусыз, қызығы аз, схемалық сыпаттау болған. 283-бетте Антейді айтамын деп Прометейді атайды. Және сол теңеуді Ардақ Сталиннен бұрын қолданып қоймаған ба екен? 308-бетте “Адалдап өлтіру керек” дейді. Адалдап өлтіре ме екен!

Бұл сыналған сөз бен сөйлем кемшіліктерін автор қадағалап қараса, әлі де таба түсуге болатын сияқты. Мыналарды тек ескерту, ойландыру үшін аз мысал етіп айтып отырмыз.

Міне, осы жоғарыда саналған, бізше, елеулі көрінген үлкенді-кішілі кемшіліктер романнан әлде болса да жойылып, орындарына басқаша теңеулер салынғаны абзал болар еді.

Сол кемшіліктер автордың қабылдау мөлшеріне қарай түзеле түссе, романның тез басылуына тілектестік білдіргеннен басқа айтарымыз жоқ.

**ОТЗЫВ
О РАБОТЕ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
ИСКУССТВ КАЗАХСКОЙ ССР
Б.Г. ЕРЗАКОВИЧА “НАРОДНЫЕ ПЕСНИ
КАЗАХСТАНА”, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
(1952 г.)**

Развитие и расцвет советской казахской музыкальной культуры тесно связаны со всей предшествующей национальной музыкальной культурой казахского народа. Только при условии тщательного изучения и критического освоения народной музыкальной культуры прошлого может полнокровно расти и развиваться советская социалистическая музыкальная культура.

Советские композиторы и музыковеды после исторического Постановления ЦК ВКП (б) “Об опере “Великая дружба” успешно выполняют указания партии и правительства о необходимости творческого освоения классического наследия прошлого и народной музыки, о чем, в частности, свидетельствует и диссертационная работа Б.Г. Ерзаковича “Народные песни Казахстана”.

Композитор-этнограф Б.Г. Ерзакович, в течение 20 лет изучая и записывая народные казахские песни и кюи, является как бы продолжателем дела первого собирателя казахской народной музыки народного артиста Казахской ССР Александра Викторовича Затаевича, неопценимые труды которого известны всей советской общественности Казахстана и широкой музыкальной общественности Советского Союза.

Однако исследовательская работа Б.Г. Ерзаковича отличается от работы А.В. Затаевича, диссертант классифицирует жанры не по заголовкам песен (как это делал А.В. Заатеич), а исходя из их идейного смысла и содержания. Большое значение имеют и указания диссертанта на классовую неоднородность народной песенной культуры, на суровую борьбу между демократическим по содержанию искусством, отражающим истинные чаяния казахского народа, и реакционным, отражающим идеологию феодально-байской верхушки.

Работа Б.Г. Ерзаковича, построенная в основном на тщательном исследовании собственных нотных записей (а их у него более 2000), изложена в строгой научной последовательности и логичности.

Прежде чем дать характеристику данной работе диссертанта, я счел своим приятным долгом назвать и напомнить членам нашего ученого совета обо всем объеме и масштабах той поистине громадной, исторически значительной работы по собиранию и систематизации огромного множества народного музыкального творчества казахского народа, работы, длившейся в течение 20 лет, и которой вот уже 17–18 лет непрерывно питает Б.Г. Ерзакович всех без исключения композиторов, певцов и многих иных деятелей музыкально-театрального искусства нашей республики.

Б.Г. Ерзаковичем записаны музыкальные произведения народных композиторов, композиторов-поэтов и певцов, композиторов-акынов, как Курмангазы, Байсерке, Абая, Естая, Балуан Шолака, Кенена, Садыбека, Умбетали и др., им записаны лучшие образцы народных песен из репертуара таких выдающихся казахских певцов, как Амре, Аргынбаев, Жусупбек, Елюбай, Жамал, Куан и др.

Записи Б.Г. Ерзаковича широко использованы при создании казахских опер, симфоний, сюит, кантат, симфонических поэм такими известными композиторами, как Брусиловский, Чишко, Великанов, Жубанов, Зильбер, Тулебаев, Компанеец, Туликов и др.

Настоящая работа тов. Б.Г. Ерзаковича отражает лишь часть огромного труда собирателя, композитора, систематизатора обильного множества образцов казахской музыки.

В своей научной классификации, систематизации народной музыки тов. Ермакович очень близко сходится с фольклористами исследователями изустной народной поэзии казахов.

Установление общих черт народности, одинаковой идейно-классовой направленности и совпадения форм смежных видов духовной культуры казахского народа придает большую убедительность, почвенную органичность всему исследованию диссертанта.

Диссертационная работа “Народные песни Казахстана” имеет три главы: 1-я – о песенных жанрах дореволюционного Казахстана, 2-я – о новых песенных жанрах, возникших в советское время, и 3-я – теоретические выводы о некоторых особенностях казахского мелоса, его построениях и формах.

Первую главу диссертант аргументирует яркими музыкальными образцами народного песенного творчества, начиная с эпического жанра песен о Кобланды и о Козы Корпеш – Баян-Слу, кончая лирическими песнями и песнями о животных. Представленные в работе наиболее устойчивые в быту жанры и их подразделы, в достаточной мере музыкально характеризует громадный исторический период дореволюционного Казахстана, начиная с глубокой древности до Великой Октябрьской социалистической революции.

Вторая глава диссертационной работы представляет особый значительный, научный и художественный интерес, во-первых, по свежести и уникальности представленного в ней музыкального материала и, во-вторых, по своему идейно-художественному содержанию.

Великие социально-экономические изменения, произошедшие в Казахстане за годы советской власти, нашли свое отражение и в народном песенном творчестве. Большая заслуга автора заключается в том, что он один из первых в республике классифицировал современное творчество казахского народа в определенные песенные жанры, аргументируя каждый из них музыкальным образцом нотной записи и текста. Благодаря длительной и кропотливой исследовательской, музыкально-этнографической работе Б.Г. Ермаковича, который для сбора и записи народных со-

временных песен объездил большую часть громадной территории республики (как области: Северо-Казахстанская, Семипалатинская, Кокчетавская, Павлодарская, Джамбулская, Актюбинская, Акмолинская, Карагандинская и наконец Алма-Атинская), казахская музыка обогатилась собранием значительного количества новых по своему социальному содержанию песен. Таким образом недавние исторические события, которые в наше время воспринимаются как героическое прошлое, запечатлены в песнях периода Гражданской войны или в песнях о первых шагах колхозного и индустриального строительства, эти песни сохранены как художественно-исторические документы, значение которых сейчас трудно переоценить. Одним из главных достоинств 2-й главы являются представленные в ней народные казахские песни о великих вождях советского народа В.И. Ленине и И.В. Сталине. В этих подлинно народных песнях, вызванных к жизни высоким, искренним чувством благодарности патриотов Советской Родины за счастливую жизнь, полную трудового пафоса и небывалого культурно-экономического расцвета, звучат мотивы горячей любви и преданности казахского народа великим идеалам коммунистической партии и ее вождям, а также всем братским народам великого Советского Союза.

Особого внимания заслуживают песни о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Несомненно, этот героический период в истории Советского государства занимает и будет занимать значительное место в музыкальном творчестве всех народов нашей Родины. Вполне обоснованно и закономерно диссертант выделяет эти песни в отдельный жанр, т.к. он имеет самостоятельное идейное и художественное значение. Автор в стройной системе научного исследования и последовательности широко и максимально насыщенно представляет в своей работе все многообразие богатого песенного творчества казахского народа, созданного за годы советской власти.

Третья глава диссертационной работы содержит ряд важных исследований о ладовом мышлении и национальных формах песенного творчества казахского народа. Характеризуя национальные песенные формы терме и желдирме, народные инструменты и виды исполнительства, автор от-

мечает важную в фонетике казахского языка поглощаемость соседних гласных звуков, а также значение вкрапливаемых в слова с согласными окончаниями благозвучных междометий – ай, ал, ей и т.д.

Диссертационная работа тов. Ерзаковича не лишена и некоторых недостатков. Следовало в введении настоящей работы более критически, глубже и полнее раскрыть ошибочные взгляды Затаевича по поводу творчества Биржана, Абая и др. казахских композиторов. Также считаю необходимым критический анализ ошибочных положений книги А.К. Жубанова (вышедшей в 1942 г.) по поводу его оценки роли и личности Кенесары и Наурызбая, а также по поводу односторонней, безоговорочно положительной характеристики Ахана-серэ.

При классификации дореволюционных песен следовало “жоктау” (плач по умершему) отнести к группе песен печальных известий (“естерту”). Вызывает досаду отсутствие выводов по первой главе относительно дореволюционных песен. Следовало бы дать хотя бы в общих чертах содержание эпической поэмы “Кобланды”, а нотную запись привести с текстом, как дать тексты к таким песням, как “Елим-ай”, “Шал-кемпыр”, “Беташар” и др. Многие казахские тексты не представлены в своих лучших образцах, это относится к текстам песен “Ерен ер”, “Кулагер”, “Кызыл бидай” и др. Автор не отмечает прогрессивного значения творчества народных казахских композиторов 19 века – Биржана, Мухита и др., творчество которых несомненно оказало влияние на формирование современной казахской музыкальной интонации. При окончательной подготовке работы к печати необходимо тщательно выверить казахские тексты песен, а также устранить грамматические ошибки, вкравшиеся по вине машинистки в русский текст исследования.

Работа заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Б.Г. Ерзаковича “Народные песни Казахстана”, имеющая большое научное и практическое значение, дает полное основание на присуждение ему искомой степени кандидата искусствоведения.

М. ҒАБДУЛЛИН ЖАЗҒАН 8-КЛАСҚА АРНАЛҒАН “ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІ” АТТЫ ОҚУ ҚҰРАЛЫ ЖӨНІНДЕ РЕЦЕНЗИЯ (1953 ж.)

Бұл кітап бұрын осы класқа арналған оқу құралының көп қателіктерін, кемшіліктерін (саяси-идеологиялық қателіктерін, ғылымдық қателіктерін, методикалық кемшіліктерін) еске ала отырып, мүлде тыңнан жазылған еңбек деуге болады.

Кітаптың әсіресе бағалы жағы, соңғы жылдарда идеология майданында болған партиялық әділ сындарды қатты қадағалап, ескергендік байқалады. Республикалық баспасөз жүзінде және көп дискуссияларда, сын мәжілістерде сыналған, әшкереленген қателік жайларды жаңаша қарап, ғылымдық жағынан дәлелді, орынды түрде мүлде жаңаша талдап, таныту талабы бар.

Кітапқа кірген әдебиеттің үлгілері, материалдар — барлығы да орнымен жете ойланып, дұрыс тандалып алынғаны байқалады. Автордың бұл оқу құралын жазудағы тағы бір жағымды ерекшелігі осы кітапты жазған тілінде деуге болады. Бұрынғы оқу құралдарынан бұл кітап дұрысырақ тілмен, ұғымды, анық, ашық, орамды тілмен жазылған.

Бірақ, осы айтылған және де басқа көп елеулі жаналықтары, жақсы қасиеттері бола тұрумен қатар, осы оқу құралының әлі де көп істелетін кемшілік, олқылықтары бар сияқты. Қазіргі рецензияның міндеті — автор еңбегінің ойдағыдай толық, татымды еңбек болып шығуына көмектесуде. Сондықтан кітаптың бойында бар бұрынғы оқу құралдарынан анық артық ерекшеліктерін талдап, сондай-ақ біз ендігі сөзді авторға жәрдем боларлық, кемшін деген жайларды талдап көрсетуге арнаймыз.

1. Кітаптың “Кіріспе” бөлімі – 47 бет. Ал бар кітап 233 бет болғанда, қаншалық бағалы ойларды құрастырғанымен, пропорция жағынан алғанда, бұл көлемі кіріспе үшін аса ұзақ. Кіріспе кітаптың бестен бірін алмай, әлдеқайда қысқартылуы керек.

2. 40-бетте Добролюбовтың “халық қолданып жүрген фольклор арасында халықтың өзінікі емес, тумалар да араласа жүретінін” айтқан, ашқан пікірі анықтап айтылу керек. Бұл көп жайларды ғылымдық тұрғыдан жақсы шешетін пікір болатын-ды.

3. 45-бетте синкретизм бекер аталған, ол А.Н. Веселовский кіргізген көзқарас болатын-ды.

4. 47-бетте жанрдың не екені анықтап ашылып, оқу құралына қажет түрде тұжырымды боп шешілу шарт.

5. 53–54-беттерде жылқы мен түйенің шаруалық қасиеттерін қажетсіз ұзақ таратып айтқан. Және әдебиетсіз экономикалық очеркте баяндалғандай, көп сөзге айналған. Жылқы, түйе жайын айтқанда да ауызша әдебиеттің өзі арқылы айту шарт екені ұмытылған.

6. Мал шаруашылығына байланысты сан салалы, мыңалуан сөздердің қазақ халқының тіл қорында ерте күндерде және бүгінгі әдебиеттік тілде де ерекше мол орын алатыны айтылмаған.

7. Салт өлеңдерінің ішінде бұрынғы қоғамда әйел халінің бар ауыртпалығын көрсететін үлгілердің барлығы аталмағаны несі? Оларды тамашалау тұрғысынан алмай, Поль Лафарг айтқандай, “үйлену үстіндегі өлеңдер әйел халінің ауыртпалығын әшкерелейді” деп алу қажет емес пе? Бұрынғы қате жазылған оқу құралында бұл жайды асыра сөйлеу болса, мына оқу құралында жасыра сөйлеу жақсы дегеніміз бе?

8. 63-бетте хайуанаттар жайын айтқанда, олардың кейбірі турасындағы әңгімелер тотемдік түсінікті танытатынын атау керек.

9. 89-бетте мәтелдің мәнін түсіндіру жеткілікті емес.

10. 89–95-беттердің арасында жұмбақ жайы аса ұсақ және де пропорциясы қолайсыз түрде ұзақ талданған. Оның үстіне, жұмбақты талдауға көп орын берсе де, мұны бөтен таптың да көп пайдаланғаны әшкереленбеген. Және жұмбақ халықтың тілін саралап сұрыптайтыны, жұртты тіл

шеберлігіне үйрететіні, төселдіретіні жағынан зерттелмеген.

11. Қобыланды Алтын Орда батыры дегенді кесіп айту әлі шешілмеген мәселе. Қобыландының өзі турасындағы жырда қай вариантын алсақ та, хандық, Алтын Ордалық сыпат жоқ. Ал Алтын Орданың бегі Едіге турасындағы жырда Қобыланды сияқты Едігеден бұрын халық аузында мәлім боп жүрген талай арғы алыс заман адамдарының аты аталуға болады. Үстем тап халық аузындағы қазынаны өз керегіне бұрып пайдалану үшін солай етуге де болады. Соған қарап шығарманың бар жайын шешуге бола ма? Және “Қобыландының” хандық, феодалдық салт-санадан туған варианты (мысалы, Марабай варианты) болумен қатар, халықтық варианты анық бар шығарма. Мұндай көп вариантты, бірнеше тап пайдаланған шығармалар жайын ойланып, аса жауапты түрде шешу шарт. Феодалдық варианты болған күнде де, оны сынап, әшкерелеп, халықтық варианты ішіндегі қайшылық, кемшіліктерімен басқаша сынап, талдап беру дұрыс емес пе? Тек бір жақты белгіге қарап, тек қана феодалдарға бере салу жауапты шешу болмайды. Онан соң, Алтын Орда дәуірінде әр алуан эпос туды. Онда хан мен бектер эпосы (мысалы, Едіге циклы) туып тарауымен қатар, Алтын Ордаға қараған, Алтын Орда тарапынан езілген халық, рулардың ашық халықтық, патриоттық эпосы туған жоқ, болған жоқ деп кесіп айтуға бола ма? Онда халықты ұзақ дәуір бойында творчестволық өнерден, қасиеттен құралақан, тысқары қалды дейміз бе? Ол кімнің көзқарасы болады? Бұл бұрынғы буржуазия оқымыстыларының “фольклор, эпос атаулы тек феодалдар табының ғана шығармасы болған-ды” — деген көзқарасын нақтау болып шықпай ма? Және де бір үлкен мәселе, Добролюбовтың дұрыс айтуы бойынша орыс халқының дүниеге мәлім атақты батырлық эпосы — орыс халқының тарихы дәуірлеп, өскелеңдеп тұрған шағында тумаған, қайта батырлық, ерлік халық тарихына, тірлігіне аса қажет болып тұрған ауыртпашылық заманында, езілу заманында әсіресе мол туып тараған. Орыстың барлық батыр жырлары Татарское иго дәуірінде туған. Бұл жайларды “Қобыланды” сияқты жырдың варианттарын тексеру кезінде қатты ескермей болмайды.

12. Салт-санасы жат батыр жырларын санағанда, авторда түсініксіз сынаржақтық байқалады. “Қарасай-Қази”, “Шора” сияқты, “Орақ-Мамай” сияқты жырлардағы халыққа жат, жаулық идеология мүлде аталмай, бүркемеде қалған. Әсіресе “Шорадағы”, оны бастырушылардағы орыс халқына жаулық белгілер бүгінгі оқушылардан жасырылып қалуға бола ма?

13. 108-беттегі және 123-беттегі Қамбар жайын талдауда екіұдайылық бар. Басында Қамбардан қайшылық табады да, кейін қайшылық дегенін қасиетке айналдырады. Анығында, Қамбардың соңғы әрекеттері, біздіңше, қайшылық емес. Ол туралы жылжи бермей, тап басып анық, ашық байлаулы, жағымды не жағымсыз деген тұрақты пікірге келу керек.

14. “Правда” газетінің 1938 жылы батырлар турасында айтқан басшылық пікірін жақсылап талдап, осы “Қамбар” жыры тұсында беру шарт.

15. 109-бетте жолдас Сталиннің салыстырма тарихтық метод жайындағы тек қана тіл мәселесіне арнап айтқан пікірін бұл кітаптың авторы әдебиет тарихына да қолдануға болады деп ұғынғандай. Ол әзірше мүлде шешілмеген мәселе. Бүгінгі қолдануда автор жолдас Сталин пікірін вульгаризацияға айналдырады. Өйткені әдебиеттегі салыстырма тарихтық әдіс тілдегі салыстыма-тарихтық әдістен бөлек, олардың тек аты ғана ұқсас. Және әдебиеттегі бұл әдістің атасы әшкереленген, буржуазиялық оқымысты, космополит А.Н. Веселовский екенін естен шығаруға болмайды.

16. 117–119-беттердегі материал бұл орынға кірмейтін, кіріспеге ғана лайығы бар материал.

17. 134-бетте Потанин жайын айтқанда, оның буржуазиялық космополиттік теорияға көп салынып, шатасқан жерін де әшкерелеу керек.

18. Қозы Көрпеш жөніндегі тексеруде көп даулы теріс пікірлер бар. Қозыны өлтірмеудің өзі ғана феодалдық вариант деп байлау ғылымдық салмақты пікір болу былай тұрсын, өте шикі, ұшқары, шалағай қорытынды. Оқу құралына ондай әлдеқалай жеңілдіктер кірудің жөні жоқ. Екінші, бұл эпосты Шоқан жазып алды дегені өрескел жалған. Шоқан жазған вариант жарияланған жоқ. Осы оқу құралында автор тексеріп отырған және сан жерде цитата

алып отырған вариант кім варианты екен? Ол автордың өзі осы оқу құралында жамандап, мансұк етіп отырған Бейсембай айтқан вариант. Рас, мұның ішінде Бейсембайдың атауы бойынша Сыбанбай, Бекбау, Жанақ ақындардың айтқан варианттарының да үлестері болу керек. Бейсембайдың алдындағы соңғы айтушы Жанақ болғандықтан, біз бұл вариантта үлкен ақын Жанақтың үлесі көп деп айтатынамыз рас. Бірақ өзінің аузынан жазылып алынған Бейсембайдың үлесі жырдың басынан-аяғына шейін араласқан жоқ, оныкі тек жаманшылық қана деген, жағымсыздық қана деген байлау жасауға автордың не дәлелі, дерегі бар? Ол мәлімсіз. Онан соң, Қодардың жөніндегі жамандау сөздердің арғы-бергісінің барлығын арзан жолмен ақтау үшін Қодарды мырза деп шығарып, байлау жасау да ұшқары нәрсе. Қай күнде де Қодар алданған кісі емес пе? Қарабай “тоқсан мынды шөлден құтқарып бер, сол үшін саған Баянды берем” деген жерде бұл қызын бұрын Қозыға атастырған деп айтқан жоқ, жасырған ғой. Ендеше, Қодар Баян үшін ертегілік еңбек, қаһармандығын көрсеткенде Баянды біреудің жесірі екен деп білген жоқ қой. Ол Баянды адал еңбегім үшін алдым деп жүр ғой. Бұл жайларды ойламай, сыңаржақ шеше салуға болмайды. Қодар мырза болса ғана, соның өзімен ғана жағымсыз образ бола қоя ма екен? Эпоста, қай халықтың эпосын қарасаңыз да, геройдың жағымды, жағымсыздығы тек байлық, кедейлігінен шешіле бермейді. Олай қараудың өзі де вульгаризация ғой. Орыстың бар батыры туысында кедей болғанымен, кейін стальной князь Владимирдің сарай батырлары ғой. Рүстем кім? Таризель кім еді? Фархад — қытайдың принці. Оқу құралында мұндай вульгаризацияны жеңілдікпен қолдану орынсыз. Екінші тараптан, автор Қозыны кедей етіп көрсетем дейді. Сондықтан цитата келтіріп, 138-бетте:

Қарабай, менмін жарлы, сенсің малды,
Бір өкпеден басқа асың қайда қалды? —

дегенді келтіреді. Бұл тіпті өрескел, күлкі жәй. Ол сөзді шын Қозы айтпайды, тазша болып, Қарабайдың қойын жайып жүрген жасырын Қозы айтады емес пе? Тағы бір қызықты, автор осы цитатаны және де жаңағы өзі мансұк

еткен Бейсембайдың вариантынан алып келтіріп отыр. Сөйтеді де, Жанақ өлеңі Қозы Көрпешті тапқан боп, оны Шоқан жазды деп алған боп, аса түсініксіз түрде, неше алуан шалғай, жалған талдау, байлау жасайды. Жалпы Қозы Көрпеш жайындағы тексеруі түгелімен тереңдеп қайтадан каралуы керек. Сонда, әсіресе Қодар жөніндегі арғы-бергі ақындар айтудағы қайшылықтың таптық сыры терең ашылу керек. Қодарды автордың өзі Жанақ варианты деп отырған вариантта және бұрынғы басқа вариантта да “Қодар құл” деп қорлап отыратындары бар. Мұны қалай жасырып, жалтара сөйлеуге болады? Сондай жайлардың барлық қайшылығы мен таптық сыры, шыны терең ашылу қажет емес пе? Оқу құралына, әсіресе мұндайлық мектеп балалары естіп, біліп жүрген жайлардың бірталайын әдейі көрмегенсіп, жасырып қойып, жалтара сөйлеуге мүмкін емес.

19. “Қыз Жібек”, “Айман – Шолпан” тәрізді бұрын мектепбалалары көпоқыған, оларға көп дәріптелген шығармалар неге мүлде атаусыз қалды? Әсіресе, “Қыз Жібектегі” әменгерлік жесірлікті дәріптеген аса сорақы ақсақалдық, патриархалдық салт-сана неліктен әшкереленбей қалады? Ол жайды үндемеудің мәнін қалай түсіну керек? Бұрын оқу құралында мақталған, таптық, идеялық сыры әшкереленбеген “Қыз Жібек” сол бұрынғы түсінік бойынша қала береді дегеніміз бе? Екінші жақтан, “Айман – Шолпанда” феодал зорлықшы, жуан содырлар қатты әшкереленіп, мазақ етілетіні енді неге жана оқу құралында жақсылап тұрып ашылып айтылмайды? Тегі, лиро-эпостың ішінде “Қамбар” қатарлы халықтық сыны, сапасы күшті шығарма осы “Айман – Шолпан” екені анықталып, жеке бөлім болып талданып берілу керек.

20. Айтыстарды талдағанда салт айтысының қатарына 149-бетте “Қыз-жігіт айтысы” дегенді қосу дұрыс емес. Ол орынсыз жік.

21. 164-бетте “Біржан – Сара” айтысы тек “Сараның аузынан жазылған” деген ұшқары. Ең дұрысы, олардың айтысы болған, бірақ кейін көп айтушылар аузында талай өзгеріске түскен. Бергін келіп жазылған деу керек. Болмаса “Сараның аузынан өзім жазып алдым” деп Қазанда бастырушы Жүсіпбек Қожа Шайхислам болатын. Ол қазақ фоль-

клорына, қазақ әдебиетіне уақытында неше алуан жалған, жаңылыстар кіргізген. Өзге сорақылықтарынан бұрын өтірікші жинаушы болатын. Мәлік енді келіп Сараның аузынан жазылған деген пікірді қостаймыз деумен бірден Жұмалиевтің шалағайлығын қайталайды. Екінші, Жүсіпбек Шайхисламды қолдап, құптайды. Ол кімге керек? Және де ұзақ тексеру жасағанда, бұл шығарманың көркемдік қасиеттерін тереңдеп аша алмаумен бірге, әсіресе салт-саналық қайшылықтарын түгел әшкерелей алмаған.

22. 177-бетте Бұхар жыраудың жайын айтқанда, кеше ғана мектепте оқу құралы боп келген Жұмалиев кітабындағы орасан сынаржақтық, саяси қателік аса айқын сыналып, көрсетілу қажет. Ол әсіресе оқу құралы болғандықтан және әсіресе кешегі күнге дейін оқушылар қолында болғандықтан, автор мұндай жайда үнемі жауапты ойлау керек. Оның үстіне, осындай жайларда балалардың қолында болған, 1951 жылға шейін қайталап келген Оқу министрлігінің программалары да үнемі сыналып отыру керек. Мына оқу құралының ішінде автор бірде-бір жерде оны атамайды. Бұл орынсыз кемшілік.

23. 186-беттен 193-бетке шейін Исатай қозғалысы туралы жалпы түсінік беру аса ұзақ. Оны қысқарту керек. Және 191-бетте Махамбет қайшылығын аша түскенде, орыс халқының, жалпы Россияның қазақ тарихына пайдалы жақсылықтарын түсінбегендігін айрықша атап айту қажет. Онан соң, 198-бетте Махамбет реалист деген айрықша талдау жасау орынсыз. Реалист деп, анық әдебиет тарихи ғылымы талабынан, тұрғысынан қарағанда, Махамбет сияқты ақынды айтпайды. Ол да бір бұрынғы оқу құралы авторының білімсіздікпен айтып жүрген ұшқары, шалағай байлауы. Орыс әдебиетінде анық реалистерді XIX ғасырдың 30, 40, 50-жылдарында ғана болды деп, туды деп айтады. Бізде реалист деген атқа революциядан бұрын ие болған бірінші жазушы тек Абай ғана деп айту керек. Реалист деуде ғылымдық аса мән бар. Ол жан-жақты, анық, толық мәдениеттік, көркемдікпен піскен шығармаларға қарап отырып қана жасалатын байлау. Махамбеттердегі сипатты тек шектеп қана реалистические черты дегендей түрде ғана айтуға болады. Бірақ ол ешуақытта піскен, толған реализм

емес. Ал Махамбет реалист деген жекеше бөлімше үлкен жауапты байлау боп шығады.

24. Кітапқа кірген әдебиеттік материалдар Махамбеттен сон бір-ақ аттап, советтік дәуірге түсудің себебі түсініксіз. Бұл, біздің ойымызша, дәлелденбеген және ойланылмаған сұрыптау. Орта жолда, аз сөзбен болса да, Алтынсарин, Абайлардағы халықтық қасиеттер айтылса болар еді. Және сол қатарда кеше ғана оқу құралдарында дәріптеліп келген Шортанбай, Мұраттарды тек 9-класта ғана барып аңғарасың демей, осы кітапта да бір-екі бетпен болса да әшкерелеп кету қажет болар еді.

25. 204–233-беттер арасында совет әдебиетінің бөлімі жазылған. Бұл бөлім оқу құралының тілімен методикалық, педагогикалық әдіспен жазылудың орнына, журналдық мақала тәрізді жазылған. Көбінше әдебиеттік шығармалар арқылы тексерулер беру орнына, жалпы тарихтық, саясаттық, шаруашылық жайларды автор өз тарапынан ұзақтап баяндай береді. Осы себепті бұл бөлім, алдыңғы бөлімдер сияқты, нақтылы конкретті түрде, оқу құралына лайықты боп түгелінен қайта жазылу керек.

Осындай ұсынысты “Кіріспе” бөлім туралы да айтамыз. Ол, 47 бет ұзақ болудың үстіне, оқу құралының тәртібінен, қалпынан гөрі журналдық мақала ретінде жазылып кеткен. Автор кіріспе турасында бұл жайды да қатты ескеру шарт.

Кей бөлімдерде автордың ұзақ сөйлемдер қолданып, оқу құралының ерекшеліктерін ескермей кететіні бар. Бірақ бұл үлкен мін есебінде көрсетіліп отырған жоқ. Тегінде, жоғарыда 25 бөліммен көрсетілген анық елеулі кемшіліктерден басқа кітап ішінде жеке сөйлемдер, сөздер турасында түзеуді қажет ететін бірталай ұсақ кемшіліктер бар. Бірақ олардың жайын әзір тізбейміз, қажет болса, авторға нақтылап кейін санап беруге болады.

Сөйтіп, қорыта келе тағы айтарымыз, осы автор бұл оқу құралын жазып шыға алады. Бірақ жоғарыда айтылған елеулі жайларды түгелімен ойлана қарап, қайта түзеп жазып шығуы аса қажет деп білеміз.

**ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
Т. ИМАНАЛИЕВА К.И. НА ТЕМУ
“КИРГИЗСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА”
(1953 г.)**

В настоящем исследовании автор поставил перед собою обширную задачу обобщающего анализа литературного процесса ряда лет в письменной поэзии Советского Киргизстана.

Несмотря на сложность этой задачи и также на обилие разнохарактерного материала объекта изучения, тов. Иманалиев доказал свою подготовленность к зрелому и самостоятельному историко-литературному исследованию.

В процессе работы над диссертацией автор тщательно, критически серьезно изучил творчество киргизских поэтов старшего и младшего поколений за годы Отечественной войны. При этом изучении и отборе исследуемого материала диссертант представил широкий охват весьма разнообразного поэтического материала. И в результате выполнена благодарная задача монографического, углубленного изучения новейших достижений киргизской советской поэзии.

Особым достоинством работы нужно считать явное старание автора осветить литературную жизнь определенного периода в движении, динамике роста, идейной закалки и постепенном повышении мастерства поэтов в пути овладения ими тематического фронта и тыла за годы войны.

На всем протяжении своего труда т. Иманалиев дает анализы, свежие критические оценки, суммирует свои ори-

гинальные наблюдения, мысли не только исходя из актуальной тематики или идейной направленности тех или иных произведений периода Отечественной войны. Не ослабляя повышенных требований к произведениям об органическом сочетании в них идейно-тематической злободневности с задачами художественной полноты произведений, диссертант внимательно прослеживает, систематически освещает и особо выделяет проблему овладения методом социалистического реализма в наилучших достижениях киргизской поэзии.

Еще одним заметным достоинством диссертации является то, что все положительные наблюдения и выводы в ней не превращаются в любование или в апологетическое славословие тому или иному автору. Работа в достаточной степени взыскательна, критична к любому произведению любого изучаемого автора, вместе с тем она и принципиально объективна в своих требованиях к поэтам. С этой стороны диссертация т. Иманалиева действительно сможет весьма полезно включиться в живой литературный процесс наших дней как труд, делающий обоснованные выводы и важные критические замечания на пользу исследуемых поэтов Советской Киргизии.

Изучая степень роста киргизской поэзии за годы войны, автор не берет литературу этого периода изолированно, а устанавливает ее связи с литературой предшествующих лет. Особенно ценны в этом смысле неоднократные упоминания о серьезном, значительном влиянии русской советской поэзии, в частности творчества Маяковского, на формирование и эволюцию творчества многих поэтов Киргизии. Вместе с этим убедительно раскрыта известная односторонность обращения киргизских поэтов к наследию Маяковского, когда агитационная сущность его наследия воспринята без глубокого освещения его художественных традиций и поэтической культуры в целом.

Справедливо устанавливая подобные явления, особенно характерные для начальной стадии развития поэзии военных лет, т. Иманалиев систематически отмечает случаи повышения художественного качества отдельных стихов и поэм в связи с учебой киргизских поэтов у передовой русской советской поэзии в последующие годы.

Необходимо особо отметить достаточно высокий идейно-политический уровень диссертации, опирающейся во всех своих частях на теоретические положения, высказывания Ленина, Сталина по многим и многим вопросам истории, теории социалистической культуры, экономики, языка и литературы в различные этапы революции и социалистического строительства в бывших колониальных окраинах России.

Знакомясь с настоящей диссертацией, можно получить вполне ясное представление о том, как и в какой степени оригинально и талантливо отражали в своем творчестве ряда лет тематику фронта и тыла крупные киргизские поэты Токомбаев, Бокомбаев, Турусбеков, какие вместе с тем были ошибки, недостатки идейно-художественного порядка в творчестве тех же Токомбаева и Бокомбаева. Из диссертации также можно получить полные сведения об ошибочной трактовке героизма на фронте Отечественной войны в плане натуралистического, упрощенного и примитивного уподобления его героике эпической фольклорной старины.

Диссертант подробно анализирует, убедительно раскрывает и художественную незрелость, а также идейную ошибочность, порочность отдельных произведений поэтов Маликова, Уметалиева и некоторых молодых поэтов, впадающих в идеализацию древней героики в описании фактов и событий Отечественной войны.

Умело и конкретно точно устанавливает т. Иманалиев и все удачные случаи образно-стилистической, поэтической выразительности, художественной зрелости у тех же перечисленных выше поэтов, когда они следуют в своем творчестве методу социалистического реализма.

К положительному качеству работы т. Иманалиева также необходимо отнести язык и стиль изложения материала. Красочный и выразительный язык автора оказался вполне соответствующим задаче научного критического изучения поэтических образцов.

Отмечая перечисленные выше достоинства диссертации т. Иманалиева, нужно указать и на отдельные недостатки и недочеты в данном труде. При этом два наиболее серьезных возражения, высказанных мной по первоначальной руко-

писи диссертации, учтены автором в последней редакции ее. Они относились, во-первых, к вопросу о необходимости отдельного, сравнительного изучения устно-поэтического творчества военных лет от письменной советской поэзии и о необходимости анализа фактов взаимопроникновения, взаимовлияния этих сосуществовавших рядов поэзии. Во-вторых, замечание сводилось к тому, чтобы автор диссертации отмечал и квалифицировал недостатки, ошибки поэтов как факты натурализма в творчестве и как отступление от метода социалистического реализма.

Дальнейшие замечания о недостатках диссертации делаются нами по разделам и по страницам рукописи автора.

1. Страдают длиннотами начальные страницы “введения”, посвященные самой войне (а не отражению ее в литературе), и также упоминания о состоянии киргизской литературы довоенных периодов в целом.

2. В главе 1-й также пространно и в порядке перечня, без характеристик, повторяются пути, этапы, пройденные киргизской советской литературой, и огромное большинство поэтической продукции предыдущих лет, без дифференциации названий, одним определением “Чакыргы ырлар” (призывные стихи), не указаны индивидуальные различия отдельных поэтов между собою (33–41 стр.).

3. Во второй главе необходимо сократить вступительную часть (с 67 до 73 стр.), описывающую события войны в отрыве от исследуемой поэзии.

4. На страницах 104–105 распространенный перечень имен поэтов и названий произведений необходимо заменить дифференцированной характеристикой образцов, свидетельствующих о своем голосе, индивидуальном почерке того или иного выделившегося автора.

5. На страницах 130–131 было бы важно наряду с установлением фактов обращения поэтов к приемам старинной былины, критически оценить подобные явления как возврат поэтов к натурализму, как факт отхода от метода социалистического реализма.

Эти же положения необходимо распространить на еще более убедительные примеры идеализации прошлого у поэтов Маликова, Уметалиева и др. (стр.142–143).

6. На страницах 204–206 необходимо заменить анализом, разбором произведения ненужное и длинное переложение содержания поэмы о герое Чолнонбае.

7. На страницах 247–248 правильное и критическое указание автора относительно увлечения архаизмами до степени идеализации их у отдельных поэтов также необходимо рассматривать в связи с задачами овладения методом социалистического реализма.

Указывая на перечисленные здесь недостатки диссертации и на необходимость исправления их и одновременно с этим учитывая серьезные положительные качества ее, могущие оказать свое полезное действие в развитии киргизской советской поэзии наших дней, нахожу настоящую диссертационную работу вполне достойной для присвоения ее автору ученой степени кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
т. ТАШТЕМИРОВА ЖАКЫПА НА ТЕМУ
“ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ КИРГИЗСКОГО
НАРОДНОГО АКЫНА ТОГОЛОК МОЛДО”
(1953 г.)

Автор настоящей диссертации т. Таштемиров, являясь писателем-прозаиком, членом Союза советских писателей Киргизии, уже много времени занимается изучением отдельных проблем и значительных фактов киргизской литературы. Им же составлены учебники для средних школ (8–9 классов) по истории киргизской литературы. А в числе немногих исследователей жизни и творчества крупнейшего киргизского акына Тоголок Молдо, т.Таштемиров стал за многие годы его собирательской деятельности, исследования и редактирования творческого наследия Тоголок Молдо самым компетентным знатоком обширного по тематике и жанровому разнообразию и огромнейшего по объему наследия народного акына. В данной своей диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, тов. Таштемиров решает серьезную задачу научного, критического освоения всего богатого наследия Тоголок Молдо.

До настоящей работы диссертанта не было в Киргизии разностороннего, углубленного изучения творчества поэта, хотя историография этого вопроса, как она освещена объективно во введении диссертации, насчитывает целый ряд больших и малых работ научно-исследовательского, критического, популяризаторского и аннотационного характера или порядка комментариев к отдельным изданиям. Правда,

несмотря на наличие подобных неоднократных обращений к наследию Тоголок Молдо, не имелось ни полных биографических данных, ни солидных изданий его трудов. Не было накопленных достаточных данных для монографического труда (каковым является настоящая диссертация т. Таштемирова).

К заслугам диссертанта справедливо отнести восполнение многих пробелов в отношении Тоголок Молдо, изыскания и сбор необходимых данных для исследования.

В результате подобной огромной работы Таштемирова достаточно прояснен долгий, плодотворный путь творчества Тоголок Молдо от изустного певца-импровизатора до поэта-просветителя и представителя письменной поэзии и до зачинателя советской народной поэзии в революционной истории Киргизии.

Еще одним замечательным достоинством диссертации является тщательное, полное освещение всего наследия поэта. Частично, и главным образом, в основных своих моментах работа представляет критическое исследование материала. За редкими исключениями, на которые указывают, автор диссертации, анализируя творчество Тоголок Молдо, не впадает в одностороннее любование объектом своего изучения. Вместо подобной антинаучной тенденциозности, он стремится осветить материал жизни и творчества поэта в плане диалектического, критического освоения этого материала.

Подобное стремление автора явствует в каждой главе диссертации, наиболее полно оно отразилось в тех подглавках, где систематически указываются народные варианты, изустные формы бытования сюжета множества жанровых произведений Тоголок Молдо и где раскрыты степень и качество авторской доработки народного акына. Диссертант не стремится излишне преувеличивать значение отдельных работ акына. Как на результаты исторической ограниченности мировоззрения Тоголок Молдо, справедливо, критически указано на отрицательные примеры творчества его, когда акын перепевает мотивы “Заманов”, ошибочно следуя примеру реакционных акынов, предвестников своих. А в случаях, когда отдельные произведения поэта, как “Тарихка”, отражают глубокий идейный срыв его,

т. Таштемиров достаточно полно и последовательно раскрывает причины его. Он правильно указывает на влияние феодально-патриархальной идеологии киргизского манапства на произведения Тоголок Молдо и также, главным образом, разоблачает влияние пантюристской идеологии киргизских буржуазных националистов, стремившихся повлиять на характер творчества талантливых акынов путем даже непосредственного заказа, как это было в данном случае с Тоголок Молдо.

Помимо указанных положительных моментов, основным достоинством данного исследования необходимо признать его обстоятельную широту, насыщенность познавательным материалом и полноту охвата всего огромнейшего и разнообразного поэтического наследия Тоголок Молдо за шестидесятилетний путь его творческой деятельности.

Начав с “Кошоков” и “Арманов”, т.е. с самых распространенных форм и жанров бытовой изустной поэзии, и внося в них свои индивидуальные акынские новшества, главным образом социально-исторического, народного направления, Тоголок Молдо дошел до создания реалистических поэм: “Озгорум”, “Еркиндик” и т.д. В этих поэмах революционной идее, содержанию их соответствует и мастерство советского народного акына, следующего методу социалистического реализма в своем творчестве.

Огромен не только диапазон мыслей и чувств, отраженный в этих далеких друг от друга различных произведениях начала и конца творческой деятельности акына. Велика и историческая действительность, определившая такой необычайно содержательный, поступательно-прогрессирующий и революционирующий творческий путь, который, по справедливому определению диссертанта, является художественным отражением истории киргизского общества за более чем полувековой период его жизни.

В диссертации дан убедительный анализ произведений акына в различные этапы его творчества. Не вызывает возражений избранный т. Таштемировым метод разбора произведений каждого отдельного периода по жанровым признакам. Так, во второй главе, освещающей весь в целом, весь дооктябрьский период творчества Тоголок Молдо, разобраны по жанрам: “Кошоки”, “Арманы”, “Любовная

лирика”, “Перепевы народных сюжетов”, “Исторические легенды”, “Наставительные песни”, “Сатира”, “Басни, аллегории” и т.д. А в третьей главе, посвященной творчеству акына за годы революции, по тем же жанровым признакам выделены: “Поэмы”, “Посвящения”, “Изобличительные песни против манапов”. Особым разделом выделены песни акына, ставшего восторженным, вдохновенным певцом сталинской эпохи, песни, воспевающие образы Ленина, Сталина, Советскую Конституцию, и песни, рожденные в Москве, в юрте Джамбула и т.д.

Диссертация характеризует не только идейно-тематическую сущность отдельных произведений, но дает полное представление и о форме, о мастерстве выполнения того или иного произведения.

Останавливаясь на вопросах обновления формы, обогащения приемов и индивидуальной манеры акына в различных жанрах его творчества, диссертант обстоятельно разбирает моменты творческой эволюции Тоголок Молдо. Дополняя собранными лично данными творческую историю отдельных произведений, т. Таштемиров устанавливает связи их с творчеством казахских, татарских и других поэтов, как Абай, Джамбул, Касры Кассум и др. Вполне убедительны и высказывания диссертанта относительно влияния русской классической поэзии (в частности, через существовавшие переводы их на казахском, татарском языках) на формирование демократических взглядов, просветительских идей у Тоголок Молдо.

Оригинальны и правильны наблюдения и выводы диссертанта и по части стилистических особенностей, новаторства формы, языковых новшеств акына в его крупных произведениях. Хотя исследования стиля, особенностей формы творчества Тоголок Молдо выделены в особую, четвертую главу, но эти анализы не оторваны от конкретных произведений, наоборот, как сумма наблюдений над многими фактами, это выделение приобретает здесь значение обобщенных итогов по части стиля исследуемого акына.

На всем своем протяжении, в своих основных исторических, социально-классовых и идейно-теоретических положениях диссертация опирается на учения основоположников марксизма-ленинизма.

Начиная с введения, кончая заключением своим, диссертация в случаях обобщающих идейно-политических выводов исходит из теоретических, основополагающих трудов, мыслей Ленина и Сталина.

Но наряду со всеми перечисленными достижениями, данная диссертация страдает и отдельными недостатками, порою серьезного характера.

Во-первых, в частях диссертации, упоминающих о народных, изустных источниках отдельных произведений акына, т. Таштемирову следовало раскрывать глубже, обосновывать полнее моменты авторства Тоголок Молдо, живое повсеместное бытование среди народа отдельных “тамсилов” (басен), аллегорических, юмористических сказок или полных сюжетов отдельных поэм, как “Кемчентой”, “Булдан Кок”, или исторических поэм, как “Данал Мирза”, “Шырдакбек” и т.д., в качестве анонимных, коллективных произведений, требует от исследователя строгих разграничений. Здесь было бы более уместно признавать отдельные редакции этих произведений как варианты Тоголок Молдо, а не относить безоговорочно к его авторству все произведения, хотя они впервые занесены на бумагу им.

Во-вторых, останавливаясь на каждом из заметных произведений акына, при наличии их в огромном количестве, отдельные страницы диссертации невольно превращаются в аннотации вместо анализа (примеры разбора таких поэм, как “Еки чальде”, “Алато” и т.д.)

В-третьих, в части диссертации, посвященной анализу “тамсил” (басен), неправильно отнесены в эту группу аллегорические поэмы, сатирические поэмы, как “Кемчонтай”, “Куштар ангимем”, “Куагой мене есси”.

В-четвертых, при анализе поэмы “Өзгорум” (“Революция”) диссертанту следовало вместо односторонних восхвалений (стр. 163–166–165) раскрыть более критически социально-классовый смысл данной поэмы, изображавшей революцию с позиции лишь одной крестьянской бедноты.

В-пятых, в своих заключительных выводах о творческом облике языка диссертант чересчур щедро и безоговорочно превозносит его достоинства. Следовало также указать и здесь на отдельные противоречия, ошибки, недостатки в

творчестве Тоголок Молдо. Тем более это необходимо ввиду того, что данный акын, в силу ограниченности его культуры, кругозора, не смог приобщиться к духовной культуре русского народа и потому очень слабо отражал в своем огромнейшем творческом наследии историческую роль России в судьбе всего трудового киргизского народа.

Помимо перечисленных наиболее заметных недостатков диссертации, мною сделан целый ряд второстепенных замечаний, по которым автором сделаны соответствующие поправки в последнюю редакцию его труда.

Оценивая настоящую монографическую работу в целом, считаю ее вполне достаточным основанием для присвоения автору искомой степени кандидата филологических наук.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
Ш.К. САТПАЕВОЙ НА ТЕМУ
“ТЕМА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
В КАЗАХСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ”
(1954 г.)**

Диссертационная работа т. Сатпаевой¹ тщательно прослеживает и убедительно “отражает” историко-литературный процесс двоякого плана. Во-первых, воспроизведены этапы развития, становления определенного вида художественной прозы, а именно прозаических произведений на тему индустриализации за годы социалистического строительства. Во-вторых, на живых примерах, конкретно, на образах советского рабочего человека, отображенного в очерках, рассказах, повестях и романах в разные десятилетия, на различных этапах развития степени мастерства прозаиков, дан путь формирования личности, новой психологии, нового типа индустриального рабочего из бывших кочевников и аульных батраков в кочевом хозяйстве Казахстана.

Начав свое изучение этого процесса с начала двадцатых годов, т. Сатпаева доводит критический анализ литературных фактов до наших дней, до самых новейших повестей, романов, написанных и изданных в 1953–1954 гг.

При этом необходимо признать, что диссертантом проделана огромная работа по части тщательного, старательного изучения почти всех без исключения произведений на

избранную тему. Сюда входят не только романы, повести, рассказы, опубликованные отдельными изданиями или в журналах, но и очерки, новеллы, опубликованные в центральных и многочисленных местных газетах республики.

Анализ всех произведений, оцениваемых положительно или критически отрицательно, диссертант построил на принципе требований метода социалистического реализма. Степень художественно-творческого овладения методом социалистического реализма тем или иным автором определяет в диссертации и уровень идейно-художественной значимости разбираемых произведений. В данном смысле все требования к авторам, критический подход диссертанта ко всем произведениям определены в строгом соответствии с задачами марксистско-ленинского литературоведения.

Диссертант т. Сатпаева обнаруживает свою способность к самостоятельной и в достаточной степени зрелой исследовательской работе.

Указанной нами диссертанту слабой стороной данной работы является то, что недостаточно полно вскрыты несовершенства в идейном и художественном отношении таких повестей, как “Жизнь или смерть”, “Молодое поколение” “Огнедышащая гора”, необходимо глубже и полнее проанализировать различного характера недостатки этих и других отдельных произведений, обнаруживших в своих отрицательных моментах недостаточно зрелый опыт овладения методом социалистического реализма и так же овладения формой повести или романа.

С доработкой этих отдельных деталей диссертационная работа т. Сатпаевой вполне может быть допущена к защите.

ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ТОВ. НУРМУХАМЕДОВА МАРАТА НА ТЕМУ
“ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ
КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ”
(1954 г.)

Ознакомившись с работой т. Нурмухамедова, я считаю необходимым, в первую очередь, высказать свою общую суммарную оценку данного труда. И в этом смысле, полагаю, что диссертантом затрачено очень много времени и труда, приложены огромные усилия для составления настоящей исследовательской работы на такую благодарную, но весьма трудоемкую тему. Им включены в объект изучения, анализа литературные процессы очень большого периода, притом все основные жанры каракалпакской советской литературы. По замыслу автора, по охвату материала настоящая работа должна представлять собою исчерпывающую монографию обо всей советской литературе республики начиная с Октября, кончая нашими днями. Необходимо признать, что книга в отношении фактического материала, собранного воедино, изученного автором, представляет собою весьма насыщенную, конкретно-предметную характеристику литературных явлений.

Диссертация состоит из четырех основных глав. Каждая глава посвящена целому этапу в революционной истории каракалпакской литературы в хронологической последовательности. А для каждого из этих исследуемых этапов выделены повторяющиеся темы по основным жанрам литературы, как-то: поэзии, драматургии, прозе, критике и переводу.

Таким образом во все этапы развития каракалпакской советской литературы, наряду с основным, ведущим жанром данной литературы поэзией, освещаются состояние, уровень роста и всех других жанров.

Еще одна особенность работы тов. Нурмухамедова заключается в том, что стремясь отрицать по возможности пошире весь литературный процесс своей республики, он не ограничивается только творчеством поэтов-письменников, а попутно и на всем протяжении диссертации освещает и творчество шаиrow – творцов устно-поэтического богатства народа.

Можно было бы оспаривать и подвергнуть сомнению такую необъятно обширную тему, казалось бы, непосильную для кандидатской диссертации. Но тот научный критерий, стержень, на который нанизан весь обширный материал большого периода и самого плодотворного периода каракалпакской литературы, позволил и охватить множество литературных фактов, и выдержать единую методику научно-критического освоения всех более и менее значительных произведений со стороны их главных достоинств или недостатков. Этим единым научным критерием явилась основная задача данного труда – изучить все литературное движение с точки зрения освоения им передового идейно-исторического, культурного влияния русской литературы (классической и советской) на всю советскую каракалпакскую литературу.

Достаточно обширный объем диссертационной работы позволил с упомянутых позиций просмотреть, проанализировать многие значительные произведения поэзии и также драматургии. Особо упоминаем эти два жанра потому, что на них, главным образом, сосредоточил свое внимание диссертант и это естественно, потому что разделы художественной прозы, критики и литературоведения пока слабо развиты в данной литературе.

Научно-методологический принцип анализа всех произведений (стихов, пьес, рассказов) отвечает основным, общепринятым критериям марксистско-ленинского литературоведения.

Наиболее заметным достоинством исследования тов. Нурмухамедова надо признать одинаковое, взыскательно-

критическое отношение к явлениям литературы, почти ко всем авторам. Здесь нет наивных любований и ненужных славословий живому автору, а вместо всего этого присутствует требовательное, объективно-справедливое, принципиальное обсуждение задачи наилучшего культурного овладения мастерством зрелого художника слова поэтами, писателями республики.

Автор делает правильные выводы после ряда частных наблюдений над положительными явлениями поэзии и утверждает, что учеба у русской советской литературы ведет каракалпакского поэта на путь исканий новых форм, жанров, средств выражения новых идей, чувствований и воплощения новых характеров (стр. 241).

Вместе с тем он отмечает такие крупные недостатки в каракалпакской поэзии военных лет, как сравнения советских бойцов с фольклорными героями (Алпамыс, Коблан, Рустем) и даже с героями антинародного эпоса (Едиге) (245 стр.).

В поэмах ряда поэтов диссертант справедливо критикует отсутствие конкретности, плохое знание описываемой действительности, обилие декларативности, схематизма и отсюда фальши и надуманности сюжета (стр. 246).

А в поэмах, посвященных тематике трудового героизма, он видит недостатки по части убедительного показа процессов труда, где сами герои излагают своими устами о совершенной героике. Здесь также преобладает схематизм, облегченный показ жизни труда героев, где и перевоспитание, и получение орденов совершаются по мгновению ока (286 стр.).

К культурным, серьезным требованиям диссертанта надо отнести и его указания на недостатки других сюжетных произведений, где преобладают описательность, голое рассказывание вместо показа, митинговость самовосхваления героев, отсутствие столкновений характеров, конфликта, наличие избитого сюжета и нередко встречающийся в поэмах дастанный, антиреалистический стиль (288 стр.).

Все указанные требования свидетельствуют о заботливо-взыскательном отношении диссертанта — советского критика, стремящегося активно, полезно участвовать в литературном движении своей республики.

К недостаткам данной работы следует отнести невольный беглый обзор многих фактов литературы. Это объясняется обширностью данной темы. Многие авторы с их произведениями, особенно по разделу поэзии, упоминаются в порядке общего перечня. Чрезмерное обилие имен, названий создает впечатление калейдоскопичности, перегруженности диссертации, порою недостаточно освоенным литературным материалом.

Есть явно заметные стилистические погрешности в отношении русского литературного языка, иной раз эти недостатки переходят в недопустимую неряшливость, небрежность.

В целом же необходимо признать, что настоящая работа, посвященная каракалпакской литературе, малоизученной в своих связях с передовой русской литературой, вполне достойна присвоению ее автору научной степени кандидата филологических наук.

**ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ТОВ. ДЖАНГАЛИНА М.О. НА ТЕМУ
“К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИЙ ПЕРЕВОДА
И ИЗДАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
В КАЗАХСКОЙ ССР” – НА СОИСКАНИЕ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
(1955 г.)**

Работа т. Джангалина посвящена глубоко серьезной, важной проблеме идейно-политического и культурно-исторического значения. Зная диссертанта в качестве известного литературного критика и высококвалифицированного переводчика многих крупных произведений русской художественной прозы и драматургии на казахский язык, я считал возможным для себя, как филолог и литератор, высказаться о данной исследовательской работе т. Джангалина на историческую тему, главным образом, с позиций своей области знания и творческой практики.

В таком именно порядке я особо выделяю данные второй, на мой взгляд, наиболее научно ценной и значительной главы диссертации. Представленный в этой главе серьезный разбор многолетнего опыта организации научного перевода трудов классиков марксизма-ленинизма в Казахском филиале ИМЭЛС, в исследовании т. Джангалина приобретает гораздо более широкий, принципиально научный интерес, чем подведение итогов выполненных дел одним из филиалов ИМЭЛС.

Дело в том, что обстоятельно обсуждая пути и проблемы наилучшего перевода произведений классиков марксизма-ленинизма, диссертант одновременно правильно освещает и творчески разрабатывает две другие параллельные, сопутствующие проблемы. Во-первых, в диссертации речь идет о процессах обогащения казахского литературного языка через освоение марксистско-ленинского наследия на этом языке. Во-вторых, углубляясь в задачи качественного, научного перевода избранных основных образцов т. Джангалин попутно поднимает целый ряд важнейших проблем по части полноценного перевода и лучших произведений художественной прозы.

Учитывая различные опыты перевода образцов художественной прозы с русского языка на языки братских народов и обратно, мы наблюдаем очень большой разноряд на этом важнейшем участке литературного строительства в нашей стране.

Попытки создания теории художественного перевода пока, главным образом, ограничиваются освещением проблем перевода образцов поэзии. Должный отбор и обобщающая оценка положительного опыта перевода прозы еще не получили надлежащего развития в виде теоретического осмысления всей проблемы. Вследствие этого действительные достижения отдельных талантливых переводчиков остаются пока одиночными явлениями, и большинство переводчиков прозы, не имея теоретических, обобщающих итогов творческой практики в стране, предоставлены самим себе, следуют индивидуальному опыту, эмпирике.

В свете указанных обстоятельств исследование т. Джангалина представляет весьма ценный опыт обобщающего, поучительного порядка. Ведь разностороннее освещение практики перевода в Казахском филиале ИМЭЛС свидетельствует не только об опыте работы в одном лишь Казахском филиале, а говорит о подобном научно-организованном, теоретически вполне осмысленном процессе всей переводческой деятельности в системе ИМЭЛС во всем Советском Союзе, т.е. конкретно не в одном, а во всех республиканских филиалах и отделениях. Следовательно, вполне можно полагать, что здесь имеется налицо коллективный опыт научно-творческого подхода к проблемам перевода.

С другой стороны, наличие единодушного стремления при переводах на многие языки обеспечить научно точный перевод ради чистоты марксистско-ленинских идей, во имя борьбы против всяких искажений, вульгаризаций, опошления революционной теории марксизма-ленинизма (как об этом подчеркивает т. Джангалин в своей диссертации) обеспечивают наиболее ответственное, продуманное и исключающее случайности решение задачи переводов. Здесь, именно в этой отрасли переводческой деятельности в Советском Союзе, и можно ожидать плодотворных результатов глубоко осознанной, осмысленной системы переводческого искусства.

Работа т. Джангалина ценна прежде всего и тем, что многие общие и конкретно сложные вопросы теории и практики перевода получают здесь свои ответы в трудах, высказываниях самих классиков марксизма-ленинизма. И то, что необходимо учесть переводчикам трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина на основе их же указаний по части перевода, поучительном не только для переводчиков филологических, политическо-экономических, публицистических произведений, но весьма важно и для перевода литературно-критических трудов, а также для перевода самых различных по стилю и жанру произведений художественной прозы, теории и истории литературы. Оно поучительно и особо ценно еще и для филологов-лингвистов, изучающих состояние и перспективу развития, а также историю литературного языка наших советских народностей. А эти народности ныне столь необычайно быстро обогащают и развивают свои языковые выразительные возможности благодаря успешному приобщению к богатым источникам — духовно-речевой культуре русского народа, благодаря освоению русско-интернациональной терминологии и огромному расширению словарных запасов своего языка. И хотя об этом особо подчеркивает т. Джангалин, рассуждая в большинстве случаев на основе данных одного казахского языка, но тем самым становится очевидным, что речь идет об успешном культурно-историческом языковом строительстве в условиях социализма у всех без исключения братских народностей Союза.

Из работы т. Джангалина легко себе представить огромное значение выполняемой ИМЭЛС задачи, которая осуществляется всей системой его в теоретическом и практическом порядке.

Как человек, имеющий непосредственное отношение к вопросам перевода, я полагаю, что целый ряд теоретических проблем, стоящих перед нами по части перевода образцов художественной прозы, также поставлен и плодотворно решается в деятельности ИМЭЛС.

Вспомним хотя бы такие совпадающие общие принципы, как осуждение буквализма или вольного перевода, переходящего в пересказ произведения. А рекомендуемый т. Джангалиным и очевидно одобряемый в практике ИМЭЛС третий вид перевода, названный полноценно научным, адекватным или наиболее полно воспроизводящим содержание и форму произведения, считается также и в переводе художественной прозы самым правильным видом перевода. Ясно, что когда говорится о сходных моментах задачи перевода трудов классиков марксизма-ленинизма и образцов художественной прозы, не имеются в виду переводы таких философских произведений, как “Нишета философии”, “Антидюринг”, “Материализм и эмпириокритицизм”. Здесь учитываются переводы таких трудов классиков, которые выделяет т. Джангалин как стилистически наиболее эмоционально окрашенные. Имеются в виду статьи, речи, труды, где широко используются литературные, народные образы, где полемичность иных работ ведет к максимальной заостренности стиля и придает тексту особую окраску разговорно-интонационной живости, образности.

Так же в диссертации правильно упоминается роль тех действенных средств выразительности, которые у Ленина, например, наличествуют в виде сравнений, крылатых выражений, синонимов, идиом, экспрессивной лексики, эпитетов, церковнославянизмов, многих видов архаизмов, неологизмов и т.д. Приведа эти особенности стиля Ленина, т. Джангалин ставит задачи наиболее полноценной передачи содержания и формы подобного текста. Он приводит, хотя далеко неполные, данные об обращениях Ленина к текстам художественной литературы, к народным посло-

вицам, поговоркам. Диссертант ставит серьезную, ответственную задачу перед переводчиками, чтобы передавая на другом языке смысловые, стилистические особенности оригинала, они строго помнили также задачу передачи интонации и ритма оригинала. Короче, все перечисленные требования к переводу отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма составляют и основные проблемы перевода – передачи словесно-стилевой, образной основы любого произведения художественной прозы. И требования реалистического перевода, основанного на методе социалистического реализма в художественной литературе, выявляют очень много общих проблем, которыми теория перевода художественной литературы не может не заниматься, учитывая главным образом опыт переводов в системе ИМЭЛС.

Еще одну особо ценную часть в диссертации т. Джангалина составляет освещение процесса обогащения тех языков, на которые переводятся труды классиков. Здесь именно важно было отметить, как это делает диссертант о том, что, например, казахский язык обогащается не только введением в него русско-иностранных терминов. Кроме фактов перенятия научной терминологии, т. Джангалин справедливо указывает и на тщательную творческую работу по обогащению собственных языковых возможностей того же казахского языка через создание новых словосочетаний путем переосмысления существующих слов и выражений, посредством расширения смыслового объема слов и новых словообразований на материале того или иного национального языка и т.д.

В диссертации ясно подчеркнута мысль о том, что только такими путями происходит обогащение современного литературного языка наших народов, что путем качественных переводов с русского языка и развитием литературного языка в оригинальных трудах народы смогут достойно отразить все грандиозные сдвиги в экономической, политической и культурной жизни своей социалистической действительности.

Я также вполне разделяю точку зрения диссертанта относительно сохранения при переводе синтаксического

строю оригинала. Товарищ Джангалин, исходя из практики Казахского филиала ИМЭЛС, считает, что сохранение синтаксиса и фразеологических конструкций подлинника значительно обогащает обороты, возможности современного национального языка. А разбивка предложений, периодов не делает их яснее, ибо внешняя стилистическая гладкость приобретает нарушению целостности мысли.

Одобрив этот принцип, также полагаем, что необходимо, например, передавать периоды в произведениях Гоголя, Толстого, Горького именно только сложными синтаксическими построениями того языка, на который они переводятся. Тогда только можно будет говорить о полной передаче гоголевского стиля – гоголевским, толстовского – толстовским.

Надо переводить, а не преобразовать, подделывать под обычные, привычные нормы построения фраз в национальной литературе. Но только необходимо к этим справедливым мыслям добавить т. Джангалину о том, что построение периодов со всеми сложными синтаксическими сочетаниями должно соответствовать внутренним законам построения фразы того языка, на который делается перевод. Работа т. Джангалина и в этой своей части вносит много ценного на пути обогащения и полного приобщения к речевой культуре богатого русского наследия повседневно развивающихся литературных языков братских народов Союза.

Из отдельных недостатков исследования т. Джангалина считаю необходимым указать на скупость приводимого иллюстративного языкового материала.

В данной работе не только важно указать на удачные или неудачные передачи отдельных слов, понятий во фразе. Еще гораздо необходимее подтвердить живыми примерами и конкретным филологическим и логическим анализом раскрыть различные способы передачи, скажем, ленинской сложной фразы, со всеми синтаксическими особенностями. Так же следовало бы указать и на случаи, когда иные смысловые, ассоциативные оттенки оригинала оказываются весьма трудно переводимыми или даже вовсе непереводаемыми при нынешних наличных данных казахского языка. Выявление подобных фактов способствовало бы еще боль-

шим поискам в пути ответственного, творческого периода великого наследия классиков марксизма-ленинизма.

Оценивая работу т. Джангалина в целом, я считаю ее очень серьезным, полезным для многих, в деле перевода, трудом. Потому считаю диссертацию вполне достойным основанием к присвоению ее автору искомой степени кандидата исторических наук.

ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ТОВ. КИРАБАЕВА СЕРИКА НА ТЕМУ
“ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СПАНДИЯРА КОБЕЕВА”
(1956 г.)

В тех основных разделах, да еще в развернутом “введении” и обстоятельном “заключении”, тов. Кирабаев¹ достаточно широко, разносторонне освещает и литературную, и также педагогическую, общественную деятельность одного из видных представителей старшего поколения казахской советской интеллигенции.

Сам товарищ Кирабаев является автором нескольких самостоятельных исследовательских и критических трудов и целого ряда журнальных и газетных критических статей. Он же является и автором учебника по казахской литературе. В соавторстве с Кабдуловым и Нуркатовым т. Кирабаев составил учебник по литературе для 9-го класса казахских школ и этот учебник переиздан 5–6 раз. Его перу принадлежит изданная на казахском языке монографическая работа о казахском советском писателе Мустафине Габидене, сейчас, в связи с подготовкой к декаде литературы и искусства в Москве этот его труд готовится к изданию и на русском языке. Товарищем Кирабаевым написаны и главы “Очерков казахской советской литературы”, подготовленных Институтом языка и литературы Академии наук КССР. Диссертантом, товарищем Кирабаевым С., начиная с 1948 года опубликованы на страницах казахстанских журналов и газет удачные и серьезные литературно-критические статьи о творчестве таких писателей и поэтов, как Саин Жумагали,

Аманжолов Касым, Сыздыков Жакан, Мауленов Сырбай, Ергалиев Хамит и др. Во всех этих статьях и исследованиях тов. Кирабаев обнаружил свои серьезные знания не только о прошлом и настоящем казахской литературы, но признан казахской литературой, общественностью, как один из вдумчивых, подготовленных и растущих критиков, овладевших марксистско-ленинским методом исследования литературных явлений.

Логическим и последовательным продолжением названных выше трудов тов. Кирабаева является и настоящая диссертационная работа, посвященная, как полная монография, всей литературной деятельности старейшего писателя и педагога Казахстана Спандияра Кобеева.

Именно как монографическая работа данный труд дает настоящее полное представление обо всем творческом облике Кобеева, обо всех значительных фактах его жизни и деятельности. Основываясь, с одной стороны, на данных мемуарного труда самого Кобеева “Орындалган арман”, а с другой стороны, используя свои сопоставительные анализы жизненных и творческих данных современников С. Кобеева, таких лиц, как С. Торайгыров, С. Донентаев и др., и также обращаясь к материалам жизни и творчества Алтынсарина, Абая, диссертант вполне обстоятельно и убедительно разрабатывает решающие, характерные этапы биографии писателя. Одновременно правильно и объективно восстанавливает он весьма важную и интересную творческую биографию С. Кобеева. При описании жизненного пути молодого учителя С. Кобеева диссертант справедлив и принципиален, потому и освещает сугубо и взыскательно отдельные немногие обстоятельства, которые характеризует Кобеева не всегда активным деятелем, а наоборот, порою делают его пассивным и нерешительным. Диссертант прав, когда утверждает, что Кобеев хоть и был демократом-просветителем, но был до Октябрьской революции полностью погружен лишь в педагогическую деятельность. А его участие в литературе, литературно-творческой жизни демократической интеллигенции было ограничено, главным образом, переводами. Эти переводы служили в первую очередь для нужд школьно-учебной жизни. И в силу такой направленности литературное творчество Кобеева тех лет отражает жизненную прав-

ду, наблюденную именно писателем-педагогом, писателем – сельским учителем, проводившим долгие годы жизни в народной среде, лицом к лицу со многими уродливыми явлениями социального уклада аула в пору царизма и господства феодально-родовых верхов в казахской степи.

Во втором, и, по-нашему, в наиболее тщательном, серьезно научно разработанном разделе мы получаем подробные анализы переводов Кобеева. На страницах 45–49 особенно убедительно вскрыты внутренние, жизненные органические связи обращения Кобеева к наследию Крылова. При этом мы узнаем, как иные переводы отдельных басен рождались как бы в ответ непосредственно соприкасавшимся с жизнью школы, учителя событиям аульной жизни.

Впервые из настоящего исследования становится ясным полное содержание книги “Улгили таржима”, про которую ранее писалось, что все сорок четыре басни, помещенные в этой книге на казахском языке, принадлежат только Крылову и что все переводы сделаны только Кобеевым.

Автор диссертации устанавливает принадлежность семи переводов Алтынсарину, а иные рассказы – поучительные примеры – он относит к материалам Ушинского, Л. Толстого и т.д.

А на страницах 53–65 товарищ Кирабаев дает анализ переводов, устанавливает момент не только адекватного удачного перевода, но освещает и случаи отдельных отступлений от оригинала. В целом, настоящая критическая оценка трудов Кобеева в этой области дает достаточно широкое представление о значении и роли русской классической литературы и басенного наследия Крылова в росте, развитии казахской литературы, в формировании и развитии казахского литературного языка в ту пору.

В разделе, посвященном разбору романа “Калын мал” (“Калым”), основываясь на главных событиях, отражающих борьбу и судьбу героев и их сторонников, т. Кирабаев устанавливает глубокую жизненную связь, убедительную, реалистическую правду книги Кобеева. В целом и действенном сочетании жизненной и художественной правды на живых примерах людей и событий романа диссертант видит благотворное влияние идейных и художественных традиций русской классической прозы. Несомненно прав Кирабаев и

в том случае, когда определяет истоки юмористического и сатирического изображения уродливых сторон характеров, души отрицательных фигур романа также в юморе и сатире Гоголя, Чехова.

Правильно указано автором также на глубокую связь отдельных приемов показа героев, речевой характеристики их с устным казахским творчеством, с образной меткостью народного юмора, с разнообразными богатствами бытовой народной речи. Не вызывает возражений дельный разносторонний анализ, оценка героев (положительных и отрицательных) в романе Кобеева.

В порядке отдельных замечаний по настоящей редакции исследования тов. Кирабаева С. я высказал бы нижеследующие свои соображения.

Во-первых, следовало бы при анализе, оценке переводов басен обратить внимание на то, какой поэтической формой переданы жанровые, стилевые особенности оригинала. Дело в том, что Кобеев, так же, как это делали Алтынсарин и Абай, переводит басни стихами одиннадцатисложным стихом, с устойчивой строфикой (четырёхстрочкой). А басни не стихи, тем более в них нет строфического членения текста. Басня имеет динамический текст, где разговорно-интонационная структура рассчитана на акустическое восприятие, на декламацию. А казахское одиннадцатисложное четверостишие такой динамичностью не обладает, хотя и Абай, и Алтынсарин, а за ними и Кобеев вводят очень удачные, живые, динамичные диалоги в пределах своей строфики.

Давно необходимо было указать на эти недостатки переводов Крылова на казахский язык, особенно это следовало сделать при разборе переводов Кобеева. Басню, как таковую, и на казахском языке нужно создать, учась на опыте перевода Крылова, и эту сторону вопроса необходимо подчеркнуть настойчиво, требовательно при оценке работы всех без исключения переводчиков.

Во-вторых, желательно было бы при оценке содержания и формы, всех положительных качеств, достоинств романа “Калым” так же разобрать и отдельные недостатки этого первого сюжетного прозаического произведения казахской литературы.

При всей своей правдивости, занимательности и при всех прочих правильно подмеченных диссертантом художественных качеств их, роман этот носит печать неглубокого отображения психики, конфликтов и коллизий в людских отношениях.

В-третьих, как мелкое замечание я указал бы на множественность цитат и на некоторые длинноты отдельных из этих цитат. Упомянув об этих отдельных недостатках диссертации, однако я оцениваю работу тов. Кирабаева в целом как один из серьезных и весьма ценных трудов по истории казахской литературы и считаю его безусловно достойным для присвоения его автору искомой степени кандидата филологических наук.

ОТЗЫВ
О КНИГЕ тов. СУВАНБЕКОВА Ж.
“КОЛХОЗНАЯ ТЕМА В КИРГИЗСКОЙ
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ”
(1959 г.)

Названием настоящей книги обещано многое. Автор и не пытался охватить всю киргизскую литературу — книжка разделена на главы: поэзия, драматургия, проза. И на протяжении небольшой книжки в 110 страниц упомянутого действительно великое множество.

В поэзии он пытается разобрать поэмы таких поэтов, как Уметалиев, Токомбаев, Османов, Токтомушев и др., говоря о роли Маяковского в киргизской поэзии. По драматургии автор останавливается на творчестве Шукурбекова, Осмонова, Маликова, Жантошева, Кутубаева и Мажикова (как соавторов), Абдумкова; в прозе также перечислено Суванбековым много имен и произведений в порядке самого беглого, поверхностного упоминания о них.

Наибольшее внимание автора привлекла к себе повесть Жантошева “Жакиндуну жактар” (25 стр. текста). И в этой части своей работы автор берет под защиту повесть Жантошева, выступая против всех критиков ее, а критики (журнальной) было, очевидно, немало на данное произведение. Суванбеков, защищающий повесть в единственном числе, представляется, на мой взгляд, тенденциозно односторонним и некритичным.

Вся работа в целом является весьма поверхностным скольжением над многообразными, многожанровыми фактами киргизско-советской литературы. Она может быть оценена как сокращенный обзор, аннотация по одной братской литературе Союза. Здесь мы не находим ни серьезного

углубленного анализа отдельного произведения, ни общей проблематики, теоретически поставленной и решаемой самим автором, нет также каких-либо обобщений и выводов по всему литературному процессу или по отдельным жанрам ее.

Одновременно еще надо отметить, что автор незаслуженно обходит молчанием действительно серьезные, крупные произведения киргизской литературы, как, например, две книги романа Сыдыкбекова “Среди гор”, роман Байтемирова “Последний патрон”, “Жылдызжан” и др. А эти книги в 1958 г., когда вышла из печати книга тов. Суванбекова, уже были известны киргизскому читателю, хотя бы по их журнальным редакциям.

В целом, работу (книжку) тов. Суванбекова я считаю слабым, схематичным, не научным трудом и, следовательно, не могу ее признать за достаточное основание присвоения ее автору кандидатской степени.

**ОТЗЫВ
О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ
ДЖУМАЕВА К. НА ТЕМУ
“ГОРЬКИЙ И ТУРКМЕНСКАЯ
СОВЕТСКАЯ ПРОЗА”**

Помимо вступления и заключения диссертация состоит из трех основных разделов, где автор исследует вопрос об общей роли Горького в развитии туркменской литературы в целом. Дальше дается обстоятельный обзор и критическая оценка переводам произведений Горького на туркменский язык. А третий основной раздел диссертации, занимающий около 100 страниц, посвящен исследованию влияния Горького на туркменскую советскую прозу.

Тема диссертации серьезная, важная и проблемная для туркменской литературоведческой науки. Отдельные наблюдения, сопоставления и выводы этого исследования существенно полезны и для русских исследователей наследия и влияния Горького в общем процессе развития всей советской литературы Союза.

Первая глава выполнена диссертантом как справочно-вводная, в ней нет кроме общих, правильных в целом указаний о влиянии произведений, высказываний Горького на туркменских писателей-прозаиков, поэтов, критиков и т.д. Несомненно, что учились в расширенном понимании роли и задачи революционного советского писателя у Горького и высказывались по-разному об этом Кербабаев, А. Дурдиев, Ишанов, на которых ссылается автор.

Лучше разработан второй отдел, где оценивается, анализируется местами конкретный перевод произведений Горького. Тут справедливо указано на недостатки отдельных

подстрочных и буквальных переводов. Указывая на слабость переводов Кербабаева таких произведений Горького, как “Мать”, “Мои университеты”, диссертант правильно определяет недостатки отдельных переводов как дословных, не отражающих особенности стиля Горького на туркменском языке.

Для читателей диссертации полезно будет в этом смысле сопоставить одобренные тов. Джумаевым переводы Сопыева, Хыдырова, Байраммарадова, Мухадова как опытных квалифицированных переводчиков русской классики на туркменский язык.

Третий, основной раздел диссертации разделен на главы:

- а) туркменская советская проза за 1917–1941 годы;
- б) туркменская проза за годы Великой Отечественной войны и
- в) советская туркменская проза послевоенного периода.

На протяжении всего третьего раздела автор делает экскурс по всему пути зарождения, развития туркменской художественной прозы. Здесь конкретно на примерах рассказов, повестей, романов таких видных представителей туркменской прозы, как Кербабаев, Сарыханов, Дурдиев, Кауштутов, Ишанов, Исмаилов, Сейтаков и др., раскрываются связи отдельных произведений авторов с произведениями Горького. Так же часто указывает и на народность типичных образов отдельных оригинальных произведений.

Связи с Горьким автор обнаруживает по линиям авторского понимания задач патриотизма, партийности литературы, непримиримости к врагам трудового народа, проблем типичности образов, зарождения, становления революционного героического характера в людях из народа в произведениях, отражающих дореволюционные и первые годы революции. Темы матери, отраженные в произведениях туркменских писателей, служат постоянным определяющим признаком связи туркменского писателя с Горьким. Из произведений Горького преимущественно упоминаются дореволюционные рассказы, повести, романы, как “Коновалов”, “Челкаш”, “Мать”, “Дело Артамоновых”, сказки и т.д. Не упоминаются такие произведения, как “Клим Самгин”, “Егор Булычев” и др. более поздние вещи.

Наиболее распространено, углубленно исследована связь творчества Кербабаева с Горьким на фактах романа “Решающий шаг” Кербабаева. Это наиболее крупное произведение туркменской прозы действительно дает серьезные основания для сопоставительных наблюдений, что и делает Джумаев.

Недостатком диссертации является множество аналогий, взятых зачастую по одним внешним сходным ситуациям, так, например, любая тема о матери диссертанту кажется родственной горьковской традиции. Такие недостатки следовало бы устранить более углубленной конкретизацией, анализом действительно родственных связей. В целом диссертация, написанная на очень важную для туркменской литературы тему, заслуживает присвоения степени кандидата филологических наук тов. Джумаеву.

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ ТОВ. АХИНЖАНОВА М. НА ТЕМУ “РАСКРЕПОЩЕНИЕ ТРУДЯЩЕЙСЯ ЖЕНЩИНЫ-КАЗАШКИ”

Книга тов. Ахинжанова Мусатая “Раскрепощение трудящейся женщины-казашки” состоит из серии глав и охватывает достаточно широкий круг вопросов по существу избранной автором темы. Главным и значительным достоинством настоящего труда является то, что он и в общем целом построен, а также в деталях отдельных подглав основан методологически на глубоко научном, ленинско-сталинском понимании социальных проблем, в частности, проблем женского равноправия. Книга, ставящая своей главной задачей научно-историческое освещение этапов раскрепощения казахской женщины социалистической революцией в нашей стране, не ограничивает, однако, круг своих задач только данной темой. Вступительные главы настоящей работы посвящены обстоятельному ознакомлению читателя с значительным количеством специальных трудов западноевропейских буржуазных ученых, исследователей данной проблемы.

Автор в этих главах попутно дает убедительную, основанную на высказываниях классиков марксизма (Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина), критику основных положений разбираемых им трудов упомянутых ученых. Весьма ценной, познавательно-интересной является глава, посвященная положению казахской женщины в дореволюционном ауле. В этой главе автор использует все имеющиеся исторические материалы, располагая, анализируя их в строгой последовательности, начиная с ранних, древних форм и институтов закрепощения женщины, и в дальнейшем ис-

следовании переходит к разбору основ обычного права, шариата в их отношениях к восточной женщине.

Положительное впечатление производит в книге тов. Ахинжанова его умение, эрудированность в пользовании трудами множества древних восточных, западных и русских авторов по данной проблеме. Упоминания и ссылки автора на труды Геродота, Страбона, Менандра, Плано Карпини, Рубрука или арабских авторов – Ибн-Батуты, Ибн-Хаукала, Ибн-Халдуна, или на материалы географических обществ, на материалы комиссии графа Палена, на труды классиков марксизма, на материалы женских конференций, на решения партконференций, на декреты Казахского правительства и т.д. – характеризуют огромную и долгую работу тов. Ахинжанова над настоящей проблемой.

Наряду с этим, привлекая к своему исследованию данные всех вышеуказанных авторов или источников, диссертант обнаружил достаточно зрелую самостоятельность: в отборе, в сопоставлении, в критическом освоении необходимых для его выводов исторических фактов.

В главах, посвященных раскрепощению казахской женщины, автор-историк правильно и четко следует методически последовательному освещению, обоснованию всех основных мероприятий советской власти на пути полного раскрепощения трудящейся женщины, начиная с важнейших и памятных государственных актов – декретов Советского правительства до полного внедрения их в новый правовой быт социалистического общества. В этих главах книга тов. Ахинжанова насыщена широко привлекаемыми им сведениями, фактами как в создании Советским государством материальной основы раскрепощения казахской женщины, в создании и проведении необходимых форм работы среди женщин для участия их в общественном, государственном управлении.

Автор так же широко освещает вопросы сталинской заботы о материнстве и младенчестве, о женском образовании в Советском Казахстане. И как логический, исторический результат всей суммы величайших мероприятий по фактическому раскрепощению женщины-казашки, автор убедительно обрисовывает культурный рост и становление свободной женщины-казашки как равноправного, активного

строителя социализма. И столь же логичными и естественными становятся выводы автора в освещении решающей роли женщины-казашки, как и всех советских женщин патриоток, в защите социалистической Родины в испытательные годы Великой Отечественной войны как в тылу, так и на многих фронтах непосредственной схватки с немецким фашизмом.

Вдобавок к перечисленным выше достоинствам настоящей книги необходимо указать на ясный, четкий и, в основном, литературно тщательно отделанный стиль изложения всего материала.

Наряду с этим книга вызывает и ряд наших замечаний не по основным принципиальным положениям, а главным образом по деталям, по фактической стороне отдельных моментов ее.

На 10-й странице своей книги автор допускает предположение о том, что институт левирата у древних казахских племен должно быть заимствован у китайцев через уйсунов, что неубедительно по одному тому, что ранние китайские источники сами ссылаются на обычай у “киликизов” (тюркского племени) – унаследовать жену отца (видимо, младшую, бездетную жену) сыном от другой матери. О таком же обычае, очевидно, как самом древнем и наиболее диком виде левирата у огузов (также тюркского племени), упоминают и византийские летописи.

На 14-й странице автор обнаруживает свое ошибочное представление об отношениях средневекового рыцаря к его “даме сердца”. Эти отношения, как известно, не говорили о бесправии женщины.

На 41-й странице тов. Ахинжанов неправильно расшифровывает выражение “от агасы”, оно не связано с женитьбой.

На 45-й странице автор, упоминая обычай сватовства до рождения детей, вспоминает только “бель куда”, здесь необходимо было объяснить также и “еже кабыл”.

На 54-й странице автор ошибочно упоминает “окил куеу”, тогда как для его положений нужно упомянуть “кушук куеу”.

На 160-й странице автор, упоминая героических женщин прошлого, называет жену знаменитого Бекета под

именем Зере. Здесь налицо печальное, но вместе с тем и забавное недоразумение. Подлинное имя этой действительно замечательной, отважной женщины осталось неизвестным для истории, оно утеряно. В 1922 году русская писательница Анненкова–Бернар в своей пьесе “Бекет” дала ей имя Назифа. Это было именем произвольным. А я, как автор новой драматической поэмы “Бекет”, дал этой женщине тоже произвольное, вымышленное имя – Зере. Сожалею, что тов. Акинжанов принял за подлинное историческое имя мой вынужденный вымысел, но, однако, для научного труда считаю необходимым восстановить историческую правду.

В порядке общих замечаний по поводу одного часто повторяющегося в книге момента, считаю важным напомнить автору, что не обязательно историческое раскрепощение казахской женщины иллюстрировать частым повторением личных имен ныне живущих женщин-казашек, пусть даже это народные артистки, депутаты, научные работники и т.д. Допустимое для журнальной статьи, излишне для научного исследования.

В этом ряду безусловного упоминания заслуживают, конечно, имена погибших на фронте Отечественной войны Героев Советского Союза – Маншук Маметовой и Алии Молдагуловой. Но также желательно было бы написать о них не в характере журнальной статьи, а в тоне и стиле научного исследования.

Указывая на перечисленные выше отдельные недочеты в работе тов. Ахинжанова, в целом считаю необходимым отметить, что диссертантом проделана серьезная научная работа и что она дает полное основание присвоить автору искомую степень кандидата наук.

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ С.С. КАТАША НА ТЕМУ “ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ АЛТАЙСКОГО И КАЗАХСКОГО ЭПОСА”

Диссертационная работа С.С. Каташа состоит из введения и четырех глав. Весь объем исследования имеет 278 страниц текста. Необходимо отметить заранее, что действительная сопоставительная работа проведена в четвертой, основной главе настоящей диссертации. Данная глава сама занимает 130 страниц, т.е. половину всего исследования, тогда как все предыдущие: “введение” и три главы вместе составляют приблизительно столько же по общему объему.

Настоящее упоминание делается не в упрек диссертанту, потому что первые три главы последовательно, логически ведут анализ материала исходя из общей задачи, общей и основной проблематики: изучить сопоставляя. А для этого нужно вначале отобрать, охарактеризовать те самые объекты, факты, которые будут сопоставлены в целом и в деталях в последующей основной части диссертации.

Общее впечатление от данного исследования вполне благоприятное. Оно обнаруживает долгую, добросовестную собирательскую работу автора. Сама настоящая область исследования представляет несомненно огромный интерес для всех фольклористов советского Востока, кладет известное начало весьма увлекательному, полезному и плодотворному изучению выдающихся образцов эпоса в смежных, соприкасающихся параллельных рядах. Притом здесь нет ничего общего с компоративизмом, когда сопоставления делались ради сопоставления в отрыве от конкретной исторической

среды, национальной специфики, традиций. Диссертант принципиально правильно отстраняет и осуждает отдельные данные у некоторых дореволюционных исследователей алтайского эпоса, увлекавшихся внешними тенденциозными сопоставлениями случайных совпадений мотивов, имен и т.п.

Каждая из предварительных глав насыщена фактами и наполнена самостоятельным, интересным анализом отдельных образцов алтайского эпоса. Они познавательны ценны и достаточно критически освещают опыты прежних исследований. Есть и проделанная самим диссертантом очень ценная для науки самостоятельно собирательская работа. Впервые самим тов. Каташем записаны телеутский вариант “Козика и Баян-Слу” и алтайский вариант “Козюйке и Баян Ару” в Горном Алтае.

Указанные записи представляют собою, как это видно из дальнейшего изучения фольклорных взаимосвязей алтайцев и казахов, – существенное звено среди общих эпических традиций двух народов в воспевании тем “Козын – Эркеш” и “Козы Корпеш и Баян-Слу”. Из общих достоинств диссертации надо указать подробный самостоятельный разбор улагашевского варианта “Козын – Эркеш” и улагашевского варианта “Козюйке и Баян”. Тов. Каташ проделал большую работу и в изучении, и характеристике казахских вариантов “Козы Корпеш и Баян-Слу”. Начав с истории публикаций изустного памятника, диссертант изучает все наиболее известные, ценные варианты казахского эпоса. Им изучены варианты: Дербисалина (1834 г.) Фролова (1841 г.), акына Шоже (1864 г.), Березина (1876 г.) Жанак Бейсембая (1835 г.).

А основная глава, посвященная сопоставительному анализу казахских вариантов “Козы Корпеша и Баян-Слу” с алтайским эпосом “Козын – Эркеш”, дает полное, широкое представление о сходных и отличных друг от друга сути и свойствах двух памятников. Совершенно законно, что сопоставление произведений построено главным образом по линии сюжетосложения, дальше подвергнуты подробному анализу образы, идейно-тематическое содержание. Сюда относятся исторические факты стремления народа покончить с феодальной раздробленностью племен, сочетание

сказочно-фантастического элемента с историческими, реальными идеалами народа.

Весьма ценны выделенные автором немаловажные для содержания эпоса факты, реальности быта, как широкое родство у казахов, как обычаи охоты у алтайцев, как сходство этнографических данных. Указывая на сходные обстоятельства в эпосе, автор, однако, в каждом отдельном случае сопоставлений обращает особо чуткое внимание и на различия. Эти различия включают в себя иные специфические национальные черты, отражают давние устойчивые традиции народов и в эпосе воспроизведены как самостоятельные народные особенности на каждой отдельной этнической почве.

Сопоставления образов героев обогащают наши представления об исследуемых эпических произведениях. Основные шесть персонажей их совпадают по функциям своим вполне. Но тут же устанавливаются различия их.

Эти же сопоставления диссертанта дают полное представление и о группе персонажей, дополняющих (основных героев), но разнохарактерных, несходных в эпосах. Интересны и убедительны сопоставления эпизодов, состоящих из динамических мотивов сюжета, тут также вполне доказательно установлены и различия в эпизодах сопоставляемых произведений.

Достаточно серьезное внимание уделено диссертантом вопросам художественной формы эпосов. Различия, вытекающие из различия стилей алтайского и казахского эпосов как героической и социально-бытовой поэмы, указаны и в образно-стилистических, словесно-стилистических приемах поэтизации. Большая степень гиперболизации более соответствует наличию сказочно-фантастического, мифологического элемента в алтайском эпосе. А стилю социально-бытовой поэмы более соответствуют реалистические и порою психологические, жизненно реальные краски в ее образно-стилистическом, словесно-поэтическом построении.

Объяснения особенностей художественной формы алтайского эпоса не уведут автора диссертации в формалистические внешние наблюдения. Устанавливая элементы преобладающей фантастики, сказочности и влияния мифо-

логии шаманизма, тов. Каташ, однако, верно и неоднократно выявляет идейную суть эпоса, часто последовательно воспроизводящего передовые идеалы защиты народа, моменты классового расслоения, классовой вражды как отражения поздних, новых времен.

То же самое диссертант выявляет в другом проявлении и в казахском эпосе.

Замеченным недостатком настоящей диссертации я считаю некоторую ограниченность этих сопоставлений лишь рамками двух народностей. Между тем целый ряд мотивов в том же казахском “Козы Корпеш – Баян-Слу” сходны, а тем.б. и заимствованы в прошлом столетии из книжных сказаний других соседних тюркоязычных народностей, например, из варианта туркменского поэта Молланепеса поэмы “Тахир – Зохра” (сцены оживления, последующей жизни, также предания о могилах влюбленных и т.д.). Можно было бы упомянуть о некоторых общих чертах сюжета и с “Алпамышем” ряда других тюркоязычных народностей.

Указывая на эти восполнимые недочеты в диссертации, в целом я считаю данную работу С.С. Каташа одним из очень ценных исследований на новую оригинальную тему в советской фольклористике и потому ходатайствую перед ученым советом о присвоении диссертанту искомой степени кандидата филологических наук.

ҚАЗАҚ ӘДЕБИЕТІНІҢ ОҚУ ҚҰРАЛЫ ТУРАЛЫ

Биылғы жылы қазақ әдебиетінен орта мектептерге арналған оқу кітаптары басылып шықты. Олар:

VIII класқа арналғаны Х. Бекхожиндікі. Редакторы Ж. Сәрсекөв.

IX класқа арналғаны Х. Жұмалиевтікі (С. Мұқанов пен Ж. Сәрсекөвтың қатынасуымен). Редакторы С. Мұқанов.

Бұл екі кітап партияның идеология мәселелері туралы қарарларынан кейін шығып отыр. Оқу құралдарына қойылған партиялық талап та, үміт те зор еді. Сол талапқа жауап ретінде әрбір кітапта автордың әдебиетті қоғам өміріне байланыстырып беруге, кейбір ақынның идеялық қайшылығын ашуға тырысқандығы байқалады. Алайда бұл оқу кітаптарын тұтас алғанда үміт ақталмаған. Бұл кітаптарда балаларға жүйелі білім беретін белгілі бір ғылыми методологиялық принцип сақталмаған, орыс әдебиеті туралы оқу кітаптарының тәжірибесі пайдаланылмаған, саяси тәрбиелік маңызы төмен.

Кітаптардың қате, кемшілігін үш жүйеге бөліп айтуға болар еді:

Бірі – саяси, методологиялық қателіктер.

Екіншісі – фактілік қателіктер.

Үшіншісі – әдебиеттік сауатсыздықтар.

Мен бұл хатымда көбіне бірінші жүйелі, төзуге болмайтын өрескел саяси қателіктердің бастыларын айтпақпын.

1. VIII класқа арналған оқу кітабының фольклор бөлімі бұрынғы басылуынан жөнді өзгермеген. Ескі әдет-ғұрып, салт (Наурыз, жар-жар) жырлары, батырлар, ғашықтық жырлары, айтыс, ертегілер бәрі Жұмалиевтің 1943 жылы

басылған кітабындағыдай, қайта басыла салған. Фольклорды тануда партиялық принцип жоқ.

Бір толарсақ, бір тобық санда болар, жар-жар,
Қырық кісінің ақылы ханда болар, жар-жар (35) —

деген “Жар-жар” жырынан үзінді келтіреді де, автор оған өзі тамсанып қызығудан басқа ешбір сын айтпайды. Мұны “қыздың қоштасардағы” мұны деп түсіндірген.

Жұмалиевтің түсіндіруінше, бұрынғы фольклордың бәрі халықтық даналық болып шыққан. “Қозы Көрпеш — Баян сұлу”, “Қыз Жібек” жырлары бастан-аяқ халықтық арман, тілекті, екі жастың махаббатын жырлайтын сияқты. Ағасы өлген соң Жібекті әмеңгерлік ретінде алатын Сансызбайдың істері де жарасымды ғашықтық — “қыздың жарын сүйетіндігі”, “патриоттығы” (108) болып шығады.

Ақындар айтысында феодалдық идеологияның әсері күшті екенін Жұмалиев ашпайды. Біржанның Барак, Құспек төрелерді, атақты феодал Шорман, Сейдалыларды дәріптеп жырлағандарын, немесе Сараның бүкіл Найман байларын мақтағанын автор ақтап алғысы келген, “заманы солай, дәстүрі, үйреншікті әдіс сол” деп Біржан мен Сара айтысын мінсіз етіп шығарған (135).

Жұмалиев батырлар жырын бастан-аяқ дәріптеумен болған, барлығы “патриотизм” идеясымен жырланған деп қарайды. Алпамыс образы (77) деп түсіндіріп, сол феодалдық қоғамға наразы адамды құл, ұры деп кемітіп жырлау үстем феодал табының санасынан туғандығын ашпайды. Автор түрікпенді шапқан Адайдың ұрылары Қармыс, палуан Нияз туралы жырларды “патриотизм” үлгісі етіп мысалға алған (21–22-беттер). Ал бұл идеясы теріс “жырларды” бір кезде тек ұлтшыл, байшыл Досмұхаметов қана дәріптеп бастырған болатын.

2. Автор Абылай ханды бастан-аяқ халық геройы дәрежесіне жеткізіп дәріптеген. Оны өз алдына тақырыпша етіп алып та (151–155), Бұхар жыраумен қоса қабат та мақтай берген. Абылайдың Жоңғар қалмақтарына қарсы күресте белгілі дәрежеде тарихи еңбегі болғаны рас. Бірақ Абылайдың халыққа қатал хан болғандығын бүркемелеп, Шернияз, Нысамбай сияқты феодал тобының ақындарының ізіне

түсіп, ханды бүкіл эпос пен жазба әдебиетте жағымды герой болды, казак елінің қамқоры деп аспанға көтеріп мақтаудың керегі жоқ еді (154–155-беттерде). Осы арасында Абылайды дәріптеу бұрынғы алашордашыл акын Жұмабаевтың шығармасында үлкен орын алған болатын (“Батыр Баян” поэмасында). Абылайды ұлтшылдық сарынға түсіп дәріптеудің нәтижесінде Жұмалиев марксизм-ленинизмге жат мынадай пікірлерді айтуға аузы барған:

“Белгілі кезеңде ел басқарушы хандар мен жалпы жұртшылық көпшілігінің тілегі қабысатын кезеңдер болады. Сондай көріністің бірі Абылайдың хандық құрған кезі болды” (158-бет) дейді.

Жұмалиев Бұхар жыраудың феодал табының ақыны екенін батыл ашып, сын бермейді. Бұхар “Керей, қайда барасың” деген өлеңінде ханға наразы болған халықты хан атынан әмір айтып қорқытады, күш көрсетеді. Жұмалиев Бұхардың феодалдық идеялы осы өлеңін де “ел үшін керекті, пайдалы да жағы болды” деп (161) ақтап алғысы келген. Автор Бұхар жыраудың “Батыстан келер бір кәпір, аузы-басы жүн кәпір” деп айтатын орысқа қарсы мұсылман шығысын дәріптейтін кертартпалығын мүлде аузына алмайды, бірауыз сынамайды да. Кей жерінде автор Бұхар айтпаған сөзді айтты дегізіп, өтірік бұрмалауға салынып, тағы да Абылай ханды көтермелейді. Автор Абылайдың Саржан деген баласы болады дейді. Расында бұл өтірік, Саржан Қасымның баласы, Абылайдан 50-60 жыл соң болған. Сол Саржан туралы ескішіл біреудің өлеңін Бұхар айтты деп келтіреді:

Алтын тақтың үстінде
Үш жүздің баласын құрадың.
Жетім менен жесірге
Ешбір зорлық қылмадың.
Әделетпен жүрдіңіз,
Әделет іске кірдіңіз,
Арманың бар ма, хан ием? —

деген (159-бет) сөздер әрі Бұхардікі емес, әрі Абылайдың тарихи сипаты емес. Және балалар үшін зияннан басқа пайдасы жоқ. Өте-мөте автордың Бұхарды дана акын деуі (161) саяси да, әдеби де сауатсыздық.

3. Кітапта Мұрат акын өте теріс бағытта түсіндірілген. Алдымен Мұраттың әлеуметтік тақырыпқа айтқан өлеңдерінің бәрі орысқа қарсы Алтын Орданы, мұсылман шығысын, бұрынғы хан, билерді дәріптеу, жаңалық, прогресс атаулыға қарсылық идеяда жазылғанын (“Үш қиян”, “Сарыарқа”, “Қазтуған”, “Әттең, бір қапы дүние”) автор жөнді сынап айтпайды да, Мұратты негізінде 1869 жылғы халық көтерілісінің идеясын жырлаған, “патриот”, Махамбеттің шәкірті, халық ақыны етіп дәлелдеуге тырысқан. Автор былай дейді:

“1869 жылғы “Ел ауа” деп аталынған шаруалар қозғалысын, олардың сол кездегі ой-пікірін толық камтып, әдебиетте сәулесін қалдырған ақынның бірі Мұрат акын болды. Мұраттың “Үш қиян”, “Қазтуған”, “Сарыарқа”, “Әттең, бір қапы дүние”, тағы басқа өлеңдері осы жағдайларды суреттейді” (218).

Сонда Мұраттың мынау аталған ең зиянды өлеңдері “шаруалар көтерілісін” суреттеген болып шыққан. Шімірікпестен айтылған өтірік, бұрмалаудың өзі.

Мұраттың мұсылман шығысына көшу идеясын жырлаған кертартпалығын да автор ақтап алғысы келеді (218, 219, 220, 221).

Мұраттың өзі шығармаған, ел аузынан жыршы ретінде жаттаған “Қарасай-Қази”, “Шәлгез” сияқты бірлі-жарым батырлар жыры бар. Автор өзі де “ел аузында бар” (220–222) деп жасырмайды. Солай бола тұрса да, жоғарғы екі жырды Мұраттың өз шығармалары деп, оны халық ақыны етіп дәлелдемек болған:

“Мұрат 60–70-жылдардағы ақындардың басқаларымен салыстырғанда халық поэзиясының әсерінде тәрбиеленіп өскен, алған үлгісі де, еліктегені де халық әдебиеті, батырлықты жыр еткен халықтың эпостық жырлары болады. Сонымен қатар, ол халық ақыны Махамбетпен бір жерде туып, оны өзінің ұстазы білуі – Мұраттың шығармаларына тек түр жағынан емес, идея жағынан да кейбір жағдайларда әсер етті. Мұраттағы батырлықты жырлау, патриоттықты жырлау сарынының бір тамыры осында жатыр” (221).

Бұған қарағанда, Мұрат түгелінен “халық ақыны”, “патриот” болып шығып отыр. Қазақ әдебиетінің тарихы туралы партиялық қаулы мен нұсқаулардың Жұмалиевке ешбір әсері болмағаны осыдан-ақ көрінеді.

“Мұраттың... отанын сүюшілік, халық үшін күрескен халықтың батыр ұлдарын жыр етіп, олардың ерлік өмірі мен ісін кейінгі ұрпаққа үлгі етер, өнегелі тіл байлығы – біздер үшін керек” (233-бет), – деген қорытынды мүлде теріс, әдебиет тарихын бұрмалау. Мұратқа байланысты тағы бір ескертетін жай: оның өлеңдерін әркімнен жазып алып, “өңдеп”, дәл Жұмалиев сияқты түсініктермен (“отаншыл”, “халық қамқоры” деп) ең алғаш бастырып шығарған алашордашыл жазушы Х. Досмұхамбетов. Досмұхамбетовтың суық қолы тиген ақынды қатты зерттеп, большевиктік сын елегінен өткізу біздің міндетіміз. Алайда Жұмалиев Досмұхамбетовтың ізімен кете барған.

Қазақстан Орталық партия Комитетінің Тіл-әдебиет институты туралы қаулысында, Шаяхметов жолдастың баяндамасында Мұраттың нағыз кертартпашыл ақын екендігі, Россиядан келген прогресс атаулыға шошына қараған, орысқа қарсы идеяны ашық жырлаған ақын екені айтылса да, Х. Жұмалиев тарихи шындықты бұрмалап, Мұратты “патриот”, “халық ақыны”, “Махамбеттің шәкірті” деп дәріптеп отыр. Және шығармалары алашордашыл жаулардың суық қолымен жиналып басылғандығын бүркемелеп отыр. Сондықтан Мұратты орта мектеп оқу кітабына кіргізу орынсыз.

Тұтас алғанда, VIII класс оқу құралының бұрынғы басылуынан өзгерісі шамалы, автор негізінен қайта жаза алмаған. Соның үшін де кітапты “Үшінші рет басылуы” деп мазмұнына сай орынды атаған.

4. IX класқа арналған оқу кітабының кіріспесі саяси методологиялық жағынан да, нақты ғылымдық фактіні беру жағынан да теріс, былық, жауапсыз жазылған. Революцияға дейінгі қазақ халқы шаруашылық, мәдениет жөнінен өте артта қалды. Мал бағып, тау-таста көшіп жүрді, тұрақты мекені, қонысы болмады, бірлі-жарым адамы ғана оқыды. Дәл кешегі колхоз құрылысына дейін қазақ халқының көпшілігі егін салудың, соқаның не екенін білмеді. Ал Жұмалиев бұл тарихи шындықты керісінше түсіндіреді:

“Көп жерлерде шаруалар егін кәсібімен де айналысты, осы жағдайларға байланысты кедей шаруалар отырықшылыққа дағдылана бастады... қазақтың ауыл шаруашылығында әртүрлі құрал-саймандарды қолдану да салтқа

енді... Мектептерде қазақтың ондаған, жүздеген жастары оқитын болды” (3–4-беттер) деп, XIX ғасырларда-ақ қазақ халқы отырықшы, көпшілігі егін салып, ауыл шаруашылық құрал-саймандарын пайдаланатын, ондағы ондаған, жүздеген балалары оқитын жетілген ел етіп көрсетеді. Сонда Октябрь революциясына дейін қазақ елі құлдық қараңғылық бұғауында, 99 процент сауатсыз, өте мешеу ел болды дегеніміз бір бос, бекер сөздер болып шығатын сияқты.

Кіріспеде Абайдың өз заманында алдыңғы қатарлы ақын болғандығын оның қара басының “үздік таланттылығынан” деп, әлдеқашан талқандалған буржуазияшыл идеалистік мылжың пікірмен түсіндірмек болған. Х. Жұмалиев былай дейді:

“Ғасырлар бойы белгілі бір дәстүр болып келген ауыз әдебиетінің ежелгі үлгі-өнегесін бұзып, тың түр, тың стиль, тың образ, тың сапа туғызу зор таланттың, көркем сөздің асқан ұстасының қолынан келетін іс еді. Міне, осындай зор талант, көркем сөздің тамаша ұстасы Абай болды” (4-бет); “Бұлар (Абай, Ыбырайлар)... әрі мәдениетті, әрі зор талантты болғандықтан, романтизмнің прогресшіл оптимистік бағытын қолданды” (5-бет).

Адамның талантын, білімділігін, дара қасиетін тарихи қоғамдық құбылыстан жоғары қойған бұл сияқты лақпа пікірдің марксизмге ешқандай жанасы жоқтығын дәлелдеп жатудың қажеті жоқ.

5. Кітаптың Ыбырай Алтынсарин туралы бөлімі нағыз саяси сауатсыз жазылған, идеялық тартыс пікірлерді көп жіберген. Ыбырайды мақтаймын деп, оның атасы патшадан шен алған атақты ірі феодал Балқожа биді аспанға көтеріп дәріптейді:

“Балқожа өз кезеңінің қабырғалы биі, өз қатарымен салыстырғанда анағұрлым саналы, өмір ағымының беталысы қалай бара жатқанын аңғара алатын адам болған. Балқожа оқу-өнер, білімнің қажеттілігін де жақсы түсінген” (21-бет).

Автордың ойынша, Ыбырайдың ғылым жолына түсуіне, жаңашыл болуына алдымен ақылды, прогресшіл бабасы Балқожа би себеп болған сияқты.

Ыбырайдың өміріне өте жала сияқты өрескел саяси қате оны “Тәржіман” газетінің редакторы Исмағұл Гасприн-

скиймен байланыстыруы, Исмағұлды Ыбырайдың досы, пікірлесі, тура қатынас жасаған адамы деуі (22-бет) мұны не саяси соқырлық, не Гаспринскийді дәріптеп ақтау үшін әдейі жіберген принципті пікір дейміз.

Исмағұл Гаспринский – XIX ғасырдың соңғы ширегі мен XX ғасырдың басында Қырымда Бақшасарайда “Тәржіман” газетін шығарып тұрған белгілі татардың буржуазияшыл ұлтшылдарының лидерінің бірі. Россия мұсылмандарының арасында контрреволюцияшыл пантүркизм мен исламизм ұранын көтерген, Түрік патшасының Россиядағы агенті, тура қолшоқпары болып, мұсылман халықтарын Түрік империясының қоластына қарату, бұл халықтардың мәдениетін, тілін, әдебиетін бір ғана түріктік ету сияқты ең кертартпа саяси, мәдениеттік ағымды бастаушы адам екені бүкіл совет жұртшылығына мәлім. Кейін татардың, қазақ, өзбек, әзірбайжандардың контрреволюцияшыл ұлтшылдары Гаспринскийді шығыстағы “ұлы адам”, “жетекші” деп шулап дәріптеген болатын. Гаспринскийдің Алтынсаринмен идеялық та, жай да ешқандай қатынасы болған жоқ.

Сол сияқты Прибалтық елдерінде генерал-губернатор болған, отаршылдық максатпен әр елдің хан, патшаларының тарихын қарастырған Вельяминов-Зернов та (22-бетте) Алтынсаринмен ешқандай пікірлес, дос болған емес.

Автор Ыбырайдың көзқарасындағы, пікіріндегі кейбір қайшылықтар туралы түк айтпайды, оның дінге, тағдырға сену сияқты теріс идеалистік пікірін ашпайды, үнемі бүркемелеп, ақтап алуға тырысқан. Ыбырайдың ел аузынан жинаған “Лұқпан әкім” деген ертегісін автор былай талдайды:

“Лұқпан әкім” деген әңгімесінде Ыбырай осы адамгершілікті, мейірбандықты дәріптейді. Әңгіменің бас кейіпкері өзінің бар өмірін адам баласына пайда келтіру үшін жұмсайды. Тәңірі мен діннің өзін де адам баласының керегіне пайдалануға күш салады” (29-бет) – деп, діншілдік нанымға байланысты ертегіні орынсыз ақтап, дәріптеп түсіндірмек болды. “Тәңір мен дін” ишан-молдалардың керегіне жарағаны рас. Бірақ адам баласының “керегіне” жарады деген лақпа пікірді қазіргі жас балалар тындай қоймас.

6. Олақ, сауатсыз жазылған бөлімнің бірі Абай туралы. Абай шығармаларын жеке тақырыпшаға бөліп талдамақ болып, Абайдың аяқталған бүтін бір шығармасын (не бір лирикасын, не бір поэмасын) көрсете алмаған. Орыстың Пушкин, Лермонтовтарының жеке лирикаларын бөліп талдағаны сияқты, Абайдың “Сегіз аяқ”, “Мәз болады болысың”, “Қалың елім”, “Күз” сияқты өлеңдерін жеке алып тексеруге болатын еді. Осындай өлеңдерді жеке, тұтас алып тексермегендіктен, Абай шығармаларына үнемі біржақты, теріс сипаттамалар беріліп кеткен. Автор Абайдың реализмін де, жаңашылдығын, орыс поэзиясымен туыстығын да, қайшылығын да саралап, айқын бере алмаған, бір пікірді жүз рет қайталап, мылжындай берген. Кей жерінде Абайды теріс түсіндіреді.

Абай жастарға ғылым, өнер жолын үгіттеп отырып, Толстойдың идеализміне байланысты “Қанағат”, “Рақым” деген теріс қағидасын ұсынады. Біздің авторға Абайдың бұл теріс көзқарасы да қызық, үлгілі көрінеді.

“Оның айтып отырған... қанағат, рақымы біздің қазіргі тәрбиеге де келеді” (40-бет) дейді.

Автор Абайдың өмір шындығын елестеткен “Күз” өлеңіне мынадай талдау береді:

“Абай сәл нәрселерді де көре алады. Үстіртін қараған адамдарға “иін илеу, шекпен тоқу”, балалардың ойындарын суреттеу сияқты мәселелер сәл ғана мәселе болып көріне тұрса да, шынында бұл сияқты ұсақ нәрселерді көре білуі Абайдың үлкен реалист ақын екендігін дәлелдейді” (49-бет); “Ол басқаның көзіне түспейтін кейбір “ұсақ” нәрселерді де көре біліп” (50-бет) дейді.

Абай реализмінің айқын көрінісі саналған ең күшті “Күз” өлеңін бұлай талдау балалардың басын қатыратын, әрі мылжың, әрі Абайға теріс қорытынды. Россияда Абай көріп жырлаған бай мен кедей арасындағы таптық қайшылық, кедейдің аянышты еңбек өмірі “ұсақ”, “сәл” нәрсе емес, қоғамның ең негізгі шындық бейнесі. Абай елеусіз “ұсақты” көре білді дегенше, қоғамдағы өте айқын шындықты жете көрсете алмады деп оны сынауға болар еді.

Бұл кітапты ІХ кластағы жас балалар оқиды. Автор кітапқа Абайдың ғашықтық, махаббат тақырыбына жазылған

өлең, поэмаларының бірде-бірін қалдырмастан қызыға мақтап, “талдаулар” берген (50–52–57–59-беттер).

Айттым сәлем, қалам қас,
Саған құрбан мал мен бас.
Көрмесем де, көрсем де,
Көңілім сенен айнымас, —

деген жігіт сөздері мен:

Сіздей асыл кез келсе,
Қайтіп басты шайқаймыз.
Сіз бір жалын, біз бір май,
Ыстық сөзің кірді ішке,
Май тұра ма шыжымай (57–58-беттер) —

деген қыз сөздерін толық келтіріп, мынадай түсінік береді:

“Сүйіспеншілік жөніндегі ескі феодалдар мен байлардың көзқарасына қарсы шығады... Ақын бір көкірекке бір жүректен басқа, екінші жүректің сыймайтынын, екеуінің де басқаға көңіл аудармайтындығын айқын көрсетеді (57-бет)... Ескі көзқарасты берік ұстаушылар дәуірлеп тұрған кездің өзінде жастардың сүйіскен жүректерін ту ғып ұстап жоғары көтеріп, сыршыл өлеңімен дәріптей жырлауы ақынның үлкен прогресшіл пікірін айқын дәлелдейді.

Ғашықтың тілі — тілсіз тіл,
Көзбен көр де, ішпен біл! —

деп, Абай махаббат мәселесіне үлкен баға береді” (58-бет).

Автор осы келтіріп отырған Абай өлеңдерінде байлар мен феодалдың көзқарасына ешқандай қарсылық та жоқ, асып кеткен “прогресшіл” пікір де жоқ. Бұлар автордың көріне көзге соғып отырған өтірігі, әрі тарихи шындықты бұрмалаушылығы (фальсификациясы). Бірінді бірің жалынды махаббатпен құшақтап сүй, жігіт айтса қыз көңілін қалдырмасын, махаббат іштегі жалын дерт деген Абай пікірі жана буржуазиялық заманға тән мораль, көзқарас еді.

Орта мектепте оқитын 15, 16 жастағы жас балалар түгіл, жоғарғы мектепте оқитын жастардың өзі бұрынғы ақындар

жырлаған махаббат лирикасын сын ретімен талдап оқуға тиіс. Онан соң орыс әдебиеті тарихынан жазылған орта мектеп оқу құралдарында Пушкин, Лермонтовтардың махаббат лирикаларына мұндай дәріптеп, табынып тоқталмайды. Бұл Жұмалиевтің өзгеден алабөтен “жаналығы”.

Абайдың, сол сияқты Махамбеттің де (VIII класта) өлең құрылыстарын буржуазияшыл формалистік әдіспен талдап тексерген. Жұмалиев өлеңнің сыртқы өлшеу, буын, ырғақ мөлшерін алады да, ылғи ирек схемалармен балалардың миын қатыратын мылжынды айта береді (66–71-беттер). Әрине, Абайдың өлең құрылысын, поэзиясын арнаулы ғылымдық еңбекке сай талдап тексеру керек. Бірақ балалардың алдына басында піспей жүрген шала-шарпы, формалистік мылжын болжау, долбарларды ұсынуға болмайды. Жұмалиев Абай шығармаларын идеялық мазмұн жағынан талдаудан гөрі, соны формалистік мылжынға айрықша маңыз берген.

Мысалы, “Абай өлеңдеріндегі патриотизм” деген тақырыпты автор 1,5 бетте (56–67-беттер) қана айтса, ал мыналардай формалистік, ирек схемаларды кітаптың 6 бетінде орын беріп айтқан.

Жұмалиевтің иректер туралы “талдау”, “долбарларына” балалар тұрсын, ересек білімді адам түсіну қиын:

“Жырдағы 7 де 8 болып аралас келетін буындардың бунақтары кіл 3 те 4, 5 те 3 болып, әр тармақтың алдыңғы бунағы ылғи 4, соңғы 4 те 4 және 3 болып, содан жазбайды” (67-бет).

Автор Абайдың:

Жарым жақсы киім киіп,
Келді жанға жылы тиіп,
Диуана болды бұл көңілім,
Басылмай бір қысып сүйіп, —

деген өлеңін (әдет бойынша махаббат тақырыбына жазылған) келтіреді де, былай дейді:

“Бұ да 8 буын өлең. Бірақ алдыңғы 8 буынды өлеңнің бунағы мен ұйқасы басқаша құрылған: “Жарым жақсы киім киіп” деген өлеңде екі бунақ бар да, алдыңғы бунақтың да, соңғы бунақтың да буындары бірдей 4 те 4” (67-бет).

Осында қандай білім тұрғанын балалар түгіл, Жұмалиев өзі де түсіне қоймас. Бұларға берген формасы да идеясыз, принципсіз және өте дөрекі. Абайды “өз елін жаңа өмірге сүйреуші”, “дамылсыз ойланушы”, барлық елдің әдебиетін “пайдаланушы” деп келіп, былай дейді:

“Соның нәтижесінде не ұйқас, не буын, не шумақ, не тағы басқа жақтарынан ерекше өзгешелігі бар өлеңдер қалдырып кетті” (71).

Орыстың орта мектепке арналған оқу кітаптарының бірде-бірінде қазірде Жұмалиевтікіндей формалистік “түсініктер” мүлде кездеспейді. Мұндай идеясыз мылжындар бір кезде орыстың буржуазияшыл символистік декадент жазушыларында, байшыл-ұлтшыл Байтұрсыновтың әдебиет танытқышында кездесетін.

Ал оқу кітаптарындағы фактілерді теріс беру, методикалық, жазу тіл стилі ретінде кеткен қате, кемшіліктер де көп, оларды бас-басына теріп жатпаймыз. Кітаптардың соншалық ұқыпсыз, жауапсыз жазылғандығына мысал түрінде фактілік қателеріне бір-екі мысал келтірейік.

VІІІ кластың оқушыларына Махамбеттің “Еділдің бойы ен тоғай, Ел қондырсам деп едім” (174-бет) деген өлеңін автор (ешкім сезбес деп ойлаған ғой!) “Елдің бойы” деп өзгертіп, мінсіз етіп талдау берген. Бірақ онан кейін автор Еділге қатысты бірнеше өлеңді қайта-қайта келтіре берген (175–186–194–197-беттер). Осы Еділге байланысты жерлерді мақтамай-ақ, сынап берсе де болатын еді. Екінші, Махамбет туралы бөлім өте көп және Махамбет өлеңдерін бірнеше рет түгел келтіріп, мылжың жазылған. Мәселен, Махамбеттен шығармасы үш есе әрі көп те, әрі әдебиет тарихындағы орны үлкен Ыбырайға 15-ақ бет орын берілсе, Махамбет туралы мылжың бөлімге 33 бет берілген. Онан соң “Қызынды қатындыққа көндіргем, Еркек емессің” деген рушыл Қоблан ақынды, Мұратты Махамбеттің шәкірті деу (197-бет), Махамбеттің өзін школа жасаған классик ақын деп орынсыз асыра бағалау (190–199-беттер) тарихи әдебиеттік шындық емес. Махамбет фольклор стиліндегі ақын, тақырыбы да шағын. Көтерілістің күресімен елге ғана классик ақын заманның алдыңғы қатарлы философиялық ой-пікірін, өмірдің саңылауынан саласын кең қамтыған шығармалар беруі керек. Махамбет ол дәрежеге көтеріле алмаған.

IX кластың оқу кітабында “Ыбырай – балалар әдебиетінің атасы”, “Ыбырай – қазақтың тұңғыш педагогы” (25) деп, бір пікірді сан рет қайталап, мылжындыққа салынған. Ыбырайдың алғаш педагог екені рас. Бірақ оны көрсете алмаған. Осы жалпы атақтан кейін Ыбырайға өзінде жоқ тағы бір тарихи атақты береді:

“Ыбырайды жазба әдебиеттегі көркем қара сөздің атасы деуге болады. Оның әңгімелері құрылыс жағынан болсын, сюжет жағынан болсын мәдениетті өлеңдердің новаторларымен теңбе-тең келіп отырады” (33-бет) деп, бүгінгі қазақ әдебиетіндегі прозаның атасы, негізін салушы етіп қояды. Бірақ автор бір кітаптың ішінде өзінің осы пікіріне өзі қарсы шығады:

“XIX ғасырдың екінші жартысында қазақ әдебиеті көне әдебиет еді. Проза, драматургия болған жоқ. Бір ғана поэзия болды” (6-бет). Ал XX ғасырдың басындағы жазушылар (Спандияр, Сұлтанмахмұт) туралы айта келіп, автор тағы былай дейді:

“Бұлар әдебиеттің өздеріне дейін болып көрмеген жанрларын туғызды. Қазақ әдебиетінің тарихында көркем проза: әңгіме, роман, әлеуметтік мәселелер көтерген көлемді дастандар шығарған осылар болатын” (91-бет). Онан әрі біресе “Қалыңмалды” тұңғыш проза (91-бет), біресе “Қамар сұлуды” алғашқы проза (136-бет) дейді.

Сөйтіп, автор бір жерінде Ыбырайды прозаның атасы дейді, екінші жерінде тұңғыш прозаны жазушылар Спандияр мен Сұлтанмахмұт деп, үшінші жерде XIX ғасырда жалпы революцияға дейін проза болған жоқ деп, оқушыларды шатастыратын, құйрығын ұстатпайтын пікірді жауапсыз соға берген.

Кітаптардың тұжырымды ойды, нақты ғылымдық фактілерді білдіретін жатық, бірыңғай әдебиеттік стилі жоқ. Мысалы, IX кластың оқу кітабында Абай туралы Жұмалиев былай деп шертеді:

“Абай емірене барып, етегі толды, шалқып жатқан теңіздің түбінен қап-қап маржан терді. Ол теңіз түбінен ақ тас та, қара тас та тапты. Тамаша жаңа идея, қызықты тақырып, терең философия, ойға азық, жанға медет болғандай көркем сөз, озат пікір тапты. Қысқасы, Абай не аңсаса, солардың бәрі де табылды” (54-бет).

Сонда ақ тас жана идея болып, қара тасы философия болмай ма екен деген ойға келесін.

Осы кітаптың Ығылман туралы бөлімінде Жұмалиев былай жазды:

“Ығылманның суреттеуінен тарихи мәліметтердегі бір өзгешелік Исатайдың тым бірбеттілігі. Өзі айтқаны болмаса болмайтындығы – Исатайдың осал жағының бірі. Дастанда ол жағын не мүлде айтпайды... Тегі, ақын Исатайды ұнамды қаһарман етіп көрсетпек болғандықтан, оның кемшілік жағын көрсеткісі келмеген” (100-бет).

Бұл автордың бір мағыналы сөйлем орамында “болмады”, “болмайды”, “о жағы”, “бұ жағы”, “көрсету” сияқты бір сөзді сан рет қайта айтып, сүрініп-қабынған, тіл білмейтін бейшаралығын көрсетеді.

Толып жатқан фактілік, стильдік қате, кемшіліктердің түрі осындай! Оның бәрін теріп жатпадық!

Осы фактілерден туатын қорытынды: оқу кітаптары партия қойған талаптарға сай жазылмаған өрескел, саяси, ғылымдық қателері мол құнсыз кітап болып шыққан. Оқу кітаптарын Оқу министрлігі ұқыпты қарамаған, қараса да, Жұмалиевтің ешкімнің сынын тындамайтын тоңмойындығына толық жол берген және Сәрсеков сияқты саяси беті жоқ кездейсоқ адамды бастан-аяқ “бақылап қараушы”, “көмектесіп” жазушы етіп белгілеп, өздері қол қусырып қарап отырған. Басылмас бұрын әдебиетшілердің талқылауына салмаған.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЕ Р. СУЛЕЙМЕНОВА НА ТЕМУ “КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТОК”

Диссертант тов. Сулейменов проделал огромную работу по собиранию, исследованию и обобщению обширного материала настоящей диссертации.

Пусть отрезок времени, охватываемый в данном труде, ограничен пределами двух пятилеток, но объекты, материалы и, главное, множество отраслей культуры, требовали от диссертанта затраты очень и очень многого времени, напряженных усилий и навыков самостоятельного отбора, анализа обильных фактов, цифр и данных по избранной теме.

Тов. Сулейменов взялся работать над своей диссертационной темой с самого начала аспирантуры, собирая, отбирая и предварительно обобщая отдельные данные, он сделал ряд публикаций своих исследований на страницах периодической печати в Казахстане.

Как в отдельных статьях, так и во всей законченной ныне работе, прежде всего, нельзя не заметить серьезную подготовленность и способность автора к самостоятельной и упорной научно-исследовательской работе.

Не только обширный, необычный для кандидатских диссертаций, объем работы (в 584 страницы) свидетельствует об итоге проделанной за месяцы, годы работы, но главным образом содержание труда, методика обобщения собранных данных, надежная эрудиция Сулейменова позволяют сделать первый главный вывод о том, что диссер-

тант — вполне подготовленный к научной работе, притом деятельный, продуктивный исследователь.

Автор обнаружил свою широкую осведомленность почти обо всех проблемах, на всех этапах зарождения, становления той или иной области культурного строительства в своей республике.

Посвятив свой труд историческому обзору, освещению таких областей культурного строительства, как народное образование, культурно-политическое просвещение трудящихся масс в республике, развитие высшего образования и науки и развитие литературы и искусства, тов. Сулейменов в каждом отдельном случае широко, подробно освещая факты, одновременно раскрывает и множество препятствий, затруднений, противоречий на пути культурного строительства в Казахстане. Он обсуждает пути и проблемы развития многих отдельных отраслей культурного строительства как исследователь, заинтересованный строитель и критически мыслящий ценитель важнейших явлений культуры в своей республике.

Из замеченных недостатков диссертации, в первую очередь, следует назвать длинноты. Одно введение этой работы составляет 34 страницы, а заключение 11 страниц. На иных страницах этих частей диссертации представлен беспредметный социологизм, когда говорится как будто обо всем, а конкретно мало о чем. Крайне обходимы сокращения текста по всей работе, включая и отдельные главы, посвященные определенно конкретным фактам культурного строительства.

Наибольшие замечания наши относятся к главе четвертой, где есть ряд фактических неточностей по отдельным авторам и произведениям и, кроме того, имеют место отдельные категорически отрицательные высказывания на страницах 481–487 о казахской драматургии, об отдельных пьесах, о работе театра и также об ошибках КазАПП.

На страницах 510, 516 наблюдается переоценка художественных достоинств романа “Ботагоз”, который в первой редакции был местами рыхлым, излишне растянутым произведением. Недостаточно сказано об Асфендиярове С., конкретно об ошибочных взглядах его, связанных с именем Касымова Кенесары. Переоценена деятельность Брусилов-

ского и др., якобы способствовавших улучшению работы драмтеатра, где они вообще не вели никакой работы.

В целом настоящая диссертационная работа тов. Сулейменова, отражающая длительные, разносторонние и широкие пути культурного строительства в Казахстане за две пятилетки, с полным правом может быть использована при составлении истории советской культуры в республике, потому вполне заслуживает представления ее, как основание к защите диссертации на степень кандидата исторических наук.

А. МАЛОВИЧКОНЫҢ МАҚАЛАСЫ ТУРАЛЫ КӨЛДЕНЕҢ ПІКІРЛЕР (1954 ж.)

Бұл мақала көлем жағынан және қамтыған материалы жағынан жолдас Маловичконың көп еңбек еткенін байқатады. Тексеріп талдаған шығармаларын жалпылай, сырттай ғана білу емес, барлық ішкі ерекшелігі, нақтылы ұсақ бөлшек бұйымдары жағынан да жақсы білетін тәрізді.

Бұл соңғы жай пьесалардың тіл, диалогтарын қадағалап, дәлдеп, орынды, әділ сынаған беттерден әсіресе айқын танылады.

Одан соң да бір қасиеті, бұл мақалада, әр кезде, драманың теориялық мәселелері айтылып, дұрыс нұсқалып отырады. Ол жайлар өте бағалы да керекті.

Бірақ соны бұл мақаладағы бірнеше пьесаға қатар айтатын қалыптан өзгерту керек. Мәселе құнды, орынды айтылу үшін нақтылы бір ғана пьесаның тұсында, айқын материалға байланысты айтылу шарт. Болмаса жалаң, құрғақ ақыл болып, олақ, жырақ сөз боп қалады.

Бұл мақаланың жоғарыда айтылған тәуір жақтарымен қатар, үлкен, өрескел кемшіліктері бар. Ол очерктің мақсатын, міндетін ескермеуден туған. Осы тексеру — учебниктің материалы емес, журнал, газет мақаласы болып шыққан. Мысалы, алғашқы 8 бет ешбір учебникке үйлеспейтін, газеттік информация.

Содан әрі пьесаларды ұдайы екі-екіден, кейде үш-үштен, немесе одан да көп топтармен тексереді. Біздің очерк үшін бұлайша жазу мүлде лайықсыз. Очерк әрбір нақтылы пьеса туралы, оның жазылған хронологиялық кезеңімен байланысты нақтылы, дәл өзіне арналған жеке-жеке тексеру, талдау беруге міндетті.

Ал пар-пардан қосып тексергенде, Маловичко мақаласында қай сын қай шығармаға арналғанын аңғару да қиын. Оның үстіне, 1944 жылы қойылған “Достық пен махаббат” пьесасын, 1954 жылы қойылған, немесе 1953 жылы жарияланған “Гүлден, дала”, “Көктем желі”, “Менің махаббатым”, “Шубай Дубаевичтермен” қоса тексеру ешбір жөнге келмейді.

Сол тәрізді “Амангелді” мен “Алтынсаринді” үнемі қосақтап тексеру де дұрыс емес. Бұл жайлардың бәрі осы мақаланың дәл осы материалдар бойынша түгелімен қайта жазылуы қажет екенін көрсетеді.

Методикалық, оқу құралдық талаптар соны міндет, шарт етеді. Барлық осы жөндегі нақтылы ойларды, сындарды Маловичко мақаласының 8, 9, 11, 13, 16, 17, 19, 26, 31, 32, 35, 36, 42, 46, 48, 55, 63, 65, 66-беттеріне орысша жаздым. Сол ескерілу қажет.

ҚАЗАҚ СОВЕТ ӘДЕБИЕТІ ТУРАЛЫ (1948 ж.)

**Х кластың оқу құралы. Авторы Ғ. Мүсірепов,
Х. Бекхожин, Қ. Жармағамбетов, С. Сейітов.
1948 жылы басылған. Редакторы Ә. Шәріпов.**

Бұл кітап қазақ совет әдебиеті туралы үшінші рет жазылған оқу құралы. Бұдан бұрынғы Е. Ысмайыловтың (1942—1946 жылғы басылған) оқу құралы кітаптарындағы тәжірибелерді, жинақты фактілік материалдарды пайдаланып және партияның идеология туралы программалық қаулылары шыққанын сүйене отырып жазылған. Бұл оқу құралы анағұрлым жақсы болуға тиіс еді. Алайда күткен үміт ақталмаған. Кітап оқу құралы болудан көрі, қазақ совет әдебиеті туралы жалпылай айтылған нашар очеркке ұқсайды, өйткені мұнда балаларға нақты жүйелі білім беруді нысана еткен материал аз да, оның орнына әрбір ақын, жазушы және әдебиеттің әр кездегі хал-жайы туралы жалпы есеп, шолу көзқарас қана берілген.

Кітапта Ғ. Мүсіреповтің өзінен басқа бірде-бір жазушы жайында тиянақты, түйінді пікір жоқ. Фактілерді санау, ананы-мынаны шашылып айтып кету, осы күнгі ақын, жазушының бірде-бірін қалдырмастан атай беру кітапта үлкен орын алған. Осыдан келіп, кітапта бұлар совет әдебиетінде тәрбиелік, идеялық маңызы зор, ең таңдаулы шығармалар қайсы, яки әдебиет жұртшылығы сынға алған құнсыз шығармалар қандай екенін айта алатын ғылымдық талдау, сын берілмеген. Кітапты жазуда тарихи әділдік, партиялық принцип сақталмаған. Жеке әдебиеттік фактілерді шығармадан теріс, біржақты қорытындылармен сипаттап берген.

1. Қазақ совет әдебиеті – Октябрь революциясы тудырған большевиктер партиясының басшылығы арқасында дамыған әдебиет. Қазақ совет әдебиетін осы негізгі саяси, тарихи факторға байланысты бастаудың орнына автор Октябрь революциясы алдындағы әдебиеттен бастаған. Бұл саяси тарихынан да, ғылымдық принцип жағынан да мүлде теріс.

Х, ІХ кластың оқу кітабына кіретін фактілерді совет әдебиетінің кіріспесі етіп, қайталап айтудың ешбір орны жоқ.

Автор қазақ совет әдебиетінің белгілі бір дәуіріндегі табысы, өскендігі ретінде толып жатқан шығармаларды келтіреді. Солардың ішінде идеялық жағынан мүлде қате, теріс бағытта жазылған “Әлі қарт”, “Адасқандар”, “Тулаған толқында”, “Теміртас” (47, 51, 54), тағы басқалары аталып жүр. “Әлі қарт” поэмасында совет шындығына жала жабылған. “Теміртаста” троцкистік идея бар, сондықтан бұл екі шығарманы совет үкіметінің шет елдегі жаулары дәріптеп, өздеріне құрал етпек болатын. Ал “Адасқандар” мен “Тулаған толқында” жаңа совет адамдарының образын көрсетудің орнына феодал, байлардың балалары, Алашорда адамдарының өмірі объективті түрде дәріптелгендіктен, әдебиет жұртшылығы өз кезінде қатты сынға алған болатын. Сондай идеялық құнсыз, теріс бағытта жазылған шығармаларды оқу кітабында жінішкелеп, жақсы етіп көрсеткісі келген.

Авторлар кейбір шығарманы сынамақ болған, бірақ сол шығарманың бойындағы қате, терістікті өткір сынмен дәл ашып айтпайды, бүркемелеп жұмсартып, тағы да ақтап, арашалап алуға тырысқан. “Әлі қарт”, “Шұғыла”, “Балуан Шолақ”, “Алма бағында”, “Мырзабек” (55, 60-беттер) сияқты шығармаларды бір топтап, бәрі де не сыншыл реализмге, не натурализмге салынған деп бағалайды. Бұлардың ішінде “Балуан Шолақ” пен “Алма бағынданың” социалистік реализм әдісін меңгере алатындықтан туған қате, кемшілігі бар екені рас, ал “Шұғыла”, “Мырзабек”, “Әлі қарттар” совет шындығына жала, идеялық зиянды шығармалар.

Кітаптың кіріспе бөлімінде әлі кім екені зерттелмеген діншіл ақын Алмасовты (6, 7-беттер), алашордашыл

ұлтшылдардың тобында болған ескішіл декадент акын Бер-
нияз Күлеевті (7-бет) қазақ арасына орыс мәдениетін жаю-
шылар етіп көрсетуі, оқу құралдары баспасының директоры
болғандықтан Әбу Сәрсембаевтің құнсыз, талантсыз нашар
өлеңдерін мейлінше дәріптеп жазып (65, 66, 67-беттер), оқу
кітабына кіргізулері – бәрі орынсыз теріс. Сәрсембаевтің
орнына қазақ поэзиясында белгілі орны бар Ғали Орма-
нов, Қасым Аманжолов, Жұмағали Саин туралы тоқталып
айтқан жөн еді.

2. Кітаптың Жамбыл туралы бөлімі өте нашар жазылған
және онда өрескел принциптік қателіктер жіберген. Алдымен
Жамбыл туралы бөлімінің жартысына жақыны революцияға
дейінгі акынның өмірі мен шығармасына арналған. Оның
үстіне, революцияға дейінгі шығармаларына айрықша
тоқталып, нақты талдау дегенде, совет тұсындағы идеялық,
көркемдік жағынан аса маңызды өлең, поэмаларын үстірт,
жалпы шолумен таныстырып өте шыққан. Жамбылдың
“Туған елім”, “Ленин”, “Сталиннің туған жері”, “Воро-
шилов туралы”, “Орындалған ант”, “Москва” атты атакты
поэма, толғауларына айрықша тоқталып, талдау берілмеген.
Жамбыл өлеңін қайта-қайта келтіріп, оларға ешқандай
түйінді қорытынды бермеген. Бұл Жамбылды жазудағы
теріс, өрескел қатенің бір жағы.

Екінші – кітапта Жамбылды революцияға дейін
идеялық, таптық жағынан қалыптасқан акын етіп
көрсеткен. Жамбылдың революцияға дейінгі өлеңдері
мен айтыстарының кейбірінде реализм элементі, қоғам
өміріндегі таптық қайшылықты көрсетушілік бар. Бірақ
революцияға дейінгі барлық шығармасын тұтас алып, со-
вет дәуіріндегі шығармаларымен салыстырғанда, идеялық
жағынан да, көркемдік, шеберлік жағынан да әлдеқайда
төмен. Бірқатарында патриархалды ру идеологиясының
эсері бар, кейбірінде акын өзіне сыйлық, олжа берген адам-
дарды мақтайды, немесе өзіне сый-құрмет көрсетпегені үшін
аздап сынап кетеді. Ал авторлар Жамбылды ХІХ ғасырдан
бері қарай революцияшыл, тапшыл пікірді жырлаушы етіп
шығарған.

“...Өлеңдерінің ішінде әкімдердің, байлардың мінез-
құлқын сынайтын, халыққа қиянатшыл қылықтарын
әшкерелейтін өлеңдері көп болған” (81-бет); “Жамбылдың

алғашқы өлеңдерінде сықақтау (сатира) басым болған. Ел жегіш болыстарды, ауылнайларды, арамтамақ байлардың мінез-құлқын әшкерелеп, талап, өлеңдер шығарған” (82-бет).

“Жамбыл бергін келе айтысты – қоғам өмірінің қайшылықты сырларын ашатын, өзінің тапшылдық, халықтық ой-пікірін батыл айтатын күшті өнер, жақсы трибуна деп білген” (83-бет).

“Жамбыл сол байлардың (Құлмамбетпен айтысында) бет пердесін ашып, өлтіре әшкерелейді” (84-бет).

“Досмағамбетпен айтысында байды жалпы жамандау емес, олардың халыққа жат сырларын, қанаушылығын әбден әшкерелейді... байлардың сырын, бет пердесін әшкерелеп, олардың зұлым кескінін көрсетеді. Бұл айтыста жалғыз байлардың ғана емес, сол қанаушы таптың түрлі топтарының ханы мен молдалардың, саудагерлердің мінез-құлықтарын, қанаушы таптың сүйеніш болған хан-төрелердің сырларын да әшкерелейді” (85-бет).

Осы сипаттауға қарағанда Жамбыл революцияшыл-демократ ақын болып шыққан.

Мұның бәрі Жамбылды асыра дәріптеу. Шынында, Жамбыл айтыстарында қарсы ақын мақтаған байларды кемітіп сынау болғанымен, өз заманындағы үстем салт-санадан аса алмаған идеялық әлсіздіктері айқын сезіледі. Жамбыл айтыстарында Шапырашты елінің Байтөлі, Кәмен, Мырзабек, Әлі, Нұрмағамбет, Қазбек, Ыбырайым, Байсалбай сияқты атақты феодал-байлары мен Алматының саудагерлерін мақтайды. Оқу кітабында Жамбыл мінсіз, жетіліп болған революцияшыл. Бұл тек тарихи шындықты бұрмалау ғана емес, совет әдебиетінде ақынның қайта туып, таланты өрістеп, сана-сезімі, ой өрісі мүлде жаңарған ақын екендігін бұрмалау болып табылады. Кітапта Жамбылдың шын мәнінде ұлы ақын қатарына қосылып, ескі дүниенің, қанаушы таптардың ірік-шірігін батыл әшкерелеуші, патриот ұлы болуы тек совет заманында, Сталин дәуірінде болғандығын бұрмалаған.

Жамбылға, жалпы қазақ, қырғыз тарихына үлкен бір жала – Жамбыл батырлардың “қырғыз шапқыншыларынан қорғау жөніндегі жауынгерлік істерін жыр етеді” (84-бет). Қырғыз бен қазақ феодалдарының арасында кейбір өзара

тартыстар болғаны рас, бірақ феодалдар елді шабуға келгенде халық хан-феодалдардың соңына ермеген. “Сұраншы батыр” поэмасында Орманхан Сұраншыдан кек алмақ болып, соғысқа дайындалғанда, қырғыздың халқы қазаққа шапқыншылық әрекет істеп, қорлық көрсетті деу – бәрі өрескел түрдегі қате. Тарихты бұрмалау болып саналады.

Жеке берілген жазушы, ақындардан Жамбыл мен Асқар толық үгіт айқайдың ғана ақыны сияқты, олардың өзіндік ақындық мәдениеті, новаторлығы, стилі ашылмайды. Мұқанов Сәбиттің өлең, қара сөздері болсын, тақырыбы жана, маңызды болғанымен, бірақ ол жазушылық мәдениеті әлі төмен, жетілмеген ақын болып сипатталады. Сәбиттің қазақ даласындағы революцияшыл ұлы өзгерісті, қазақ жалшыларының образын, колхозшы мен жұмысшыны жырлаған маңызды шығармалары туралы авторлардың қорытындылары мынадай:

“Ақынның бұл өлеңдерінде дәлме-дәл тенеулер, көркем суреттеулер, тұлғалы бейнелер сирек кездеседі. Тұр жағынан халық поэзиясының тұрғысында қалады... (106-бет). Бұл поэмалардың тақырып жөнінен бағалы болғандығымен қатар, тіл көркемдігі мен уақиға құрылысы жөнінен бірсыдырғы кемшіліктері болады. Ақын бұл шығармаларды жазуға көркем шығармаға қойылатын тілектерден гөрі, үгіт мәселелеріне көбірек көңіл бөлген” (109-бет).

3. Ал Сәбиттің творчествосында, жалпы қазақ совет әдебиетінің тарихында айрықша орын алатын күрделі “Сұлушаш”, “Ақ аю” поэмаларын “тәуір шығармаларының бірі”, “елеулі шығарма” (111-бет) деп қана атап өте шыққан. Сәбиттің прозасының ішінен “Жұмбақ жалауды” алып, тек тақырыбы, идеясы жағынан талдау береді де (оның өзінде Ысмайыловтың бұрынғы кітабынан алған), жазушылық, көркемдік стилі қандай екенін мүлде ашпайды. Ол әлі үйреніп жүрген жазушы сияқты. Сәбит шығармаларындағы халықтық простоталық, сюжет, композиция шеберлігі, тіл ерекшелігі ашып айтылмайды. Сөйтіп, Сәбит те Жамбыл, Асқар сияқты жалаң үгіт, айқайдың адамы болып қана шығады.

Ал Мұхтар Әуезовтің творчествосы туралы тарихи, әдебиеттік әділ пікір айтылмаған. Авторларда екіжақтылық (эклектизм) бар: бір жағынан, Мұхтарды қазақ әдебиеті

тарихындағы ірі суретті, реалист жазушы, драматург етіп көрсетпек болады. Мұндай бағаны беруге келгенде авторлар ешқандай қиналмаған. Е. Ысмайыловтың (1942–1946 жылғы) оқу кітаптарынан дайын күйінде ұрлап алған. Мысалы, екінші дәуірдегі әңгімелері мен “Түнгі сарын”, “Абай” пьесасы туралы талдауларда (128–135-беттер) Е. Ысмайыловтың бұрынғы кітаптарынан біраз өзгертіп ала салған (1942 жылғы басылуында 102–114-беттер, 1948 жылғы басылуында 112–125-беттер). Екінші жағынан, 1917 жылдан 1947 жылға дейін дені дұрыс бір шығарма бере алмаған, совет үкіметінің жауы, совет тілегіне әлі шынымен келіп болмаған жазушы етіп, бастан-аяқ айыптауға салынады. Екінші дәуірінің өзінде де “Ескі тақырыпқа, тарихи тақырыптарға көбірек жазып жүр. Бірақ сол шығармаларында ескі заманның сырты, іші бос кей кезендерін асыра дәріптеп суреттейді. Бұл шығармасының бірінші дәуіріне тән қателіктердің бой көрсетуі. Жазушының әлі де болса ескі сарынға айналып кеткен, теріс пікірінен үзілді-кесілді арыла алмағандығы” (146-бет) деген қорытындыны дәлелдейтін бірде-бір шығарма келтіре алмайды.

“Абай” романының 1-томында кейбір .....сіздіктердің бар екені рас, бірақ ол негізінде орыс, қазақ оқушылары аса жақсы шығарма деп бағалады ғой. Тарихи тақырыптағы “Абай”, “Түнгі сарын” дұрыс жазылған болса, сонда “ескі қате жолдан арылып кете алған жоқ” деген қорытынды қайдан туады. Соңғы 15 жыл ішінде “Шұғыла”, “Желкелер неге қышиды” сияқты совет шындығына жала, немесе ескіні дәріптейтін “Балуан Шолақ”, “Ақан сері”, “Едіге” сияқты құнсыз шығармаларды Әуезов жазған жоқ.

Онан соң Мұхтардың алғашқы дәуірін беруде орыс совет әдебиет тарихында, бір кезде саяси творчестволық теріс жолда болып, кейін түзеліп, аса ірі шығармалар берген А. Толстой, И. Эренбург, Н. Тихонов, В. Кавериндер де қазір қалай жазып көрсеткенінен үлгі алу керек еді. А. Фадеев жолдас, Н. Тихонов, В. Кавериндер бір кезде “Ағайынды Серапионовтардың” тобында болып, теріс бағытта жазғанын ескертіп, бірақ бұл екеуі де бұл күнде совет халқына аса құнды шығармалар беріп отырған алдыңғы қатарлы жазушылар, бұларды М. Зошенкомен қатар қоюға болмайтынын айтады (Советская литература. 1947. С. 26). Ал В. Щербина

А. Толстойдың алғашқы адасқан, теріс жолда жүргені туралы бар айтқаны: “Толстой не сразу разобрался в происходящем. Ему пришлось пройти мучительный путь эмиграции, разрыва со своими мнимыми друзьями, осознания ошибок. Искренний и правдивый художник он упорно, своим собственным путем шел к истине советского патриотизма” (Сол кітап, 89-бет). Сол алғашқы дәуіріне тән ерекшелік зор суретші болған себепті, орыс өмірінің тарихи шындығын сыншыл реализм дәрежесінде бере алғандығын көрсетеді. Ал Толстой социалистік реализм әдісіне “ИЕТР-І” жазумен (1930 жылдары) келеді. Оны оқу кітаптарында болсын, жеке мақалаларда болсын, “жау”, “контр” деп, әуелі құбыжық етіп алып жазбайды. Әр шығармасын нақты талдап, сынаумен дұрыс, әлсіз жағын ашады. Орыс совет әдебиеті тарихында алдымен бүгінгі дәуірге сай құнды шығарма берген жазушыны ғана айрықша бағалап айтады. Бүгінгі күні совет халқына ешқандай құнды шығарма бере алмай, өмірден қалып қойса, ондай жазушы не бастан-аяқ сыналып беріледі, не А. Безыменский, Ю. Лебединскийлер сияқты әдебиет тарихынан шығып қалады.

Мұхтардың жазушылық бетін толық анықтайтын, толық көтеріп баға беруге тұратын “Абай” сияқты романы жазылып тұрғанда, оны өмірде ең артта қалған жазушы қатарында бастан-аяқ “айыптау” әдісімен беру – балаларға дұрыс ұсыну емес, Мұхтардан шошындыру болмақ.

М. Әуезовтің алғашқы дәуірдегі қателіктерін барынша ашып айтқан дұрыс, оны айтпа, бүрке демейміз. Бірақ біз әрқашан Лениннің Толстой туралы айтқан сара нұсқауын ұмытпауымыз керек. Ленин Толстойдың революцияны жақтамағанын, дүниеге көзқарасы теріс болғандығын батыл айта келіп, бірақ ірі суретші орыс өмірінің шындығын өте айқын сынап көрсетті деді. Осы тұрғыдан қарағанда, Мұхтар “Қорғансыздың күні”, “Ескілік көленкесінде”, “Оқыған азамат”, “Үйлену”, “Жуандық” сияқты әңгімелері мен “Еңлік – Кебек” “Бәйбіше-тоқал” драмаларында ескі феодалдық ауылдағы зорлықты, қиянатты, ескілікті әйелдің қорлық өмірін недәуір ашып суреттейді. Бұл ретінде Сәбит Мұқанов жолдастың 1935 жылы айтқан пікірі орынды.

“Қорғансыздардың күніндегі” қара ниет болыстың әлсізге істеген хайуандығы, “Оқыған азаматтағы” “акжүрек-

пін” дейтін оқыған жігіттің барып тұрған қаражүректік, аз да болса сол заманның шындығын ашқандық, идеология жағынан пролетариаттық болмағанымен, Мұхтардың бұл әңгімелері ескі ауылдың кейбір шындықтарын, қанаушы таптың еңбекшіге істеген зорлығын аз да болса көреміз” (Мұхтардың “Ескілік көлеңкесінде” деген әңгімелер жинағы, кіріспе, 1935 жыл, 4, 5-беттер).

Мұхтар шығармаларына дұрысын дұрыс, терісін теріс деп тарихи шындықты көрсетіп баға беру керек. “Еңлік – Кебекті” осы күнге дейін әдебиет жұртшылығы теріс идеялы шығарма деген емес, жеке образдардың шықпауы, біржақтылығы сияқты кемшіліктері болса да, тұңғыш қазақ театрының бірінші шымылдығын ашқан, 1925 жылдан бері қазақ театрының сахнасынан түспей келе жатқан тарихи мәні бар шығарманы оқу кітабының авторлары (125–126) зиянды пьеса деп бағалай салған.

“Қорғансыздың күніндегі” Ақанды совет болысы деу мүлде теріс. Алдымен совет тұсында болыстық атқару комитетін “болыс” демейді, “волатком” деп атады. Қасындағы Қалтай “атшабар” да волаткомның хатшысы емес, ескі болыстың атарман-шабарманы. Ескі ауыл ескі болысты жазады. Екіншіден, 1924 жылғы ВКП(б) Орталық Комитетінің Қазақстан партия ұйымына жазған хатында “Ауылдарда шын мәнінде совет жоқ”, ауылдық, болыстық советтерде байлар немесе солардың сойылын соғатын адамдар отырып келгенін атап көрсетіп, ауылды советтендіру ұранын қойды (20 лет Казахской ССР. 1940. С. 106, 107). Ал 1921 жылдары қазақ алыс аудандарында советтер бұрынғы атқамінер, құлақтардың қолында еді. Сондықтан әңгімеде “совет болысына” жала деп талдау беруі орынсыз. Әңгімені қорытындысы теріс, үмітсіздікке апарды деп санау керек. Бірақ өтірік айтып сынамау керек.

Мұхтардың жазушылық стилі бар, мәдениетті жазушы деген де дәлелсіз. Бос сөз боп шыққан. Мәселен, әуелі “Еңлік – Кебекті”, “Қорғансыздардың күнін” идеялық жағынан зиянды шығарма деп сынады (123–126-беттер), ақырында Мұхтардың жазушылық стилін көрсететін шеберлік деп, ол екі шығарманы мақтамақ болады (143–144-беттер). Осында қандайлық ғылымдық, партиялық принцип бар? Ол, автор

айтқандай, идеялық жағынан теріс шығарма болса, онда көркемдік қасиет бола ала ма екен?

Сөйтіп, Жамбыл, Сәбит, Асқар үшеуі стиль, ақындық, жазушылық мәдениеті жоқ жалаң үгіттің ақындары да, Мұхтар болса совет әдебиетіне келіп болмаған теріс бағыттағы жазушы. Ал Горький, туысқан елдің ақын-жазушыларын жалпы таныстыру ретінде, үстірт, қысқа ғана берілген. Сонда қазақ совет әдебиетіндегі барлық жағынан жетілген негізгі классик жазушы болып Ғ. Мүсірепов жолдас қана қалған.

4. Рас, Ғ. Мүсірепов қазақ совет әдебиетінде елеулі орын алатын, өзіндік жазушылық стилі бар жазушы. Бірақ соны айтудың өзінде белгілі бір мөлшер, шек болу керек. Бұл кітапта ол шек жоқ. Мұнда Ғ. Мүсіреповтің бірде-бір шығармасы қалдырылмастан (нағыз құнсыз, зияндылары да) қайта-қайта аталып, мақтала береді (20, 39, 46, 47, 51, 54, 55, 60, 70, 146, 164). Кітапта Ғабит өзін-өзі (негізгі автордың бірі өзі ғой) мақтап былай жазады:

“Колхоз тақырыбына басқалардан бұрын және көбірек жазған жазушының бірі Ғабит Мүсірепов болады. Әңгіменің көркемдік жағына келгенде, “Қос Шалқар” шебер жазылған, көркемдік қасиетін бүгінге шейін жоймаған құнды шығарма. Тілі әрі жатық, әрі өткір. Сөйлемдері шұбалаң емес, ықшам... Басқасын былай қойғанда, әсіресе табиғат көрінісі, қос Шалқардың көрінісі айтарлықтай шебер суреттелген” (147–148-беттер).

Бұдан кейін автор өзінің “екі-үш ауызбен” “жаңа адамдар образын”, колхоз құрылысын “жарқын” көрсеткенін айтады. Ал “Талпақ танауға” келгенде, автор өзінің барлық қазақ жазушысының үздік новаторы екенін дәлелдемек болады.

“Талпақ танау” сол кездегі әдебиетіміздегі өзінше бір жаңалық (149-бет). Жазушы колхозшы әйелді, еңбек иесі әйелді тұңғыш көрсетеді (151), уақиғасы алып суреттелген. Тақырыбы өзінше тың, әдебиетімізде сол уақытта туған шығармалардың қай-қайсысынан да өзгешелеу тұрып, айрықша орын алатын шығарма... уақиғасы тың болумен қатар тартымды да, шығарманың тілі жатық, әрі көркем” (151–152-беттер).

Шынында да бұл екі әңгімеде басқа ақын, жазушылардыкінен бөлекше “тың”, “жатық”, “жаңалық” боларлық ешнәрсе жоқ. Өз уақыты үшін маңызы бар әрбір жазушы, натуралист жазған газеттің очеркі. Мұнда дәуірдің бейнесі, жаңа адамдардың түйінді образдары жоқ. Ал Ғабиттің колхоз тақырыбына жазылған шығармаларын тұтас алғанымызда, оның колхоз өмірін, ондағы үлгілі еңбекті дұрыс суреттеген кесек тұтас бір шығармасы жоқ. “Бір адым кейін, екі адым ілгері”, “Шұғыла”, “Желкелер неге қышиды” атты әңгімелерінің бәрінде де Ғабит колхоз өмірін бұрмалап, өнін айналдырып суреттейді. Бұл әңгімелерде колхоз жұмысы ылғи кері кетеді, бір өркендемейді, оны басқаратындар да ылғи басбұзар белсенді, жат адамдар, колхоз шаруасы қираған, бүлінген, колхозшылар колхоз жұмысына наразы болады. Осыдан келіп жазушы көп жерінде колхоз құрылысына жала жауып отырады. Бұл Ғабиттің бірер әңгімесінде емес, бірнеше әңгімесінде қайталап келіп, оны системаға айналған қателіктерге ұшыратып отырады. Оның қорытындысы 1944 жылғы “Желкелер неге қышиды” деген зиянды әңгімесі мен “Қазақ батырында” Қайырғали колхозды мейлінше жек көреді, колхоз жұмысын түрмеде көріп, қалаға қашып кетеді. Ол қаладан оқыған уақыттарында, Отан соғысы майданында жүргенде колхоз бастығынан жаналғыш әзірейілдей қорқады. Міне, мұның бәрі оқу кітабының авторы Мүсіреповтің өз айтуынша, “социалистік реализм”, “тамаша жаңалық” сияқты көрінеді. Әрине, “Қазаншының еркі бар қайдан құлақ шығарса да”.

Бұдан кейін Мүсірепов өзінің ана туралы әңгімелерін мейлінше дәріптейді. Ана жайындағы әңгімелерінің бәрі де мінсіз, нағыз революцияшыл романтикамен жазылған сияқты:

“...Уақиға да өзгеше. Тілі де өткір. Мұндағы романтика реализммен ұстасып жатқан романтика... Нағима сияқты саналы жаңа әйелдің болғанын әдебиетте көрсету жазушының елеулі... Ғабит Нағиманың ішкі жан дүниесінің әр алуан құбылыстарын жақсы көрсете алған... көркемдік қасиетіне келгенде, “Ананың арашасы” Ғабиттің новелла, яғни қысқа әңгіме жазуға ұсталығын көрсететін шығарма. Новелланың қызықты, уақиғасына сай терең мағыналы өткір сөздер, күтілмеген жерден айта кететін көркем тенеулер кездеседі.

Новелланың тілі кәдімгі түсінікті, жатық тіл” (153, 154, 155-беттер). Автор сыпайыгершілікті жауып қойып, өзін-өзі Горький қатарына апарып қояды.

Ғабиттің ана әңгімелерінде Горькийге еліктегені рас. Бірақ ол Горькийді теріс түсініп, дұрыс меңгере алмайды. Жаңағы мақтанып отырған Нағима өзін азаптаған актердың жендет-солдаттарына “Мен анаңмын” деп сөз сөйлегенде, айуан бейнелі жендеттер ана сөзінен ұялып, қатесін мойындап, адамдыққа келеді. Ана алдына бас иеді. Ананың барлық ерлігі де, барлық гуманистік идеясы да, міне, осында сияқты. Әңгіменің бұл мотиві Горькийге де, революцияшыл романтизмге де жат нәрсе. Кешегі азамат соғысы кезінде Колчак, атаман Анненковтың жендеттерінің де, өткен Отан соғысында неміс жендеттерінің де ешбір зар жылаған ана мен баланың көз жасына қарап, рақым еткені жоқ. Зұлым жау ұялып, мейірімділікке келді деген теріс бағыттағы әңгімені оқу кітабына революцияшыл романтика деп, автор өтірік дәріптеп, қазақ совет әдебиетінің жақсы үлгісі ретінде оқу кітабына кіргізіп отыр.

Ғабит өзінің елеулі шығармаларының қатарына идеялық-көркемдік жағынан құнсыз “Амангелдіні” халық жауы Майлинмен бірге жазған (60, 145, 155, 156), “Тулаған толқында” (45, 51, 146), “Екі адым ілгері, бір адым кейін” (47, 51, 152) атты әңгімелерін бірнеше атаудың үстіне, тіпті жарық дүние көрмеген, жарамсыз болып қалған “Полковник Чудов”, “Қынаптан қылыш” (70, 159) сияқты нәрселерін әкеп қосқан. Осылардан кейін автор өзінің “үздік”, “айрықша” жазушылық стиліне тоқталып, ең жоғары бағаларды жомарттықпен аямай бере білген:

“Қозы Көрпеш – Баян сұлуда” драма жанрын жақсы меңгерген... заманымыздың биік тұрғысынан қарап, идеялық мазмұн беріп жазған” (156); “Қозы Көрпеш – Баян сұлу” – драматургиямызды белге шығарған көрнекті пьесаның бірі” (158-бет).

Оқу кітабында мұнан басқа айрықша тоқталып талдаған бір драмалық шығарма жоқ, сонда бұл қазақ драматургиясын белге шығарып сүйреп тұрған осы “Қозы Көрпеш – Баян сұлу” болып шығады.

“Қазақ батыры” да бастан аяқ мақталып, қазақ әдебиетінде тендесі жоқ шығарма болып сипатталады. Әуелі

кітаптың кіріспесінің бірінші бөлімінде нағыз социалистік реализм үлгісіндегі шығарма, “тек бүгінгі өмір шындығы болып қана қоймай, болашақтағы совет адамдарының патриоттық асқан ерлік, туысқандық кескінінде елестейді. Реализм мен романтизмнің ұстасуының бір белгісі осы” деп бір дәріптеп мақтаса, кіріспесінің екінші бөлімінде Отан соғысы кезіндегі очеркі, әңгіме, романдарын атай келіп, солардың ішінен бұл шығарманы ғана жақсы деп бағалайды:

“Бұлардың ішінде Ғабиттің “Қазақ батыры” деген повесін атап көрсетуге болады. Бұл соғыс тақырыбына жазылған көлемді көркем шығармаларының бірі деп есептеледі” (70-бет).

Өзі туралы бөлімде “Қазақ батырында” нағыз жұртшылық сыны көрсеткен өрескел қателіктерді “жеке кемшілік”, “жеткілікті көрсетілмеген”, “ағаттық жасаған” (162-бет) деп жұқалап айтады да, повестің өзін жер-көкке сыйғызбай мақтайды.

“Осы кезде жазған күрделі бір енбегі жоғарыда аталған “Қазақ батыры” деген повесть” (147-бет).

“Қазақ батыры” совет адамдарының майданда көрсеткен ерлік қимылдарын суреттейтін шығарма. Оның тәрбиелік маңызы осымен байланысты” (162-бет).

Ал, шынында, жұртшылық сыны айтқандай, бұл повестің өрескел идеялық қатесі бар. Қайырғалидің совет семьясында, совет мектебінде, партия, комсомол ұйымында тәрбиеленуі көрсетілуі былай тұрсын, ол колхозға қарсы, колхозды жек көреді, колхозда қалмады, балаларын, үйін жек көреді, онан да қашады, милицияны, оқу бөлімінің бастығын, детдомдағы тәрбиешілерді түгел жек көреді, мазақ етеді. Бұзақы балалармен дос болады. Міне, осы адам тек майданға барғасын, әйтеуір батыр болып шыға келеді. Өскен ортасы, өзін тәрбиелеп, адам қатарына қосқан советтік семья, колхозы, мектебі бәрі оған жат, сүйкімсіз болғанда ол не үшін қан төгіп, ұлы ерлік жасап, соғысады деген ой еріксіз туады. Идеясында осындай теріс, өрескел қателігі бар шығарманы батыл сынап айтудың орнына “тәрбиелік”, “патриоттық” маңызы зор, “социалистік реализм мен революциялық романтика ұштасқан” шығарма деп өзі дәріптеген. Ең ақырында автор әр шығармамен бай-

ланысты, өзінің ерекше стилін айтқанды місе тұтпай, тұтас алып, тағы бір көтеріп, барынша мақтап берген.

“Ғабит әңгіме ұстасы. Шығарма сюжетін құруға, әңгімені тартымды етіп, айтып беруге шебер. Ол нағыз әңгімеші жазушы. Тіліне келгенде, оның басқалардан бір айырмасы, тілі мейлінше жатық, өткір, оқуға жеңіл келеді. Сөздері сырттан ғана жылтылдап тұрмайды, кәдімгі көркемдікпен келіп, іштей де (мағына, пікір жағынан) терең болып отырады. Бұл көркемдік жазушының өзіне тән шешендікпен мәнерлесіп, қиысып жатады. Ол адамның ішкі дүниесін аша, үлкен бір сыр аңғартып отырады... Табиғат көрінісін оқиғаның орайына қарай терең мағына беріп суреттейді. Ғабит екі кісіні кезек сөйлеттіру әдісіне де шебер. Бірінің сөз саптауы екіншісіне ұқсап тұрмайды. ...Мүсіреповтің авторлық сөздерінде лирикалық шегіністер жиі кездесіп отырады. Оның стиліндегі және ерекшелік бірсыпыра шығармаларында зілсіз шенеу, кекесін кең орын алып отырады. Ғабиттің сөз саптау, қалам тербетуінде соңғы жылдарда байқалып жүрген ерекшеліктің енді бірі желдірме өлең сөзіне көшушілік, өлеңді прозаға бой ұрушылық. Тағы бір көңіл тоқтатарлық нәрсе: Ғабит шығармаларының стилінде романтикалы көтеріңкі сарын жиі кездеседі. Асқақ-асқақ сөздер, көтеріңкі-көтеріңкі ой-пікірлер “Қозы Көрпеш – Баян сұлу”, “Ақан сері – Ақтоқты” пьесаларында толып жатыр” (163–164).

Бұған қарағанда, Ғабит дүние жүзіндегі бар жазушының стилін бір өзі толық меңгерген нағыз сегіз қырлы, бір сырлы үздік жазушы. Ол асқан новеллист, адам сезімін бере білетін, табиғат сырын ұғатын тамаша суретші. Ол ірі романтик, шебер юморист, драманың ұстасы, ол қара сөздің ақыны, лирик, тіл, сөз құрауда новатор және тілге “мейлінше шебер”, сондықтан Ғабитке тең келер жан қалмаған. Бір өзі Горькийді де, Чехов, Мопассанды да, Салтыков-Шедринді де, Маяковскийді де, Толстой, Шекспирлерді де бәрін бірдей қамтып, әр алуан стильді түгел меңгеріп болған. Осындайлық ұялмайтын өтірікті Ғабит өзі туралы өзі айтып отырғаны бізді қатты қиналтады. Өзінің жазушылық стилін Ғабит мұндай орынсыз дәріптемей-ақ, болған дәрежесінде сыпайы, тартымды айтса да болатын еді.

Расында, Ғабиттің бұл өзі жайында айтқан мақтауларының көбі теріс, шындыққа жатпайды. Ал әлі күнге жазушылық стилін, әдісін толық қалыптастыра алмай ізденіп жүрген жазушының бірі. Ол әр стильде бір әңгіме, не бір романды бастап жазып, аяқтамай тастап кетіп жүр. Біресе фольклорға байланысты буржуазиялық романтизмге барады, біресе Горький романтизміне еліктейді, біресе натурализмге ұрынады, біресе газет стиліндегі публистикалы очерк жазады. Осы күнге дейін өзінің қалыптасқан айқын стилін толық танытатын күрделі, бүтін бір шығарма бере алған жоқ. Сондықтан оның қалыптасқан ерекше стилі туралы үлкен қорытынды жасау қиын.

Әрине, Ғабит өзі туралы не жазам десе де ерікті, бірақ кітапты қарап бекіткен Оқу министрлігі, оның редакторы Ә. Шәріпов бұл сықылды сорақылықтарды қадағалау керек еді. Бұл фактілік жәй кемшілік емес, құнсыз шығармаларды орынсыз мақтап, шындықты бұрмалаған принципті идеялық қателіктер еді.

5. Кітаптың стиліндегі, нақты материалды беруіндегі қате, кемшіліктер де аз емес. Мысалы: ВКП(б) Орталық Комитетінің 1925 жылғы қаулысын өте олақ түсіндіреді. “Олардың өсуіне барынша көмектесе отырып, оларды, олардың ұйымын барынша қолдап отырып, партия олардың ішінде аса қауіпті...” (16-бет) деген сияқты теріс, дәрменсіз сөйлемдер тарихи қаулының маңызын дұрыс ұғындырмайды. Алайда өте-мөте бір сорақы жері – авторлардың шіміркенбестен, бұрынғы басылған кітаптардан көп жерін ұрлап алып жазғандығы.

Е. Ысмайыловтың кітабында Сәбиттің өлеңдері мен поэмаларына арналған жолдамалары (78, 79, 80, 81, 89) берілсе, бұл кітапта соны біраз өзгертіп алған (105, 107, 108, 109, 112, 113-беттер). Сол сияқты “Сұлушаш”, “Жұмбақ жалау” туралы талдаулар да (110, 115, 121) Е. Ысмайыловтың 1948 жылғы кітабынан алынған (81, 87, 89, 96-беттерде), Мұхтардың жоғарыда аталған “Түнгі сарын”, “Абай” пьесасы туралы берілген талдаулармен қатар, “Мұхтар творчествосының ерекшелігі” деген тақырыпшаны да (142, 144) бұрынғы кітаптан ала салған (134, 136-беттер).

Ғабиттің “Қазақ батыры” туралы талдаудың негізгі материалы (155, 162-66.) Е. Ысмайыловтың кітабынан қысқартылып алынған (152, 160). Асқар Тоқмағамбетов туралы бөлім (165, 174) негізінен Е. Ысмайыловтың кітабынан алынған (164, 176-беттер). Бұлар авторлардың әдеби ұрлығының түрлері.

Қорыта келгенде, қазақ совет әдебиеті туралы оқу құралы бұл күйінде жарамсыз. Партиялық, ғылымдық принцип жоқ. Елеулі қателері бар, әдеби ұрлығы бар, балаларға нақты, жүйелі білім бермейтін құнсыз кітап.

Жолжазба

КҮНДЕЛІК

16/VI.

Кеше кеш үйге қайттық. Бұндағы бізді күтудегі тәртіп ерекше. Бейіл көрсетуші, бізді күткен боп далбақ қағушы тіпті көп. Бастық, газет басқарушысы, жастар хатшысы, оқу бөлімі, тағы газет, облыс өкілі, мектеп бастығы және күтуші Әйел және Нұр. Екі енеге тел бұзау аштан өледі деген сияқтымыз.

Бәрі бірдей қымызға жабылыпты. Үшеумізге 5 шерік қымыз жіберген дейді. Не нан, не шәй, не басқа түрлі тамақ жоқ. Айналып келгенде күтуші Әйелдің наны, сүті. Қымызға шомылсақ та жетеді. Бірақ тамақ аз. Өздері қымыз жібергеніне қарық қылғандай, бар кем-кетігінді толтырғандай қарайды. Түн бойы бірінен соң бірі жатып қалған жерден тұрғызып, телефонмен қымыз-қымыз барды ма деп сол бір жәйді тебіндей береді. Мектеп бастығы біздің ең жақын қамқоршымыз. Ол да тыпыр қағады. Бірақ ішбір нәрсені жарытып істемейді. Біздің қынжылғанмызды естігенде, қораның ішінде тансабайт қылып, екі айналып шығып, қатты қарбаласқан кісінің қалпын істеді. Жүре сөйлеп, шошып тұрған кісінің пішінін көрсетті. Бірақ сонымен өзіміздің қасымызды екі айналды да басылды. Ең соңында кеп “үнемі осылай, тегі, осылай тәртіпсіз келеміз” дегенмен аяқтады. Мәселенің тетігі... *(бұл сөз оқылмады)* деген бір түкпірде жатыр. Кеше өздері бізге ерекше орасан есеп жіберіп, артынан сұрағандарға тіке танады, есеп жібергіміз жоқ деп айтады дейді, — Сұлтанбеков хабары.

Түнде әртiстер келдi. Шамдары жоқ. Жайғаспаған. Көп кісі жатақхана төсегіне шала-шарпы орналасып жатыр. Шаршаған, араларында ауырғандары да бар. Ішбір ықылас жоқ. Орекең өз қолына, тегі, онша ырза емес пе, қалай. Бұрынғы жолдастардан көрі мына қыз жағы әлі бұны дым

ырза қыла қоймаған сияқты. Аттан түсіп, тайға мінгендей ме, қалай. Ылғи кірбендеу, қабағы бұзыңқы хал.

Танертең шәй ішу үлкен мұң болды, ұйқы тыныш өтті. Көптен мол ұйықтаған күнім еді. Бірақ неқұрым көбірек ұйықтаған сайын, солқұрым ұйқы баса берген тәрізді. Бас жақсы тыныққан көңілді халда тұрдым. Кеше кешкі түн көрінісі өте әдемі еді. Тау, аспан, ағаштар, арық сылдырайды. Ай толып қалған. Бұлт жоқ. Жалғыз бір-ақ жерде ғана ұзынша бұлтқа кіріп, ешкі майдың көзіндей айқынданып келеді. Біздің жүру мәселесі өте қиындап кетті. Жолға қашан шығарымыз белгісіз. Бензин қиын. Жұрт тәртіпсіз. Кейбірі жүргірген, асыққан болады. Біреуі қайта қарсы “бұ не, жұрт мәшинеге мінеді, біздің бензиніміз шығады” деп көзімізше күнкілдеп қарсылығын ашық айтады. Артынан қинала отырып берген болады. Бірақ шопыр ала алмай тағы келді. Жүре алмай әлі отырымыз.

Пионерлер лагерінде.

Сәбит.

Біздегі бір үлкен кемшілік – шығармашылық жетпейді. Мысалы, “Айман – Шолпан” келмейді. “Қазақстан”, “Ақсу”, “Үлкен Қаратал”, “5 жылдық”, “Большевик” колхозы, “Қара Ертіс” совхозынан келген балалар – жиыны 56 бала.

Мектепте оқуға арналған кітап болмаса, балалар кітабы өте аз, жоқ. Шекара жақын. Көп ел көшті. Көшіп келген елдің балалары да келді. Пионер көп іс істеді. Қоян өсіру, бұзауын қарау. Бір пионер әкесімен Қытай кетіп, азып, ашып әкесімен қайта келді. Біздің пионер сендер не көрдіңдер деп міндерін айтады.

Балалар істері – егіннің арамшөбін тазалау, егінді күзету, шегіртке аулау. Күзде масақ жинау.

31-жылы жазғы егісте бай-қулак азық ұрлап тығып жатты. Қара лашықтың есігінен пионер бізге 40-50 пұт астық тауып берді.

Көшу, кету жөнінде пионерлер үйдегі байларды естіп, хабарландырып отырысты.

Әділжанұлы заказной пионер.

Қырманды күзетеміз. Түнде Оралбек Кібәлұлы ұрлап әкетіп барады екен, соны мен бригадирге айттым.

Шөкішұлы деген мұғалім “Жаңа тұрмыста” 13 жасар баланы зорлады. Соны балалар жарыққа шығарып, енді

аналар сотталады. Колхозшы арасында жас күйде күйеуге берері бар. “Қызыл сәуле” колхозында.

Мұхаметжан Амантайұлы деген бір 12 жасар баланы алып, 40 пұт астық берген екен, сол сотталып 8 жылға кесілді. Мәдениет құрылысында пионер көмегі – тазалық жасау, үй тұрмысы нашар. Пионер үйді майлап, лозунгылар қағу, көсемдер суреттерін қағуда істейтін істері көп.

Оқу құралымыз нашар. Әсіресе ана тілінде аз. Жол катынасы аз. Раушан. Әке-шешем “Қара ертіс” совхозында. Бір доярка екі литр сүт ұрлайды екен, соны білдірдім.

Бағила танертең тұрып.

Мұқай Еңсебайұлы. Танертең қылаңмен 8-де тұрамын, суға барамын, дене шынықтырамыз. Сабын, орамалымды қойып, суға шомыламыз, стройға тұрып үйге келіп, 5 минутта үйді жиып, тағы стройға тұрып барып, вожатыйға әрбір звено бастықтары түгендеп береді. Ол барып лагерь начальнигіне береді. Строймен тамаққа барамыз. Біздің отряд Мирзоян атында. Екіншісі Ворошилов, Сталин атында. Біз 4 звено: 1) Екпінді; 2) Ворошилов; 3) Сталин; 4) Исаев. Содан кейін бір сағат боспыз. Еркін ойындар. Дене шынықтырады алаңға шығып, суға түседі, бостары өз еркімен газет, журнал оқиды. Әртүрлі кружоктарда мандалин, гитара, гармонь үйренеміз. Білген бала өзгеге ойнайды. Доп ойнайды, турникте ойнайды. Түскі тамақтан бұрын жуынуға барамыз. Тамақтан соң 1 ½ сағат ұйықтаймыз. Ұйықтап тұрып тағы әртүрлі ойындар ойнап, кітап оқып уақыт өткіземіз. Круг ойнаймыз – мысық-тышқан. Доп ойнаймыз. Соқыртеке, ... (оқылмады) ұсталғанға ән, декламация, би дегенді сорақылау шығарады. Шешек асықты ойын тағы бар. Кешкі стройға тұрып, тағы дене шынықтырады. Тамақтан кейін стройға тұрғызып, звено бастығы рапорт береді. Кешкі сағат 11-де жатамыз.

Сыддық. Кейбір күні түстен кейін де ұйықтатады дейді. Күнде ұйықтайтынсың дегенде – кеше ұйықтатқан жоқ дейді. Дене шынықтыру жөнінде кітаптар жоқ. Кей бөлмеде 10, кемінде 6-8 дей бала жатады.

Вожатый Әнуэр Ашубайқызы: школда оқытушымын, Теректі ауылында. Жасым жиырмада. Комсомолкамыз. Бір үлкен бастық – начальник лагеря Крахмалов.

Бар лагерьде 3 вожатый. Отряд 3. Біздің отряд бастығы Физатулин Тауфик.

1-інші екпіндіде – Қалиұлы Құсайын, 2-іншіде – Мынжасарұлы Сабак, 3-іншісі – Уәжанұлы Қалимолда, 4-іншісі Исаев атында – Еңсебайұлы Мұқай. Жатқанда әнгімелестірмейді. Ұйықта деп ерік қоймайды. Ұйқымыз келмесе де, көзімізді өтірік жұмып жатамыз.

Қасымызда “Каганович” колхозы.

Келгенге аз уақыт болды. Колхоз көмегі – екі кой берді (етке), сүтпен қамтамасыз етеді (40 литр).

Балалар үйлерін ағартып берді, кір жуады. Азық пен отын тасуға бір ат, бір кісі шығарып берді. Біз ағарту жөнінде жәрдем ету керек. Қабырға газетін шығарып беру. Колхозшыларға дауыстап газет оқып беру. Қызылбұрыш жұмысын ұйымдастырып, жәрдем ету. Ірі балалармен науқан уағында сенбілік жасау. Культармейстер құрып (3-5 кісіден) денсаулық, тазалық жағында жәрдемдесуде докторымыз келеді. Соның колхоз үйлерін қарауылдаған балаларға жағдай туғызу керек.

Былтыр да лагерь болған. Онда болған, биылғының бесеуі. 15 шақты қазақ баласы болып еді, көбі келмей қалды. Былтыр колхоз жәрдемі аз болды. Біз шөбін жұлыстық, масақ терістік. Тәртіп, құрылыс жағы әзірше тамағы жақсы болғанмен өзге жақтарына көшейін. Промтовары, төсек-орын, киім деген де толық жетпейді, формасы, баскасы да кемшін. Колхоздың бәрі де азықтағы өз үлестерін тегіс берді. Зор кемшілік – кітап құралдың қазақ тілінде болмауы. .... пен қызметші балаларында ғана форма бар. Колхоз балаларында жоқ. Төсек ағаш та тегіс жеткілікті емес.

Ғайни: былтыр қайта көшіп келдік. Бір жыл сол жақта болдық. Қайтамыз дегенде қуандым, қайтайық дедім. Алғаш көшкенде қайда бара жатқанымызды білмедім.

Вожатыйлар, біз, үйретушіміз. Дене шынықтыру, тамаққа апару, ұрыс, төбелесі болса, түнде біріне бірі тиіп, ұрып-соғып жатса, соны жөнге салушы барлығы осылар. Жастары 8-15-ке шейін. Тегіс хат таниды. Колхозда газеттері бар. Орысша, қазақша аралас.

Жатақханада да орыс, қазақ аралас жатады. Әйелі әйелдей, еркегі еркектей.

Лагерьге барғанға әке-шешеміз қарсы болған жоқ. Бар деді. Біз өзіміз де қуана келдік. Бара алмағандар, ол жерде жылап қалған балалар да болды. “Большевик” колхозының

бір баласы басы қотыр екен, сондықтан алынбай, қайтқанда жылап кетті. Біресе қала жайынан шығады. Біресе колхоз тұрмысынан шықса жақсы болар еді.

Әнуар сөзі.

Науқандарда қойылатын үлкенді-кішілі пьесалар болса, жақсы болар еді. 8-ші март, октябрь, май – сол әр науқан кезінде қойылатын пьеса болса, ауылда қоюға қызық болар еді. Бүгінгі бар пьесалар тым ауыр.

Интернат, мектеп ауданда екен. Бірі Зайсан, бірі Теректіде, “Большевик” колхозында. Бұнда ауыл интернатынан келген 6, қала интернатынан 6. Ауылдікі 100 балалық, мектебі бастауыш. 7 жылдық мектеп ауылды жерде жоқ. Қалада ғана. Детдом біреу. Интернатта үйі алыс, мектептен алыс балалар және өз аулында 3-4-тей жол болмағандықтан, осында кеп түскен балалар болады.

“Пионерский луч №1”.

Привет писателям героям! Пролетариат жазушыларына жалынды сәлем жолдаймыз.

Кеше Мұхтар ағай мен Соболев бастаған пролетариат жазушылары келді. Біздің Зайсан жұртшылығы үлкен құрметпен қарсы алды. Біз Соболев ағайдың “Капитальный ремонт” деген үлкен шығармасы мен Мұхтар ағайымыздың “Айман – Шолпан” атты кітабын оқып, миға тоқыдық. Біздің жаңа социализм заманында жеңілмейтін мәдениеттің ордасы, пролетариат жазушысы, большевик партиясы, оның көсемі Сталин жолдастың мазмұны социалдық, түрі ұлттық елімізді бүтіндей мәдениетті елге, техникалы елге айналдырамыз деген тарихи сөзін бүгінде біздің бүтіндей орындап отырғандығымызды іспен дәлелдеп отырмыз. Біз, пионерлер, пролетариат жазушы ерлеріне үлкен сенім білдіреміз! Кешегі мәдениет қызметшілерінің съезінде Крупская және Орталық партия комитетінің құттықтау телеграммасындағы Қазақстан пролетариатының алдына қойған міндеттерге өзімізді жастай тәрбиелеп, біз, пионерлер, әрқашан дайындығымызды білдіреміз.

Мұхтар, Соболев ағайға жалынды сәлемімізді жолдаймыз!

Горячо приветствуем!

На днях раздался пронзительный сигнал в нашем лагере о прибытии великих героев писателей во главе с тт. Со-

болевым, Ауэзовым, которые зажгли негасимое пламя еще большей любви к пролетарской литературе, пролетарским писателям, через которую мы вдохновляем себя под руководством ВКП(б) и ее гениального вождя т. Сталина, за овладение техникой, за страну, строящую коммунистическое общество. Это великое достижение, тов. инженеры искусства, литературы. Мы мобилизуем себя еще больше на неустанную борьбу за строительство социализма, беря пример с вашей неустанной героической борьбы за дело культуры, за дело пролетариата.

Программа воспитанников пионеров.

Римма Артамонова — декламация “Красная Армия”.

Гизатулина Амина, 11 лет, татарка — танцует барышню.

Буйранова Зуль-Жамал. Песня “Алатау”.

Метелева Багиля, 13 лет.

Кекілі көзіне таман түскен, бүйірінің шардағында ажым сиякты тотығы бар. Ән сал.

Горевая Варя, 14 лет, Пашенко Федя, 13 лет — гопак.

Варяның биі жақсы, еркекше киінген, аяғы пр-ая ак.

У балалайки Курилков Вася, 12 лет, играет на гитаре, мандолине.

Мухамеджанов — “Өсем еркін”.

Гали — Аскар, 13 лет, декламация.

Гончаренко Маруэл — декламация, она же выступала ямщиком (погоняльщиком) в первом номере.

Сарсенбаева Казия и Енсебаев Мухит. Песня “Зайсан”.

Тумажанов Бопебай, 10 лет. Стихотворение “Звеньевой”.

Гузовский — декламация стих.

Морик, 8 лет — “Там, та-ра-ра-рам”.

Рахимов Нурсейт, 12 лет — “Мы пионеры”.

Шатковский Миша, 10 лет — стих “Перекличка”.

Гончаренко, Конюхова, 11 лет.

Акшиева — декламация “Ленин туы қолында”.

Сафура, 14 лет.

Детков Витя, 11 лет — декламация “У них”.

Гизатулина Амина — танец.

Попов Александр, 13 лет — “Песня пионера”. Замеч. из толпы: “Только молитву так поют”.

Сейтбакина Назифа, 12 лет — “Жасұлан”.

Грабилина, Гончаренко – кукла.
Құрманқажықызы Хафима, 12 лет – “Школьники”.
Белова Шура, 10 лет – декламация “1 Мая”.
Батракова – дек. “Из деревни в город”.
Гизатулин – “Техниканы үйренем”.
Исмағұл, 11 лет – татарин.
Измаилова Фаия, 11 лет – “На страже” (декл.).
Датпаев Али – кызыл әскер.
Оркестр – хор волнами.
“Светит месяц”.
“Марш”.

17 июня.

На заставе Чаган. Вечер. Говорит Соболев. Встреча в уголке. Выступал Л. и я.

18 июня.

1934 г. Было задержание нарушителя. Слышим шорох через реку. Видим – идет нарушитель с двумя лошадьми. Мы замаскировались. Дали оклик, не останавливается. Дали два выстрела. Он бежит. Мы пешие, он оставил одну лошадь. Лошадь ударила ногой Савченко.

Ехали мы по дозорной дороге. Пост темный, дождь. Мы съехались, очень близко, столкнулись, их 4 – нас 2. Они стреляют, мы тоже. Мы отступили на свою границу. До границы было 200 метров, удержать не могли, хотя пришли из заставы. Они же пытались идти еще раз, и на третий день мы словили.

Шарафуддинов: Их было 5, один из них остался в тылу, его мы и поймали. Шли они украсть совхозный скот. Вчера был на вечере. Мы говорили о культурности, о Казахстане. Убедились, народ не виноват, виноваты те, кто их так держал. Сейчас вокруг нас казахи. Мы влияем, помогаем им, советуем и видим: они теперь живут не хуже нас. Чисто, хорошо. Есть пограничники из крестьянства. Помогаем советами. Народ бывает рад великой помощи.

Даже при задержании нарушителя мы стараемся вести себя с ними хорошо, показывая наше отличие от армии китайской или капиталистов.

Население оказывает помощь.

Лишь день был двигаться по границе. Приехал объездчик. Говорит, что человек приехал из заграницы с лошадью

и хочет заколоть. Я приехал. Спросил, один признался сам, указал на того, кто ходил с ним вместе. Сказал также о третьем, собирающемся ехать сегодня за баранами.

Шараф.: Дружно мы живем с местным населением. Население благодарно нам за нашу культурную помощь. Прорабатывали устав с/х артели (во время посевной). Есть у них комсорги, учитель, директор фермы. Я сам могу помочь, но мало литературы. У учителя есть рукопись Шангеря.

Если приезжают на заставу, я с ними хожу. Но население плохо знает пограничников. Нужно казахским писателям писать. Писать о нас. Отношение у нас здесь с населением складывается хорошее.

Я не руководил, но помню, один раз была кинопостановка. Самодеятельность (как кружок не была). Уборка, полив посева. В Октябрьский праздник мы возили передовиков колхоза, фермы – делегацию около 30 ч. Показали наши достижения, боевую подготовку, увидели нашу постановку, пьесу. Были из Чиликтинского мясосовхоза. Это наши шефы.

1 Мая мы ездили с начальником заставы, делали доклад о международном положении на ферме, ездили в колхоз, говорили, беседовали со многими, говорили о помощи. Они выявили нарушителей. В этот день мы усиливаем бдительность.

Я помогаю советами и учителю в его культурной работе, в проведении ликбеза и т.д.

Расспрашиваю, как жили люди вообще, как жили пограничники, рассказываю, какую помощь оказывали тогда пограничникам. Севостьянов пишет стихи, рассказы. Жаксы, көнілді күйде жазылған өлең. Сонымен салыстырғанда бұрынғы границада, Памирде істеген ескі солдаттың өлені.

18 июня. Кузеун (12 ч. 30 м).

Гл. ст.: Как вы охраняете границу, учитель? Помогаете ли мирному населению и как население помогает вам?

Говорит Соболев о Казахстане, беседа с Тихоновым.

Масштабы. Перспектива.

Лукницкий – задачи оборонной литературы. Книг о пограничниках мало.

Говорю я, Хасенов: Наша литература бедна оборонной литературой, литературой о пограничниках. Вопрос: Что

намерены писать и как писать намерены, если мы хотим писать в районную газету? Отвечает Лукницкий. Ол колын шыкылдатады. Кеше әнгіменің ортасында шығып кетіп, қайта-қайта ұзақ-ұзақ сіңбіріп, жөткіріп, қақырынып көп баптанды. Соболев – бережность, правдивость (пример: голубой с медными полосами).

Вопрос: Каким писателем сейчас пишется произведение о метрополитене. Отвечает Соболев – о коллективном творчестве. 1 книга. Называется “Метро”.

Вопрос о том, как овладеть каз. языком.

Подколка: Я призван в 33 г. Был в дивизии ударником. Но не понимал ударничество. Делал, что нужно было. В ленинском уголке проходили учебу. Не понимая к чему. Идя в армию, не знал, что такое армия, что такое граница. Теперь я развился. Не знал, что такое политика, не знал, откуда она растет. Не знал и Сталина. Теперь я имею по политзанятию оценку “хорошо”. Служил в Алексеевке. Поехали. Нарушителей 10 человек. Я был со старшими. Сперва мы не взяли. Прохлопали. 10 ч. 50 мин. Потом мы объехали их с другой стороны и поймали их. Вначале я и нарушителя не представлял.

Первый приезд.

Приехал на первую станцию. Вижу верблюда. Говорят, город Зайсан. Думал, как город Москва. Смотрю – едут на корове, на лошади три человека. Едут на телеге. Мы в Зайсане. А я все не верил, что мы приехали. Казался развалиной. Их представил и границу. Доехали, стояли на 3 метра от нее и спрашивал. Думал, стена, заграждение, а тут нет. Как назвать границы, спрашивал, что будет препятствием для нарушителя. Мне начальник сказал, что препятствует пограничник. Вначале не мог различать нарушителя. Ходит как свой. Первая встреча с нарушителем. Научился различать. Работал раньше на военном заводе, на производстве. Меня выдвинули после возвращения зав.клубом. В 33 г. поехал учиться трактористом, был бригадиром колхоза. Получили два раза премии.

Вахутинский: Призыв 12 г. с 21 г. был воспитанник. соц. обеспечения Москвы. В 32 г. призвали, как воспитанника, вначале не был дисциплинирован. Поступил в метро, отличился дисциплинированностью. Придя в армию, не пони-

мал смысла военной организации. Было много проступков, ввиду незнания. Не давали взысканий, прощали незнание. Особенно надо мной работал Тимошенко.

На подъем не поднимался. Меня обучали. Стал очень исправляться, особенно на заставе. Я полюбил границу. Воздух. Чисто. Верхом едем, с любовью объезжаю. Очень много надо мной работает начальник заставы. Если у меня нарушения, он понимает, что не злостное преступление.

Была привычка. Хроническая болезнь заставы. Шапку носил на боку. Должно быть все на месте. Был раньше беспризорником. Призван в 34 г. О будущем 2 1/2 г. Прослужить хорошо на границе, приехать в Москву и поступить в органы. Читаю часто, хорошо, но пишу плохо.

Лотхов – из семьи пролетариата. До 27 г. жил в Батраньше. С 27 г. работал в шахте №11 г. Сталинска, до призыва шел в отрицательную сторонку, когда призывали в армию. Утекал от политзанятий в камышную. Командир беседует со мной, комсомол. Спрашивал. Я говорил, что хочу погулять. Говорит: “Будь человеком”. Начинал задумываться, стал все лучше и лучше. После стал получать “отлично” за политзанятия. До сих пор вспоминаю этого командира – Брагина.

Колхозник беседует со мной. Я считаю, человеку вкладывать, что знаю, так же как делал со мной командир. Сидим на стоге днем. Были в исходе. Смотрю, что-то мерещится. Двигается на конях. Следить нельзя, может заметить, уйти. А я хочу поймать. Граница близка. Ползу. Приближаемся, оказалось, две скалы. Когда сменяешься с наряда, идешь недовольный, думаешь, что не могу задержать лихого. Я теперь вступил в ленинский комсомол. Мнения мои разделяются, идти на производство или в колхоз. Но теперь я имею мужество. В колхоз к месту, где мои родители. Меня сейчас заинтересовала колхозная жизнь.

Начальник заставы Безруков: О переработке самого человека. О Вахутинском. Можно написать целую книгу о нем, между тем, что было, кто он есть сейчас. Прибыл он, хотели его вначале комсоргом, но вид был необыкновенный, вид истощенный. Казался непоправимым. Первые дни он делал не так, как требуется, а как ему удастся. Назначили старшим наряда. Ходит. Вызываю, говорю с ним. Спрашиваю у товарища, говорит хорошо. Проверил через младшего команди-

ра. Сказали, что он старается пронырнуть тут же в трудном месте. Но иногда его пробирали в комсомоле. Я говорил, что неудобно тебя выбрасывать из комсомола и из метро. Назначили дежурным. Встал утром, он командует над всеми как начальник заставы, чувствую, будет уверенным. Когда пришел в армию, был человеком совсем другого типа. А теперь он станет иной.

Воспитательная работа в наших условиях. Он становится самым ответственным работником. Его посылают на границу. Метель, ночь. И он невольно перерождается в этой обстановке. Командиров, начальников нет. И он становится поневоле хозяином. Это со всеми. Вахутинский именно из тех, кто вырос. Он прошлое все изжил на 99 %. Теперь он лучший красноармеец.

Переработка человека в Кр. Армии необыкновенная для его сознания и роста.

Зайсан, п.ящик №100, Иван Степанович Яхимович. Константин Александрович Акимов. Нурғалиев Мухамеджан.

17 июнь (үзінді көріністер).

Таңертен әтретке сағат 12 шамасында Кәкімжанмен үш мәшине боп жолға шықтық. Жол лагерь жанынан өтеді. Балалар танып, шулай қасынан жүгірісті. Токтағысы кеп жалтақтағанымыз болса да, уақыт тығыз еді. Асуға қарай созылды. Жол бірнеше сан жотадан өтіп, үйіріліп ұзын өзекке түсті. Екі жақта кезек-кезек қоныстар көрініп отыр. Дөң қоныс, қияқты қоныс, бұлақты шалғынды қоныс сияқты жерлер. Қақпа тас. Тар асу. Екі жақтан иректеліп түскен қызыл, қоңыр, қара барқыт түсті тастар. Арқасы китық-китық боп балталанған, сойылған тастар. Жол, тау суреті жүргіншіге әдемілеп, кошқар мүйіздер жасап сынып бітіп, сынып бітіп отырған сияктанады. Тау астық. Ерекше әдемі асфальттай тегіс тастақ жолмен сыздырып, ағызып мәшине кетті. Шәшінді қаққан жел вибрация массажының тоғындай әр шәштің түбін діріл қактырады. Ұзақ, сар төс Сауыр тауының салбыраған қоңыр тұмсығының біріне жеткенше көлбеп ағып келеді. Содан ары оң жақ, атакты Шілікті өлкесі. Солға бұрылды. Алдымыз Желді биігі, содан ары Қобық – Қытай жері. Оң жақтағы көгерген алыс күңгірт биіктер – Тарбағатай. Ортада көп таудың аялаған

өлкесі Шілікті. Қой баққандарға жеттік. Қыстау. Алдында 3-4 үй. Адамдары формалы ескі киім болса да, бірқалыпты киінген. Орысша тәртіпке ысылған. Өндері тәуір, ток. Ісі мен тұрмыстарына ырза халық сияқты. Бастық адамдарының бұларға қарасы өте жақсы. Бәрімен күліп, жақсы сөйлесіп, жәй-күйлерін көп сұрайды. Аналар күліп, ырза қып қалбақ қағып, жақсы ажармен жауап береді. Өздерінде тәртіп бар. Соған нық түсінген, бойсынған.

Тағы жүрдік. Орталық пермі. Сабыров. Үйде жатқан арқар терілері. Қабырғада еліктің басы. Ілулі түлкі. Алтайы түлкі, бауырына шейін қылшық.

Қымыз баяғыдай. Еденіне жақсы иісті шөп жайып тастаған. Тамақ. Қора іші кең, төбесі жабық. Сол қора ішінен барып әр жерде бөлек-бөлек үйлердің есіктері шығады. Үлкен кәрі қара төбет жатыр. Сабыровтың әйелі орыс. Қызметші көп.

Бұдан кетіп, жылқы баққан, бие байлаған жеріне келдік. Үлкен ақ үйлер. Қалын жылқы. Сауын биелер. Көп сұлу торы биелер. Қарагер айғыр уақиғасы. Үйлер. Күміс ер, аткөрпелі. Ақбота. Ортадағы ақ үй. Сұлу бәйбіше. Қошқар тұмсықтау. Сол жақта ши, саба. Өте сыпайы, киімі, кимешек шаршысы таза, жарастықты. Үйінде, оң жақта биік төсек, тұскиіз, төрде жатқан тазы, бұлыңғыр лақ, бота, бұзау, козы – бәрі-бәрі де мол ауылдың қалпындай: құла алаға мінген, қазық сүйреткен, мылтық асынған жылқышы. Биеші бір еркек, бір әйел. 20 шақты құлын.

Қалың сиыр. Ішіндегі тарғыл өгіз. Мүйізі ерекше. Өгіздер өте көп. Қызыл бұқа. Кодас сиырлар. Күл түсті кодас аузынан сілекейі ағып, мең-зең күйде ауырып жүр. Ақшұбар кодас. Ақ кодас сауулы. Емшегі кішкене. Сүті бір-ақ шыны, бірақ қою болады деседі. Құлынға қызық салайық.

Жолдастардың жас құлынды тамашалауы. Құйрық-жалы бұйра деп қатты тансық көреді. Бәйбіше үйінен қымыз іштік.

Шаған оба, иттер. Кавказ иті. Жәрменке. Шымнан салған жалғыз склад.

Әр жерде бір қоныр үй немесе жыртқы қап-қара үй. Столовая, “Қазэкспорт” шатыры. Ағаш қымбатшылығы. Үш бөрене жүз сом тұрған. Арса-арса боп ұлы денесі көтерілген ағаш кергіштер бар, магазин бе, асхана ма, бірдеме болар.

Қытайдан келген мал кіретін қоршаулар тұр. Содан өтіп, кірден шыққан соң карантинге батыс жақтағы төбешіктің астына барады.

Қайта кеп, Шаған обаға қондық. Әңгіме мәжіліс. Иттер. Түн, тысқа шығу. Қазбектен қорыққан түріміз. Түн уайымы.

Ертеңінде Куревин. Жақсы әңгіме. Асығып қайту. Жолда қалың қалғып. Жолдан адасқан мәшине батпақтады. Қаттық.

Қалада, бақша егінінің алдында екі мәшине қатарласып тұрып әңгімелесті де, екі жаққа, екі айрыла шыққан мүйіздей боп сүзе, сыза айрылып жөнелісті.

Киініп әтретке бардым, “Айман” жайында түсіндірдік, баяндама жасадым. Қайттым. Әдебиет кешін жасау, жасамау жайындағы үлкен керіс. Жергілікті адамдардың өтіну түрі – кінәліміз, бірақ мынаны қайттік. Шығыс қайсы. Бұл шақтағы. Біз алыста жатқан, артта қалған жұрт ек, кешірім етіп көріңдер деп, қазақылығы үшін ескертпе сұраулары кеш болмады. Түнде әтрет бастығының телефоны. “Айманға” ырза. Бармай қалсам, көп нәрсе жоғалтқан болар ем деуі. Мен бұл кеште жолдастардың бес түрлі тапсырмасын орындап қайттым. Алматыдан телеграмм. Бала ауырып, ол телеграмды Г-ның тапсырған түрі. Ұққан сөзі. Өзінше шатақ, орасан мағынада оқыған. Танертең. Әтрәт. Жақсы әңгімелер. Екі бастықпен қоштасу. Мұхаметжанның үйі ерекше. Ашы, шаңқылдаған ер үн. Өзінің күлкілі пішінінде, мысқылды көзінде Сұлтанбекше бір ерекше күштілік және салқын сүйкімділік бар.

Г-лермен қоштасу. Біздің жолдастардың айырмасы, еріксіз құбылмалы мінездері. Іштен оны-мұныны қарап тұрып, зорға сөз тауып айттық дегені сияқты, кешеден бері Соболев тауып айтқан көп әдемі сөздер болып еді.

Жөнелдік. Олар тағы қоштасып алысудың артынан, үш-төрт километр тағы шығарып салатын болды.

Шығарып келеді. Кісінің жаны да ашиды, бір жайсыз. Мен оларды жазықсыз көрем. Біраз жазығы бар, бірақ сол жазығын ұға алмастық жазықтылар, сондықтан кешіру керек еді. Тополевке келдік. Пароход уайымы оңай шешілді. Бистухов екеу. Таңдап жозыны (?) алдық. Орналастық. Ең соңғы тынышсыздық. Қ, поштаға келіп, мәшине пароходқа

тиелетін уағынан кешіге берді. Жолдастар бұл кезде көп күйген болу керек.

Көпке шейін сыртында мастар үні естіліп отырды. Басында тыныш еді, артынан оттай бастады. Пароходка жағадан кеп ішіп отырған қырттар көрінеді. Каюталы салонмен көрші. Мазасыздық түн ауа барып басылды. Жолдастар бүгін тынықпақ. Мен де жаттым. Ең соңғы есімнен шықпай барған бір хал – Алматыда үй ішімнің бала ауруынан туған күйзеулігі, екінші – бүгін кешке күн батар алдында көрген көл көрінісі естен кетпейді. Неше түсті бояуға боялған ала, жасыл, қызыл, көкшіл аспан айнадай тыныш мөлдір көл бетіне қандай бояулар төкті. Шағалалар, балықшылар, алыста жүрген қасқалдақтар. Сонан алыс үйректер де, теңіздегі көк шалғын, бәр-бәрі ерекше бір әсерлі сұлу кеш еді.

20 июня.

Кулигина Мария Кузьминична.

70 лет. Было 2 сына, одного расстреляли, другой остался. Расстреляли в 1919 г. Второй сын сейчас в Семипалатинске. Расстреляли Ивана. Осталось у него 5 детей. Ему сейчас 45 лет было бы (было 29 лет). На горах бегали какие-то красные. Наши пришли к ним. Сын жил в Караоба. Организация была в Дарственном. Убили купца. Были у белых сыщиков. Ходил купцом. Сын пришел, попал к белым. Не зная, подписал, что будет красным и бороться с белыми. Был другой мужик, он поверил.

Захар (другой сын) был командиром горных орлов. Большевики собирались на Караобе, Гускаине, Дарственном. Захар, тогда имея фамилию Поменицын, теперешняя фамилия Кулигин. Военный и сейчас. Ехала осенью за хлебом. Они говорят, куда едешь, большевичка. Иван Захарович Ворушилов – тому 20 было – крестьянин. Лошадь взяли, а меня кинули в воду, скажи, говорят, где сын? А мать где скажет? А мы под навоз положили и закрыли Захара. Один раз его застали, хотели убить, он лежал как мертвый. Пошли предупредить других. А в это время Захар забрался в воду, взял камыш, открыл рот и сидит там. Враги говорят, убьем не с одного, так с другого ствола. Но наши спаслись, застрелили Ворушиловых.

А Ивана убили с мучениями. Меня семеро били беспощадно. Ивана сын Тимофей сейчас в полку, он командир.

Дети на границе с 23 года. Остальные дети голые, босые ходили долго. Но Кулигин помог.

А на старика моего повернулись и кричат: “Ты, сукин сын, скажи, где твой сын?” А он валится, валится, упал. И целый месяц моча не останавливалась. После его посадили в тюрьму. Детей я учила только по году. Жили бедно. Жили в Семипалатинске столярами. Захар и сейчас столяр. В Россию на вечные земли шли. Мы в 1912 г. продали свою землю и уехали. Захар организовал первую команду “Восходящее солнце Сибири”. Мы со снохой не хотели, один раз завели скот, не хотелось давать. Нас коммунары побили. А сын говорил, я зарежусь, если не пойдете, говорит, было жалко. Коммуна была не то в 18, не то в 20 г. Когда красные пришли, сын ездил на коне, как картинка. Весь в лентах, в орудии. А меня точно в воздух подняло.

Киргизам обещали 1500 р. за поимку Кулигина. Он был в бегах. Их было трое. В этих песках бегали. Киргизы послали девочку. Товарищи были на острове. Хотел спасти их и сам не ушел, пришли белые. Он нуждался в пище, взял потихоньку у киргиз пшено. Белые забрали. Посадили на коня, впереди сидит казах. Один был мулла — он говорил громко. Просил табаку, дал, отнял ружье, сбил и сбежал.

Гришка Малахов в Семипалатинске и еще один в Алма-Ате — Малахов Яков. Враги, которые искали наших, хотели убить, а теперь, говорят, сидят начальниками.

Хотела поехать жена одного из них (Першина), Кулигин не хотел отпускать, говорил, твой муж расстрелял моего брата. А она: я не знаю (бормочет), Захар желудок попортил, когда бежал, траву ел. Его два раза убивали в Усть-Каменогорске. Один раз убили, оставили под снегом, а он ушел. Язык пополам перерезали. Руки, пальцы не сходятся. Хочет на курорт. Жду ответа.

Захар здесь работал начальником пристани. В первых числах июня в этом году произошла история при новом начальнике пристани.

Она работает где-то в Алтайзолото. Кулигин встретил, узнал, что она жена того, кто расстреливал его брата. Мужа ее нет. Захар его расстрелял. Он из кулаков, Захар ей сказал: твой муж убил брата, а я его убил. Но то, что она едет

на курорт, его вновь взорвало. В рассказе бабушки — годы перегибов.

21 июнь.

Жол. Ертіс көріністері. Таулар: оң жақ Алтай, сол жағы Қалба тауы. Басы пристеннен бастап созылған аудандар: Самар, оң жақта Күршім, Бұқтарма — Тайынты. Самарға бұрынғы Құла жорға қараған. Ұлан, Сібе. Сібенің қуысында екі қыз суға кеткен жер бар. Ертіс жағасы, әсіресе Қалба жағы ерекше. Тайынты — бүркітші, аңшы ел болған.

Құла жорғадан мінген жігіт әңгімелері. Самар ауданынан кеп мінген екі адам.

22 июня.

История Р. начинается с Петра I. Учреждение коллегии связано с Зыряновскими и Алтайскими рудниками. Местным властям учредительные коллегии не подчинялись. Один из офицеров этой коллегии взял денег у купца Демидова, владельца всего Урала. Демидов начал свою карьеру отсюда. Другой офицер вез отсюда слиток золота. Демидов хотел его догнать и не довести до сведения императрицы.

Архив наличных начинает свои даты с 15 г. Главный архив в Новосибирске, разработаны краевой редакцией истории заводов. Эта редакция заключила договор с нами, получила 8 тыс. Мы израсходовали всего около 10 тыс. р.

Берс должен был работать. Он поехал в Новосибирск и в Москву. Он говорит, что нашел материалы богатые в Институте им. Ленина в Москве. Говорит, что видел много материалов о Ленинграде. Берс предложил нам, что будет писать не историю Риддера, а напишет очерк художественно-исторический. Обещал половину брошюры до 17 г. написать сам. А на дальнейший период предлагает писать с другими, с коллективом.

Так же и Шемелев — работает над материалом. Он работает в Новосибирске. Мы не рассчитываем на книгу его, а просим, чтобы он привел в систему все материалы. В 13 г. рудник попал к акционерному обществу немцев, оно передало в 17 г. Уркварту. Этот владел, не работая до 1924 г. В 23 г. был заключен с ним концессионный договор, проведенный Красиным, он же подписал его. Огромная часть инженеров, ввиду сложности технологического процесса и ввиду отдаленности от магистралей — говорила о необходи-

мости сдать в концессию. Но личным вмешательством Ленина договор был расторгнут. Он вызвал инженеров, беседовал с ними по вопросу о Риддере.

В 25 г. подписан специальный декрет о поднятии Риддера. Начали откачивать рудники, начали работу. Формально Уркварт убрался в 24 г.

Риддер — одно из самых крупных предприятий, позднее всех освобожденных от концессии (Глубокое и Зыряновск).

Люди, оставленные Урквартом, сохранились до последнего времени. В 29 г. они даже жгли фабрику. Выяснилось, что они получали инструкции, задания, даже деньги. Многие из них расстреляны. Дело пошло с большим оживлением. За 3–4 месяца была проделана работа почти за год. Это была работа восстановления фабрики старой. Теперь есть новая фабрика. По процессу промпартии обнаружены ответвления и здесь. Иванов и др.

Работа шла хорошо, но эта работа была без перспектив, хищническая. Отстала забуровка (засыпало место вынутой руды), от этого бывают обвалы (и на самом деле был один очень крутой обвал).

Начиная с 31 г. работа стала ослабевать, обвалы, продукции меньше. Судили за обвал. Пошла частая смена руководства: за 2 ½ г. смещалось 11 директоров. Закончилось это к концу 33 г. А секретари также менялись. В результате в 31 г. дали 6 тыс. тонн свинца, в 33 г. — 2 т 800.

Важная причина плохой работы зависела от народного хозяйства. Предприятие не работало в течение зимы. При потребности в 20 тыс. тонн давали 7 тыс. тонн угля. В 34 г. остановили завод. В 33 г. в апреле пришлось консервировать Глубокинский завод. Не на чем было работать. Предремонтная остановка нашего завода пришлась на 34 г. А в мае встала цветная промышленность. Решено было снять директора Алтайзолота. Назначить нового. Выслать специальную комиссию Наркомата в составе 2 профессоров. Александров, Аристов, инж. Гостеев, Скорняков — я возглавлял эту комиссию. Я был заместителем начальника. Мы в течение 2 ½ месяцев знакомились с делами треста. Помогали оборудованием, людьми, деньгами, оперативными

указаниями. Была составлена большая докладная записка о положении на Алтае. Сумели обратить внимание центра на то, как плохи дела на Алтае. Рассматривали в аппарате ЦК. Интересовался т. Молотов. Причины: установленное оборудование не в порядке, в отсутствии дополнительных капиталовложений, слабое руководство не защищает, не отстаивает себя. Уехали в августе. В декабре 34 г. вернулись снова сюда. В течение месяца готовили докладную вообще о цветной металлургии. Обсуждался вопрос и об уральской меди и алтайском свинце.

Во всех справочниках пишется: что здесь руды сложные и запасы на Риддере — 4 м.

А мы имеем 15 м в Риддере. В Белоусовке 9 м. В Зыряновске разведочных запасов нет. Свинцово-цинковые руды, дающие 50 р., считаются рентабельными, а мы имеем и наши дают 150 р., они сверхрентабельные. Концессионер и люди, оставленные им, доказывали, что Риддер — рядовое предприятие. А мы доказывали иное. Эффективность в 3—4 раза больше Балхаша. Там заложено около 700 млн золота, а на Алтае заложено около 3 миллиардов.

Доклад Шахмуратова у Сталина и т. Сталин сказал, что докладываете хорошо, как профессор, об Алтае не надо говорить шутя, не делая деловых докладов, как не говорим много об уральской меди. В Алтае заинтересованы иностранные державы. Решено было послать сюда Шахмуратова начальником цветной промышленности. А Пятакова на Урал. Это событие было 20 декабря 33 года. Перелом в Казахстане намечался. Это было накануне 17 съезда, лимитировалась цветная металлургия.

Сталин, Молотов, Орджоникидзе говорили о цветном металле.

Через два дня выехала новая бригада. Состав: Шахмуратов, два его помощника, один я, другой Ливанов, работник ГПУ из наркомата, Кудрявцев, сейчас нач. пути Рубцовка—Риддер, Шинкаровский уехал.

Прибыли мы в январе 34 г. Провели целый ряд решений в Алма-Ате, области и т.д.

В Москве провели два решения, одно — строительство Риддер—Рубцовка. Оно началась в 30 г., но было законсер-

вировано. Шли длинные разговоры, шел вопрос о трассе. Казахстанский вариант на Жангизтобе. Разработали новый мост через Иртыш. Новая трасса. ПКПС говорил, что много дискутируете, не будем строить дорогу. Мы говорили с Гол. Он не согласился. А когда говорили с Исаевым и Мирзояном, они согласились на прежний вариант.

Законсервировано было после затраты 11 млн руб. В нашу бригаду дали от ПКПС – чтобы готовить работу.

Дальше вопрос о пароходстве и Виурте, теперь это наз. **Виур**. Раньше это пароходство было Риддерским Уркуарта, в 20 г. отдал Паркомводу. Местные организации доказывали, что мы работаем плохо, игнорируем общегосударственные задачи. Мы добились, чтобы укрепили пароходство, чтобы дополнили людьми, буксирами, баржами. Были они сюда переброшены постановлением ЦК и Совнаркома. Признавались основным грузом, груз наш не меньше 75%. В прошлом году дела обстояли лучше, чем в 33 г., – около 55% было наших грузов. С Виуром у нас договор.

Здесь бригада сделала вот что. Отношения между Риддером и главком разрешились через трест Алтайполиметалл. Он был в Усть-Каменогорске. Но он дублировал то, что делал сейчас главк, оперативной деятельности не было, продал 4 млн р.

Сидел профессор Вандербеллер, он был главным инженером треста, его тогда слушали по 2 ч. в ЦК. Бригада решила ликвидировать этот трест. Был снят этот профессор. За то, что он подвел теоретическую базу о необходимости приостановить Риддер. Считал, что нужно подготовить, до этого остановить. О сроке пуска он даже не отвечал, говорил “дадим тогда, когда кончим!”

Ликвидировали трест. И я стал комиссаром по ликвидации его. Бригада ЦК на Риддер – основное в ее делах. За предыдущие годы опустелись у людей руки. Не стало хозяина. Все организации, даже не правомочные, распоряжались комбинатом, ни партийного, ни хоз. руководства на комбинате не было.

В 34 г. в первой половине секретарь был не плохой, но не был хозяином. Не было людей, могущих или хотевших отвечать за дело. Мешающих людей было очень много.

Вопросы единоначалия не только в комбинате, но и в шахтах. Инженеров и др. — мы изменили, поставили или инженера, или хоз.нач. цеха. Изменили условия, зарплаты. Зазывали людей большими деньгами. Поставили так, чтобы получали по заслугам. Многим это не нравилось. Изменили отношение к инженеру, ему ли командовать производством. За 33 г. очень много наказывали людей. Обвинения — не выставил аккредитив на нефть и два других пункта, вынесли высшую меру с заменой 10 годами. Я и Беликов сказали, что суд сошел с ума. Попали в Алма-Ату, там заменили годом принудительных работ. Изменили отношение к инженеру и технику. На этом удалось проделать большую работу. Доказывали, что они могут отличаться, но за то не надо бить, а помогут исправить. Но были не довольные, прибывшие за длинным рублем. Находили поддержку у местных работников. В 34 г. 4 марта я получил телеграмму от Шахмуратова из Новосибирска. Сообщает, что директор Бронзов освобождается, а вместо него назначаюсь я временно. 11 марта мы получили постановление ЦК о том, что Бронзов освобожден, директором назначен Шахмуратов до полного оздоровления. А всех нас назначали на должности: Кудрявцев — начальник дороги, Ливанов — НКВД, Шинкаровский не получил назначения.

Дальше Шахмуратов 17-го возвращается сюда. И мы начинали работу не бригадой, а как комбинатские. Шахмуратов в мае уехал в Москву. Вернулся в июне. В общем пробыл до августа. И затем уехал совсем. А мне предложили стать директором. Разина назначили начальником Белоусовки.

О результатах работы 34 г.

До 40 указаний, решений (выслать до открытия в Риддере магазина гастроном отчет со всеми подробностями о нем) ЦК было о Риддере за время работы бригады здесь. Совершенно исключительным вниманием пользовались мы и у т. Мирзояна. Но характерно то, что отделы какие-нибудь не отвечали. А Сталин, Молотов, Мирзоян отвечали всегда нам.

Результаты в 33 г. — 2800 тонн свинца, при этом 15 млн руб. убытков, в том числе 10 млн р. убытков в производстве, 5 млн р. потерь, хищений, растрат, несли неустойки — т.п. разные издержки, прямое расточительство.

В 1934 г. — 7012 тонн свинца, продано на 87 %. Убыток 8 ½ млн руб. (т.е. 1200 на каждую тонну). Производительность труда (выработка) в рублях на каждого рабочего на 80%. Это выработка. А производительность труда иная.

Зарплата выросла на 35–37%. Сильно поднялся удельный вес сдельной оплаты и прогрессивно-премиальной оплаты. I полугодие 35 г. Заранее на этот год 10 тыс. тонн свинца. Количество выполненной программы по руднику, полугодовую программу мы выполнили. Она равна 50,8% годовой программы. За 9 дней до конца полугодия мы прибавим еще 4%. Нам на второй квартал прибавили (сдвиг плана в работе). Мы выйдем по руднику за полугодие с 54%, 3 квартал легче, лучше. Перевыполнение. Я гадаю его на уровне 270 тыс. тонн вместо 250 годовых. План наш в руде и в свинце. С нас требуются и руда, и свинец. Процент содержания в рудах заранее определен. О содержании металлов в руде. Исходя из этого создается изначальный план. Мы должны выяснить содержание металла в руде. Мы обязаны выдержать позабытый план. Для этого две работы — горно-капитальная работа и горно-подготовительная работа. Их проценты — 102 первая и 168 — вторая.

Горно-капитальная — строительная шахта, подземные бункера, насосы и т.д.

Горно-подготовительная — проходки штрека, в руде освобождают места, сооружение лесов и т.д.

Центральный штрек — капитальная работа.

Позабытые мы выполнили лучше. Но отзывали людей (как американец), без них здесь знают, что делают. На фабрике дело хуже, чем на руднике. Руда через бункер попадает в место хранения в дробильный отдел. Раздробленная руда попадает на дальнейшее измельчение через мельницу. Пульпа попадает в фликульные машины. Масла, цианит калия через реагенты проходят через агитаум из взболоченной жижи. Отделяется свинец, в виде свинцовой пенки перепадает в другую ванну. Оставшаяся жижа идет в ванну. И проходя, эта общая масса выделяет свинец, цинк, золото, серебро. Оставшийся свинцовый концентрат идет из фликульной ванны в сгуститель — 50% вода и 50% густой массы. Из сгустителя идет через фильтр, оттуда должен выйти с влагой в 8–10%, но не больше.

Цинковые концентраты идут на заводы Беловский, Челябинский и Орджоникидзе. Цинковых в два раза больше, чем свинцовых.

Металл дорэ идет на аффинажный завод в Москве. Медный штейн – идет в Кирабаш. 12% производят не наш штейн.

Наши концентраты решают судьбу всех цинковых заводов Союза. Наш электролитный мы перевели на кадмий, его мы даем промышленно. Причем его производство избрето у нас на Риддере. Кадмий получается из цинковой пыли. Дым оседает на спец. колосники в виде пыли.

Фабрика в смысле результатов по количеству обработок руды. Мы механизм фабрики привели в порядок, так было во второй половине 34 г., так и сейчас. Хуже с качеств. показателями. В этом году руды 120 тыс. тонн переработанной.

Сложные руды на Риддере. Теоретически мы представляем, что надо делать. Нам удается недели две работать удачно, недавно раскрыта целая вредительская работа, подкладок нет, но поручили другой бригаде – на сменных. Портила смене и себе даже. Была молодежь и одна даже кандидат партии. Это делается за счет увеличения реагентов. Сосновое масло образует пену – отсюда название пенообразователь. В нее наливают порошок. Если перельют, он разрушает процесс. Стоит чуть-чуть приоткрыть винт. Его регулирует сменный мастер. Портит очень легко при большой сложности процесса. Вредительскую группу мы отдали под суд. У нас хотя разделение механическое, все же переплетение очень сложное. Когда были хорошие показатели, мы сами не знали за счет чего. Но потом это мы узнали.

Работает группа молодых инженеров, проявивших большой интерес к этому самому решающему участку. В марте, апреле, мае мы отыскивали эти пути и на показателях этих удержались. В июне похуже. Мы доходили до 73%. Каждый лишний % извлеченного металла в свинец стоит 450 тыс. руб. в год. А извлеченные металлы на фабрике – 325. Из руды, предположим, мы получили 75% – тогда мы даем большую сумму выручки. Работаем не хуже прошлого года, но то, что лихорадим иногда, нас задерживает. Металлический баланс подводится в конце месяца. Ныне дело обстоит плохо, имеем процент 50% и 55%. Причины: плохо с пено-

образователями. Каждый месяц получаем новые пенообразованные сосновые массы. Вторая причина – приехала группа молодых инженеров. Не плохо взялись за работу. На фабрике у старых работников нет хорошего отношения, пожалуй, к нам. Никогда не случилось, а теперь ванна вышла из строя. Не исключена возможность дискредитации молодежи. Те, которые учили раньше вредить, они могут быть заинтересованны – это чужие люди, наличие их возможно и сейчас. Собирались поговорить с ними. Хуже всего работаем на фабрике.

По свинцовому заводу.

В прошлом году это было узким местом. Дней десять работаем хорошо, затем плохо. Штурмуем и т.д. Был плохой администратор – нач.завода. Привлек другого в начале 35 г. Начальников во все цеха посадили других. При чем вместо мастеров-практиков поставили инженеров. Увеличили зарплату.

Сейчас завод в течение 5 месяцев выполняет на уровне и сами на 102%. Выполнили по золоту 106 % полугодовых, по серебру 117% полугодовых. И по качеству показателя завод имеет больше покупателей. Свинец имеет сорта 1,2,3,4, чистый свинец не дается нигде. Первый электролиз в Чимкенте. Мы в состоянии давать настоящим нашим процессом даже чистый свинец. Наши плавки определили не меньше 25% С2, остальное С3, а С4 не должны давать. Предложено нам добиться этих кач. показателей. Чего мы добились? Начали с 20, по месяцам 48, 56, в мае дали 82 марки С2. Мы доказали, что в течение недели и месяцев можно давать С2. Почему не хотим идти дальше, потому что не получаем, как Риддер, заинтересованности.

По цехам. Вообще можно считать, что не меньше половины запасов цинка и свинца Союза находится в Алтае. В прошлом году считалось 47% (в приказе Орджоникидзе: “учитывая, что основная масса цинка и свинца Союза сосредоточена на Алтае”). Все рудники Алтайзолота дают в месяц в два раза меньше золота, чем мы даем из побочного продукта. Наше золото, кроме того, дешевое. Содержалось у нас от 12 до 25 грамм золота. Мы ежемесячно даем 15 пудов золота. О рентабельности. Дали 10 тыс. тонн свинца, В начале года запланированные убытки 7 млн руб. Когда

я докладывал Пятакову о наших результатах, он поставил вопрос о цене золота, серебра, свинца и т.д. Поговорили о безубыточности предприятий. Говорил он о безубыточности нашего предприятия. Шахмуратов пишет о сокращении убытков на 10 млн. И Карсакбай, оказывается, берет 1½ млн руб. на сокращение этих убытков. Убыточность союзного значения. Означает убытки Союза. Идет подсчет бюджета. Это не только у нас, но по всей цветной промышленности. Передовиком идет в этом отношении черная металлургия. Но наше золото берется по 3—6 руб. Это гос. политика перераспределения внутренних доходов.

Движение среди предприятий идет к тому, чтобы брать меньше у государства. Так со всеми заводами. Пятаков хотел, чтобы мы жили безубыточно. Я обещал пересмотреть наш план. Выяснили, что можно сократить с 7 до 3½ млн. Шахмуратов считал снижение на 1 млн.

Реально можно сказать точно за 4 мес., за 5 — года. Сумма высоких убытков прошлого года: 3670 тыс. за 4 мес. в истекшем году 1750 т. за 4 мес. снижения близки к 2 мес. Это убыток от содержания транспорта, зимняя перевозка, чистый убыток 1 млн за 4 месяца. Теперь выясняется, что он немножко меньше. Когда зимой возим концентрат, мы имеем много транспортных расходов. Убытки на него записаны, но не уверен, к 1 млн, а прибыли не записаны. Означает, что мы идем пока на уровне 3 млн убытков годовых. Думаю, что и это будет сильно снижено: уверены, что пойдем с малым убытком. Пятаков обещал оставить у нас наши прибыли. За счет чего снижение: общие, заводские расходы сильно снизились, цеховые расходы, расход материалов увеличили произв. по сравнению с 34 г. в 3—3½ раза, цеховые расходы увеличили до 25—40%, нашли способ перевозки цинкового концентрата. Грузили на платформу особым способом.

Стала возможной перевозка и зимой. Против плана снижение себестоимости — 985 тыс. руб.

Приказ Орджоникидзе. По цинку выполнено 77, по свинцу 73% в истекший год по Союзу. Упрекает, что не учли опыт Урала и Риддера, а сильно сорвал Чимкент. Мы завоевали одно из первых мест по цинку и свинцу. Помощь тт. Сталина, Молотова в технич. материалах и вообще огромное внимание сильно помогло нам.

На будущий год т. Орджоникидзе определяет для нас 400 тыс. тонн руды. И обещают дать нам еще третью обогатительную фабрику. Еще строится Ульбастрой для Риддера. На него затрачено 50 млн. В этом году отпущено на него 17 млн руб. Он прибавит 10 тыс. киловатт. Когда пойдет дорога и Ульбастрой, все заработает иначе. Воды у нас достаточно. Топливо – уголь. Кузбасский уголь, в прошлом году нужны были 32 тыс. тонн угля, а давали гораздо меньше. И зимой мы доставляли с гор (работали около 2 тыс. тонн) 700 кубометров дров ежедневно. Проблема топлива упирается в стройку дороги. Наш уголь по пути уворовывается. Уголь и кокс.

Нам нужны жел. руда 18 тыс. тонн, угля 40 тыс. тонн, кокса 17 тыс. тонн, всего нам должны везти 100 тыс. тонн. (10 тысяч вагонов). Ежедневно 35 вагонов груза, кроме леса, с ним 55 вагонов. При полном составе 10 поездов. Зимой еще тяжелее продвижение поездов и заносы. Ульбастрою мы на этой же дороге должны привозить десятки тысяч тонн.

Рудника 2.

Парк у нас имеет 120 вагонов. Паровозов 9. В работе бывает 6. Дорога будет закончена по плану к 15 декабря.

На Риддере живет 37 тыс. нас. (члены семьи). Рабочих и служащих около 10 тыс. Командный состав 1 тыс. человек. Сложность хозяйствования осложняется еще тем, что имеем много людей. Транспорт наш, 120 автомоб., 2700 лошадей, кроме наемных 2 больших леспромхоза, имеем огромные пригородные хозяйства.

Всего рабочих 20 тыс., едоков своих и 20 тыс. чужих, кормим в Зырянковке, Белоусовке кроме наших и население. Также кормим дорогу, строительство, через магазины.

Казахская часть на производстве 27%–25 с вспомогательными. Индивидуальные огороды, большое политическое значение, в прошлом году было 5 тыс. гол., в этом году 12 тыс. гол., рабочие к 1/1 34 г. имели 1½ коров, сейчас имеют около 5 тыс. коров рабочие. Мы обслуживаем еще 9 колхозов – это самостоятельный город. Колхозы (пригородные), комбинат и Ульбастрой. Имеем район, 100-километровые радиусы. Партийный коллектив 825 человек, сочувствующих 150, комсомол – 1500 ч. Из пролетарской организации наша самая крупная организация. На Риддере паспортиза-

ция есть. Мы находимся в особенном окружении. На Ульбастрое сотни, тысячи спецпереселенцев. К нам идут люди различные и за длинным рублем, и с плохими намерениями. Много кулачества. На Ульбастрое работал академик Графтио, интересуется Веденеев. Консультировали иностранные ученые как шведские. Кроме Ульбастрога Казахстан проектирует Иртышстрой. Гидростанции 3 – тысячная, 900 и еще третья.

Календарь!

1. 22 – горный цех (шахта).
2. Объект – фабрика.
3. Свинцовый завод.
4. Электролитный завод (кадмий).
5. Гидростанции.
6. Строительство (школы, здания).
7. Общежития (квартиры) рабочих.
8. Клубы, библиотеки, больницы.
9. Магазины.

На 22-е – обогатительная фабрика, вечером – свинцовый завод.

23-го – горный цех

Обогатительная фабрика. Дробилка.

1. Бурозаправочная мастерская.
2. Случай с Серебровским. Не пропускают у компрессорной, это душа всего горного цеха. Не будет воздуха и зальет шахту, и все беды. Спуск и подъем глубиной 80 метров здесь. Полчаса для спуска смены. В смене 400–350 чел.

3. Скиб – самопрокидывающаяся бадья. Емкость ее 2 ½ тонны.

4. Верхняя приемная площадка. Здесь два бункера. Сигналы взаимные на подъем и на спуск. Работает противовес – это временно, так-то должно быть два бункера, взаимно перевешивающих друг друга. .... дробилка Саймоса (америк.) из марганц. стали рядом наша с завода “Серп и молот”.

5. Немецкие дробилки эшвердэ. Старый бункер.

6. Линовидная или текероны (бункер поставлен в прошлом году).

7. Вторая дробилка телемит. Дальше поступает на конвейер и идет на новую фабрику.

8. Защита против пожара.
9. Мельницы и классификаторы. Мельницы измельчают. Запасные бункера, емкость 2 тыс. тонн. У мельницы две стадии. I стадия – дает продукты до 0,3, при второй стадии дает измельчение 95, 75 миллиметров.
10. Тележка направитель.
11. Кран для ремонта.
12. Руду из бункеров дает на ленту.
13. Мельница – крупа.
14. Завалка автоматическая жакетная, она подает руду через ленту на мельницу.
15. Стальные шары кладутся в барабан для извлечения руды.
16. Из мельницы выходит жижа, дальше пульпа с момента присоединения воды.
17. Чашевый классификатор. Сюда из мельницы идут для двоякого процесса. Чистая пульпа и жидкая часть. Параллельные с мельницей процессы.
18. Из ванны, где продукт чашек проходит классификацию обработанным реагентом, натрицинковый купорос поступает в флотацию. Реагент поступает в мельницу, где приобретает способность цинковых минералов. В пульпу задаются реагенты, еще сантак и сосновое масло. Последнее как пенообразователь. Наше, не импортное, масло плохое. Был единственный завод Вахтан, его закрыли. Сейчас пользуемся маслом лейм. Лейм масло и-та Сантак подливается в классификатор. Сосновое масло дается аэрофлором, должна быть пена устойчивая. Свинцовый блеск. Предварительная обработка свинцовая. На следующем контрольный процесс. Концентрат здесь загрязнен, поэтому поступает в другие отделы, где очищается. Процесс флотации. Ванна флотационная, ловится здесь только свинец, через пенообразование. Дальше контрольная флотация. Для активации цинкового обмана прибавляем медный купорос.
19. Чаша агитатора – для перемешивания подготовки. Эта же ванна, флотирующая цинковый обман, тоже есть контрольная ванна. Две ванны для свинца, две для цинка. Процесс флотации удлиняется через несколько ванн, где через те же реактивы повторяется тот же процесс, но там все

меньше пен. Пена I, II, III и IV флотации вступает в первую перечистку, после первой перечистки поступает во II-ю. В первой ванне перечистка цинка дает 35%, а в последней ванне 45%.

Здесь тоже сантак и сосновые масла. Одновременная параллельная добыча и цинка, и свинца. Здесь воздушный процесс, или еще называется “аэролитный”.

Компания Саутсвестр (амер. компания) изобрела эти ванны. В 1916–18 гг. флотацию можно сравнить с поднятым воздушным шаром. Пузырек, шар, оболочка.

Брошюры: Бьюкенен. “Химическое явление как орудие флотации”.

20. Машины, пушенные в мае. С механической агитацией. Много камер, матер. из одной камеры просасывается в другую внизу пропеллером. Здесь размещивает пульпу пропеллер. Вместо воздушной агитации, здесь работает пропеллер. Эти машины гораздо лучше, чем те.

21. Линовидные ремни для привода механизмов называются текероны. Каждый из них движется с разной скоростью, от этого состояние продукта разное.

22. Цинковая флотация. Здесь тот же процесс.

23. Концентрационные столы, они распределяют минералы по сортам. Металлов здесь нет. Свинцовый материал. Затем пириты, серный колчедан и цинк.

Здесь все хвосты, 20 % железа.

Окисленная руда портит качество нашего свинца. И наш завод недоволен этим свинцом. Золото везде и в хвостах тоже.

24. Другой стол концентрации, сюда поступает с чаш как тяжелая часть и идет обратно во флотацию (золото).

25. Не спущенные концентраты. Сгуститель Дорра, здесь 75% воды. Емкость около 200 куб. метров, отдельно для цинка и свинца. Свинец – в сгустителе с большим количеством пены. Здесь грабли, медленно оборачивающиеся, делают 1 оборот в 11 минут. Здесь уходит 50 % воды.

26. Концентрат поступает в фильтр.

Голивера – пневматически высасывается вода и в высушенном виде получается концентрат с содержанием воды в 11 %.

27. Канава, изобретатель Канилин. В аварийных случаях она работает. Она не отличает продуктов по составу. Дает среднее по качеству.

Скоров Василий Андреевич – начальник фабрики, горный инженер.

28. Компрессоры и для отсасывания воздуха.

29. Цианистый завод – для ловли золота из хвостов. Новое здание построили в 31 г. Сокольная руда.

22 июня (вечер).

Горный цех, бригадир Носов.

Никонов – герой труда, Наумов, Сибебаев. У Никонова стаж 32 г. – член партии, герой труда. Булегешев, Магзумбаев.

24-го в 7 в. – у Никонова – встреча с рабочими.

23-го шахта свинцового завода.

24-го с Громатухи вернулся часа в 3, после электролитного завода Никонова.

25-го больница, хирургия, венерологическая, школа, стройка, вечер 25-го встреча с ударниками 650 ч. В читальном 26-го Ульба. 27-го вечер здесь и отъезд.

Клуб цветников в месяц 550 ч. Канилин выдвинулся из среды рабочих. Пламенный большой привет ударникам Риддера.

Гор. цех

1. Нет ни одного прогула.

2. Опоздания.

3. Посещение политучебы.

Клуб ИТР построен в 27 г.

Лаков Кабжан – бывший батрак с 17 по 25 г. 5 лет у одного кулака, 3 года – у другого. Работал бурщиком в одном цехе, был шахткомом, секретарем ячейки, учился в партшколе. Взяли в горпрофсовет – председатель. Был раньше секретарем парткома. После решения 17 съезда до этого был секретарем ячейки горного цеха. До этого председатель шахткома. Стал выдвигаться с 30 г. В 30 г. работал в шахте – бурщиком. В 25 г. приехал сюда до 30 г. работал в шахте.

23 июнь.

Өткен бір-екі күннің кейбір үзінділері. Өскемен қаласы көп бүліншілікке ұшырамаған. Облыста ең бүтін күйінде қалған жердің бірі, себебі Өскеменнен Риддерге қарай

жүрген жол. Бұның сұлулығындай көріністі Алатаудан көрген емеспін. Есте қалатын, пайдаланатын әсерлі суреттер. Жол ылғи өзен суын жағалап жүріп отырады. Ағаш түрлері Алатаудан әлдеқайда бай. Таулар тегіс және ылдилар биік емес, бәріне атпен шығуға болады. Пайдалы тау. Ағаш түрлері өте бай. Бұнда әдемі, жапырақты ағашпен қатар кішкене шырыш, мол түрде қарағай да бар. Өзен өлкесі құр шаншылған тар құз емес, кейде кенейіп үлкен жақсы алапқа айналады, ондай тұстарында не жігіндік, не көбінесе пәйектер, қалың пішендік шалғындар бар.

Риддер тұрған жер биік тау жотасындағы үлкен астауша кең алқап.

23 июня.

Собственники риддерского рудника и Сокольный.

Риддерский рудник обслуживается шахтами Григорьевская и Северная. Сокольный обслуживается не только Сокольной (бывшая Воскресенская), Василевской шахтами, Покровской, др. мелкими.

Григорьевская шахта самая древняя. Здесь горизонты в эксплуатации 5, 6, 7, 8 и 9 частично подготовлен. Первые горизонты сейчас отсутствуют, они раньше сняты.

Дальше по вертикали и по горизонтали. Раньше брали высоты не больше 5—6 метров. Мы берем большую высоту — в 18 м 8-го горизонта, а 9 берем в 32 метра между этими двумя горизонтами. Глубина 9-го всего 120 метров. Возможна разработка по геологическим разведкам: должен быть и 10 горизонт. В Африке имеется до 2 тыс. метров. Там делают три перегрузки. Там температура была бы 70 градусов.

На каждые 30 метров прибавляется 1 градус. Здесь постоянная температура, на глубине между 8-м и 9 горизонтами там градусов 8—9.

Рудное тело. Висячий и лежащий бока вокруг рудного тела. Границы рудного тела очень выражены, контактные. На границах сланцы. Слабые сланцы, через которые проникает вода фильтровка. Место руды заложено в пустой породе. Штреки идут по пустой породе. Опускается на 20 см. Часть руды вынимаем, часть оставляем в качестве целика.

Блоки орд, между ними расстояния в 22—23 м, длиной в 20—30, 40 м. Гезнек — линия, соединяющая блоки двух горизонтов по вертикали.

Снимаем слои снизу. После вынута закладывается пустой породой. Остается между горизонтами 3 слоя.

Начинаем II блок, опять слой. После блоков начинаем вытаскивать целика между блоками. Целики вытаскиваются так же слоями. Остается потолок, который вынимаем половинами с двух боков. Оставляем заплечики. Так все остаются заплечики для всех целиков. Но мы все же вынимаем почти все. Слой блоков называется шорой. Кубик называют еще стеклом.

Шахта — обяз. вертикальная выработка.

Штольня — горизонтальная выработка. От шахты идет штрек — он идет по простиранию рудного тела, обязат. идет по руде. Если он идет по пустой породе, называется квершлаг.

Боковые линии, соединяющие висячие и лежащие бока, идут по рудному телу, называются ортой, по-видимому, от слова артерико. Орта и помогают срезать эти блоки. Нужно иметь ходы между горизонтами. Блок ограничивается двумя боками и ортами.

Вертикальные ходы в блоках между горизонтами называются восстающие — нужны как запасные ходы, для вентиляции. Проходим по пустой породе рядом с рудным телом на несколько метров от рудного тела — наз. полевой штрек.

Если гора — можно пройти к телу как порой по горизонтам, то это называется штольной, так же как тоннель, но последний имеет два выхода, а эти только один. В Ачисае — штольня.

Шахта м.б. не только вертикальной, но может быть наклонной.

Рудное тело в Григорьевской шахте 250x80, по высоте, мы полагаем, до 11-го горизонта.

У нас самое мощное месторождение в Союзе. Максимальное расстояние от самого дальнего блока до шахты — до 400 метров.

В Ачисае — линза.

У нас мощные, цельные запасы. Нам нужно заложить пустой породы 3 м. куб. метров. Это мы спускаем с поверхности. Поэтому когда попадаете пустая порода, мы ею бываем даже довольны.

Обвал был на 7-м горизонте, сел почти весь горизонт. Работало 40 ч., не было ни одной жертвы. Не умели подойти к выемке этой руды. Зашатались лампочки, длилось 3–4 минуты, рабочие сбежали вниз.

Контакт лежачего бока карбонатные сланцы 4–5 метров шириной. У висячего бока сланцы. За карбонатами роговики. Железа у нас 4–5%, его мало. В Бразилии и Минаис Грайс – около 3 ½ километра глубина шахты.

8-й горизонт – рудничный двор.

Тов. Быков – начальник 3-го участка – 8-й горизонт – переходящее Красное Знамя. Быков Александр Фотиевич окончил Риддерский техникум. В смену от 55 до 70 ч. работает. Откатчик, подкидчик и закальщик, бурщик, крепильщик.

Из одной скважины получаем.

Криволапов был хороший бригадир. Получил 3 тыс. руб. премии техник.

Момынбаев – закальщик, работает плохо. С 30 г. – в 21 г. учился в ФЗУ, в 32 г. окончил, в комсомоле с 28 г. Приехал из Семипалатинска, Башкарагайская волость.

Подкидчица Боброва. Кладет шнуров обычно 8, смотря по породе определяется качество шнуров. Бригадир бурщиков Павлов, 22 г. – 16 человек.

4 орта, 4 блок. Здесь работает Калапкор Лейнер. Там работает ручной Джек Калапкор, там больше пыли, здесь водяная промывка...

Мажит Усенов – бурщик с 32 г., в Риддере с 31 г., приехал из Павлодара. Вначале был откатчиком, с зимы – бурщик, в месяц получает 300. По норме выработки иногда получает 500.

Тас түсіп бір сұқ қолымды сындырды. Откатчик боп жүргенімде түсіріп жатқан тас секпірді асып жатқанда үлкен тас түсті. Әйелім бар, огородым бар. Бұрынғы Ақсу болысынан едім. 31-жылы келіп, әуелі жер үстінде істедім. Строительде атпен істедім, 6-7 сағат істейміз. Электір көзін қосады, сигнал, сонда шығамыз.

Кушалов Түгел – тегінде бурщик.

Водооткатчики – насосные камеры в 8-м и 9-м горизонтах. Особенно хороши отдельные н.к. 9-го горизонта. 1000

кубометров откачивают в час, иначе в 30 минут может затопить штреки.

Подъемник — 2 колеса, шкивы сделаны литейщиком самого Риддера, подписаны: “Дали мы, дайте вы”. Они обрешаются как литейщики к горнякам. Это шкивы северной шахты. Мы вышли по этой большой кляре к штольне.

Еще надпись на противовесном шкиве: “Отлито риддерской хозрасчетной ударной бригадой литейщиков мехцеха”.

Мистер Майер — горный инженер, жил в Кливленде. Был в Испании, Африке (Марокко).

Приехал в конце 32 г., приехал в Казахстан на Зырянский рудник, в ноябре 34 г. переехал в Риддер.

Зам. главного инженера по горному делу. У меня только рудник. Родился в Венгрии. Родом я венгр. В 1911 г. уехал в Америку. Учился там. Работал в Мексике, Канаде, Юж. Америке в Колумбии. Больше работа нравится мне здесь. Нет никакого желания ехать обратно. Народ интересный, растет, люблю, не хочу уезжать. Жена тоже инженер-металлург, она начальник научно-исследовательской части. Работает над улучшением качества. В прошлом году хорошего свинца давали 25%, а сейчас даем 80%. У меня была симпатия к вашей революции. Собирался давно, набирал опыт в работах в разных местах. Накопив опыт, приехал сюда к вам. После Испании приехал сюда. Меня интересовал урало-алтайский народ. Здесь примитивно все. Это мне нравилось.

Свинцовый завод.

1) Комбинатские раздевалки или бытовые помещения. Душевая, прачечная, красный уголок, там, где рабочие и получают одежду, ремонт спецовки и расчетный стол. Будут действовать с июня.

2) Металл дорэ — сурьма по 27 к., 8–9% золота, 90% серебра — остальные пустые неоплачиваемые металлы.

3) Отделение хранения свинцового концентрата. Поступает из Зыряновска 3 отд. и 2 отд. Риддера. В Риддере 38% свинца, в Зыряновске 45% свинца. Золота 90–100 г в Риддере, а в Зыряновке 14 г, серебра — 400 г и 450 г. И в Зыряновске 1½ к грамму. Кроме того, в Зыряновске меди много, мы извлекаем 75% меди из Риддера. Здесь свинец в виде свинцового блеска, цинк, кремниевая кислота, немного

известки, железа, магнезита, еще золота, серебра. Цель плавки: удалить все, за исключением свинца. Цинк здесь тоже считается бесполезным. Полезная часть – свинец, медный штейн, дорэ и 1/10 сурьмы. Нужно простой свинец превратить в окись свинца, то есть обжечь. Выжечь серу. Нужно агломерировать, то есть укрепить. У нас обе операции – обжиг и агломерация – соединены в одном месте. Называется агломерирование. Обжиг-машина. Чтобы удалить пустую породу, цинк и шлак, нужно прибавить флюкс концентрат. Если не добавлять флюкс, получился бы шлак тугоплавким и содержал бы много свинца. В качестве флюксовой – жел. руда из Нижнего Тагила, известняк, окисленная руда – наше же свинцовая окисленная руда, цель двоякая: 1) дать флюкс; 2) попутно извлекается золото, серебро из окисленной руды.

4) Отд. хранения флюксов, известняка, окисленная руда. Здесь грамм 40 золота, железная руда. Флюксы находятся в крупном виде. Нужно их измельчить для обеспечения лучшего контакта. Для более тонкого смешения.

У нас измельчение производится до 20 миллиметров. Надо бы до 6 мм. ...Окисленная руда находится в верхних частях рудного тела. Зона окисления в верхней части, внизу сульфидное. Отсюда отправляют в дробный отдел.

5) Дробилка блока, дробятся только флюксы, отсюда бункера, по которым поднимаются вверх. Из бункеров на подъемную вагонетку.

6) Подвал смешивает отделения. Здесь заготавливается одна шихта в определенной пропорции из флюксов и концентрата. Заранее расчет от состава концентрата. Сейчас весь месяц работаем на одной шихте. Пропорция определяется в мерах вагонетки. Сюда же идет концентрат. Наваливаются слоями концентрат и флюксы.

7) Оттуда при помощи элеватора поступает в дезинтегратор. Два дезинтегратора все это смешивают отдельно. Отсюда на конвейер. Конвейер – подает в шихту к бункерам. Дэвид Лойда в агломерационное отд.

8) Верх агломерцеха назн. – обжечь и агломерировать. 1 стадия выжигается сера, 2 стадия – от 2% до 3% серы выжигается здесь же, в теле серу сжечь не можем. Нужна для связывания меди при плавке для получения штейна.

9) Шихта 1-го обжига. Шихта 1-го большая, первичный процесс, а 2, 3 параллельно для вторичного процесса (обжигают массивы). Генератор дает материал с 1 машины. Коксный материал первого обжига, в нем 7–8 % серы. Шихта увлажняется, чтобы лучше горело.

10) Шихта сыпется в палетты, поступает в печку, зажигается. Внизу есть вытяжка. Под палеттой создано напряжение, материал обожженный сбрасывается на валки, поднимается наверх и идет на 2, 3 машины.

11) Палетты двигаются, идут под печь, поступает воздух, температура 1000⁰ в печи. Дальше обожжен, агломерирован и способен идти в ватр жакетное отделение, рабочие наз. “плечевые”, зараб. 200–100 р. Екеуі казак.

12) К агломерату прибавляется кокс и идет в ватр жакет. Из агломерата ватр жакетный цех вырабатывает свинец веркблей. Дальше из отходов рафинировочные цеха делают гардблей.

В веркблее 1½ % сурьмы. Рафинировочный шлак.

13) Агломерат загружается в ватр жакет. печь и небольшое количество оборотных материалов. Колосники у нас иначе, чем в Чимкенте. Здесь агломерат идет висячими вагонетками. Все обжигание идет за счет дутья. Кокс сюда идет так же в вагонетках с другой стороны. Здесь железные стенки, охлаждающиеся водой. Колоша определяет количество кокса и агломерата.

14) Малый ватр жакет для гардблея. Это свинец с содер. примерно 8% сурьмы. Из ватр жакета свинец и сурьмянистый шлак. Шлак перерабат. в гардблей.

15) Шихтная печь или в.ж. печь (вторая в.ж. печь может плавить веркблей. Сейчас плавит гардблей).

16) Печь снизу, фурмы, труба для воды. Здесь грязный свинец наз. веркблеем. Печь сделана здесь же.

17) Передовой горизонтальный отстойник, из печи выходит три материала: 1) шлак идет в отвал; 2) штейн – содержится медь; 3) веркблей – свинец, он откладывается в горне в самом низу. Свинец можем выпускать и в другие желоба. Шлак отвозится. Есть шлаковозные тележки и идут в шлаковый отвал. В нем тоже много цинка – 11% накопилось, у нас около ½ м. Пустим шлаковый завод, тогда будем перерабатывать и получать медь из этого шлака.

18) Разливает у действ. в. ж. печи веркблей, казактар да істейді (мастер сменный ватр жакета Жанпеисов, от него зависит все), гардблей пойдет на рафинировку.

19) Рафинировочный цех. Сюда поступил веркблей. Здесь чурки переплавляют. Печь первого рафинир., в нем 40–50 т веркблея. Обрато расплавляется. В процессе снимаются шлитера, они легкие, будут на поверхности. Здесь прибавляется немного кокса. Плавится веркблей для отделения из него меди. Но удаляя медь в шлитерах, мы удаляем и немного свинца. Но он не теряется. Меди от 2 до 12%, здесь температура 900°.

20) Первый рафинировочный котел удаляет остаток меди до 3–4 сотых, сюда вмешивается 400 г цинка на 38 г веркблея. Он создает тугоплавкий сплав и сравнительно легкие и тугоплавкие золото, серебро поднимаются кверху как пена. Снимается пена. На 1000 тонн свинца 2 тонны золота. В оборот из первой печи шлихтера, сухие шлихтера в в. ж., обрато.

21) Пена снимается на пол, идет в ликвидационный котел. Этот котел тоже подогревается. Свинец стекает пеной, т.к. жирная пена снимается.

Свинец здесь содержит серебро, цинк, золото. В жирной пене 40 кг на тонну золота и серебра.

22) Во второй котел свинец идет с серебром 20 г на тонну в результате снятия первой цинковой пенки. Здесь снимается вторая пена, дальше ½ грамма серебра, золото почти все уходит в первый котел. Вторая пена загружается в первый рафинировочный котел. Цинка здесь 100–120 кг. Прибавляется.

23) Вторая рафинировочная печь. Туда идет свинец, загрязненный еще цинком, сурьмой – около 1%, цинка – 6/10 %. Здесь расплавлен свинец, продувается вода в сам свинец. Когда свинец нагрет до 850° для окисления цинка, выгорает цинк. Пар окисляет цинк, выгоняется сурьма. Получается свинец. Здесь меньше одной сотой сурьмы, 1 тысячная доля меди, железа – получается чистый свинец марки С2. Боролись долго за это, добились, бывало 5,6 сотых сурьмы.

24) Купеляционное отделение. Сюда идет сухая пена. Смешивается с угольной мелочью и загружается в реторты печей Фабер-Дюфор. Вокруг нее заполняется коксом,

нагрев 1100°. Цинк улавливается. Свинец расплавляется и собирает благородный металл вокруг себя. Столько благородных металлов, сколько в пене. Здесь богатый свинец. Он содержит 60 кг золота и серебра на одну тонну.

25) Загружается в купеляционную печь. Расплавляется, дует воздух, окисляет свинец, он окисляется раньше золота, серебра, свинец, цинк, медь окисляется один за другим. А золото и серебро не окисляются, поэтому остается окислитель свинца в виде глота, вниз идет снова в в. ж. А металл дорэ вливается в чурку и идет на аффинажный завод. Там пропускают хлор и отделяют золото от серебра. (Фиолетовое пламя от кокса, зеленое пламя – окись углерода). 2–3 раза в месяц отправляется металл дорэ.

23 июня (вечер).

Инки и ацтеки.

Колумбия – часть верховья реки Магдалины. Водораздел между Магдалиной и Амазонкой. Индейцы там живут – дикие племена. Скульптуры у них – каменные изображения человека с зубами вверх, с обезьяной, иногда со змеей. Это есть и в Мексике, и в Перу – доказывает наличие контакта в культурном историческом развитии этих народностей.

Эйелі Бостон қаласында тұрдым дейді. Өз қаламанан Зыряновскіге шейін 42 күн жүрдім дейді. Жолда Омбыда 9 күн пароход тосып отырдым. Ағус айы еді. Пароход жолда отырып қалды. Керекү тұсында. Ақшам бітті. Қайта Омбы барып Н.-Сібір арқылы барасың деді. Бастық капитанға документімді көрсеттім. Ладно деді. Экскурсия қалған шығар деп едім, сүйтсем ол жақсы сөз екен, ақша әкеп берді. Омбыда күнде пароходты сұраймын. Завтра дейді. Ең әуелі үйренгенім сол завтра деген сөз болды.

Майер. Интересно, как чувствует себя человек приехавший из Америки.

Многие идут, но не любят, но работают честно. Американский инженер работает честно, немец работает с расчетом.

32 год был тяжелый здесь. Приехал сюда в конце января 33 года. Он сидел в Москве, потом в Усть-Каменогорске два месяца, не нравилось, потом просился на Зыряновку как плохое место.

Меня интересовал Алтай еще в 25 г. Жена говорит, что он еще в 25 г. обещал поехать в Алтай.

Интерес к вашей революции, строительство социализма, еще вел интерес к народу, интерес к этнологии.

Русский инженер здесь работает мало, недолго, не интересуется всем, кроме своего дела.

Қазақ шәйін бер дедік әйеліне. Қазақ шәйі ағылшындікі сияқты деді. Аяғында ағылшын шәйіне келістік. В Зыряновке, когда я был, ввел эту систему, какую они делают в Риддре. Нужно здесь делать механизацию. Вот что буду делать я.

Работает женщина — подкидчица.

Кроме своего дела.

Қолындағы жүзігі — үндістердің істеген нәрсесі, тасы көкшіл бирюза.

Нужно механизировать, скрепер ввести. Механическое загребание, подача и в вагонетку.

В Америке проходка в одном тоннеле диаметром 3 м на 3 м была в 12 метров в сутки, а мы в сутки самое большее проходим один метр. Здесь это задерживается благодаря откатке. Это везде считалось как самое узкое место. Здесь главным образом нужна механизация вместо работы подкидчицы.

По механизации еще будут электровозы. Я делал проект на бурение. Но эта система требует не меньше двух метров. Наш бур слаб, тупеет быстро. Надо делать его остро, это делает улучшенная бурозаправочная. Нужно делать глубже шпур. У нас каждая скважина — шпур сейчас требует 5—6 буров. Нужно делать горячие фризы бура.

Я закончил самый большой технический институт в Америке. Был профессор, знаменитый Гофман. Умер на второй год моего обучения. Я кончил, кроме этого, два института. Другой физико-химический теоретический институт. Запальный станок должен быть сделан для улучшения метода подправки буров. Металл этот для бура — “победит”. Вольфрам и углерод. Им контурируется сама головка бура.

25 июня (вечер).

Изыскание инертных материалов — пример песка, гравия, идущих в бетон. Естественная промывка рекой. Получение чистого гравия через эту промывку. Наименование — 3.

Анкерные опоры – экономия бетона. Анкерная опора в месте соединения патрубков.

Тов. Пылков, разрешите начать вечер встречи лучших людей Ульбастроя с писателями (говорит вроде Гузовского).

Представлены: тоннели, мехцех, деривация, клепочная и др. лучшими людьми из них. И инженеры. Люди Ульбы. 1 район – головной узел – 5 человек. 1) Турне – нач. участка. Авг. Августович из Венгрии работает год с лишним. 2) Петрацев Ал. Петрович – техник, работает 5 лет на строительстве. 3) Крусов (парторг) Анат. Яковлевич – инструктор торкрета цементной пушки со свирвстроа. 4) Кушелеков Озбакан – профорг участка, десятник окольных и бетонных работ, вначале чернорабочий, запальщик, бурщик, а сейчас десятник с 30 г. 5) Уразбаев на участке с 30 г. – бетонщик, бурщик, ударник из чернорабочих.

2 район – деривация. 1) Мендыбаев Усен – бригадир землекопов, сейчас бр. по обработке кленов. Был сам землекоп. Здесь 3-й год. 2) Мирзабеков Абдилда – сварщик электросварки. Начал с чернорабочего.

Транспортный отдел: Укатпаев Елигали – зам. директора транспортной базы с 33 г. Начальник отдела кадров и профсоюзная работа, выдвинут дальше.

3 участок (тоннели). 1) лучший ударник Требелев Яков Маркович – техник, прораб, работает 5-й год. Проходка вся проделана при его участии. 2) Бывалин Андрей Иванович работает с 29 г. – крепильщик в тоннелях и бурщик – лучший ударник. 3) Самсонов Федор Иванович – десятник. Вырос на строительстве, не освобожд. парторг участка, фаб. с 33 г.

5 участок (силовой узел), гидростанция (4 г.). 1) Начальник уч. инженер Дятлов Тихон Дмитриевич с 32 г. 2) Помощник его Байгашев Жалиль Есенгулович. Пред. бюро инженерно-технич. секции всего строительства с 33 г. 3) Трегубов Федор Павлович – пом. машиниста, начал с организации участка в 34 г. Профорг участка. 4) Джетенев Кусман – бригадир, бетонщик работает с 32 г. Начал с чернорабочего, бурщика. 5) Шевченко Нестор Маркович – смазчик экскаватора с 31 г. Начал с плотника.

Мехмастерские (мехцех) 5 г. 1) Нач. мех. мастерск. тов. Коновалов Абрам Осипович – практик, 2½ года здесь. 2) Собесский Станислав Викштиеви́ч – техник, 2 года здесь. 3) Морозов Д.Р. – мастер слесарных бригад с 34 г. 4) Тарасов Леонид Владимирович – мастер-модельщик с Путиловца, сюда с 33 г. – парторг цеха. 5) Кантарбаев Мергали – ученик, комсомолец, токарь из учеников, с 34 г. Начал учеником слесаря, сейчас токарь.

Лесозавод – 1) тов. Пивин Илья Каиллыч – машинист завода. С 31 г. работал в мех. мастер. 2) Самсонов Иван Яковлевич – машинист с 31 г., здесь – не освобожд. проф. организатор. Говорит Соболев.

Тов. Петришев П.А.: Моя работа протекала в 1 уч., было 2 барака, люди жили плохо, не только в жилищном отношении, но и во всех других отношениях. Только начинали тоннель. Первый вопрос был о жилище. Бывали трудные моменты и хорошие. Тоннель наш по диаметру первый в Союзе 6 метров. Лесхозу работы не было. Работали вручную, шла вода грунтовая. Был большой обвал. Нужда в цементе, из-за его отсутствия породы держали 1½ года на крепях. Допускается только 1 месяц. Образовался купол. Был обвал весной. Угрожало завалить весь тоннель. Очистка прошла хорошо. Предложений было много. Жертв не было. При обвале образовалась воронка. Порода – скала. Закрепили путем креплений. Воронку забетонировали. Сейчас не опасное место – 1½ метра слоя бетона. Скала обвалилась, чуть не задавила. Бывало, у выхода тоже было опасно работать. Диаметр был 10 м. Сотни кубометров выводили ежедневно. Работа наших ударников. За успешную работу в 32 г. наш участок получил Красное Знамя.

Сейчас тоннель заканчивается. Шли в несколько штолен. Сначала шли одни штольни, потом другие. Света не было. Продвигались медленно. Бытовые условия первый год были очень скверные. Имел комнату в 3 кубометра, сейчас живу хорошо. Хозяйство держал в холодном году, в 32 г. Ели траву, но план этого года выполнили. Весной в горах растёт трава слезун, варили и ели ее. Хлеба не было пятидневками. Были здесь даже походы за хлебом. Санями по земле везли хлеб с продуктами.

Строительство пережило многие изменения.

Катков. Мы имеем сейчас организационную работу, рост людей. Добились всем коллективом сегодняшнего положения. По значению деривационный участок сейчас самый важный.

Фельдман с 31 г. Сюда приехал в 32 г. в самый тяжелый год в мае. Ни уч. дер. ничего не было. Это самый большой участок. За день иногда весь участок не переедешь. Работало 3 экскаватора 2-кубометровые. Машинисты опытные, из Ленинграда, не знали этих машин. Когда пустили его, он останавливался перед каждым бугром, снимали вручную. С такой трудностью началась работа. Фактически начали работать в июле. Чтобы он прошел Тихую, мы сделали целую дамбу. Он имеет десятитонные части. Тогда не умели работать им. Научились после. Это все же большие машины для рельефа нашего. В том году кроме экскаваторных не было иных работ. Потом стали на зимний ремонт. Сделали около 150 тыс. кубометров земли. Объем работы на деривации 210 тыс. кубометров, остается теперь 30 тыс. кубометров. Скальные работы сделаны полностью, чтобы пропустить речки через трубу, нужны сооружения: стаккады деревянные, пропускают целую речку Луговатую, для речки Позднопаловки – тоже бетонная труба. Объем 300 куб. бетона, длина 25 метров.

Чтобы устроить проезд, сделаны мосты. Нужно было отвести реку в сторону. Мы отвели, устроили бетонные основания. Делали и сводные основания. Надобность в видящих камерах. Станки для нового назначения приспособили для установки этих камер.

Снята скала в 18 тыс. кубометров. Доставили компрессор наверх с большим трудом. Бурили Джеками-генераторами. Делали глубокие бурения. Скважины глубиной до 15 метров. Станки марки “Гелиус”. Чтобы взорвать один шпур, требовалось до 90 кг динамита. Предложение участка дало эффективный результат. Через каждые 5 метров делали скважины. Была эффектная картина, когда экскаватор брал 500 кубометров породы, взорванной динамитом. Это было в 33 г. В этом году сделаны все сооружения. 34 г. для деривации был не продуктивным. Мы приводили в порядок всю трассу. Патрубок, бетонная труба и др. сделаны в 33 г. Патрубок с подъемом вверх. Это была тяжелая работа.

Не забетонировали ввиду морозов. С конца 34 г. входит в работу клепочный комбинат. Интересна система сушилки. Было много споров. Но она полностью удовлетворяет нас. Мы избежали калориферных труб. Негде было бы достать 1200 кубометров лиственницы, пропускали мы через эту сушилку. В среднем в месяц 700—800 кубометров. Заслуга в освоении, оборудовании сушилки тоже принадлежит нам. Мастер Храмов. У него изобретательский ум. Станки работают хорошо, не было ни одной поломки. Клепочная начала работать с ноября 34 г. И к маю она пропустила весь накопившийся материал, 2½ тыс. кубометра сделали мы — всего 450 кубометров бруса, 10 тыс. кубометров кругляка.

Извлекается 25% полезного материала, остальное — отходы.

Трубу начали собирать с апреля, в апреле собрали 70 метров. 1100 погонных метров трубы сделано по сей день. Имеются клепки третьей части. Специалистов у нас тоже не было. Сборка вначале шла не так, как нужно. Теперь концы идут идеально. Работа идет хорошо. Тоже и в отношении качества и количества. 12½ метра. Это норма — на 19 ч. У нас работает 12 ч. и справляются с этим нормально. План этого года — надо собрать 4 километра, материал на 3 километра есть. Нужно заготовить. Нас задерживают язычки. Винить рабочих нельзя. Приходится делать свои блямунги, раскрывать 8 мм железа в 3 мм для сварки.

Задача деривации в этом году — закончить трассу. С ней мы тоже справимся. Наши рациональные предложения в отношении клепки. Храмов предложил способы заделки сучков — мы применяем. Еще обход сделанных выемок — тут тоже были рациональные предложения. Проходка выемкой. Борьба с выступающей водой, трубопровод удлинится, но обход выемки обойдется гораздо дешевле, с большой экономией в смете. 3 м 200 тыс. руб. — стоимость одной трубы.

Катков — справка о работе инженерно-технических работников, их предложениях. Старое руководство не слушалось в 32 г. Если бы были сделаны в этом году подготовит. работы, то 33 год был бы еще продуктивнее. Под руководством Спекторова с половины 33 г. строительство пошло усиленным темпом.

Мы давали проходку с 4 отвалами в сутки. На 2 месяца проходку в 3 тоннеля закончили на 11 дней раньше плана. Основной костяк рабочих и инженеров вырос, окреп здесь. Что главное, хорошее, то, что инженеры – весь основной костяк – дерутся за строительство. Бытовое помещение. Коровы – 1500 гол. с молодняком 2000 гол. Жилищное положение тоже неузнаваемо изменилось к лучшему. В культуре звуковое кино, 3 кинопередвижки.

У нас радиоузел. Все завоевано хорошо, спайка основного костяка строителей Ульбы. Пьянство, хулиганство, воровство тоже есть, но это из года в год все сокращается.

Жетенов Құсман 32-жылдан Жармада, Ақжалда істеген, ескі бурщик. Ағасы 19-жылдан сонда болған. Ақжалда жұмыс істеп жүріп ашаршылықтан бұнда кеттім. Үй ішімізбен үш ағайынды тұтас келдік. Екі ағасы үшінші туннельде ударник боп істеген. Бурщик боп Джекте істеген. Бір Кәрім деген стажер еді, мені силовойға сол шақырып алды.

Бұрын силовойда Семейден келген аткашовниктер еді. Іс білмейді. Соларға мынадай ескі жұмысшыдан үйретіп басқарушы боп жүріп, басқаларына көп жәрдем етті. Үй ішімен кара костамыз. Ескі жұмысшысы Тұрсынов, Сауранбаев сияқты, Төленбозов сияқты көбіне жәрдем етіп өсірген. Осы күнде олар бурщик, бетонщик боп шықты. Кірпіш қалауды да үйреністі.

Қиындықтар – біздің іс бір жерде. Қызметі жаңа іс. Айырмасы: котлован қазғанда су көп шықты. Насоспен откачивать еткен болды. Күзгі суықта суға түсіп істеп жүргеніміз бірі болды. Өзінің жолдастарымен (жаңағы адамдармен) сондай қиындықта үлкен еңбек етіп шықты.

Бұрын оқымаған. Қыста оқып, шала хат таныдық. Жәлел бастап тағы оқып жатырмыз. Сана, сезім беруші осы кісі. Латынша оқимыз. Орысша да аз-аз оқимыз. Тілектестер қатарына кірген. Ортаншы ағасы Ысқақ осы күні кеш суықта су ішінде істеп бәлніске түсті. Қалған екеуі кетеміз, өлтірмейміз дейді. Сиыр, атымызды сатамыз дейді. Бұл кетем деген сон, бригадасы да кететін болды. Жәлел сөйлеседі. Қырымға жібермек болған.

Испектров қазақ жайына жақсы. 25 мыңның ішінде оңтай кеп өскен жігіт. Жіберу керек деген. Постройком бөгеп, сол

туралы аз ұғыспау бар. Әйелдері де өздерімен бірге бетонда. Олар хат танымайды.

Меңдібайұлы Өсен. Дериватсыда 3 жылдан бері істеймін. Мен Белағаш, Төлатар сельсоветінен келдім. Арғы тұрмыста 7-8-де жетім қалдым. Батрак болдым. 19 жылдай істедім. Мал бітпеді. Әйел алдым. Егін салдым. Колхозға кірдім. Бұнда келгелі 3 жыл болды. Клубка барам. 3 жылдай сонда бригадирмін. Сиырым бар. Огород бар. Әйелімнің емшекте баласы бар. Жұмыс істемейді.

Оразбаев Садық. 31-жылдан бері бұнда, бірінші затондамын. Осы күні бетонщикпін. Әуелі жай жұмысшы, артынан бурщик, осы күні бетонщикпін. Ударникпін. 18-жылдан 30-жылға шейін пароходта әуелі матрос, содан наметчикпін. Штурвальный помощник боп істедім.

Туннельге шейін барушек. Басы Зайсан.

Үй ішім 6 жан. 17-де бір балам бар. Ученик-плотник боп істейді. Обвал болғанда сменде жоқ едім. Құлайтын жерді прораб сезіп, осыдан байқап жүріндер, отырып барарды деуші еді. Орнын түзерде астынан бетон құйып істеген. Жақсы істеген кісінің бірі біз болдық. Елім Ұлан.

Мырзабеков Әбділа. Дериватсыға 31-жылы келдім. Жаңа Семей ауданынан, Делбегетейден. Үй ішіммен кетіп ем. Ағайынды туыстарымыз тұтас келдік. Жұмысқа біз жай столға көніп, өзіміз келдік. Бұрын ауылдық школда оқыған. Әуелі кара жұмысшы, артынан бетонщик, содан осы күнге дейін электросварке (заклейкеде).

Күшелеков Озбақан. Бірінші районда десятник боп істегем. 30-жылы Жарма ауданынан келдім. Бұрын 165-ші разъезде кара жұмысшы едім. Інім болды. Плотник орнына жіберіп еді. Ол осында қызметте еді. Келсем, туннель, 50 метрдей әрең жүрген екен. Әуелі откатчик боп 5 ай істедім. Одан крепильщик боп 3 ай істедім. Забойщик болдым, 6 айдан соң заявлен. беріп, запальщик болдым. Одан кейін жұмыс азайды деп пекарниге кладовщик қойды. Содан магазинде тұрдым. Одан шығарып алды. Басшылық запальщик боласың деді. Содан десятникпін. 14 ай сол орындамын. Әйелім столовойда қызметте еді. Балалы боп, осы күні босады. Әуелі кара жұмысшы ем. Содан қайтсем өзімді көтерем деп тырыстым. Обвалда тас қалап, 1 ай бөлністе жаттым. Тас басып қап, туннельден өзіміздің бригадирлер алып шықты.

Обвалда түзеуде 3-ші қатар тесікте жоғарыда едім. Ауырлау боп тас құлады. Сол қабырғамды жанап өтіп, жаралап кетті.

Жәлел – қазақ жұмысшылары арасында Қойбағар сияқты қу шығып әрі ұры болған, әрі бұзық болған адам, өзі бұршиқ боп жүріп, Жарма ауданының жұмысшысын екі жарып, төбелестіріп, жесір дауын туғызып, шатақтар істеді. Маған сол жөнінде жала жауып, өрлік жасаушы мен деп шатақ салды. Жастарды ертіп ішкізіп, қартаң жұмысшылардың әйелін әперем деп шатақ істеген. Төбелес шығарып, бас жарып әлек салған. Ол ұсталып еді, аяғы босап кетті.

Әйел мәселесі. Әйелдің бір байдан екінші байға тиюі көп.

Милицияның штрафы, қорқытып басып алуы бар.

Бұл енді келе бастады. Сондықтан талас көп. Клубқа барып оқитын жұмысы бар. Жәлел, Рақымбектер өз жұмысшылары арасында техник жұмысын жүргізеді. Мектепте қазақ мұғалімі нашар. Прогулы көп, бала хат тануы қиын. Қазақша кіші үлгімен төрт мектеп бар.

Мирзояновкеде (4-ші район) клуб жоқ. Жұмысшы көпшілігі сонда. Жаз парк орнап, енді тәуір болды. Физкультураға қазақ жұмысшылары да араласады. Парк ашылды.

Жұмысшы үйлерінде радиосы барлар бар. Қазақтың жұмысшысынан партия мүшесі 10 шақты. Тілектестер бір районда 8. Жиыны 15 шамалы. Комсомол 30 шамалы.

Тов. Дзюба – из казахов кадры. Цит.

Мастера, бетонщики, десятники, бригадиры, инженеры, культурные силы.

Коллективные читки – среди русских рабочих начинаем, а среди казахов этого нет. Это наше упущение, научить, развить навыки к худ. чтению, газет – наша огромная задача. Лучшие ударники сами тоже должны стараться приобрести эти навыки, эту культуру.

Приезд тов.

3 участок, тоннель №3, т. Требелев.

Начали выемку подходную в конце сентября 31 г. Тоннель начали 27 января 32 г. С этой входной стороны. Длина 1413 м. С той стороны выемку подходную начали в феврале 32 г., а тоннель начали в декабре 32 г. Встретились 26 октября 34 г. Не было ошибки ни на один сантиметр. Сбойку

отмечали торжественно. План был к 1 января 35 г. Было соревнование и закончили к 26, установлена была грань по середине и объявлена премия им. Мирзояна в 7½ тыс. руб. Проходка намечалась в 1 метр. А к концу проходили по 3 с лишним метра с каждой стороны. Взял тот конец, руководимый Требелевым. Но этот конец тоже закончен на 2½ месяца раньше. Поэтому премировали этот конец на 3½ тыс. руб. Премия была деньгами, получали велосипедами, часами. Выдали в годовщину Октября.

В забое бурщики, откатчики 6–8–10 работали джеками, запальщик 1 в месяц. На выходе общее количество 180 ч., на входе 160 ч. Откатка была лошадьми, рвали три раза в сутки. Работали в 4 смены. Доходили даже до 4 отката. Таким путем мы добились по 3½–4 метра шириной, в 5 кв. метров, высотой в 2 метра. Вначале шли штольной, а потом разработка. Сам тоннель имеет 3 м – диаметр трубы (деревянной), а первый тоннель имеет диаметр 6 метров.

Бурщики – Иванов Филипп, Никитин Павел – на курорте был в Кисловодске. Дюсенбаев Шаран. Джетенев Искак – больной (сейчас), такого энтузиазма я не видел. При сборке было такое увлечение, что даже в семьях говорили об успехах групп. Никто ни на газ, ни на что не смотрели. Не успевали откатить. Первый в люк пролез запальщик Пуковецкий, отсюда полез Катков. Народ при этом валил с двух сторон, женщин, ребятишек было полно в обоих концах. Был и Таганский.

Люди не верили, что когда-то сойдемся – это настроение было благодаря тому, что тянулось долго. Начали бурщики с 2 м. А дошли до 20 метров. Проходка была медленной в 33 г., а пошла горячо в 34 г.

Кругами, кольцо 12 метров – участками бетонируют. 800 метров трубопровода после тоннеля, дальше 4–5 тоннелей длиной в 380 метров. Уравнительная шахта. Функции: 1) отброс воды при перебоях станции; 2) для подъема люка; через скрепер висит. Высота шахты 28 м, отсюда до слива 130 м подъемом в 30. До станции 700 метров, от 5 тоннелей по отвесу 130 метров.

Аяғына тас түскен жұмысшы откатчик боп істеген. Тас құлап, белімнен тас басты. Әзілдеген Исаев Жарма аулынан былтыр вербавайт боп келдік (вербовать).

Тоннель шығысында жазулар:

1) Ударничеством и соц. соревнованием добьемся первого места по конкурсу. Выгоним лодырей, прогульщиков с производства.

2) Товарищи ударники. Деритесь за выполнение плана, весь ульбинский конкурс обеспечивает выполнение плана.

Берегись вагонетки.

В 31 г. решение консервировать связь с Риддером. Пошло отсюда решение сохранить кадры, привело к мысли создания Алтайзолота. В этой системе мы продержались до 33 г., когда был решен вопрос о возобновлении решения о строительстве. В 33 г. было 400, в 35 г. — 3380, из них 475 — 20% казахов. Жетенев бригадасы. Бетономешалка істеп жатыр. Резеңке етік киген ылғи казак жұмысшысы.

Жәлелдің әңгімелері.

Су тереңдігі 5 метр, астына қалың ж.б. төсеп салынған. Сол үшке бөлінген, үш стенде. Бетон 4 метр жоғары көтеріліп, тағы плита салынған. Үш тесікте үш турбин орнатылады. Су келіп үш турбинде көтеріледі. Су қайта сығылып астыңғы плитаға түседі де, отводный каналмен Үлбіге кетеді. Турбин плитасынан үш метр жоғары, стендерді тағы үш метр көтеріп, соған генератный плита орнатылады. Генератный да үшеу.

Төменде турбин, соның үстінде генератный үш плита бар. Генератор орнатылады. Оның бір штугі үш метр. Бір жақта (артта) монтажная площадка, подкранная балка шуруптарды, сол қабатқа генераторларды көтеріп әкеп орнатады. Первонач. сбор мен кейінгі ремонт үшін керек. Балканың мықты болуы үшін ж.бет. чашке жасалған. Биік болған себебі — генератордың роторы 3 метр. Ротор — генератордың магнитный возбудителі.

Әрбір генератор 9 мыннан, жиыны 27 кВт. Бұл орта күші. Су бір қалыпта тұрмайды. Турбинаның минимум-максимумы бар. Максимум 35-ке жетеді. Ең азы 16-15 мындай. Статордың қанша тұратынын есептегенде сол 27 мың алынады. Официальная мощность. Агрегат — турбин мен генератор екеуі агрегат деп аталады. Су өтпес үшін төбеден пенобетон салынады. Пенобетон — цемент, құм, натрий, калий. Натрий көбіктенеді, бетон ішінде қуыс қалады.

Сондықтан суықта су да өтпейді. Оның үстінен тағы шлак салынады.

Перестройка пульта управления. От генераторов идут кабели-распределители, маленькие трансформаторы. Регулятор управления, в том конце маленькой котельной на случай аварии.

Первый этаж закончили, теперь будем строить второй. Будет 6 этажей, служебное помещение.

Опоры, повышающие подстанции в Риддере, Ульбе. Генераторымыз 110 ватт болса, сынға түскенде 200 боп кетеді. Повышающая подстанция напряжениесін күшейтеді.

Ауыр оборудование веткамен келеді. Ең ауыр оборудование – трансформатор 22 тонна. Откашовниктен келген, Әкімшіков плотник, каменщик еді. Курортқа жібердік.

В мехцехе – блюминг.

Был гидравл. пресс, приделали подъемники мотовоза, шестерка с киржачного пресса, валки Ибаха – импортные, они валялись, а мы притащили. Если бы не эти валки, мы бы зашились. Работали и сделали теперь 2 рационализации. Горное тоже наша конструкция. Собесский и Морозов собрали это все. В смену язычков делается до 500. Мы собрали и сказали начальству: собрали, делаем. Вначале начальство недоверяло, обрезанные язычки протравляются в кислоте, вначале в серной, потом в соляной кислоте. В ванне серной и соляной лежат около 4-х часов. Потом промывают. После серной идут в соляную. Сушатся. Потом волчок с расплавляемым цинком. Отсюда язычок готов.

Құттықтау.

1. Шаруада өсу соңғы жылдарда мәдениеттің қатты өсуін тудырды. Мектеп, театр-өнер, әдебиет. Әдебиет түрлері.

2. Бұрын әдебиет не болған? Батыр жыры, сорлаған әйел жайы, тарихи жыр, езілген жыры, көтеріліс жыры. Бірақ өмірді құру жыры жазылмаған. Енді өмір құру жыры. Бар тарауда өндіріс, мал, ауыл шаруа, әскер, отан қорғау әдебиеті. Түрлері де көп. Жазушылар Сәбит, Бейімбет, Сәкен, Илияс, Ғабит, жастар.

3. Енді үдейді. Бұл көп тілді, бір нәрлі кенес әдебиетінің бір саласы. Бұның тақырыптары социализм үшін тартысу. Сол күрестерді суреттеу. Қызыл әскер, Челюскин, колхоз, өндіріс.

4. Бұл жолда қанаттасып істеу керек: Ленинградтағы жолдастар. Оларды біздің аударуымыз. Көп күтеміз.

5. Сіздер жайына келгенде бауырлық. Кедейдің өсуі, казактың өсуі. Өсулер. Өндірісте өсу. Өсушілер мен өсірушілер біздің тақырып.

6. Біздің кемшілік – кітаптарымызды аудармадық. Ол – бір, екінші – бұнда жұмысшы ортасына жеткізбедік.

7. Сіздің де кемдік бар. Оқу – өсу, мәдени өсу керек...

Тов. Спекторов.

Громатуха и Тихая. Их соединение дает Ульбу, соединяются под всячим мостом. Берут начало от таяния снегов и грунтовых вод. Летом воды много, зимой до 30% летней мощности. Существуют два типа гидросооружений “Днепр”. Второй – высоконапорная установка. За счет напора крутит машину.

Создать зарегулированный водоток из искусственного бассейна. Тоннель, деривация. Закрывали естественное русло рек, переводили в трубы. Водохранилище, первый вариант – Тишинское, 35 млн куб. тонн, тогда можно было получить на 10–12 т. киловатт. Эта вода могла попасть в риддерские шахты, рискованный вариант. Искали водохранилище. Есть в 60 км естественная ложбина 15 кв. километров. Можем там собрать 90 м куб. воды. За счет Малой Ульбы, за счет Ключей, не за счет таяния снегов и грунтовых вод. Летом здесь турбины работают летней водой, а там мы делаем запасы для зимы. Пересекаем крутой выход и плотинной длиной 345 м, высотой 34 метра. Она строится на базе местных материалов. В низовом районе тонна цемента стоит 100 р., а там 400 р. Закончить строительство каменной плотины. Высокую ставили перемычку (она сделана, строит. тоннель сделан). У стр. тоннеля два назначения, 113 метров длины и 3 м ширины (роговики и мелкозернистые гранулы): 1) отводим воду, чтобы осушить реку для прокладки плотины; 2) получаем энергию для строительства, там две станции и 350 кВт; 3) при обилии воды свыше 90 м, чтобы сбрасывать излишек воды в старое русло. Плотина – мы углубляемся в русло реки до твердого основания. Цементный раствор. Зацементируем щели. Получится монолит-постель. На нем делаем цементный зуб на всем протяжении. Железобетонная подушка. Ширина бетонной постели 8 метров. Профиль

плотины: ...Экран, уплотняющие брусья, ряды досок крест на крест, в три ряда лежат, доски как лакированные. Ширина тела плотины понизу метров 45. Сухая кладка 6 метров, высота 24 м. По гребню длина 240 м.

Рабочий тоннель 345, диаметр 2,8 метра – это ключник. Дальше путем перевалок пропускаем ее в Громатуху, в ее естественное русло. Проходит она мимо Риддера (Карлусовка), увеличиваем на 5 тыс. киловатт мощность этой Риддерской станции. В Тишинском водохранилище – $7\frac{1}{2}$ м кубов. Это служит для суточного, недельного регулирования воды. А там годовое регулирование. Тишинское водохранилище – плотина меньшая. Система Пузыревского. Высота ее 12 м, меньше объемами, проще, она другой конструкции. Преимущество ее: она гасит напор, скорость умирает и уходит тихо в русло. Первый тоннель для сброса и для рабочей цели. Деревянная труба патрубков, 3 тоннель, дерев. труба и 4–5 тоннелей, уравнильная шахта. На деле со 155 метров на станцию, где 3 турбины на 9 тыс. киловатт каждая.

Будут целые группы гидростанций – 1-я у Хариусовки, намечена Нижняя Громатуха – гидростанция на $18\frac{1}{2}$ киловатт. Еще выше от нее вторая, в 30 километрах от М.Ульбы намечена вторая Громатуха. Верхняя Громатуха – на 60 тыс. киловатт. Там напор для сегодняшней станции не важен. Там мощность напора достигает 110 тыс. киловатт. Куда может пойти эта энергия? Все это главным образом идет для будущего Риддера. Довести до 100 тыс. тонн выплавки свинца вместо 10 тыс. тонн ныне извлекаемого.

Развитие Белоусовки, Глубокой и электрификация риддерской дороги.

С Громатухами конкурирует Иртыш. Лубный – Герцик – инженер, автор Иртышстроя, Алтайгидрострой, Алтайзолото, Главцветмет – считают целесообразным строить Громатухи.

Здесь высота 600, а на Малой Ульбе 1600. Если будет пущен Иртыш, то Риддер в состоянии будет получать только 30 % энергии. Андронников предполагает 70 % дать сельскому хозяйству – это полтора Днепра. Из Главка в Москве более склонны к проекту Громатухи. Но опыт Днепра, недогрузка его, говорит, что эта энергия будет дороже. На Риддерские пойдет энергия в 110 тыс. вольт, на самих генера-

торах 6 тыс. Повыситель даст 110 тыс. вольт. Лессинг – его вредительская теория. Старания зажать развитие Риддера. 29 г. изыскать работу. 30,31 гг. не удачные, строительство жилищ, а строительства основные не осуществлялись.

Алтайгидрострой – фонд служ. 70% зарплаты передали, а 30% оставили для рабочих. На 4 экскаватора создана была специальная контора механизации. Изменение руководства в крае. Умирили в этой конторе в день по 10–15 человек. Пом. нач. строительства – после тифа пошел на поправку. Я приехал в 32 г. Первый приказ мой – создать интернат на 300 ч., пораженных и голодающих. Подвозили жижицу Пуковичского и к нему навстречу на каждые полкилометра босиком бежали голодающие. Мирзоян: характер строительства, чтобы не был паразитический, 1/1 33 г. освоено было 8% из 22% миллионов, остальная сумма шла на паразитические расходы.

Руководящий состав возглавлял тов. Горбаев. Зам. Гисен – вредитель.

По системе наркомснаба. Нач. планового отдела тоже из того же состава.

Оздоровление самого аппарата и мед. состава. Партийный совет, проф. общество были представлены начальству – секретарю парт. ячейки. В 31 г. вступил в партию и тут же секретарь. Представитель советской власти уполномоченный Бондарь – типичный пьянчужка. (Годовщина Кр. Армии, предложено ввести в президиум Тельмана).

Начальник планового отдела – как слово “буржуазия” ругается. Рачковский приходит пьяным, ругает матом. Приходит товарищ, его не пускают рабочие, он кричит Рачковскому “Коля, наших бьют”. А Коля берет стул и расправляется с публикой.

Гидростанция, клепочный комбинат и все серьезное возникли за 33–34 гг. Дорожное строительство (тоже после), если оно было бы рациональное, то не надо было бы 2 тыс. лошадей. Резолюция Иктарина – резолюция признать работу неудовлетвор. и отдать под суд. Причина 34 г. в балансовой комиссии ПКТ про деятельность признать удовлетворительной, а работу в системе признать культурной.

Кадры на Ульбе. Бывали. Кушелеков на М.Ульбе, Шихалев – создал революцию в ускорении тоннеля. В метро

щитом проходили некоторые дни 4,4½ м в тоннеле, были дни – Джеком до 4,4½ м. Прорабный состав – молодые советские инженеры. Фельдман, Байжанов, Морозов, мастер из мехцеха Тарасов. Коновалов в прошлом принадлежал к троцкистской оппозиции. Главный механик Колесников. Крупный инженер. Севенард – инженер.

В 29 г. мобилизован после учебы в партшколе по золотой промышленности. Намечался зам. пред. Ц.С.П.Х Казахстана. Случился пожар Риддера. Приехал в составе комиссии с Харитоненко.

Электролитный завод Риддера.

Тов. Алекс.

Раньше работали на цинке, сейчас готовим цинковый купорос, медный купорос. Цинковые отброшенные концентраты для цинкового купороса. Кадмий вырабатываем из картеля из дыма. Медный штейн – медный купорос 3 и три вида выработки. Из ватр жакетной печи на свинцовом заводе поставлен уловитель пыли картели. Пульпообразователь, в нем механическая агитация. Наливаем серной кислоты гр. 20–25 на литр. Присутствует в растворе солей медный раствор. Закрываем картели, начинаем врезать, мельчать. Происходят изменения. Кадмий отделяется из пыли, переходит в раствор. Сливаем в другом месте, отстаиваем. Перекачиваем в другой час, там сутки. Верхний слив раствора кадмия. Осадок первого часа, берем, добавляем крепкий раствор серной кислоты, выщелачиваем и остатки кадмия. Чистый остаток закачиваем в агитатор, даем до тех пор цинковую, пока не останется кадмия, пока он не осаживается. Цементно-кадмиевый КЭК – в виде глины, мы фильтруем, прессуем в фильтропрессе. Снова в пульпообразователь, раствор серной кислоты вращаем, нейтрализуем кислотность, получается концентрат кадмия, отстаиваем. Поступает в ванну для получения кадмия.

Растворяем кадмиевую губку, пропускаем обратно в фильтропресс. Поступает дальше в электролитную, получается катодный кадмий, на катоде электролиза садится катодный кадмий. Чистый кадмий получается еще через другие процессы.

Катодный кадмий.

Речь Соболева.

1. Құттықтау.
2. Сапар. 6 күнде 25 сағат жүрді. Бұл не қылған мемлекет?
Маршрут разделения бригады. Дружные члены бригады.
3. Келуіміз былтырғы съезден.
4. Қазір Париждегі съезд. Біздің өкілдер.
5. Қазақстан бұрын кім еді? Патша отары, Ресейдің отарлауы. Қазақ әдебиеті. Оның қуғында болуы.
6. Қазір өсіп келе жатуы. Бұрынғыны қайта жинау.
7. Біздің жәрдем – аудару. Екінші міндет – өзіміз жазу.
8. Болған жерлеріміз.
9. Қазақстан байлығы мен адамдары.
10. Метро социализмге қарайды.
11. Сіздердің ісіңізде сол алға қараған табыс.
12. Істей жүріп оқимыз, өсеміз.
13. Сол өсу саяси өсумен нық байланысты. Мәдениет керек.
14. Сіздерде Ульбада – ударниктердің ішінде хат танымайтындар.
15. Ақжал – Мүсәлі. Спекторов ісі. Жәрдем.
16. Суретті әдебиетті оқу – өмір қысқа. Дүниені тану, уақыттарды тану, елдерді тану. Өлеңдер.

1. Бүгінгі әдебиет түрлері.
2. 15 жылдық әзірлік.
3. Өндірістерде отырған жазушылар.
4. Риддерге келу. Жазамыз.
5. Сіздерде коллектив өмірі. Өсу. Интернационал мәдениет.
6. Кемшіліктеріміз – біздің шығармаларды бір жеткізе алмадық.
7. Сіздерде соны оқып, талқылап пікір айту жоқ. Біз де сын айтып, біздің шаруамызды сіздер бастауға міндеттіміз.

27 июня (вечер).

Тов. Заозереко – мы живем оторванно в горах от мира. На 15 день только получаем газету. Одна дорога Риддер – Рубцовка.

Тов. Турсунбаева – үлгі алатын жолдастар бірнеше сөздер айтты. Мен шаруадан, қараңғы қара шаруадан келдім. Білім, тәрбие жоқ жер еді. Әуелі вербаунай боп алдым. Орыс

катындарымен істедім. Бригада боп істедім. Риддерге кеп қараңғылықты, сауатсыздықты жойдым. 35-те өз білімді есіре түсіп, қазақ әйеліне қолбасшылық етуге уәде беремін. Жасасын Сталин жолдас, жасасын профсоюз басшылығы.

Бимурзин: Наши молодые писатели, от имени горняков горячо приветствуем. Мне 47 лет. Что видал при царизме, если рассказывать, много времени отнимет. Мы хоть старые, но голова наша шумит. С 31 г. мы трудились, наши рабочие перевидали много. Оставались на три дня без хлеба. Консервы, паштет получали. Но остались рабочими. Ни кулаку, ни баю не поддались. Риддер стал на ноги под руков. Духанова. Так наши дела идут хорошо, план выполняем на 100%. Будем и дальше вести так работу. Больше ничего не скажу.

Тов. Головин: Когда я приехал в 25 г., была здесь одна развалина. Был мастером мехцеха. Приехали мастера из Москвы, ушел в горцех. Все оборудование прошло через мои руки, фабрику ремонтировал обогатит.

Тов. Құдышев – әдебиет үйірмесін ұйымдастырдык. Өлкелік, не облыс одағынан жәрдем жоқ. Алтай құрылысында жатқан жұмысшыдан сәлем айта барсын. Балалар әдебиеті жоқ. Қазақстан жазушылары осыны ескерсін.

Тов. Конохов (кирпичный завод). Тов. Коротенко говорил: “Почему имеете суровый взгляд?” Верно. Я обижен проклятой старой культурой. Я рад приезду великих писателей. Тов. Соболев говорил: Казахская Республика. В прошлом угнетались, но обижен деспотией и русский народ в массе. Отец батрак, родители неграмотные. В 1906 г. я сидел в тюрьме за революционную работу. Я горд сегодня своим сегодняшним днем. В семье моей 7 ч. Неграмотные только 1½ чел., ребенок только. Цена крови ваших отцов дала теперь Риддер, и писатели приехали ценою ваших отцов в результате их борьбы. Была развалина, не было квартир, не представлял рабочим работу. Вспоминаю прошлое, моя борьба была не безрезультатна, я был в райисполкоме, Каз. Цике. Под судом, под следствием не был. Был гол, бос, но не поддавался. Но были люди, оккупировавшие нас. Компромитировали меня. Писатели, оцените труды старых рабочих. Большевицкая борьба оправдала ожидания рабочего класса. Деревня, рабочий класс раньше не могли мечтать

о культуре. Работал с 15 лет на г. Уркварта. Выливал воды на 100—150 ведер воды ежедневно. Системы капиталистические и пролетарские. Из Ленинграда писатели — это говорит о многом.

Я член ИТР, механик, но я не имею теории. Теперь мой сын будет инженером. Не было никого такого в поколении Конюховых. Нужна культура. Без культуры нет социализма.

Ораз: Область замораживает наши заказы худож. литературы. Казахский.

Колхоз “Победа”.

(В правлении колхоза беседа.)

Ягодкин Иван Игнатьевич. Колхоз начался с 23 г. 6 хозяйств (Победа). До этого с 20 года существовал кулацкий колхоз. Организаторы 6 хозяйств называли свою с.х. артель — организ. бр. Лахмановых. Так и наз. не колхоз, а братья Лахмановы. Были члены партии. Один работал в земотделе. Второй — председатель артели. Двое входили членами. Остальных принимали, выгоняли. Был колхозник Тарасов — он боролся и разоблачал эту компанию, дело доходило до Москвы. Победа пришла в 23-й год. Трактор “Форд”, 9 лошадей.

Я сам с 28 г. в колхозе. В поселке с 24 г. служил. Сейчас 212 хозяйств. Смешались основные зерновые земли 91,76 га, пахотоспособные 4105, сенокос 491, выпас 2179, усадьба 127 га, станов 5 у нас. Обслуживает нас полностью МТС. (Украинская МТС). Она на 17 колхозов. Едоков 1026 ед. школа начальная достраивается. Ясли есть, зимой родители не совсем посылают детей. Ферма, ее продукция — молоко центнеров до 9 в день. План 10,73 центнеров. Сдаем на отделение сливок здесь, а маслозавод в Украинское, 13 километров. Конферма — с прошлого года 20 маток, 5 жеребцов, 19 молодняка, всего лошадей 139, заражены с 30 г., он отнял 287 лош. Были породистые матки, орловско-кузнецкие породы. Тоже погибли.

Овцеферм с 1807 шт., 540 коров (шыбын өлердей көп, колхоз бастығы үйінде ауырып ұйықтап жатқан), 182 коровы раздали колхозникам. Сейчас у них до 300 г. Выдавали им 167 хоз. Овец раздали 97, с 33 года с конца. Лошади обоб-

ществлены. Свины есть у каждого колхозника. Свиновод. ферма, трудодней 132 т. по плану, фактически 129 т.

На трудодень в 33 г.—1 кг 60 г проса, 350 г картофеля, 1 р. 4 к.

В 34 г. — до 8 кг зерна у них пшеницы 5,400, 300 г картофеля, деньгами 63 коп.

В 35 г. — считать трудно, ориентировочно столько же будет.

В 32 г. — 83 к. деньгами, зерно 2 к. 600, карт. 450 г. Индив. огороды имеют почти все хоз. 17 гектаров. На поле сейчас общест. питание. Выделяет каждый сам. Раньше было обществ. питание. Общ. питание — столовая, зимы есть и была с 27 г. Есть пионер. отряд — 47 ч. пионеров. Работают и зимой. Лагерея на лето нет. Комсомольцев 29, членов, кандидатов партии 33 ч., советов — 5. Сейчас работают 5 бригад. Полевая и огородная одна бригада. Мастерские — сапожная, столярная, кузнечная, пимокатная, самообслуживание парт. маст. Кооперация есть. Есть фельдшерский пункт, наз. амбулатория. Есть клуб — кинообслуживание, передвижка МТС. Есть радиоузел МТС. Хотим провести по всем колхозникам радио. Проведем через неделю телефон в Усть-Кам. Купили грузовые полутоннажные из доходов 34 г. Стоит 650 центнеров.

План посевов в 27 на 28 151 десятина — 23 хоз.

На 28 — 311 десятин.

На 30 — 480 дес., сделали слияние с маленькими колхозами 105 хоз.

С 30 по 31—2080 га —186.

31/32 — 2880 га все виды.

32/33 — 4010 га пшеницы и ржи, 209 хоз.

33/34 — 3604 га.

34/35 — 3774 га — 212 хоз.

Хлебосдача 28 г. — 150 овса, 400 пшен. пуд.

29 — в центнерах — 316 ц всего.

30 — 1001 ц.

31 — 1000 ц слияние.

32 — 15401 цен. 988 мы бр. на сем.

33 г. — около 4-х тысяч семян.

34 — 5807 ц. 907 брали на семена в этом количестве.

В 32 г. мы сдавали 35% плана всей МТС. После и сей-

час – твердый план. Мы продали всего в прошлом году 2700 центнеров. Денежный оборот около 1 миллиона.

Выпускаем стенгазету. Плохо с дождем. В клубе своя библиотека и передвижка по бригадам. Литер. на 4700 р. выписывает наш колхоз.

Бригада №1. Пишен шауып жаткан жер.

Общежитие строится на 50 человек. Обеденный перерыв – отдых. Әйелдер бір бөлек, еркектер бір бөлек ұйықтайды. Әйел орындары биік нар. Еркек көпшілігі жерде. Бригадада 135 кісі. Бұл жатақ бойы салынған.

Қызыл тақтай.

Привет ударнику – позор лодырю. 28 июня.

За выполнение и перевыполнение нормы выработки.

1. Шокарева Анна.
2. Белоусов Федор.
3. Ефстратов Николай.
4. Чижаев Захар.

За срыв работы и невыход на работу.

Сагалаева Анна за неподчинение бригадиру. 26.VI-35.

26.VI–35 г.

Сагалаева газетке де жазылған. Шалқар жұмыстан өзге әйелдерді айнытып қойды. Бармайық, бізге брынза бермейді деп азғырыпты. Жұмысқа ынтасы нашар. Нормасын еш уақытта бітірмейді. Бұндай адамнан колхозшы жолдастар тазару керек дейді.

Тов. Коншин Северьян Романович с января этого года в этой бригаде. До этого был в 4 бригаде – сейчас тоже. Когда был политотдел, была бригада МТС. Малограмотный. Но нам направляли председателя колхоза.

С 1912 г. здесь.

Лахмановы отбирали крестьянские владения, земли. В ликбез не ходил, надо бы.

Семейный.

Ходоркин – денежная задолженность колхозника. Наш около 40 тыс. руб. – 634. В 33 г. колхозники должны 2700 р. в 35 – 20 тыс. руб.

2-я бригада. В районе 3 МТС. Колхозов 50. У колхоза комбайнов 40, пять из них новые. Каз. колхозы тоже зерновые. Лучший колхоз “Кедей бирлик” вне МТС, сев в этом году закончили на 28 дней раньше, чем в прошлом году, и

на 50 дней раньше, чем в 33 г. В 33 г. сеяли 75 дней, в 34 г. — 35 дней, в 35 г. сеяли всего 20 дней. Бригады имеют своих свиней.

Әйелдер бөлек жатыр. Еркектерде нарлар бар.

Газета стенная — “За зажиточную жизнь” — два-три раза повысит нормы, отправляем в правление. В бригаде 40 ч. Мужчины 10 ч., 30 ч. женщины, штук 8 остальные подростки. Из женщин лучшие ударницы Кунцова, Вологодская, утром в 6, перерыв в 2 часа, на 2 ч. Обед сразу после работы, после перерыва нач. работы в 4 до заката солнца. Ляхова была на черной доске.

— А кто ее знает за что?

— Я не прошу не черный, не красный. Из мужчин был на красном Пуктинин Нуридин.

В колхозе 24 соц.хозяйств, 2 шофера казахи. Премировать тогда всех казашек. Комитет казахов ударников 174, русских тоже. Это были откочевщики. Есть тенденции к уходу откочевщиков — товары колхозникам дают, а нам нет — говорит одна женщина, оказалось, дают ударникам колхозникам.

Жол әсерлерінен.

Алғашқы үлкен әсер еткен жер Ақжал. Бұнда бұл күнге шейін өзім бетпе-бет кездеспеген, бірақ барын естіп біліп, сезіп жүрген үлкен адамдарды, жананың адамдарын көрдім. Революция тудырған, өсірген, биікке шығарған ірі адамдар: Жанай, Ахметжан, Қарши, Шахзадалар.

Жанай мінездері: сабырлы, салқынқанды. Үні қатан, берік. Ішбір уақытта қоя берсіні жоқ. Піскенде біртүрлі қатайып, ширақ піскен. Революция арқылы қазақы, бо-сау. Металдан енді кеп тас қашайтын асыл темір суарылып, қорытылып шыққан сияқты. Ішбір нәрсенің уақытында саспайды, ақылынан, салқын сабырынан жаңылмайды. Бір күні бізді, шет қонақтарын қарсы алу. Шахтадан жаңа шығып, киімін жаңа ғана ауыстырып киіп, түймесін біз де жете бергенде салып бітіріп, ғафу өтінем деп қарсы алды. Біз отырғанда телефон дамылсыз мәслихаттар сұрап жатыр. Біресе орысша, біресе қазақша, бірақ түрлі қадалған, тез өзгеріп, тез өзін билеп, жинап алатын үнмен бәріне де кенестер, бұйрықтар, нұсқаулар беріп жатыр. Бізді қалай қарсы алу жәйін (шұғыл естісе де) өзі ойлап шешіп, өзгелерді

сол бетпен ширытып қойған. Телефонда біздің көзімізше ішбір нәрсе білдірмей: “көрісеміз, сонда айтам ол жағын” деп қойып, тұспал белгілер, нұсқаулар және береді. Бізбен жүріп аралағанда іш нәрсесін асыра мақтамайды. Мен былай істеп қойып едім демейді. Жалпы қиыншылықпен бұл рудникке бұрынғы көзқарастың теріс болғанын айтып кеп, осыны өзі тіс, тырнағымен жабысып сүйейтінін және сездіреді. Өрт. Оның бетіне телефонмен бұйрық етіп, кісі жіберіп білдіріп, жібергенде де білетін, байқайтын басты адамды жіберіп, содан кейін қауіпті болғанын естігенде, саспастан сол арада ғана ойлап, ауысу жолын тәртіпке салды. Солар барып, басқармашылыр мен барлығы іске кіріскен кезде өзі...

Ауқармапар

ПРОИСШЕСТВИЕ НА КАРАШ-КАРАШ¹

(Повесть)
(1927 г.)

Темная дождливая ночь в горах окончательно развеяла долго мучившие Бахтыгула сомнения.

“Впереди длинная осенняя ночь. Если бы мне удалось сейчас найти что-либо и отправиться без задержки обратно, то разве до рассвета не окажусь я на недостижимом расстоянии? Следы смоеет дождь. Из-за непогоды я задержался уже два дня в пути. Ехать дальше у меня не хватает сил, я иззяб. В такой дождь, по скользким горным тропинкам и конь мой не сможет успешно двигаться вперед. Неужели придется возвратиться ни с чем, неужели я должен протянуть здесь ноги от голода?” – Воровскими глазами он посмотрел по сторонам.

Знакомые места, не раз он проезжал здесь. Громады гор теснились вокруг. Казалось, сами горы, ведя человека на недоброе, так и шепчут вору: “Укради и беги, мы укроем тебя, укради”... Да, горы сами воры.

В такую долгую, темную, осеннюю ночь, когда не перестает тихий дождь, иногда кажется, что горы являются обиталищем страшных мифических великанов. Покрытые елями склоны даже на близком расстоянии кажутся черной бездной. Местами ошетилившиеся елями горы и черные отвесы каменистых вершин, сходясь вместе, образуют теснины и бездонные ущелья, подобные объятиям чудовища.

Горные дороги обычно пересекают высокие хребты. В дождливую погоду они очень опасны. Приходится проез-

---

¹ Караш-Караш – один из перевалов Заилийского Алатау (Тянь-Шаня).

жать по узенькому карнизу совершенно крутого склона гор. Иногда карниз так суживается, что на нем не могут поместиться рядом два копыта коня. В таких случаях путник надеется лишь на своего коня. Только горный конь, который еще жеребенком привык пастись по отвесным склонам и как архар скакать по каменистым тропам, может поддерживать дух в седоке.

Тихо пошевеливая крупом, ничего не пугаясь, точно и крепко ступая и живо перебирая ногами, белый конь Бахтыгула продолжает идти вперед. Кажется, он чувствует, прекрасно понимает, что сейчас на него возложена самая большая и самая тяжелая обязанность. Когда сомнения заставляют его хозяина опасаться и он слегка сжимает бока коня, белый конь, встревожившись, пристально смотрит вперед и надежным покачиванием своей спины вселяет и укрепляет уверенность в хозяине.

Они продвигаются вперед с большим трудом. Трава и дорога стали скользкими как ледяной каток и ничего на себе удержать не могут. Измученный конь скользит вниз. Даже видавшего виды крепкого Бахтыгула, не раз испытывавшего мучительные и опасные переходы, это заставляет тревожиться. Ночь так непроницаемо темна, что невозможно ничего разглядеть даже на расстоянии одного шага. Кажется, что нельзя дальше продолжать путь.

“Откуда я знаю, когда перестанет этот дождь? Если он не перестанет, должен ли я, как голодная собака, продолжать скитаться здесь?” – сказал себе Бахтыгул и, подумав, решил: “Нет. Хватит. Довольно! Куда бы ты ни пошел, все равно тебя никто не облагодетельствует. Тут нет табуна твоего отца. Что ж, если это Дон жайляу¹, а не другое. Возьму отсюда!” – с этими словами он пришпорил белого коня и стал взбираться по крутому склону справа. Со времени выезда Бахтыгула из дома прошло два дня. Запас малты² в меше³, привязанном к седлу уже иссяк. Не говоря о мучительном голоде, он с полудня даже ничего не пил. Как голодный волк в горах, не желая попасться кому-либо на глаза, весь

---

¹ Дон жайляу – название горного пастбища.

² Малта – кислый сушеный творог, сыр, при употреблении в пищу разводится водой.

³ Мес – кожаный мешок, посуда.

день пролежал в лесах Сарымсакты. Голод мучил его и заснуть он не смог. Ели от дождя не спасают: “Если дождь один раз прольет, то осина прольет два раза”¹. Он за день весь промок.

Отправляясь из дому, он не думал ехать далеко. Он намерен был в крайнем случае подкрасться к Торайгыру или к Мерке. Но трудности дороги, голод, осенние холода – все это вынудило его к тому, что он на полпути решил украсть коня из табунов своей же волости.

Но на Дон жайляу могут пастись табуны не только Шалкарской, но и Бутеньской волости. Если бы можно было выбирать, то Бахтыгул предпочел бы украсть из чужих табунов, нежели из табунов своей волости. Это было его правилом. Сегодня же все складывалось так, что он вынужден был отступить от своих правил.

Как только он направился на Дон жайляу, все сомнения, мучившие его несколько дней, постепенно одно за другим стали исчезать. Он не подумал о последствиях – как-нибудь потом выкрутится... А быть может, никто ничего не узнает, не заметит, и все сойдет благополучно. Сейчас необходимо ему достать на закол жирного стригуна или яловую кобылу, чтобы обеспечить на осень питанием исхудалых, голодающих детей и жену. Вот что важно! Вот что погнало его на белом коне в такую темную ночь. Нельзя было дальше довольствоваться только черным толокном или сухим пшеном.

Одно лишь представление о свежих казы², волнистых слоях жира, о жал³ и жая⁴ разжиревшей к осени лошади, опьяняюще действует на голодный желудок. Месяцами не видя ничего мясного в своей бедной и пустой лачуге, он невольно думает лишь о мясе. Так парящий в небесах степной орел, завидев на земле кусочек мяса, величиной с пятак, комом падает на него. Бахтыгулу во сне снились толстые, жирные казы, вкусные, жиром наполненные кишки и свежие желтые тельше.⁵ Но эти сновидения улетучились как

---

¹ Пословица.

² Казы – колбаса из цельного очень жирного куска конского мяса с ребрами.

³ Жал – жировой слой под гривой лошади.

⁴ Жая – задняя часть туши лошади, круп.

⁵ Тельше – то же, что казы, но самые жирные.

дым, разбиваясь о действительность с ее сухим толокном, приевшимся пшеном. Он был прикован к бедной, полной лишений жизни.

Одно время Бахтыгул был самым беспокойным конокрадом, но в последние годы намерен был бросить это ремесло. Но беспросветная нужда не давала ему раз навсегда отказаться от конокрадства, и хотя бы раз в году вынуждала его выезжать на добычу. Это случалось обычно в дни наибольших лишений: в раннюю зиму до согума¹ или во время согума, а потом ранней весной. В это время он не мог удержаться от конокрадства. Если покража не обнаруживалась, он ограничивался этими двумя, тремя поездками, но когда его заставляли возмещать убытки, он, как азартный картежник, отправлялся снова в дальние аулы и с лихвой возвращал себе потерянное.

Бахтыгул, свернувший на жайляу², чтобы подкрасться к табунам Бугеньской и Шалкарской волостей, и сегодня был в таком положении. Взбираясь на коричневый хребет Дон жайляу, Бахтыгул почувствовал прилив свежей силы. Усталое, измученное, избыточное тело его напряглось и приобрело ловкость. Так дикий голодный орел, обитающий на вершинах Алатау, высматривает добычу среди бесконечных скал, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз, и наконец, стремительно кинувшись на добычу, впиается в нее своими когтистыми лапами и, гордо встрепенувшись, уносится с нею в недосыгаемые горы. Бахтыгул предвкушал радости будущих дней и заранее упивался ими.

Утомленный долгой ездой, он ленился продолжать путь дальше. Если даже он доберется до намеченного места, то в темноте трудно будет найти тот аул, где он думал совершить кражу. Ему, с самых ранних лет привыкшему совершать опасные поездки, не раз выкручивавшемуся из труднейших положений, неоднократно убежавшему от погони, казалось пустяковым делом произвести кражу и в этой местности. Всегда в затруднительном положении Бахтыгул придерживался того правила, чтобы ни в коем случае не поддаваться, хитрить, сопротивляться до тех пор, пока не повалят на оба

---

¹ Сोगум – убой скота на зиму, скот, забиваемый на зиму.

² Жайляу – летнее пастбище.

плеча, пока не станет ясно, что дальше некуда деваться. Напал ли он на аул или на табуны лошадей, когда табунщики еще бодрствуют, ему всегда удавалось, выжидая вблизи, выбрать такой момент, когда легче всего поймать намеченную лошадь и незаметно угнать ее. Попавшую в руки добычу, он уже легко не выпускал. В драке он был храбрым и решительным. Был уверен в том, что на коне одному или двум противникам он не поддастся. Среди многих воров его особенно отличали сила, ловкость и храбрость, поэтому он не нуждался в товарищах и на кражи выезжал всегда один.

Оживившись, он привстал, подобрал полы одежды и сел крепче. Наступал момент, когда нужно было заботиться о том, чтобы его не было слышно. Впереди он уже заметил пасущихся между гор лошадей. Если табунщики настороже, можно немного подождать, послушать вокруг, объехать опасные каменистые места, где слышен топот копыт. Чтобы его конь, давно не видавший лошадей, вдруг, почуяв табуны, не заржал, он зорко следит за ним и натягивает повод. Не дает коню опускать голову. Подтягивая повод, не дает ему фыркать.

Привычный к скитаниям осторожный вор, подобно подкрадывающемуся к стаду овец голодному волку, подтянулся и оживился. Он уже не чувствует холода, как раньше. Теперь он чувствует себя значительно бодрее. Когда он чутко прислушивается или осматривается по сторонам, его круглое тело легко поворачивается в седле. Во всех его движениях чувствуется ловкость, быстрота и живость. Его маленькие и узкие глаза смотрят таким острым взглядом, что, кажется, он просверливает и дождь, и ночную темноту. Он видит, кажется, и то, что невозможно рассмотреть.

Он подъехал к табунам на расстояние выстрела. Тесные ряды лошадей двигались в направлении к Бахтыгулу. Слышно было фырканье сытых лошадей, ржание жеребят, стригунов и любящих свой косяк жеребцов, слышно было даже как лошади рвут густую траву. Наблюдая за лошадьми через седловину гор, он постоял значительное время. Под однообразным шумом тихого дождя в своем привычном спокойствии пасутся лошади.

Вот Бахтыгул уже видит тесные ряды лошадей. Сняв с головы шапку, он повесил ее на торчащую луку седла. На-

правив лицо к югу, а ухо в сторону табуна, он напряженно прислушивается. Пока не видно ни одного табунщика. Спят ли они или что-либо подозревают? Неизвестно. То, что лошади не разбрелись, заставляет Бахтыгула подумать об осторожности. Возможно, что бодрствующий табунщик едет вслед за лошадьми, не давая им возможности расходиться в стороны.

В этот момент на пригорке перед собой он увидел группу лошадей. Спустившись немного ниже, он приподнялся на стременах и стал присматриваться к отделившимся лошадям. Это был, по всей вероятности, отбившийся в сторону косяк. Табунщиков не было видно. Теперь темная ночь и непрерывающийся дождь должны были оказать Бахтыгулу помощь.

Стараясь не спугнуть лошадей, он стал осторожно двигаться вперед. Чтобы не быть замеченным, он приник к гриве белого коня и так направился к лошадям.

Несколько лошадей, пасшихся отдельно, стали подвигаться к остальной группе. Густогривый темный жеребец, наострив уши в сторону Бахтыгула, насторожился и заржал подобно волку, подкрадывающемуся к стаду овец, поджав хвост и опустив низко голову, Бахтыгул, подвигаясь медленно, делал вид, что это тихо едет одолеваемый сном табунщик. Медленным шагом он пробирался в середину косяка.

Вначале ему попадались на глаза мелкие лошади, стригуны и кобыленки. Темная ночь не давала ему возможности определить, какая из лошадей худая, какая жирная. Это он мог установить только тогда, если удастся очень близко подъехать к лошадям. Приехав сюда с определенным намерением, он не хотел довольствоваться мелкотой, а думал поймать крупную жирную лошадь. Забравшись в середину косяка, он увидел проходившую около него очень упитанную кобылу белой масти, как раз такую, о какой он мечтал в эту поездку.

Как будто сказав себе: “Вот то, что я ищу”, долго не задумываясь, чтобы не тратить зря времени, торопясь и не поднимая головы, как человек, запускающий сокола, он подъехал с боку и закинул на шею белой кобыле петлю шерстяной веревки.

Все лето гулявшая на свободе и не видавшая курюка¹, одичавшая, жирная яловая кобыла заржала и понеслась. Белый конь, как будто предугадывавший это, не ожидая прищпоривания хозяина, быстро подался вперед. Белый конь привычен к погоням за норовистыми лошадьми и славился своей ловкостью в таком деле. В этом случае он показал свое искусство. В противном случае дикая кобыла своим крутым и стремительным броском вперед могла вырвать из рук Бахтыгула закинутую веревку.

Кобыла долго не поддавалась, тянула вперед веревку и не останавливалась. Но Бахтыгул, метко закинувший петлю прямо на горло кобылы, и не думал ее выпускать. Чем больше кобыла порывалась к остальным лошадям, тем больше затягивалась петля и душила ее. Наконец, она обессилела и не могла уже сильно тянуть. Оглядываясь назад, она сильно натянула веревку, пытаясь освободиться, но вырваться ей было трудно. Скоро ей пришлось невольно покориться сильным рукам и, пугливо озираясь и прислушиваясь, остановиться на месте.

К этому моменту остальные лошади, сильно встревоженные, были уже довольно далеко от Бахтыгула и белой кобылы. Некоторые из них ржали, некоторые удивленно и недовольно посматривали и храпели. Бахтыгул не обращал на это внимания. Успокаивая боявшуюся кобылу, он надел на нее недоуздок и затем, ударив концом нагайки по крупу, стал поворачивать обратно. Тогда только он увидел, что к нему на расстояние вытянутой руки подъехал громадного роста табунщик. Но он молчит и не держит наготове дубину. Он случайно очутился перед Бахтыгулом. Ошеломлен ли он тем, что неожиданно встретил вора? Или он принял его за табунщика? Одно из двух.

Покуда он не закричал, Бахтыгул думал было скрыться, но, заметив это, табунщик опомнился и ухватился за чамбур белого коня.

Бахтыгул очутился в затруднительном положении. Ему показалось, что такая же петля, какой он несколько минут до этого поймал белую кобылу, теперь захлестнула его шею.

---

¹ Курюк — шест с петлей на конце для ловли лошадей.

Но табунщик показался ему странным. — “Хотя он поймал меня, но как будто боится”, — подумал Бахтыгул. Он пришпорил своего коня и с громким окриком “убери руку!” ударил табунщика по голове нагайкой. Табунщик слетел с коня. Не терявшийся в затруднительных случаях сильный вор и тут проявил свою находчивость, и это помогло ему.

Табунщик был громадного роста, но не отличался храбростью, поэтому всегда являлся предметом насмешек среди остальных табунщиков. Несмотря на то, что он уже много лет служил табунщиком у одного бая Бургеньской волости, не было случая, чтобы он когда-нибудь вступил в драку с вором. Он лишь безобидным призраком бродил среди лошадей. При встрече с Бахтыгулом он сразу не мог определить табунщик это или вор. Сообразив же, что это вор, он подъехал к нему и по своей робости решился лишь на то, чтобы схватить его за чембур. Ему даже в голову не пришло ударить вора своим укрюком. Укрюк в его руках никогда не был орудием защиты или нападения.

Робкий по природе, считая свой поступок дерзким, он легко поддался удару вора и малодушно слетел с лошади. Когда вор, вырвавшись, стал удирать, ему нужно было кричать, но он, подумав, что товарищи будут смеяться над ним, что он упустил вора из-под носа, предпочел молчать до тех пор, пока вор не скроется из глаз.

Бахтыгул, довольный тем, что минута опасности миновала, поспешил спуститься в темную долину и поскакал. Темная ночь готова была уже скрыть его.

Но оказалось, что быстро удиравшего с белой кобылой вора заметил с горы другой табунщик.

Он кинулся наперерез вору и, не получив ответа на свой окрик “Кто ты?”, закричал: “По коням! По коням!”, созывая этим на помощь своих товарищей.

В ответ на это с разных сторон послышались тревожные крики других табунщиков, ехавших тихо и одолеваемых дремотой. Не прошло и минуты, как крики табунщиков слились в один, и они с громким топотом поскакали в одном направлении.

Быстро и дружно раздавшиеся крики свидетельствовали о том, что табунщиков много и что они еще не спали. Крики и топот коней наполнили шумом дремавшие горы и далеко

повторялись эхом. Темная осенняя ночь, несколько дней непрерывно идущий дождь, казалось, и должны были вызывать такой переполох, такую тревогу и необычайный шум. Спокойно пасшиеся табуны от криков сильно встревожились. Все лето проведенные в безлюдных и диких горах и отвыкшие от людских голосов одичавшие лошади, подобно диким козам и архарам, даже днем в испуге шарахались от человеческих криков. Этот шум и крики так напугали лошадей, что они сгрудились в одном месте. Непоспевающие за взрослыми или сбитые с ног на всем скаку стригуны и жеребята падали и кубарем катились вниз. Завидев упавших и не понимая в чем дело, косяки лошадей шарахались в разные стороны как от удара молнии, в неопишемом ужасе ржали, храпели, фыркали и никак не могли успокоиться.

Но табунщики этим не интересовались. Заслышав первый крик, они сами беспрестанно кричали и скакали в том направлении, откуда послышался крик, но никого не нашли, даже табунщика, закричавшего первым. Никаких признаков его существования. Не было слышно и криков о помощи. В горах легко заблудиться. Вор, успевший спуститься в долину, если он знает местность, легко скроется из виду. Такая особенность гор табунщикам известна. Поэтому осмотрев несколько ближайших ущелий, табунщики громкими окликами разыскивали друг друга и недоуменно спрашивали: “Что случилось? Что же произошло? Кызынды!..”¹ Ругаясь самой отборной бранью, они принялись выяснять обстоятельства дела. “Кто видел? Кто первый закричал о помощи?” – сыпались со всех сторон вопросы и, наконец, установили, что среди них нет старшего табунщика. Оказалось, что первым закричал он.

Не задерживаясь долго, они направились к тому месту, откуда послышался первый тревожный крик о помощи, раздавшийся в дремоте ночи. С шумным говором, ругаясь самыми непристойными словами по адресу неизвестного человека, то и дело повторяя “кызынды”, они стали разыскивать старшего табунщика Жамантая. Они подъехали к тому перевалу, через который скрылся табунщик. Разойдясь, они громко стали окликать Жамантая.

---

¹ Кызынды – грубая ругань, адресованная к дочери противника.

В этот момент с подножья горы послышались стоны человека. Услышавшие первыми созвали остальных табунщиков и все стали прислушиваться. Снова повторились тяжелые стоны раненого человека. В темную непроницаемую ночь с большим трудом один за другим они спустились вниз.

В темноте не видно коня Жамантая. Осторожно спускаясь, они увидели, что внизу на карнизе каменистой горы кто-то шевелится. Подъезжая, они опять услышали стоны: стонал переворачивавшийся с боку на бок человек.

Они окликнули Жамантая. Но кроме невнятных стонов ничего не услышали. Лежит, видимо, один человек. Кто он, неизвестно. Дальше уже нельзя было спускаться на лошадах: крутой, каменистый и черный спуск. Некоторые табунщики слезли с лошадей и, скользя в больших казахских сапогах, осторожно спустились вниз. Подойдя к лежавшему человеку, по серой шапке они узнали Жамантая. Табунщик, который первым подошел к нему, хотел было приподнять его голову, но, дотронувшись, сразу почувствовал сочившуюся теплую кровь. Он в испуге вскрикнул “Что с ним? Он весь в крови!” Остальные его товарищи тоже сильно встревожились. Жамантай со стоном начал приходиться в чувство.

Произошло с ним вот что.

Завидев верхового, имеющего на поводу другую лошадь и вырвавшегося из рук табунщика, Жамантай сразу понял, что это чужой человек. Он закричал о помощи. Взяв на изготовку свой укрюк, он с криком поскакал наперерез вору. Но две стремительно спускающиеся с горы лошади при столкновении с конем Жамантая, скачущим поперек, неминуемо должны были его свалить. Жамантай не предусмотрел этого и не приготовился. Столкнувшись на всем скаку с вором, он успел только раз ударить его укрюком. Но удар его на очень близком расстоянии оказался нечувствительным для вора, так как укрюк попал не концом, а серединой. В этот самый момент конь Жамантая, сбитый белой кобылой, бывшей на поводу, споткнувшись, покатился вниз. Конокрад, у которого не было дубины, завидев скачущего к нему верхового, вынул из-за пояса кистень и держал его наготове. Когда Жамантай, успев ударить только один раз, стремительно покатился вниз вместе со своей споткнувшейся лошадей, едва удерживаясь за луку седла, вор метко

ударил его кистенем по затылку. Хотя удар был дан на ходу и второпях, но оказался рассчитанным, крепким, очень тяжелым для Жамантая.

В этот момент споткнулась его лошадь и, перелетев через ее голову, кубарем покатился вниз и Жамантай.

Избавившись от второй опасности, Бахтыгул не спеша разыскал дорогу и быстрой рысью повернул за каменную глыбу. Он скрылся в еловых лесах.

Жамантай упал и отстал. Остальные табунщики, хотя и громко кричали, но ушли в другом направлении. По этому Бахтыгул, как волк, освободившийся от нападения многочисленных собак, довольный собой, тихой рысцой направился восвояси.

Теперь он уже был твердо уверен в том, что, если бы даже погнались за ним все табунщики, он все равно сумеет от них скрыться. В такую непроницаемо темную ночь да еще в еловом лесу можно сбить со следа любого, даже преследующего по пятам.

Путая следы, он направлялся то в одну, то в другую стороны и, наконец, выехав на дорогу, остановился и прислушался к тому, что происходит позади. До этого времени он не мог как следует рассмотреть украденную лошадь. Теперь он, осторожно погладив, пощупал ее жал. Под щетиной стриженной гривы он прощупал толстый слой жира. Довольный этим, он произнес: “Жануар”¹. Боясь, как бы не сглазить ее, он поплевал на кончики пальцев².

Потратив много времени на розыски своего товарища, табунщики поняли, что теперь бесполезно гнаться за конокрадом. Некоторые неопытные молодые табунщики поскакали было в разные стороны, чтобы разыскать вора, но никого не нашли. Они не услышали даже отдаленного топота его коня. Табунщики подняли Жамантая и посадили его на коня. Позади сел другой табунщик, чтобы поддерживать его. После этого табунщики помогли встать и коню Жамантая, который продолжал лежать, будучи не в силах без помощи людей подняться на ноги. Все направились в сторону табуна. Жамантай о себе многого рассказать не мог. Он еще

---

¹ Жануар – ласкательный, “любовный” отзыв о животном.

² По мнению суеверных людей, это спасет от дурного глаза.

не совсем пришел в сознание. От беспрестанно сочившейся крови он сильно ослабел.

Бахтыгул тем временем спешил домой. Добравшись до соснового леса, где скрывался днем, он посмотрел на небо. Он хотел было установить, сколько осталось времени до рассвета, но ничего не мог узнать. По-прежнему тихо шумит дождь. Небо по-прежнему непроницаемо темное. Ничего невозможно разглядеть. Если что-либо и видит Бахтыгул, то это объясняется лишь остротою его зрения. Но местность ему знакома. Он не заблудится здесь. Он решил до утра продолжать путь. С этим намерением он слез с коня, ослабил подпруги и, приподняв седло с потником, дал отдохнуть спине коня. После этого он не спеша оседлал коня, крепко подтянул подпруги и покрепче уселся в седле. Ему теперь предстояло ехать все время под уклон. Белый конь его успел отдохнуть и набраться сил. Бахтыгул, держа добычу на поводу, пришпорил своего коня и стал быстро удаляться от елового леса...

II

Аул Бахтыгула находился на расстоянии дневной езды от места его последней остановки. Его одолевал сон, т.к. он не спал уже несколько дней. Усталое тело его требовало отдыха, но он решил довести дело до конца. Поэтому, преодолевая усталость, быстрой рысью он ехал до утра. Теперь он находился в местности, где много зимовок. Можно было попасться на глаза людям. Он свернул в сторону и продолжал путь среди гор и по опушке ялового леса. Отдохнув дорогою только один раз, на следующий день, после полудня он подъехал к месту, где среди высоких гор стоял его одинокий двор.

Хотя в бедный аул Бахтыгула, состоящий только из одного двора, почти никто не приезжал, все же прямо направиться к нему с уворованным животным было опасно. Это было не в его привычках. Поэтому только крепко и надежно привязав белую кобылу в трудно доступных горах позади аула, он подъехал к своему дому.

Краснощекая, смуглая Каракатын в рваной одежде кипятила для детей чай. Семья еще не переселилась в зимовку и жила в черной, дырявой юрте, поставленной около зимов-

ки. Детей было трое. Старший девятилетний смиренный Сеит, другой пятилетний Смагул, третий еще грудной ребенок.

Возвращение Бахтыгула оживило бледных, озябших и исхудалых детей. Высокого роста, крупного телосложения, несколько угловатая жена его знала все затаенные мысли мужа. Она встретила его с широкой улыбкой на лице.

Бахтыгул тоже с чуть заметной улыбкой на лице, перешагнув через кучу дров перед дверями юрты, медленно прошел на почетное место юрты. Но, не присаживаясь, посмотрел на хорошо горящий огонь и как бы желая скорее использовать его для какой-то своей надобности торопливо сказал: “Как хорошо горит огонь. Нет ли готового чая, жена?”

Она подошла к мужу и стесненно пробормотала: “Есть ли что-нибудь? Или вернулся ни с чем?” Вместо прямого ответа Бахтыгул сказал: “Скорее приготовь чай. У меня есть работа”.

В таких случаях они понимали друг друга с полуслова. Посматривая то и дело на брови мужа, Каракатын подала ему чай с тем, что оказалось дома.

У нее было немного масла, накопленного маленькими ложечками за все лето от их единственной коровы. Пошарив в кебеже¹, она достала из старого желудка это масло и подала его мужу. Иногда, вставая что-либо достать или разливая чай, она старалась задеть мужа своим теплым телом.

Дети были довольны тем, что с возвращением отца в доме стало уютнее. Ничего не зная, они были довольны тем, что родители сидят с сияющими лицами и то и дело улыбаются. Им становилось веселее. Игры детей, безобидное недовольство младших старшим и все это украшало семейную жизнь.

Бахтыгул про себя думал: “Нужда заставляет это делать. Как можно вытерпеть, когда дети сидят голодные и зябнут, а жена, осунувшись от голода, не может не сердиться”. Бахтыгул торопился приняться за работу. Он выпил только три-четыре кисе² чаю и, опрокинув кисе, оделся снова и встал.

---

¹ Кебеже — деревянный сундук для хранения продуктов: масла, мяса, сыра.

² Кисе — фарфоровая чайная чашка.

Он не имел привычки много распространяться о том, что происходило в стороне. Характер у него был скрытный. Верный своему характеру, он только сказал жене, чтобы она через некоторое время пришла с мешком, и вышел.

Дети ничего не знали. Согревшись около огня, они смеялись, толкали друг друга, вырывали из рук друг у друга, возились, иногда ударяли друг друга, сердились и так продолжали играть.

Убрав посуду, Каракатын не могла усидеть на месте. Желая поскорее увидеть и принять участие в разделывании приведенного животного, она закинула на плечо почти новый полосатый мешок и вышла. Уходя, детям крепко-накрепко она наказала: “Не уходите из дому, следите за огнем. Если кто-либо придет, то скажите, что мама ушла собирать кизяк, а папа – на охоте”. Жена Бахтыгула знала, куда надо идти в таких случаях. Она пришла в середину знакомых каменных гор, через удлиненную крутую седловину каменной глыбы и у подножья стеной возвышающейся скалы увидела мужа, разделывающего большую сивую кобылу.

Кобыла лежала на спине, подняв вверх ноги. Алая кровь сочилась из перерезанного горла. Каракатын давно не видел ничего подобного. Это показалось ей давно забытой красотой, похожей на приданное невесты. Она повеселела. Бахтыгул один заколол кобылу и поспешно сдирал кожу.

Этот защищенный от всех угол среди каменных глыб издавна был для Бахтыгула местом, где он колол краденый скот. Все украденные им животные здесь находили свою смерть. Каменные глыбы сгрудились, как недоступный скотный двор. Раньше, видимо, это место было дном какого-нибудь озера. Человек сюда попадал лишь через одну седловину. Вокруг возвышаются прочной и надежной стеною каменные глыбы. Потайной и недоступный уголок. И дальше этой котловины местность надежная. Вокруг все загромождено каменными глыбами. Нет ни одной тропинки между ними. Даже специально разыскивающий котловину человек едва ли сможет ее разыскать. Со стороны вся эта местность казалась совершенно одинаковой – она поражала человека своим однообразным беспорядочным нагромождением каменных глыб. Даже спускающийся с гор человек мог добраться сюда лишь по одной извилистой малозаметной тропинке и

то лишь только, если он хорошо знал ее. Тропинка раздваивалась и могла увести в другую сторону.

Среди камней, в разных местах виднелись следы заколотых в прежние годы животных. Здесь попадались свежие и старые кости, пепелище прежних костров. Соблазняясь свежим мясом, Каракатын разводила костер из можжевельника и, начинив кусок свежей печени жиром или просто кусок печени, бросала в огонь, и, не дожидаясь даже, когда мясо прожарится, лакомилась им. Пепелища старых костров — лучшее доказательство этой привычки Каракатын.

Уже давно не была она в этой котловине. Все лето Бахтыгул не выезжал на добычу и заставлял ее голодать. Через высокую седловину она перепрыгнула как мужчина. Не распространяясь о многом, она сразу начала помогать мужу. В руках у них чувствуется какая-то торопливая дрожь, будто их кто-то торопит: “Скорей-скорей!”

Иногда они перебрасываются словами: “Оказывается, очень жирная,.. дай бог, чтобы все прошло благополучно”. Когда содрали кожу и распорол брюхо, жена особенно усердно стала помогать Бахтыгулу в разделывании туши. Не отставая от него в этой работе, она между делом развела около камня маленький костер и по обыкновению засунула в огонь кусок печени и даже два кусочка жирного мяса. Хотя Бахтыгул и подумал, что кто-либо, быть может, заподозрит неладное, увидев дым, но не сказал жене, чтобы она не разводила огня. Он тоже хотел есть. До захода солнца они закончили разделывание кобылы. Необходимое на первые несколько дней мясо разрезали на куски и положили отдельно, а остальную тушу, не разрезая на части, завернули в кожу, потом запрятали в известную только им одним маленькую пещерку, а вход завалили большим камнем. С полным мешком мяса в сумерках они пошли домой.

Возвращаясь, Каракатын всю дорогу то и дело оглядывалась по сторонам. Она спешит, даже высморкаться нет времени, но в то же время боится, как бы кто-нибудь не услышал шагов по камням, поэтому хочет идти тихо. Если ей что-либо надо сказать мужу, она говорит шепотом с улыбкой на лице.

Казалось, настал момент, когда Бахтыгул может отдохнуть после стольких тревожных и беспокойных дней. Он

молчит, улыбаясь из-под густых черных усов. Перед ним, весело шагая, идет его жена. При виде стройной и крепкой ее спины он с теплым чувством склоняется к ней.

Вернувшись домой, жена торопливо приготовила маленький котел, повесила его над горящим можжевельником, опустила в него тельше, сердце, несколько больших кусков жирного мяса, кусок жала. Она беспрестанно переворачивала и дрова, раздувала огонь, не забывая между делом подбрасывать туда куски печени и кормить ими детей. Сеит, несмотря на то, что все лето не видел столько мяса и другая пища ему давно приелась и надоела, все же не выказывал большой радости. Почему-то этот мальчик держался в стороне, не принимал участия в радостях отца и матери, в веселом или грустном настроении родителей. Иногда, несмотря на то, что родители сидят хмурые, сердитые, он был особенно весел и уходил играть, а в тех случаях, когда родители бывали веселы он, наоборот, чувствовал себя подавленным, становился угрюмым, молчаливым и апатичным. Когда он бывал в таком настроении, его не интересовало обилие и многообразие приготовленной для него пищи. Как бы не в силах быть веселым, он угрюмо посматривал на родителей.

В полдень, в момент возвращения отца, он был очень веселым. Вечером, когда стали варить мясо, а мать стала очень разговорчивой, веселой, то и дело ласкалась к отцу и ласкала детей. Сеит лишь изредка сдержанно улыбался. Казалось, что он был недоволен легкомысленным поведением матери.

Измученный трехдневной беспокойной ездой, Бахтыгул сегодня в кругу семьи, около ярко горевшего огня начал испытывать блаженство отдыха. На дворе холодная осень, все в природе съеживается и мерзнет. А он, вдыхая приятный запах конского мяса, варящегося в черном висячем котле, согревшись у огня и успокоившись после стольких тревожных ночей и дней, похрапывал в приятной дремоте. Холод, голод, усталость измучили его. Все это быстро сказалось, когда он очутился в домашней спокойной обстановке.

Продолжая слушать рассказы своей жены, лаская свою маленькую дочь, укрывая ее полой короткого полушубка, прижимая к себе, он поминутно засыпал и тут же просы-

пался. Каракатын поддерживала сильный огонь под котлом. Она торопилась скорее сварить мясо, чтобы накормить усталого и измученного мужа.

И Бахтыгул желал скорее в кругу своей семьи наесться досыта вкусного мяса, потеплее укрыться и спокойно и крепко заснуть.

Прошло довольно много времени. В маленьком котле мясо уже сварилось. Каракатын зажгла коптилку, налила теплой воды в чайник и разбудила дремавшего мужа, чтобы тот вымыл руки. Сидевший в полном забытии Бахтыгул с трудом отогнал одолевавший его сон. Глаза его покраснели и, как бы состязаясь со светом огня, перед ним горели красными искрами. Он страшно устал и его клонило ко сну, но вспомнив про черный котел и вкусное свежее мясо, он сразу скинул с себя всю давившую его тяжесть. Когда он сидел и дремал, он чувствовал спиной осенний холод, пробивавшийся снаружи в юрту. Согнувшись и расправив плечи, он почувствовал прежнюю свежесть. Он взял лежавший под изголовьем длинный, черный, острый нож, чтобы крошить мясо, и пальцем левой руки попробовал остроту его лезвия. Нож был острее бритвы. Но он все же два провел им по голенищу своего сапога и затем, наклонив стоявший около огня чайник, обмыл теплой водой.

Жена его, сняв с огня котел, собиралась переложить мясо в деревянное блюдо, Бахтыгул держа черный нож в руках, несколько раз проглотил слюну. Оставалось подождать только несколько минут, пока будут поданы на блюде вкусные, клубящиеся паром куски мяса.

Но в этот самый момент их серая собака и два чернопегих щенка шумно залаяли в сторону, противоположную дверям юрты. Каракатын испугалась и, безотчетно подняв вверх поварешку, обернулась к мужу.

Встревоженный и озадаченный неурочным упорным лаем собак, Бахтыгул приподнялся и стал прислушиваться. К его юрте с громким топотом, шумно волоча по камням дубины, приближалась большая группа верховых.

— Беда!.. Закрой котел, — сказал он жене. Каракатын, не разыскав крышки, накрыла котел полосатым мешком, лежавшим под ней, и, опустив поварешку в ведро с водой, присела на голую землю.

Из недостаточно прикрытого второпях мешком котла продолжали подниматься клубы горячего пара. Она даже не заметила этого.

Семья не успела опомниться, как верховые быстрой рысью подъехали к самым дверям, соскочили с коней и ввалились в юрту. Все они имели грозный и холодный вид. Оказалось, что это джигиты аула Козыбак Бургеньской волости, расположенного в 30–40 верстах от аула Бахтыгула. Аул Козыбак состоял из крепких байских хозяйств. Всех их Бахтыгул знал. Там было четверо богатых братьев, имеющих многочисленных родственников. Они держали в руках все окрестное население. Никто не смел и дотронуться до их имущества и многочисленных стад. Во всей волости это были самые богатые и знатные баи.

Сердце Бахтыгула екнуло. Тавро белой кобылы не походило на тавро этих баев. Он был очень доволен тем, что в его руки случайно попала кобыла с неизвестным ему тавром. Он думал, что эта кобыла не принадлежит тем баям, которых он больше всех боялся. Этим он сам себя успокаивал.

“Неужели я попался в их кровавые руки?” – встревожился он. Но верный своему старому правилу, которое он всегда применял в опасных случаях, а именно: ни в чем не сознаваться, все отрицать, – он и на этот раз решил придерживаться испытанного правила.

Стараясь ни чем себя не выдать, он принял вид совершенно спокойного человека. Будто удивляясь неурочному приезду этих мирз, он важно и тихим голосом ответил на их приветствие. “Откуда едете?” – задал он им вопрос.

Несмотря на то, что к этому моменту вошедшие первыми уже заполнили маленькую юрту, в нее продолжали втискиваться один за другим все новые люди: табунщики ли, бедняки ли, батраки ли, целая орава избыбших молодых джигитов. Последним вошел высокий рыжий мужчина с козлиной бородой и узкими глазами. Непристойно ругаясь, расталкивая стоявших на пути джигитов, он прошел вперед и, не поздоровавшись с Бахтыгулом, окинул подозрительным взглядом всю внутренность юрты. Почувствовав запах мяса, он сел рядом с Каракатын и развязно прислонился к ней. Она продолжала неподвижно сидеть на корточках около котла с мясом. Раньше этот джигит был знаком с семьей

Бахтыгула. Посмотрев на сидевшую подавленную происшедшим женщину, он бесстыдно улыбнулся и мигнул глазом.

Ворвавшихся в юрту людей возглавлял низкого роста черный джигит в украшенном серебром поясе, с торчащими черными усами и задранном кверху носом. Он сразу приступил к делу:

— В горах на наши табуны напал вор. Он угнал белую яловую кобылу и разбил голову табунщику Жамантаю. Нечего много разговаривать. “Потерявший может обыскать даже родную мать”. Следы двух лошадей привели в эту долину. Верхового на белом коне, который вел на поводу белой же масти лошадь, сегодня в полдень видел пастух соседнего аула. По словам пастуха, верховой въехал в леса, находящиеся позади этого аула. Спустя некоторое время он увидел дым за двором Бахтыгула среди каменных глыб.

Заподозрив недоброе, пастух обо всем этом рассказал в своем ауле. Здесь, кроме Бахтыгула, никого заподозрить нет оснований. Видно, в темную ночь ты попал в наш табун нечаянно. Животные говорить не могут. Мы не говорим, что ты намеренно украл у нас, верни же нашу кобылу, — закончил он и уставился на Бахтыгула.

Всегда потерпевшие с такими словами приезжают к вору. Но здесь было видно, что эти люди ни в малейшей степени не сомневаются в том, что их кобылу украл именно Бахтыгул. Каракатын раньше мужа начала кричать и огрызаться. Никто не обратил внимания на ее слова. Лишь рыжий джигит, сидевший рядом с ней, указал ей на котел и сказал: “Молчи”.

Бахтыгул не растерялся. Теперь он знал, как держать себя. Воровство обнажурено. Но, если поддаться этим, то они все заберут, ничего не оставят из бедного имущества Бахтыгула. Лучше сознаться не перед этими людьми, а перед другим, более влиятельным человеком. Пусть приговор произнесет посторонний бай, хотя он, конечно, не станет жалеть бедняка, и нужна будет большая взятка. С этим, несколько не изменяя первоначального деланного спокойствия, Бахтыгул заявил: “Был ли когда случай, чтобы я крал у тебя хоть одну голову скота? Сколько раз ты обнаруживал у меня краденое? Когда кругом все спокойно, ты хочешь очернить меня. Не

удастся это, раз я не виновен! “Если собака имеет хозяина, то волк имеет бога”, – говорит пословица. Ты не видишь крови в моей юрте, след не привел ко мне. У тебя нет свидетеля. На основании болтовни какой-то собаки со стороны, как можешь ты обвинять меня? Ты, конечно, рассчитываешь на свою силу и влияние. Но бог на стороне невинного! – закончив так, Бахтыгул принял угрюмый вид. Потерпевшие, полагая, что он все же сознается, пробовали спорить с ним, но Бахтыгул не сдавался, не поклонился им в ноги, а упорно стоял на своем и даже стал им говорить дерзости. Черный джигит, озлобленный кражей его кобылы, тоже ни в чем не хотел уступать одиноко стоявшему двору вора. Он угрожал, сердился и возвышал голос.

Поняв, что из таких пререканий ничего не выйдет, Бахтыгул наконец заявил: “Если, по-вашему, я виновен, так ведь я в ваших руках. Если не веришь моим словам, то давай завтра объяснимся перед любым человеком по твоему выбору, пусть он решит, виновен я или нет. Ты обвиняешь меня. Мы оба сегодня не сможем объясниться и понять друг друга. Из-за твоих оскорблений и криков я не упаду к тебе в ноги. Если добром хочешь разрешить вопрос, то это только я и могу сказать”.

В этот момент сидевший ниже рыжий джигит, приподняв несколько голову, произнес: “Бахтыгул, лучше признайся! Для чего тебе искать доказательств в стороне? Откуда же ты достал вот это свежее конское мясо в котле, которое таким острым запахом щекочет обоняние? Зачем ты отпираешься? Как ты можешь еще оправдываться?” С этими словами он поднял маленький черный котел и поставил его посередине всех собравшихся, сорвав с него полосатый мешок.

Потом обратился к Каракатын: “Поддай блюдо, это ведь мясо нашей кобылы, разве нам нельзя его есть? Давайте, мойте руки”, – предложил он своим товарищам.

Каракатын зло крикнула: “Нет, наше мясо”, но все же подала блюдо. Рыжий джигит начал вынимать мясо из котла.

Джигиты, посмеиваясь и потрунивая друг над другом, помогли ему выложить все мясо на блюдо, окружили его со всех сторон, быстро разобрали мясо по кусочкам и начали есть.

Они даже не пригласили Бахтыгула. Каракатын гневно посматривала на них и чмокала губами. Опомнившись, Бахтыгул вздумал было заговорить, но никто его не стал слушать, все продолжали есть мясо. Не сомневаясь больше в виновности Бахтыгула, они, наоборот, начал высмеивать каждое его слово.

Покончив с мясом, черный джигит властным и грозным голосом обратился к Бахтыгулу: “Покажи свой сарай! Будем обыскивать. Если я тебе оставлю хоть небольшой кусочек мяса этой кобылы, то пусть пропадет мое имя. Все мясо забери с собой. Сознаться же, пока жив!”

Услышав гневные слова черного джигита, все в юрте насторожились и замолчали.

Усталый, голодный, измученный Бахтыгул старался сдерживать бушевавшие внутри гнев и ярость. Эти слова окончательно взорвали его. С самым суровым видом уставившись на сидящего рядом черного джигита не мигающими, кровью налитыми глазами, он решительно произнес:

– Не зазнавайся, мирза! Не говори лишних слов. Не запугаешь меня. Я не боюсь твоих неуместных наскоков. Запомни это! – не успел Бахтыгул закончить своих слов, как глава джигитов с самой отборной руганью начал хлестать его своей желто-полосатой нагайкой по голове.

Это было такое издевательство, какого Бахтыгул никогда не испытывал. Жена и дети его, испугавшись, подняли страшный крик. В особенности задел Бахтыгула душераздирающий крик перепугавшегося Сеита, который все время сидел весь бледный, в ожидании чего-то страшного.

Бахтыгул решил умереть, сопротивляясь, он в один миг вырвал нагайку из рук джигита, вскочил с места и с молниеносной быстротой раза три-четыре ударил джигита его же нагайкой.

Но это оказалось последним решительным действием Бахтыгула, последним проявлением его энергии. В следующую секунду на него бросились человек двадцать врагов, как град посыпались удары ногайками и кулаками и упал навзничь, как срубленный. Его пинали ногами, хлестали нагайками, осыпали самой отборной бранью. Они были беспощадны, удары и пинки острыми как камень каблуками сыпались на его голову, грудь, на все тело, в глазах его

вспыхивали огни, как сверкающие одна за другой молнии. Он чувствовал это всего несколько мгновений, дальше ему показалось, что он падает в бездонную бездну. Он погрузился в какое-то небытие. В последний миг перед его глазами вспыхнул яркий сильный свет и тут же потух. В эту секунду ему показалось, как что-то острое, как тонкое стальное шило кольнуло в лоб. Это было последнее, что он почувствовал. Потом была такая жуткая темнота, как будто потушили свет в непроницаемо темную ночь, как будто его поглотила темница.

Бахтыгул не знал, сколько времени это продолжалось; он очнулся и прежде всего почувствовал страшную головную боль. Уже рассвело. Шумит тихий дождь. Все внутри юрты имеет серый безжизненный цвет. Открыв со стоном глаза, он увидел: около, наклонившись, сидит жена и не отрываясь смотрит на него. Ее вид лишен всей вчерашней теплоты. Она кажется совершенно бесчувственной и подавленной. Смотрит тупыми глазами и молчит.

Кровь с мужа она недостаточно смыла. Лицо Бахтыгула во многих местах посинело. Глаза опухли. Голова разбита. Из раны на голове все еще сочится кровь.

На полушубке видны застывшие капли почерневшей крови. Сеит плачет. С каких пор он плачет? Почему он плачет?

Ночные гости исчезли.

Жена рассказала, что, расправившись с Бахтыгулом, они, запугав ее, выпытали, где спрятано мяса. Обшарили все углы сарая и двор. Вчерашнее мясо, то, которое принесли в мешке, было развешено под потолком овчарни. Они разыскали и забрали его.

Из боязни она рассказала им также о мясе, которое было запрятано в камнях. Только недавно, уже на рассвете, они нашли это мясо и вместе с кожей увезли с собой. “Это наша белая кобыла” — установили они по коже. “Только что вот приходило двое, — продолжала рассказывать Каракатын, — и, посмотрев на тебя, сказали: “Нет, он не умрет, он спит”. Потом подъехали и остальные и, посоветовавшись между собою, в возмещение убытка за кобылу увели к себе белого коня, а в наказание еще и последнюю нашу корову!”

Как будто не удивляясь ничему этому, Бахтыгул молча выслушал и спорил:

Что сделали с мясом?

И мясо все забрали, ни одного кусочка не оставили. “Вас жалеть никак нельзя” — заявили они. Чего хорошего ожидать от проклятых? Разве не безбожники они? До полусмерти напугали они меня. Обобрали, разорили нас до тла. Пусть будут прокляты они богом, бесчувственные! — сказала она и тяжело вздохнула.

Аул Козыбак, пользуясь своей силой, явился в одно время и истцом, и судьей. Он взыскал с Бахтыгула убыток и сам же определил наказание — забрал корову и все мясо белой кобылы, не оставив ни одного кусочка. А сверх этого побои, разбитая голова, алая кровь, покрывшая все тело и одежду. В присутствии детей и жены избили, издевались, пинали. Горя от позора, возмущенный издевательствами, Бахтыгул перевернулся на другой бок и тяжело вздохнул. Слишком тяжелое наказание за одну кобылу. Бахтыгул не сможет вернуть ничего с аула Козыбак. Это он хорошо знает. Этот богатый и злой аул не даст себя в обиду. “Неуслышанная просьба — оскорбление для человека”, — так лучше молчать. Нет у него родственников, сторонников, которые могли бы защитить его. Если бы даже он был прав, все равно из боязни они не смогли бы сказать ни слова против этих баев. Не только родных нет у Бахтыгула, нет вокруг никого, на которого он мог бы опереться. Все окружающее население принадлежит к другому роду. Род Бахтыгула беден и малочислен — меньше двадцати дворов, и те в разных аулах. Кроме прокопченных черных дырявых юрт у них ничего нет. Какую помощь могут оказать эти бедняки, кто будет слушать их? С ними считаться? Были ли дни, когда бедняк признавался хорошим человеком?

Все его сородичи, все до единого работают у баев пастухами и находятся на положении полурабов. Они не имеют даже небольшого клочка земли. Бахтыгул, не желая разделить их судьбу, в своей жизни много трудился, чтобы стать независимым от баев. Он был энергичнее, решительнее своих родственников. Если бы он принадлежал к сильному роду, имел многочисленных сородичей, то, без сомнения, он был бы, если не первым, то во всяком случае одним из

влиятельных и авторитетных людей. Так он был и умен, и красноречив.

Человек должен иметь многочисленных сторонников. В противном случае его кто угодно может обидеть. Он будет всегда одинок. Чужой... Все это с малых лет давило Бахтыгула. Казалось, что это веление рока, которого не изменишь. Бахтыгул готов был на все, лишь бы быть независимым. Лучше стать конокрадом, но не подвергаться оскорблениям, унижениям, не быть чьим бы то ни было рабом, ни о чем не просить никого. Так хотел он строить свою жизнь.

Со стороны казалось, что он достиг своей цели. Много лет он жил, никого не боясь, наоборот, его побаивались люди. Он приобрел и некоторое состояние, купил у одного хозяина небольшой клочок земли и построил себе зимовку. Но позже влиятельные люди в аулах стали смотреть на него косо. Чтобы заставить его покориться, они начали поднимать разговоры о нем на съездах биев¹, преследовать его, стремились осудить его, и он был вынужден дать обещание прекратить конокрадство и подарить нескольким биям и волостному управителю по коню, чтобы избавиться от преследований.

Потому-то в последние годы он прибегал к скотокрадству лишь тогда, когда его гнали голод и у него не было иного выхода. Но что же вышло? Воздерживаясь столько времени, как человек, который держит уразу², отказывая себе и семье во всем, он теперь сам стал причиной этого позора. Теперь, когда он, человек из одинокого двора рода сары среди белого дня заколол украденную из аула Козыбак кобылу, не избавиться ему от любых обвинений и шума вокруг его имени... Волостной управитель и бии начнут его преследовать. То, что он перенес, лишь капля того моря несчастий, которые его ожидают. Впереди его ждут всяческие обвинения, лишения, по сравнению с которыми поблекнут перенесенные обиды. Даже в случае совершенной безвинности его осудили бы бии. Они сделали бы это хотя бы для того, чтобы оправдать собственных воров. Его ожидает тюрьма,

---

¹ Бий — судья, назначаемый русскими властями, но судящий по обычному праву.

² Ураза — пост.

готовая проглотить как дракон, тюрьма черной, позорной смерти.

Бахтыгул, представив себе это, тяжело вздохнул. Совершив в своей жизни множество преступлений, он никогда не думал, что дело может закончиться тюрьмой, всегда отгонял от себя такую мысль. Тюрьмы он боялся как страшного чудовища и даже мысленно не мог представить себе возможности этого. Много опасностей подстерегают воров на каждом шагу, тюрьма для них — лишь одна из этих опасностей. Бахтыгулу же тюрьма казалась хуже и страшнее смерти. Почему он так боялся тюрьмы — неизвестно. Может быть, потому, что на своем пути он встречал всевозможные опасности, но никогда не испытывал страха. Тюрьмы он не знал и трепетал даже от ее имени.

Теперь он ясно себе представил, что его ожидает. Ему казалось, что тюрьма, как баба-яга подкарауливает его, готовая поглотить и сгноить в своих сырых темных подвалах, за черными чугунными дверями. Подобно тяжелому недугу тюрьма имела в его глазах какую-то непонятную силу. Он дрожал как трусливый заяц при мысли о ней.

Подумав о том, что кроме тех издевательств, которые он перенес ночью, завтра же эти враги могут безжалостно довести его беззащитную голову до тюрьмы. Бахтыгул содрогнулся и готов был отказаться от всех благ на свете.

Считая весь род человеческий, всех людей своими заклятыми врагами, он злобно проклинал их: “Погибли бы все они, нашел бы на них мор, объял бы всех их пожар, поглотила бы земля!”

Перевернувшись на другой бок, он решительно заявил: “Перестану воровать. Чего могу я ждать от воровства, которое довело меня до такого унижения? Довольно. Я сам виноват во всем. Теперь надо найти человека, на которого я мог бы опереться... Мне необходима защита, хотя бы пришлось для этого все отдать, стать рабом. И воровством может заниматься только тот, кто имеет защиту. Мне не под силу больше это занятие”.

Во всю свою жизнь он первый раз так откровенно говорил с женой. Каракатын сильно встревожились. “Не собирается ли бедняга умереть? Не бог ли вкладывает в его уста эти слова? Никогда он не доходил до этого. Как понять

его?” — думала она в большой тревоге. Когда он был здоров, никогда в жизни не говорил ничего подобного.

Для Каракатын воровство стало укоренившийся привычкой, она даже не подозревала, что это преступление, и не задумывалась над этим. Она привыкла тщательно прятывать уворованное и на вопросы какой-либо женщины отвечать категорическим отрицанием, божиться, ни в чем не признаваясь.

Сказав жене о своем окончательном решении, Бахтыгул замолчал и больше уже не говорил об этом.

III

Прошло около недели. Оправившись от ран, Бахтыгул мог уже выезжать. Его белый конь отобрал аул Козыбак, но у него в табунах соседнего аула были еще два коня. Все его богатство заключалось в этих лошадях. Остальное стадо его состояло лишь из нескольких коз с козлятами. Последнюю красную корову увели козыбаковцы.

Как только он стал в состоянии ездить, он поймал в табунах своего рыжего коня. Во всей округе не было лучшего иноходца. Иноходь у него была самая быстрая. Все лето он гулял в табуне. Конь хорошо упитанный, стройный и красивый. Немало людей соблазнялось этим конем, многие просили продать его. Если население Шалкарской волости знало Бахтыгула, то так же хорошо знало оно и рыжего иноходца. Но Бахтыгул не хотел ни продать, ни уступить коня кому-либо.

Лишившись белого коня, он оседлал себе рыжего иноходца, взял в руки старинное, однопульное, фитильное ружье, зарядил его и направился вверх по длинному оврагу в горы.

Был полдень. Горы, покрытые густыми зелеными еловыми лесами, как будто закутаны в одеяло из молодых овчин с густой и длинной шерстью. Не останавливаясь, Бахтыгул продолжал подниматься все выше и выше. Наконец лес кончился, перед ним возвышались многочисленные красные каменные вершины гор. Тут царят всегда тишина и спокойствие. Тихими, осторожными шагами его конь вскарабкался на малодоступную красную скалу. В этих местах

кроме зверей и диких животных никого не могло быть. Изредко мог встретиться здесь охотник. На этот раз никого не видно. Оставив около утеса рыжего коня со спутанными ногами и свою шапку, Бахтыгул, взяв ружье в правую руку и низко согнувшись, тихими шагами стал спускаться с уступа на уступ.

Прямо перед ним возвышается громадная скалистая гора. Чем ниже спускается, тем все больше расширяется и углубляется теснина. Стоит унылая, мрачная осень. Бледный, исхудалый охотник в сером полушубке на фоне серых камней вместе со всей природой погрузился в царящее здесь безмолвие.

Нагнувшись, он тихо, тихо приблизился к краю обрыва, лег за глыбой камня и стал высматривать добычу. Ему не раз приходилось подниматься в горы и подкарауливать архаров, но никогда почти не удавалось встречать их на расстоянии выстрела. На этот раз счастье, кажется, ему сопутствует. Тут же, чуть ниже на вершине одной скалы стояли три архара. Кажется, что они вскарабкались на эту скалу, спугнутые чем-то с противоположной стороны. Они тревожно поглядывают туда.

Завидев их, Бахтыгул подался назад, взвел курок ружья и стал целиться. Осторожные, чуткие и зоркие архары заметили на миг показавшуюся голову Бахтыгула и бросились вниз с высокой скалы. Они столкнулись на узком гребне скалы и старый баран с большими рогами задержался на секунду, но этого было достаточно — Бахтыгул выстрелил ему в голову.

Голубой дым на верхушке скалы быстро рассеялся. Бело-серый архар в этот миг перевернулся и покатился вниз. Когда Бахтыгул спустился и нашел его, архар еще чуть шевелился. Вынув из ножен длинный черный нож, Бахтыгул перерезал ему горло. Горячая кровь забила ключем.

Было уже за полдень. Торопливо выбросив кишки и желудок архара, завернув мясо в шкуру, Бахтыгул с трудом поднял его, положил на спину рыжего коня, крепко привязав чембуром к седлу, и он стал осторожно спускаться ведя коня на поводу.

Выбравшись из еловых лесов, которые он проезжал утром, к вечеру Бахтыгул добрался до байских зимовок, расположенных на берегу реки среди высоких гор.

Это был аул волостного управителя Шалкарской волости Жараспая. Все, что молча делал Бахтыгул с раннего утра, было лишь приготовлениями к тому, чтобы явиться сюда. Он хотел застрелить архара и привезти его байбише¹ волостного управителя. Он уже давно думал об этом. На следующий же день после того, как его избили и ограбили джигиты из аула Козыбак, он вспомнил про волостного управителя Жараспая.

Жараспай не только должностью волостного управителя и служебным положением он завоевал себе авторитет. Он был крупнейшим баем и влиятельным человеком. Решительный и крепкий человек. Он был способен и на хорошие, и на плохие дела, и не только на малые, но и на большие. Среди всех соседних с ним волостных управителей, всех биев, богатых мирз он выделялся этими качествами.

Когда Бахтыгул решил искать себе защиту, стал нуждаться в покровительстве сильного человека, он вспомнил про Жараспая. Он думал во всем подчиниться Жараспаю и тем заслужить его доверие и приблизиться к нему, хотя бы для этого пришлось все отдать и перейти на положение раба.

Подобно всю жизнь рыскавшему в степях серому волку, Бахтыгул до сего времени дичится людей. Теперь такая жизнь окончательно его доконала. Он твердо решил испытать свое счастье и попробовать стать новым человеком, пользуясь покровительством Жараспая, который в глазах всех аульных баев пользовался большим уважением.

Отправив часть своих многочисленных стад на пастбище в горы, часть — в долины, аул богатого волостного управителя, защищаясь от осенних холодов, прикочевал к зимовкам и наполовину уже перешел в зимние жилища.

С наступлением вечера мужчины вышли прогуляться во дворе. Бахтыгул с навьюченным на коня архаром подъехал к аулу и поздоровался, ему, приветливо улыбаясь, ответил волостной управитель. Румяный, высокого роста тучный Жараспай, одетый в кунью шапку и новую теплую шубу из мерлушки, важно стоял с раздумявшимся после сытного обеда лицом.

---

¹ Байбише — жена бая.

Ему было, как и Бахтыгулу, лет 35–37. Около него были два аксакала¹, его старший сын лет 16–17 и несколько человек бедняков — пастухов и соседей.

Когда Бахтыгул, поздоровавшись, слез с коня, он увидел выходящую из калитки полную, румяную нарядную байбише с кумганом² в руке. Видно, что занимаемое положение и спокойная беззаботная жизнь избаловали ее. Свисавший с коня большерогий окровавленный архар привлек внимание байбише.

Поздоровавшись, она вместе с мужчинами обошла вокруг коня и осмотрела архара. Бахтыгул, пользуясь моментом, обратился к ней:

— Байбише, утром, собравшись в ваш аул, я прежде решил поохотиться и, если удастся, застрелить для вас дикого архара, ведь мясо архара у вас редкость. Этот архар повстречался мне в красных скалах, я привез его вам в подарок, скажите кому-нибудь, пусть отнесут на кухню”.

Прищуриив немного глаза и чуть улыгнувшись, байбише, как бы не зная, что делать, посмотрела на мужа.

Жараспай, засмеявшись нерешительности жены, сказал:

— Скажи, чтобы занесли. Что тут особенного? Во всяком случае это не краденое. Он застрелил его в твоих же горах. Если бы даже он не хотел его уступить, Вы должны были бы забрать архара!” Все засмеялись.

Один из стариков, стоявших с Жараспаем, товарищ и друг его отца — Кайрамбай, сейчас заправлявший всем хозяйством волостного, обратился к байбише.

— Хадиша, берите архара! А где же женщины? Пусть унесут. Все привыкли смотреть на то, что в руках этого бедняги, как на что-то поганое. Бахтыгул не только вор. Он может быть и щедрым мирзой. Он, если полюбит кого-нибудь, может подарить даже свою единственную лошадь. Если бы только не эта его слабость, от которой он никак не может избавиться! Не пренебрегайте его подарком!”

Эти дружеские слова были весьма кстати для Бахтыгула, они должны были помочь ему в дальнейших разговорах с Жараспаем.

¹ Аксакал — старик, буквально “белая борода”.

² Кумган — кувшин с узким горлышком.

– Что и говорить, уважаемый аксакал. Ваши слова совершенно правильны, подобны словам, написанным в книге. Я действительно несчастный бедняк, на которого легко взваливаются всякие небылицы. Чтобы избавиться от всех преследующих меня несчастий, я сегодня приехал к этому мирзе. Я надеюсь, что он выслушает меня. Сюда я приехал совершенно другим человеком, по крайней мере так думаю о себе. Сегодня вы видите не того Бахтыгула, которого знали раньше. Ваши слова совпали с моими благими намерениями, дай бог осуществиться им, уважаемый аксакал! – сказал Бахтыгул.

К этому времени сын волостного управителя по поручению своей матери сходил во двор и пригласил двух молодых женщин-батрачек. Они сняли с коня архара и понесли на кухню. Любимчик волостного Жангазы сделал вид, что помогает им – он взялся за одну переднюю ногу архара и большими рогами его тычет идущую впереди келиншек¹.

Архар должен быть жирным: он очень крупен и мясист.

Волостной управитель не ответил на слова Бахтыгула, он не сводил глаз с архара. Но было ясно, что он не пренебрегал Бахтыгулом. Последние слова конокрада до некоторой степени заставили его задуматься. На стариков слова Бахтыгула тоже произвели большое впечатление, в особенности на одного из них, он приветливо посмотрел на Бахтыгула:

– Я вижу, что ты действительно что-то хорошее и серьезное задумал, бедняга. “Хорошие слова – половина счастья”. Бывают случаи, что такие своенравные люди, как ты, сразу бросают свои недобрые дела. И ты решил сделать так?

Старик этот, по имени Сарсек, был одним из самых видных биев Шалкарской волости. Он был дружен с волостным управителем и повсюду сопровождал его. Был неизменным его сторонником. А Жараспай в свою очередь из дружеских чувств проводил его на выборах в бии.

Бахтыгул остался очень доволен его словами.

– Вы правильно говорите, действительно я решил так. Я перенес немало, теперь хватит. Молю бога, чтобы он помог мне. Я желаю очиститься от своего прошлого в присутствии самых хороших людей нашей волости.

---

¹ Келиншек – молодая женщина.

Услышав эти слова, волостной управитель, улыбаясь, заявил:

— Кажется, ты решил серьезно, что даже не слезая с коня заговорил об этом. Только мольбы к богу о помощи не для отвода ли глаз? — он громко засмеялся. — Об остальном расскажешь подробно потом, пойдемте-ка домой!

— Вы правы, мирза. Только потому, что я приехал именно с этой целью, я не смог удержаться и рассказал вам все сразу, здесь. Я понимаю, что об этом нужно поговорить в другой обстановке, — ответил Бахтыгул.

— Правильно, правильно, — слышались голоса почтенных стариков. Гости вошли во двор и направились к дому.

В большой комнате, где волостной принимает гостей, зажжен свет. В комнате тепло и уютно. Ковры покрывают пол до самых дверей. Вдоль задней стены на коврах разостланы мягкие толстые одеяла. В правой стороне большая мягкая русская кровать. Большой бархатный ковер с желто-пестрыми узорами украшает стену над кроватью. Ковер этот так веселит комнату, что из такого уюта не хочется уходить. Бахтыгулу, у которого в черной дырявой юрте вечно дует в спину холодный осенний ветер, эта комната показалась очень большим и ценным подарком, несмотря на то, что ему придется переночевать здесь только одну ночь.

Ему показалось, что после стольких дней мучений и страданий, он стал чувствовать себя лучше. Жалуясь на судьбу, он начал свободно и подробно рассказывать о всех лишениях и невзгодах своей жизни.

Слушая его рассказ, гости и хозяйка напились вечернего чаю. Бахтыгул без всякой утайки рассказал об издевательствах над ним со стороны козыбаковцев. Все присутствующие, включая и байбише, принимали в этом самое живое участие. Все единодушно признали, что аул Козыбак чересчур много позволил себе.

Бахтыгул продолжал свой рассказ:

— Я одинок, нет у меня никаких защитников. Среди населения обо мне идет дурная слава. Теперь любой, кто захочет, может надо мной издеваться без конца и даже не остановится перед убийством.

– Это верно. Видно, что над тобой козыбаковцы издевались безжалостно, – сказал Сарсен аксакал.

– Какая тут жалость! Пусть я конокрад, но я ведь с большими трудностями в ту темную ночь подкрался к пастбищам и из многочисленных табунов взял только одну лошадь. А они среди белого дня совершили еще более гнусное дело, чем конокрадство. Все это от того, что я беззащитен и одинок. Я хочу бросить эти дела, если бы даже пришлось мне батрачить и испытывать все мучения подневольной жизни. Только бы не говорили обо мне плохо. Если же я не встану под защиту какого-нибудь человека, не буду у него хоть коныхом, мне, одинокому и обездоленному, не видать хорошей жизни, – так закончил Бахтыгул свой рассказ обо всех перенесенных обидах и о решении изменить свою жизнь.

Волостной управитель ничего не говорил, но и не прерывал его.

Бахтыгула он считал храбрым и мужественным человеком. Сегодня он узнал, что Бахтыгул красноречив, что это живой и умный бедняк, которого при случае можно использовать. Бахтыгул привлек своим рассказом на свою сторону всех присутствующих, заставил их поверить своим словам и сочувствовать ему.

Байбише и Жангазы даже проклинали аул Козыбак за их самоупорство.

Таким образом, вечер в доме волостного управителя проходил для Бахтыгула как нельзя лучше, он был доволен.

Гости весело рассказывали разные истории, передавали о смешных случаях в соседних аулах, много смеялись, шутили. Аксакал Сарсен говорил Бахтыгулу успокоительные слова. Бахтыгул принимал самое живейшее участие в беседе, рассказывал смешные истории, умело высмеивал недостатки разных лиц, живо изображая их смешные стороны, смешил своими рассказами о молодых людях и оказался в центре внимания.

Он не мало труда приложил, чтобы вечер в доме волостного управителя прошел хорошо.

В этот вечер в ауле не было других гостей, и известный всем своенравный конокрад Бахтыгул, застреливший архара, заинтересовал в ауле всех женщин, ребят и пастухов. Все хотели его видеть, слушать его. Некоторые из них осмели-

лись зайти в комнату и, присев у дверей, принимали участие в общем смехе и слушали рассказы Бахтыгула.

Заметив ли намерение волостного управителя или желая высказать свое мнение, аксакал Сарсен обратился к Бахтыгулу:

— Если ты решил исправиться, любой человек из населения нашей волости обязан встретить тебя и хоть раз испытать на деле. Ты многое видел. Решение твое твердо. Слушайся же во всем волостного управителя. Ему нужны такие, как ты, быстрые, как стрела, как острая сабля джигиты для поручений, ему нужен энергичный, горящий огнем товарищ. И для волостного будет честью отучить тебя от воровства и сделать себе товарища. В прежнее время было не мало случаев, когда такие своенравные, непокорные люди, как ты, приблизившись к знатым и хорошим людям, исправлялись и выходили в люди. Ты ни в чем никому не уступаешь. Если волостной приблизит тебя к себе, его никто не будет осуждать. Будь младшим братом волостному и дядей его сыну Жангазы. Вот наш совет тебе. Только дай твердое обещание, что окончательно и бесповоротно решил отказаться от воровства, и не нарушай его”.

Бахтыгул только этого и желал, больше он ни о чем не мечтал. Он был очень благодарен Сарсену.

— Вы высказали мою давнишнюю мечту. Мне нечего добавить. Только этого я и желаю, — решительно заявил Бахтыгул.

Волостной управитель все еще молчал. Воздерживался ли он высказывать свое окончательное решение или думал, заставив Бахтыгула некоторое время сомневаться, затем уже высказать свое особенно важное для него мнение, но несмотря на расположение и открытое сочувствие всех присутствующих к Бахтыгулу, в эту ночь он ничего решительного и определенного не сказал ему, но и против высказанных почетным стариком Сарсеном слов не возражал. Этим Бахтыгул остался внутренне удовлетворенным. Как бы желая дать волостному возможность подумать до завтра, он не стал добиваться ответа.

Прошла ночь, наступило утро. По всегдашнему обычаю люди, имеющие дело к волостному управителю, стали со всех сторон съезжаться еще до утреннего чая.

Напившись чаю, Бахтыгул привел и оседлал рыжего иноходца. Желая получить от волостного управителя какой-нибудь определенный ответ, он оделся и сидел молча, ожидая, когда они останутся вдвоем.

Наконец, когда волостной управитель вышел во двор, он последовал за ним и попросил его дать окончательный ответ.

Жараспай все еще не спешил. Молча он отошел в сторону и присел на корточки на более чистом месте.

— Чего хочешь от меня? — произнес он наконец.

Обнадеженный этими словами, Бахтыгул ответил: “Что мне еще сказать? О своем желании и намерениях я уже говорил ночью. Чего не смел сказать сам, за меня высказал уважаемый всеми старик. Я прошу одного: возьми меня под свое покровительство. Используй меня, как найдешь, нужным, но помоги мне отвыкнуть от дурной привычки. Поручай мне честные дела, я буду их беспрекословно выполнять. Буду дядей для Жангазы, а тебе верным товарищем, готовым исполнять все, что будешь мне поручать, готовым на то, чтобы погибнуть за тебя. До самой смерти не забуду своих обещаний...”

— Ладно... Я доволен твоим решением. Будь верным мне. Будь дядей для Жангазы. Надо уладить дело с козыбачками. Пока помогай по хозяйству в нашем ауле. Потом я устрою тебя на какую-нибудь другую работу, — обещал Жараспай.

Бахтыгул был так обрадован ответом Жараспая, что обратился к нему со словами:

— Больш¹, я вижу, что ты делаешь мне такое добро, на какое не способен даже родной отец. Я думал, что теперь никто мне не будет доверять, все будут смотреть на меня как на собаку, пренебрегать мною и избегать меня. Я брошу заниматься воровством, клянусь в этом аллахом и Кораном. А в знак дружбы с тобой, за твое добро дарю своего рыжего иноходца дорогому Жангазы. Даю слово перед богом: мне не надо ничего взамен — дарю его в знак того, что я становлюсь ему дядей”.

Больш ничего не сказал.

---

¹ Больш — волостной управитель.

Перед отъездом Бахтыгул рассказал байбише и Жангазы о том, о чем они договорились с болысом. И им наговорил он не мало прочувствованных слов о своей будущей жизни. Сказал он им о том, что решил подарить Жангазы известного населению всей Шалкарской волости рыжего иноходца. Несмотря на свои молодые годы, Жангазы, научившийся уже любить и ценить хороших коней и прочее добро, от сильной радости покраснел и засмеялся. Байбише тоже была очень довольна тем, что Бахтыгул дарит иноходца.

Они условились так: через несколько дней Жангазы придет к Бахтыгулу, познакомится с его семьей, погостит и заберет иноходца.

Договорившись с волостным управителем, Бахтыгул довольный направился к себе домой. Перед отъездом байбише болыса передала для жены и детей Бахтыгула в виде подарка немного хорошего мяса и казы от только что заколотого жирного жеребенка. После ночевки в теплой и уютной комнате болыса и сытной еды Бахтыгул даже внешне несколько изменился: на его лице появился слабый румянец. Довольный, веселый вернулся Бахтыгул домой.

С этого дня между Жараспаем болысом и Бахтыгулом началась дружба.

IV

В первую зиму, опасаясь сплетен, волостной управитель не давал Бахтыгулу ответственных поручений. Но он держал его постоянно в своем ауле и, не позволяя ему куда-либо отлучиться, использовал в своем хозяйстве, превратив его в трудолюбивого и работающего джигита. На всевозможных собраниях, совещаниях почетным гостям, приезжавшим в аул, волостной управитель подробно рассказывал о Бахтыгуле, о его прошлом и настоящем. Видя такое отношение волостного, даже самые недоверчивые люди стали доверять Бахтыгулу.

Старики благословляли его решение, относились к нему особенно благожелательно.

Как человек, только что нашедший правильный путь в жизни, Бахтыгул в первую зиму без усталости работал, руководя большим хозяйством волостного управителя. Какую бы

работу ни поручили ему, он лучше других ее выполнял. Самые сложные положения он легко распутывал. Несмотря на то, что до сего времени он никогда так не отдавался работе по хозяйству, даже в своем собственном доме он не так охотно работал, иногда ленился, — теперь, возглавив крупное байское хозяйство, он справлялся один, работал без усталости и все в хозяйстве болыса было в порядке.

Не говоря о других, даже Кайрамбай аксакал, известный всем как лучший хозяин, поражался умению и ловкости Бахтыгула в хозяйственных делах и постоянно восхищался им. “Заправляет хозяйством очень умело, все расчеты его сбываются. Когда он сам берется за какое-нибудь дело, он своей энергией и примером увлекает за собой остальных батраков и пастухов и заставляет их работать так же. Только потому, видно, что ему не везло, он до сего времени оставался бедняком. Иначе такой искусный джигит не должен быть бедняком”, — хвалил Кайрамбай Бахтыгула.

Скоро Бахтыгул стал незаменимым человеком в ауле. Так стали смотреть на него болыс, его байбише и все соседи. В их глазах он стал заметным и имеющим большой вес человеком. Теперь не только в вопросах хозяйства, но и по вопросам сближения с кем-либо, налаживания хороших связей, дружбы и сватовства семья волостного управителя всегда советовалась с Бахтыгулом.

Он один руководил всеми работами в крупном хозяйстве волостного управителя. Когда отправить табун лошадей и многочисленные овечьи стада на пастбище, когда выйти и как организовать весенний посев или заготовку сена на зиму, надо ли послать людей в город, нужно ли переменить пастбище для скота, находящегося зимою на подножном корму, какие пастбища наиболее просторны и обильны травой и более безопасны для скота от волков и воров, а также и от джута¹ — все это Бахтыгул знал прекрасно, все делал вовремя. Волостному не найти было лучшего работника.

За какое бы дело Бахтыгул ни брался, он всегда знал его лучше, чем тот, что постоянно занимался этим, будь то табунщик, косарь или человек, посланный с каким-либо

---

¹ Джут — гололедица в степи, в результате которой скот, находящийся на подножном корму, не может достать корм и погибает.

поручением в город. Он раньше замечал, где имеются упущения, был более предусмотрителен. Скоро его стали слушаться как давнишнего и беспорного хозяина.

Бахтыгул не узнавал себя. Спокойная работа как будто переродила его. Спокойный и честный труд, о котором он давно мечтал, был ему по душе. Он работал не потому, что так решил, не принуждал себя, а работал с большой охотой.

Он не только нес все заботы по хозяйству волостного управителя, он успевал справляться и со своим хозяйством. Часто ему приходилось бывать в городе и разъезжать по аулам по поручениям волостного управителя. Здесь попутно он скупал кожи, шкуры, шерсть, продавал их в городе и покупал всякую мелочь для продажи населению. Это давало ему небольшой доход. Во время весеннего сева, пользуясь помощью со стороны богатого аула волостного, он посеял для себя раза в три-четыре больше против обыкновенного. Жараспай помог ему сделать на зиму запасы мяса, муки, чая и сахара. Волостной управитель не платил ему определенного жалованья, а только изредка оказывал небольшую помощь, но Бахтыгул не считал, что его труд пропадает зря. Он не роптал, несмотря на то, что эта помощь несколько не оплачивала его трудов. Когда изредка приходила в аул волостного Каракатын — жена Бахтыгула, то и она кое-то получала из платья, поношенной верхней одежды или обуви для себя и детей. Теперь они уже не ходили в лохмотьях.

Но больше всего радовало Бахтыгула и его жену то, что Сеит начал учиться у муллы в ауле волостного.

Учителя называли муллой по старой привычке. На самом деле это был казах, получивший русское образование. Он обучал Жангазы и несколько других ребят соседей в доме волостного управителя. Однажды Жараспай сказал Бахтыгулу: “Приведи сына учиться”. Бахтыгул привел Сеита в дом волостного.

Сеиту было девять лет — самые подходящие для учебы годы. Когда ему сказали, что он будет учиться, Сеит обрадовался так, что ворочался всю ночь и не мог заснуть.

Узнав лишения с первых дней своего детства, Сеит, этот самый смирный мальчик, несмотря на то, что ему еще не приходилось добывать себе кусок хлеба, много думал о трудностях жизни. Услышав слова: “Будешь учиться, станешь

человеком”, он стал мечтать об учении, как бы чувствуя, что в жизненной борьбе образование сможет помочь ему. Теперь с большой радостью и охотой Сеит взялся за учебу.

Он проучился всю зиму очень прилежно. Его способностями и охотой к учебе были довольны и мулла, и все люди в ауле.

Сам Бахтыгул жил в ауле волостного. С наступлением лета они откочевали на жайляу. Бахтыгул тоже последовал за аулом. Лето стояло прекрасное. Сочные, густые, зеленые травы на жайляу. Душистый и крепкий кумыс. Такая жизнь заставила Бахтыгула забыть свое тяжелое прошлое. Он радовался своей перемене и был счастлив.

Летом наступил отдых — хозяйство уже не отнимало столько времени, как весной, и волостной управитель стал поручать Бахтыгулу другую работу.

Бахтыгул оказался очень способным человеком. Он быстро и точно исполнял любое поручение волостного — съездить куда-нибудь, заставить кого-либо выполнить распоряжение волостного или проверить исполнение его приказаний, точно передать кому-либо распоряжение волостного — Бахтыгул со всем этим справлялся отлично.

Он знал, как подойти к людям. Другьям волостного он показывал свое дружеское расположение; уважаемым им людям он при случае оказывал различные услуги, и на аулы, которые недолюбливали волостного, он умел нагонять страх, а если удавалось, то и вредил им. Таким образом в течение какого-нибудь года он превратился в правую руку волостного управителя, стал незаменимым человеком для него самого и для его семьи.

В настроениях населения он разбирался не хуже видных руководителей враждующих групп или постоянно занимающихся этим делом влиятельных джигитов. Он принимал активное участие в делах волостного, так удачно высказывался и делал такие правильные предложения, что все соглашались с его мнением.

До сего времени все складывалось очень удачно для Бахтыгула, но с середины зимы непримиримая вражда среди населения уезда, не давала покоя ни ему, ни Жараспаю. Дело в том, что предстояли выборы в Шалкарской и соседней Шегетинской волостях.

Население и главари враждующих групп усиленно готовились к выборам, вражда между противоположными группами разгоралась.

По сравнению с предыдущими выборами в нынешнем году вражда среди населения разрасталась так сильно, что с самого начала она охватила всю округу. За прежние годы вражда среди населения обычно не перекидывалась через границы той или иной волости, но в этом году вражда подобна какой-то эпидемии стала распространяться на население если не всего уезда, то во всяком случае большей его половины.

Главари враждующих групп, не довольствуясь хозяйничанием в своей волости, стали разжигать вражду против тех, с кем они имели какие-либо счёты и в соседних волостях. Эти счёты сводились или к личной неприязни, или к зависти к чьему-либо богатству, или объяснялись тем, что благодаря близкому соседству обвинения против одних подчас задевали и соседей, часто между соседями возникали споры из-за зимних и летних пастбищ. Таким образом население нескольких соседних волостей разбилось на две непримиримые враждующие группы. Три соседние волости имели общие летние пастбища. Сейчас аулы всех этих трех волостей находились на общих жайляу в близком соседстве друг от друга. Нигде в уезде предвыборная борьба не была такой ожесточенной, как здесь.

За свою судьбу в пределах своей волости Жараспай не беспокоился. Но в борьбе, которая охватила значительную часть уезда, он — выходец из небольшого рода, опасался своих соперников — воротил больших и сильных родов. До этого Жараспай считался одним из сильнейших главарей враждующих групп в уезде, у него было только двое или трое опасных соперников. Жараспай поставил себе целью во что бы то ни стало сохранить свою известность и влияние. Он должен был употребить всю свою энергию, чтобы не лишиться завоеванного положения.

Несмотря на то, что вражда между группами стала разгораться еще с середины зимы, с января месяца, она не ослабевала, а наоборот, разгоралась все сильнее, подобно степному пожару в жаркий летний день. Главари враждующих групп, свободные от всяких хозяйственных забот в летнее

время, на жайляу, напившись крепкого кумыса, наевшись свежего жирного мяса, без усталости разъезжали по аулам и подстрекали население друг против друга, не давали успокоиться тем, которые хотели отойти от борьбы, сомневаясь в победе на предстоящих выборах.

Вот это-то обстоятельство и заставляло глубоко задуматься и Жараспая-болыса, и Бахтыгула.

В продолжение всей зимы враждующие с Жараспаем аулы подавали начальству заявления и жалобы на него, чтобы привлечь его к ответственности и столкнуть с занимаемой должностью. Но из всех волостных управителей уезда Жараспай в глазах уездного начальства издавна был наиболее уважаемым и почитаемым управителем, поэтому он сумел несмотря на эти жалобы остаться чистым и не запятанным.

Тогда, применив те же методы борьбы против своего соперника — волостного управителя Шегетинской волости, происходящего из сильного и многочисленного рода албан и очень гордящегося этим, Жараспай быстро разделался с ним.

По настоянию Жараспая, волостной управитель Шегетинской волости даже просидел 15 дней в каталажке. Это было одной из главных причин того, что вражда в уезде разгоралась с небывалой силой.

Шегетинцы затаили обиду на то, что какой-то Жараспай, выходец из небольшого рода жаныс, пользуясь своей близостью к начальству, сумел осрамить население всей Шегетинской волости, добившись ареста их волостного управителя Сята.

Шегетинцы, надеясь на свою многочисленность, стали подстрекать против Жараспая население всей волости. Жараспай начал искать себе сторонников. Он стал объединять вокруг себя всех своих друзей и врагов Сята. Всю зиму Жараспай выискивал недовольных управителем Сятом в Шегетинской волости, налаживая с ними связи, отыскивал людей, которые могли выступить в открытую борьбу с Сятом за должность волостного управителя, дружил с ними, подкупал их и деньгами, и лошадьми, усиленно готовился к тому, чтобы свалить Сята с должности. Этими же приема-

ми борьбы пользовался и Сят против самого Жараспая, но безуспешно. Пока что Жараспай крепко держал в руках население своей волости.

Население уезда разбилось на два непримиримых лагеря.

Трудно было сказать, выйдет ли Жараспай победителем из этой борьбы или окажется побежденным. Его враги, надеясь на свою многочисленность, на то, что они возглавляют население трех волостей, принадлежащее к одному большому роду, всюду хвалились своей силой и издевались над выскочкой Жараспаем, который мог опереться только на расположение начальства.

На деле население трех этих волостей не было единым. Много аулов было на стороне Жараспая. Но сторонники Сята рассчитывали очень легко разделаться с Жараспаем и открыто говорили об этом. Всю зиму враждующие группы готовились к борьбе, с наступлением весны перешли к решительным действиям.

Перед откочевкой на жайляу из аула Жараспая были украдены три яловых кобылы и нагульный конь. Никто не мог сказать, где они находятся. Наконец вернулся из Шегетинской волости человек, посланный на розыски. Оказывалось, что конокрадов подсылал один из богатых заправил волости, близкий родственник Сята — Ораз. Друзья Жараспая из тех аулов рассказали о приметах этих лошадей, обещали повторить свои слова перед беспристрастным лицом и приняли даже подарок за обнаружение воровства.

Когда же посланный на розыски лошадей человек явился к Оразу, тот обругал его и выгнал вон.

Услыхав об этом, Жараспай был сильно раздосадован и не мог всю ночь успокоиться. Рано утром он прежде всего поручил написать соответствующую жалобу начальству и с ней послал в город аксакала Сарсена, а затем уже начал обдумывать, как надо поступить с врагами по казахским обычаям.

Он посоветовался со своими друзьями из рода жаныс и пришел к определенному решению.

К полудню, когда все собравшиеся опьянели от выпитого кумыса, Жараспай расположился на зеленом лугу позади юрты Бахтыгула и вызвал его к себе.

Вместе с Жараспаем был его давнишний друг Салманов Кокыш, бывший его правой рукой в делах разрешения споров и тяжб среди населения. Как только Бахтыгул подошел, Жараспай сообщил ему о своих планах. Он много говорил о том, что всегда одобрял его решение бросить прежнее преступное ремесло, никогда не толкал его на прежний путь.

“Теперь же сам видишь, – продолжал Жараспай, – нам не дадут спокойно жить, если мы будем сидеть сложа руки, не избавиться нашим головам от побоев, а нашим стадам – от укрюка. Наступило время, когда мы должны делать то же, что делают другие. Бери с собою десять отборных джигитов и сегодня же вечером отправляйся в аул Ораза и пригони сюда целый косяк лошадей”. Жараспай кончил.

Бахтыгул молчал. Он думал о том, что тот самый человек, с помощью которого он надеялся стать честным человеком, толкает его на преступление. Он не мог этого понять.

Кокыш, считая решение Жараспая окончательным и твердым, сказал, смеясь:

– Сят начал первый, подослав к нашим табунам своих конокрадов. Его поступок можно назвать воровством, с нашей же стороны это только барымта¹ в возмещение украденных у нас лошадей. Ты не думай, что мы толкаем тебя на старое. И русские, и казахи – все поймут, что этот поступок вызван тем, что Ораз не стал отвечать на наши запросы и выгнал посланного. Или ты боишься того, что, начав снова брошенное занятие, не сможешь остановиться? Что с тобой, откуда у тебя такая трусость и нерешительность? Куда делось прежнее удалство батыра?

Бахтыгул улыбнулся.

– Батыр-то батыр! Не надо шутить, когда речь идет о серьезном. Раз решившись бросить преступное занятие, я никогда не думал больше возвращаться к нему. Я еще не доверяю себе, боюсь, что проклятая старая привычка может опять увлечь меня... Больш, я прошу тебя, не поручай мне это дело. Трудно привыкнуть к этому преступному ремеслу, но ступив на этот путь, так же трудно отказаться от него. Теперь население часто зачисляет в конокрады даже тех, кто никогда и не помышлял о воровстве. Вы не подумали о том,

---

¹ Барымта – самочинная расправа с обидчиком путем угона его скота.

что заставив меня пойти на прежнее, вам может не легко будет остановить меня. — Так серьезно и настойчиво убеждал Жараспая Бахтыгул.

Но волостной не слушал.

— Какие могут быть тут разговоры? Какие могут быть сомнения? Все обвинения я принимаю на себя. Так и ты должен смотреть на это дело. Для чего тогда и жизнь, если бояться ответить на оскорбление. Я не последний человек в волости, ты знаешь, что я тебя не выдам.

Не дав Бахтыгулу даже ответить на эти слова, Кокыш уверенно заявил:

— Довольно разговоров, Бахтыгул едет.

Бахтыгул не смог возражать. В тот же день из многочисленных табунов Жараспая, Кокыша и Сарсена были приведены лучшие скакуны, самые выносливые кони и сильные жеребцы, и Бахтыгул, взяв с собою по своему выбору девять джигитов, собрался к вечеру тронуться в путь. Они были названы не конокрадами, а барымташи¹. Поэтому волостной управитель и не скрывал от своего аула, что посылает их. Весь аул от мала до велика, друзья волостного — аксакалы Кокыш, Кайрамбай, дети и женщины — все высыпали из своих юрт полюбоваться необычайным зрелищем отъезда барымташи. Для того, чтобы ближайšie аулы, увидев их, не встревожились, Бахтыгул решил выехать в сумерки.

Джигиты были как на подбор. Все крупного телосложения, высокого роста, широкоплечие, мускулистые, сильные. Они весело и громко смеялись, подтрунивая друг над другом, решительные и смелые, не боящиеся ни пули, ни губительного пожара.

Барымташи завязали узлом длинные хвосты своих коней. Длинногривые сильные жеребцы, известные всей округе беговые яловые кобылы, уверенные в себе красавцы скакуны, кажется, еще больше возбуждали джигитов. Они вскочили на коней. В вечерних сумерках эти всадники придавали аулу грозный вид. Крупы холеных коней блестели, переливаясь. В это время показался Бахтыгул, идущий со стороны главной юрты. Он был одет в серый чекмень и под-

---

¹ Барымташы — человек, разыскивающий барымту.

поясан ремнем. За ремень засунут поблескивающий в темноте пистолет. Его не узнать.

Теперь это властный, грозный представитель решительных людей. Привыкший исполнять поручения волостного без всяких напоминаний, он теперь забыл все свои сомнения.

В нем, в его коренастом телосложении чувствуется какая-то особенная стремительность и сила. Движения его быстры и проворны, слова — коротки и властны. Подойдя к своим товарищам, он громко и отрывисто проговорил:

— Счастливого пути, грозные орлы!

— Дай бог! Дай бог удачи!

Под густыми черными усами губы его искривились довольной улыбкой. Лицо его побледнело, глаза блестят в темноте, выражая силу его горячих желаний.

Один из табунщиков подвел к нему чалого скакуна Жараспая. Общим шумом и сборищем конь был сильно возбужден и готов был понести седока. Бахтыгул считался одним из лучших ездоков, — как только джигит подхватил его под мышку, подобрав чембур, и не успел конь повернуться, как он уже был на спине белогривого чалого.

Джигиты поджидали Бахтыгула, держа свои дубины под мышкой или положив их поперек седла. Это была последняя минута необычного и возбуждающего зрелища для пораженного аула.

Вскочив на коня, Бахтыгул скомандовал:

— Вперед, молодцы! — и, пришпорив коня, двинулся с места. Раздался сильный топот скакунов по целине, звяканье стремян и оружия всадников, задевающих друг друга.

Позади остались довольные и возбужденные жители аула, одобрительно повторявшие: “Что за молодец этот человек!” Они долго еще стояли на месте, провожая всадников глазами. Удаляющиеся барымташи мелькали уже вдаль, слившись в черное колеблющееся пятно, на котором блестящими точками выделялись белые кони. Скоро ночная темнота окончательно проглотила их.

Джигиты провели бессонную ночь, не знали отдыха и до зари успели сделать все, что было задумано перед отъездом, что могли сделать только храбрые люди. Они испытали и сражение, и преследование, и удары дубиной по голове, и

свист пуль. Но точно выполнили поручение волостного — с целым косяком молодых кобылиц и одним жеребцом добрались до совершенно безлюдной и защищенной от постороннего глаза местности на границе Шалкарской волости.

Когда опасность миновала, ранним утром Бахтыгул послал двух джигитов, чтобы они добыли в ближайшем ауле жирного барашка.

Расположившись на отдых в малодоступной и защищенной местности, Бахтыгул велел заколоть барана. Когда мясо было опущено в котел, Бахтыгул поднялся на гору и сел там караулить.

Вокруг него поднимались сгрудившиеся, никем необитаемые красные скалы. Глубокие складки, бездонные ущелья и теснины. Окутанные в голубой шелк темно-зеленые хвойные леса. На вершинах и хребтах гор не тронутые, сверкающие под лучами ясного солнца чистые снега. На недосягаемой высоте парят горные орлы, кажущиеся не больше степных жаворонков. Во всей вселенной как будто ничто не изменилось. Ему вспомнилось, как он с большой группой джигитов не раз делал привал в таких же местах, как они закалывали жирных жеребят и наслаждались отдыхом после ночных набегов. Ему кажется, что в сегодняшнем отдыхе имеется еще большая сладость, что-то такое, что способно оживить давно погибшие и подавленные страсти. Особенная сладость отдыха для Бахтыгула объяснялась тем, что ему не надо было ни о чем думать, не надо было тревожиться — теперь у него есть покровитель, на которого он может опереться. Вся ответственность теперь падает на этого покровителя. А вся сладость этих походов полностью принадлежит Бахтыгулу.

Погруженный в свои думы, смотря на клубящийся внизу дым из-под котла с варившимся свежим мясом барашка, опьяненный успешным набегом, Бахтыгул почувствовал, что порвалась нить мучивших его еще сомнений. Ему показалось, что он проснулся от тяжелого сна, получил свободу. Как будто перед ним раскрылись давно запертые ворота и потянули его внутрь. Он пришел в какое-то восхищение. Он опьянел от одного вида той картины, которая раскинулась перед ним, и первых успехов барымты.

На чье счастье, на чье несчастье — неизвестно, но дело началось с этого случая. После этой барымты отношения между враждующими партиями чрезвычайно обострились. В борьбе не на жизнь, а на смерть в средствах не разбирались: одни не отставали от других, что применялось одними сегодня, то завтра делали другие.

Из стад Жараспая было угнано в качестве бырымты не мало скота, еще больше было просто раскрадено. В возмещение всего этого Жараспай и Кокыш заставляли пригонять чужой скот целыми партиями.

Таким путем росло количество случаев барымты, а вместе с этим умножались случаи и чистого воровства.

Богатство Жараспая таяло — для удержания и привлечения сторонников он открыто раздавал скот и деньги, — воровство и барымта тоже наносили сильный ущерб его стадам и табунам. Он не помнил случая, чтобы должность волостного управителя доставалась так дорого, он не помнил случая, ни при отце, ни за все время, когда сам был волостным, чтобы предвыборная драка доходила до таких пределов и вызывала такие невероятные расходы. Пока что он не мог перекладывать на население эти расходы. Ввиду близости выборов он чувствовал себя на лезвии бритвы, боялся сорваться.

Еще весною он мог быть довольным количеством своего скота. Теперь, кажется, осталось не более одной трети. Не говоря о других расходах, ежедневно со всех сторон съезжалась масса гостей, которые форменным образом объедали его.

А совсем недавно Жараспаю пришлось решиться еще на один очень чувствительный расход.

В Шегетинской волости среди противников Сята был влиятельный и крепкий аул Досай. Этот аул поддерживал Жараспая и был для него большой опорой. Ввиду того, что вражда с Сятом стала совершенно непримиримой, Жараспаю понадобился такой друг, который мог бы в одинаковой мере тягаться с Сятом, имел бы с ним равную силу и состояние, не меньший авторитет и вес среди населения. Именно этот расчет и усиливал дружеские связи между Жараспаем и аулом Досай. Эти связи еще более усилились за

последнее время. У главы этого аула Байтена была красивая, уже взрослая дочь — Калыш. Потому ли, что он влюбился в девушку или просто пожелал иметь вторую красивую жену, или желая еще более закрепить свою дружбу с аулом Досай. Как бы то ни было, но он посватал себе Калыш.

Закреплением прочной дружбы родственными отношениями остался доволен аул Досая и легко согласился на сватовство. Им было лестно, что сам Жараспай сделал такое предложение, тогда как раньше всегда подобные предложения исходили из аула Досай.

Расходы в связи с разгоревшейся групповой враждой обременяли Байтена еще больше, чем Жараспая, так как он был менее состоятелен. Жараспай, посоветовавшись с своими друзьями Кокышем, Бахтыгулом, Сарсеном и другими близкими людьми, решив жениться на Калыш, сразу отдал Байтену значительную часть калыма — около пятидесяти голов скота.

Все эти крупные непредвиденные расходы не могли не отозваться на благосостоянии Жараспая. Они были особенно чувствительны потому, что его непримиримые враги стремились во что бы то ни стало ослабить и свалить его окончательно. Все это было причиной того, что Жараспай и Бахтыгул за короткое время так изменились, что даже не в состоянии были осмыслить всего совершенного. Все началось с барымты из аула Ораза. Уменьшение стад и табунов не давало покоя Жараспаю. Он все чаще и чаще посылал в набеги Бахтыгула с выделенными ему в помощь девятью джигитами. Сначала пригоняемый скот выдавали за барымту. А затем начали говорить, что если узнают, то это барымта, если же не узнают, то “свое”.

Теперь уже барымта угонялась не только из табунов и стад Сята, но и от его сторонников, его близких и дальних друзей, родственников и сватов. Часто от этих набегов страдали совершенно посторонние люди. Иногда же барымташи нападали даже на табуны неизвестных хозяев. Ловкие джигиты продавали пригоняемые партии лошадей в далекие русские поселки — прием совершенно новый, не известный ранее. Для всегдашних многочисленных гостей нередко закальвалось сразу две молодых, жирных лошади из пригнанной барымты.

Наконец наступил день выборов и Жараспай в своей волости снова укрепился в должности управителя. Но победа досталась не легко. Пришлось выдержать длительную борьбу и испытать немало сомнений в успехе дела. Сят в борьбе, казалось, потерпел поражение. С должности он был смещен. Но это только казалось так — новый волостной управитель был избран из его ставленников. Аул Досай не смог одержать победы над ним. Пользуясь своими связями с уездным начальником, Жараспай получил большой вес по сравнению с Сятом. Опираясь на свой авторитет, Жараспай хотел было добиться у уездного начальника, прибывшего на выборы, избрания Байтена, но большинство населения оказалось на стороне Сята. Байтен не смог сплотить вокруг себя населения Шегетинской волости, и Сят, несмотря на то, что сам был смещен, добился избрания волостным управителем своего ставленника.

Но в глазах посторонних повторное избрание волостным управителем Жараспая и смещение с должности Сята были оценены как поражение Сята. Поэтому Сят решился продолжать борьбу со своим противником.

Несмотря на то, что выборы уже прошли и наступила осень, воротили многочисленного и сильного рода не приостановили своей вражды с Жараспаем.

Из-за этой непрекращающейся борьбы между Сятом и Жараспаем Бахтыгул был лишен возможности заниматься честным трудом, он снова очутился во власти старой своей привычки и неудержимо покатился вниз.

Поздней осенью к моменту переезда в зимовку наступило некоторое затишье. Волостной управитель перестал поручать Бахтыгулу совершать прежние набеги и предоставил его самому себе.

К этому времени Бахтыгул начал терять свои связи с хозяйством волостного.

Несмотря на то, что его летние товарищи давно бросили набеги, он уезжал один и, казалось, спешил наверстать упущенное за год честной жизни.

Лишь изредка навещал он волостного, день — два гостил у него, а затем снова пропадал на десять, на пятнадцать дней. Это уже превратилось в привычку.

Летом он подробно рассказывал волостному о своих набегах. И теперь, хоть изредка, но посвящал Жараспая в свои дела.

Но в последнее время волостной управитель стал выслушивать его сообщения молча. По каким-то своим расчетам, он не поручал ему таких дел, но и не останавливал его, зная, что он продолжает заниматься этим.

Бахтыгул обладал цельным характером и весь отдавался тому делу, которым занимался.

Не получая от волостного управителя никаких указаний, он продолжал угонять скот, он уже не мог остановиться, подобно предоставленному самому себе буйному самцу-верблюду в случное время. Его действия были совершенно безотчетны, он не задумывался над ними. Подобно беспросыпному горькому пьянице, он упивался своими набегами. Он снова был во власти старой привычки, он не в состоянии был опомниться и отдать себе отчет в своих поступках. Все то, что в прошлую зиму он сам называл “преступлением, нечестным делом”, теперь было его постоянным занятием. Бахтыгул опять стал конокрадом.

V

Последнее время Бахтыгул подолгу не бывал в ауле Жараспая и не знал, в каком состоянии находится борьба между враждующими группами. Он перестал посвящать волостного в свои набеги и делиться с ним своими планами. Бахтыгул хорошо изучил одну долину, лежащую в пределах Шегетинской волости, он думал, что если отправиться на запад вдоль этой долины, то врагов в своей волости у него не будет. Он полагал также, что если Жараспай молчит, то, значит, он не против его набегов, если бы он не одобрял их, то, конечно, сказал бы об этом. И Бахтыгул спешил со своими набегами, пока Жараспай не запретил этого.

Так он провел около месяца.

В течение последних десяти дней Бахтыгул угнал лошадь из одного дальнего аула Шегетинской волости, откочевавшего к своим зимовкам. Два дня скрывался он потом у себя дома. Как-то к полудню из аула волостного приехал пастух и сказал, что его зовет Жараспай.

Бахтыгул быстро оседлал своего коня и приехал к волостному. По обыкновению в доме волостного было много людей из аулов Шалкарской волости. Они сидели недалеко от юрты отдельными группами, полукругом. Тут же Бахтыгул заметил 4–5 человек людей из Шегетинской волости, как раз из тех аулов, с которыми Жараспай все лето отчаянно враждовал. Раза два Бахтыгул совершал набеги на их табуны.

Хотя он не знал, зачем его вызвали, но увидав этих людей, заподозрил, что его позвали по их делу.

Так и случилось. Волостной управитель, сидевший среди них, вел себя не по-прежнему. Кажется, он охладел к Бахтыгулу. Он едва ответил на его приветствие, даже не спросил о здоровье. Тут же при людях с самым грозным видом набросился он на Бахтыгула, крепко обругав его:

– Ты, оказывается, перешел всякие грани. Я был уверен, что ты исправился наконец, что теперь ты не пойдешь больше на преступления. Но, оказывается, ты и меня впутывал в свои преступные дела, пачкал и мое имя. Что я тебе сделал плохого? – как бы желая оправдать себя перед собравшимися, Жараспай обрушился на Бахтыгула.

Никогда раньше не слышал Бахтыгул от волостного подобных слов. Он не знал, что делать. Во всех делах, в которых его обвинял Жараспай, он не считал себя в такой степени виновным.

– Что я сделал? Прежде чем губить меня, скажите, в чем я виновен. Это чья-либо клевета, надо проверить, надо расследовать сначала! – воскликнул Бахтыгул.

– Расследовать нечего. Кроме тебя некому сделать это. Ты украл из аула Калмакан Шегетинской волости одного гнедого, одного рыжего коня и двух кобыл – сейчас же верни им лошадей.

Бахтыгул промолчал. Он хотел было отпереться, но ничего не вышло: на самом деле он украл этих лошадей. Да и не было смысла скрывать этого, так как этих лошадей он украл в начале осени. В то время, когда еще рассказывал Жараспаю куда ездил, у кого крал. “Неужели волостной управитель желает отвертеться таким образом? Или он только при людях так говорит? Или он думает в глазах посторонних выставить во всем виноватым Бахтыгула и тем самым оправдать себя?”

В таком случае он, наверное, думает впоследствии выручить его. Выставив в глазах посторонних виновным Бахтыгула, на деле он, наверное, думает защитить его. Так всегда поступали в подобных случаях воротилы аулов”, – так думал Бахтыгул. – Наверное, это лишь простые угрозы. Не стану возражать, лучше молча подчинюсь его приказанию”. Бахтыгул посидел некоторое время молча, потом заявил:

– Да, правда, я украл. Виновен, и я, и мой скот в ваших руках. К кому я пойду, кроме вас? Кого я выберу себе в судьи? Сами решайте, как мне возместить калмакановцам украденное. Больше мне нечего сказать.

Большинству аксакалов и присутствовавших тут молодых людей эти слова Бахтыгула очень понравились, некоторые кивали ему головой, другие улыбались. Все были довольны также и внушительностью своего волостного, его весом, его авторитетом. Затем раздались возгласы: “Несчастный бедняк, он мужественный человек. Если бы ему даже и пришлось погибнуть, он скажет правду. Мы же говорили, что он ничего не скроет от волостного, даже если бы он убил человека. Если он на самом деле украл, то-таки скажет, что украл”...

Оглянувшись на смеющуюся публику, Бахтыгул узнал среди сидевших сына Байтена – шурина Жараспая, и рядом с ним одного человека из аула Калмакан.

Бахтыгул знал их обоих с лета, это были самые непримиримые враги. Теперь, оказывается, эти люди сидят рядом, как старые друзья. Это показалось непонятным Бахтыгулу.

Несмотря на то, что Бахтыгул сказал всю правду, волостной управитель не смягчился. Он по-прежнему сердито кричал и ругал Бахтыгула, издевался над ним и наконец заявил:

– Если и вперед будешь повторять это, то не жди от меня добра. Я тебя уважал и приблизил к себе, потому что надеялся, что ты исправишься. Как только ты пойдешь снова по старому пути, между нами будет все кончено, я не хочу никаких связей с воров. – Он замолчал и грозно уставился на Бахтыгула.

Подчиняясь гневу волостного, все сидели молча. Бахтыгул не стал возражать. Объяснив такое поведение волост-

ного по-своему, он решил ничего не говорить, ни в чем не противоречить ему.

– Сейчас эти потерпевшие поедут в твой аул, – продолжал Жараспай. Ты возместишь им четырех лошадей, отдав взамен своих коней, а в наказание себе дашь еще одного коня и верблюда впридачу”.

Все застыли в молчании.

Решение волостного показалось Бахтыгулу очень тяжелым. Но, что бы с ним не делали, хотя бы его исполосовали, он решил все перенести без единого звука.

Приговор волостного все нашли справедливым. Вместе с Бахтыгулом и калмакановцами волостной управитель послал аксакала Сарсена, и в тот же день они из малочисленного скота Бахтыгула взяли в пользу калмакановцев шесть голов самых крупных животных.

Такую убыль нелегко перенести. Потеря почти всего скота, который был опорой жизни Бахтыгула, сразу отразилась на благосостоянии Бахтыгула. И Каракатын, и Бахтыгул тяжело переживали это.

Сперва Бахтыгул не понял поведения волостного, был поражен его действиями, но затем обиделся и охладел к нему. Волостной управитель взыскал с него в пользу ненавистых врагов несколько голов скота и даже не проявил к нему жалости, и не выразил как-нибудь сочувствия Бахтыгулу, так сильно пострадавшему в результате всего этого. Кажется, что он даже не считает нужным проявлять какое-либо участие. После этого Бахтыгул не мог спокойно сидеть дома. Он собирался было совершить еще одну поездку в дальние аулы. Готовясь к этой поездке, он выхаживал и выстаивал саврасого скакуна. Но отказался от своего намерения, отпустил саврасого в табун. Он решил побывать в окрестных аулах, расспросить кое-кого и разузнать новости, выяснить настроения людей, послушать разговоры и сплетни.

Побывав с такой целью в соседних аулах, он полностью ознакомился со всеми новостями, какими было занято население. Оказалось, что последние события приняли такой оборот, что грозили Бахтыгулу большими несчастьями и страданиями.

Он был подобен человеку, который в погоне за большой толпой, глотая пыль, потерял из виду всех, заблудился и не

знает, где очутился. Все люди живут своими заботами, а он, как рыскающий в степях одинокий волк, по-прежнему предоставлен сам себе. Бахтыгул почувствовал опять шемящее одиночество.

На самом деле, происшедшие за это время события были такими, что даже совершенно здорового человека могли запутать, выбить из колеи и свести с ума.

Вражда между борющимися группами, принявшая с самого начала острую форму и распространившаяся на огромную территорию, в нынешнем году была особенно длительной и до сего времени не прекращалась. Несмотря на то, что выборы давно закончились, вредительство друг другу, нанесение чувствительного ущерба и всякие обвинения друг против друга со стороны враждующих групп не утихали до самой осени. Партийно-родовая вражда все разрасталась и было совершенно неизвестно, чем она закончится. Сколько безобидных людей понесло крупные убытки в своем хозяйстве, подверглось незаслуженным наказаниям и совершенно безвинно пострадало! Не один Бахтыгул, но и много других бедняков, отличавшихся летом во время разгара вражды только своей исполнительностью, было зачислено в число воров и преступников. Много скота было расхищено воровством и барымтой. Много пострадало людей, которые приняли участие и общей борьбе, несоразмерив это участие со своей силой и состоянием. Не мало слабых людей, задетых крупными воротилами, подвергалось издевательствам и насилиям и в конце разорялось.

Непримиримая вражда все больше усиливаясь, приводила иногда соседние аулы к вооруженным столкновениям. Беднота и малочисленные слабые роды, которые не могли ослушаться требовательных аульных воротил и вожаков враждующих групп и думали, что, быть может, им придется когда-нибудь нуждаться в помощи и поддержке, переносили всю тяжесть таких столкновений и побоищ. Они и бились, и избивались, они побеждали и были побеждаемы.

Весь риск и тяжесть борьбы, страдания, горечь и трудности схваток падали на эту бедноту, в то время как влиятельные люди, главари вели спокойную беззаботную жизнь, наслаждались кумысом, объедались жирной копченой кониной, свежим мясом молодых барашков. Сытые, тшеслав-

ные, они проводили время в пустых разговорах, в самовосхвалении.

Во время выборов такое положение являлось какой-то неизбежной необходимостью, но в этом году и после выборов ничто не изменилось.

Затянувшаяся борьба среди населения этого уезда, в особенности борьба в Шалкарской, Бургеньской и Шегетинской волостях, стала центральным вопросом в области и городе. Везде, на любых сборищах и собраниях люди в первую очередь интересовались сообщениями о борьбе этих волостей, с большим удовольствием выслушивали последние новости о такой неслыханной вражде.

Говорили, что все население этих волостей стало заниматься барымтой и воровством, грабежами и набегами. Даже наиболее почетные люди этих волостей держали у себя воров, снаряжали отряды для набегов. Говорили, что не осталось ни одной семьи, которая брезговала бы мясом краденого животного. Рассказывали — там схватились и сражались такие-то аулы, ранено столько-то людей. Такие-то аулы ограблены... Если среди населения распространялись такие слухи, то в город, в уездные учреждения с каждым днем сыпалось все больше и больше жалоб и заявлений друг на друга.

Уездные и областные власти все лето и вовсе не интересовались борьбой или вели себя подобно человеку, бросающему кость стае собак, чтобы они перегрызлись между собою — они поддерживали то одних, то других, суля им чины и звания.

Теперь же невольно и им пришлось заняться вопросами борьбы среди населения, так как воровство и барымта усилились, казахские аулы стали все чаще прибегать к набегам и вооруженным столкновениям. Население перестало выполнять распоряжения начальства. Казахские конокрады стали воровать скот даже у русского населения. Такие слухи дошли и до начальства, и толстостенные, глухие учреждения начали пробуждаться от спячки.

Даже почитаемые волостные управители, несмотря на то, что сами разжигали вражду, теперь наряду с клеветой на своих противников начали сообщать начальникам и генералам о том, что “воров стало больше, население взбесилось”.

Наконец, по приказанию генерал-губернатора уездное начальство перетряхнуло всех, вызвало в город всех волостных управителей и главарей групп враждующих волостей и приступило к расследованию. Пользуясь привычными и испытанными методами, сперва оно нагнало на них страх, между делом набило себе взятками карманы и наконец приказало примириться. Все волостные управители, нежелающие подчиниться этому приказанию, подлежали смещению с должности, а главари враждующих групп — изгнанию из волости и высылке в другие края. Прежде при применении таких методов воздействия строптивость аульных воротил, подогреваемая крепостью кумыса, быстро испарялась. И теперь этот метод подействовал наилучшим образом. Вчерашние непримиримые враги — вожаки враждующих групп — устроили большое собрание в городе, закололи в жертву несколько баранов, дали обет и клятву и помирились. На этом собрании условились обуздать всех зарвавшихся ослушников и воров среди населения.

Все признавали, что преступления и воровство в их аулах увеличились. После примирения они решили собрать согласно подписания начальства враждовавшие аулы, удовлетворить их претензии друг к другу и наказать всех конокрадов. Волостные управители условились каждый в своей волости созвать съезды биев, разобрать все накопившиеся с лета дела и жалобы и ликвидировать смуту. Жараспай тоже был в городе. Он принял самое живое участие в обсуждении всех этих вопросов и был одной из решающих фигур. Помирившись с Сятом и другими своими соперниками, он недавно вернулся из города.

Жертвоприношения начались с этого. По возвращении главарей в аулы во всех волостях, как в дни айта¹, начались взаимные посещения и угощения. Повсюду начали мириться, поминать умерших, устраивать жертвоприношения, спешили друг к другу, как ягнята к своим матерям. Целое лето вся тяжесть борьбы между соперниками ложилась на массы. Теперь же, когда все эти воротилы, сами начав смуту и поссорив население, начали мириться, масса, оказавшаяся

---

¹ Айт — религиозный праздник.

ненужной, осталась в стороне, была забыта. Бедняки покачивали головами, поражаясь непостоянству своих вожаков. Но несмотря на это, они не стали осуждать и проклинать их или раскаиваться в том, что они были обмануты и одурачены. Все происшедшие события, так же как и руководители и вдохновители борьбы, остались для массы неразгаданной загадкой.

После примирения должен был собраться съезд биев. Надо было спешить с исправлением всех ошибок, допущенных летом в горячке борьбы и разгаре смуты. Надо было выискивать пути, которые бы дали возможность выйти незапятнанными и незадетыми. Почетные люди каждой волости заранее принимали меры, чтобы замять все те дела, которые касались их лично или их близких родственников и друзей, примирить, свести потерпевших с виновниками до открытия съезда биев. Такие же соображения и привели к примирению родственников невесты Жараспая из аула Досай с аулом Калмакан. Во время этого примирения калмакановцы и потребовали возмещения за лошадей, которые были угнаны Бахтыгулом. Этим и объяснилось поведение Жараспая, грозно и безжалостно взыскавшего в пользу калмакановцев шесть голов самого лучшего скота Бахтыгула.

Но этим не кончились несчастья. Расплата за привольную жизнь в течение последнего года, за оказанную ему благосклонность только еще готовилась.

Жараспай думал о том, как избавиться от всех сплетен и обвинений, возникших в результате тех преступлений, которые он допустил летом в горячке схватки со своими противниками и соперниками. В этих делах он зашел тогда слишком далеко.

Старый его покровитель из начальства, дружба с которым стоила ему недешево, когда Жараспай был в городе, отвел его как-то в сторону и с видом добродетельного ангела дал ему немало советов.

Начальник рассказал, что Жараспай обвиняется в том, что он имеет связи с ворами, что летом неоднократно снаряжал много отрядов для набегов и грабежей. И забрал много чужого скота. Держал при себе известного всем конокрада Бахтыгула. Он посоветовал Жараспаю как можно скорее

расправиться со своим конокрадом, чтобы этим оправдаться самому.

Когда Жараспай вернулся из города, ему сообщили, что население снова страдает от набегов Бахтыгула.

Говорили также, что есть разговоры о том, что Жараспай, постоянно держа при себе Бахтыгула, берет долю из его добычи и превратил его в соучастника побочных доходов.

Это сильно встревожило Жараспая.

Сам Бахтыгул не показывался в ауле волостного управителя – совсем забросил управление его хозяйством, от него не видали никакой помощи. Все это способствовало тому, чтобы и хозяйка волостного, и Кайрамбай, да и все соседи охладели к Бахтыгулу. Его почти забыли, а если вспоминали, то говорили только о его конокрадстве: “Оторвался он от волостного, стал дичиться. Конечно, он снова взялся за старое”, – повторяли они. Их враждебное отношение к Бахтыгулу передалось и другим. Все это было на руку волостному.

Для обвинения Бахтыгула нашелся и еще один повод. У одного близкого соседа из аула Козыбак Бургеньской волости кто-то угнал лошадь. В этом обвинили Бахтыгула. Бахтыгул же не был виновен в этом. Но, как говорит поговорка, “Слепой не забудет того, что видел раньше” – потерпевшие пристали к Бахтыгулу, считая его виновным. К нему приехали двое в поисках украденного. Несмотря на то, что Бахтыгул доказывал им свою непричастность к этой краже, потерпевшие ни за что не хотели ему поверить. В конце концов они пригрозили ему, что могут повторить то, что уже один раз проделали над ним джигиты из аула Козыбак.

Это вывело Бахтыгула из терпения; он выхватил нож и с руганью и угрозами выгнал их вон.

К старым сплетням о Бахтыгуле прибавилась новая. Волостной управитель держался так, что в глазах населения оказался виновным один Бахтыгул. Твердо храня секреты своего участия в преступлениях Бахтыгула, он сам стал обвинять Бахтыгула, а за ним и все начали сторониться и хаять Бахтыгула.

Каракатын – жена Бахтыгула, после того случая, когда с них взыскали шесть голов скота в пользу шегетинцев, почувствовала перемену в отношении к ним волостного. Не

советуясь с мужем, она сварила остатки мяса и повезла угощение для семьи Жараспая.

Байбише Жараспая и весь аул волостного встретили ее очень холодно. Каракатын сразу почувствовала, что они чуждаются ее. Она всячески старалась подладиться к ним, начала помогать по хозяйству, ласково величала байбише словом “женеше”. Но байбише не смягчилась, она со своими батрачками всячески насмеялась над нею.

Перед отъездом Каракатын рассказала про свое желание и в эту зиму прислать Сеита в аул волостного, говорила, что сын страстно хочет учиться и не дает покоя родителям, приставая, чтобы его скорее отвезли в аул волостного. Но ни Жараспай, ни его байбише не сказали ни слова в ответ. Каракатын, не зная что делать дальше, в большом горе вернулась домой.

Холодное отчуждение людей было началом приближающейся грозы, началом несчастья. Все зло исходило от волостного, умело скрывавшего свою жестокость и коварство в отношении Бахтыгула.

Волостной управитель про себя признавал свою вину в том, что человека, отказавшегося от преступной привычки, он толкал на конокрадство, но к осени он счел необходимым незаметно отойти от участия в набегах Бахтыгула, чтобы самому остаться чистым. Поэтому то, когда он сам уже отказался от барымты, он и не предупредил об этом близких ему конокрадов, делал вид, что не замечает их краж и набегов. Внутренне он даже желал, чтобы воровство продолжалось. Потому что, если бы набеги и кражи прекратились вовсе, он должен был бы ответить потом за действия воров и барымташи своей волости во время предвыборной борьбы.

Чтобы свалить всю ответственность на конокрадов, он сам осторожно и незаметно отошел от них и не принимал больше участия в дележе добычи. Это было одним из хитрых приемов волостного управителя, постигшего всю сложность людских взаимоотношений, изощренного в тонкостях степной борьбы.

Притворившись, что он перегружен делами, волостной как бы не замечал проделок конокрадов, ослабил надзор за ними и предоставил им полную свободу действий, чтобы потом обвинить их в злоупотреблении его доверием и

добротой. Предусмотрительный и хитрый, волостной так незаметно изменил свою политику еще за месяц до прекращения партийно-родовой вражды и примирения с соперниками.

Разные недобрые слухи среди населения, опасные обвинения, а также советы начальства привели к тому, что в последнее время волостной управитель даже у себя дома стал с сокрушением говорить о том, что почти все население поголовно в нынешнем году стало заниматься воровством, что число преступлений все возрастает, что даже такие воры, как Бахтыгул, давшие клятву не заниматься воровством, опять взбесились и, ругая их, он старался показать себя безвинным. Он стал часто повторять о том, что раз люди не хотят отказаться от преступлений, злоупотребляют его доверием и хорошим отношением, не жалко их подвергнуть каким угодно наказаниям.

Ему было необходимо оправдаться в глазах населения и избавиться от обвинений, для этого надо доказать виновность Бахтыгула, принести его в жертву. И не только одного Бахтыгула, надо подвергнуть такой же участи и целый ряд других воров волости, таких, которые вышли из бедноты, из малочисленных и слабых родов, одиноки и не имеют защитников. Нужно создать мнение, что если он что-либо допускал, то это было вынуждено обстоятельствами партийно-родовой вражды, а в обычное время нет человека более честного и справедливого, чем Жараспай.

Вот в чем заключался секрет многочисленных нападков на Бахтыгула со стороны волостного.

Так в состоянии внутренне уже назревшей ссоры, грозившей полным разрывом, прошло около десяти дней, и открылся волостной съезд биев.

С первых дней съезда до Бахтыгула стали доноситься недобрые вести. Говорили, что на съезде участвует и сам волостной управитель, говорили, что приговоры биев чрезвычайно жестоки. Знатные и почетные би́и большой Шалкарской волости совместно с волостным управителем вынесли постановление не жалеть воров. После обсуждения они составили список неисправимых воров. В списке 20 человек, но кто именно, пока неизвестно. Говорят, что всем им грозит тюрьма. Спустя два-три дня стали уже известны

первые имена приговоренных к тюремному заключению. Среди осужденных Жаутык, который летом часто сопровождал Бахтыгула в набегах, и еще трое из соседей волостного управителя. Все это были люди, которые принимали участие в набегах и грабежах потому лишь, что не смели ослушаться волостного. У них не было родственников, на которых они могли бы опереться, не было защитников, это были бедники, голые, как сокол. Трудно было угадать, кто теперь уцелеет. Почувствовав всю опасность своего положения, Бахтыгул сильно встревожился. Он вспомнил свои прошлогодние тяжелые переживания после избиения джигитами из аула Козыбак.

Он крепко задумался о своей судьбе. Он видел, что суд не трогает конокрадов, вышедших из многочисленных и сильных родов. Баев, которые содержали и снаряжали воров и сами участвовали в набегах, даже не подвергали дознанию. Бахтыгул знал, что сами бии, участвующие на съезде, окольными путями сводят и мирят потерпевших с этими ворами.

Очередь теперь за ним. Со дня открытия съезда биев он лишился и сна, и смеха, и аппетита. Нахлобучив шапку на глаза, тяжело вздыхая, он, бледный и безмолвный, сидит дома.

Как смертного часа ждет он момента, когда его позовут и он предстанет перед нечестными продажными биями.

Это тягостное ожидание продолжалось недолго. Однажды к полудню приехал вестовой волостного управителя и увез его с собой.

В богато убранных роскошных юртах на мягких одеялах в пуховых подушках утопали почетные толстые бии, днем и ночью объедаясь жирным мясом. Они были похожи на аульных собак, разжиревших во время падежа скота. С налитыми кровью глазами, как у взбесившихся и готовых укусить собак, бии были безжалостны.

Забывшие все, кроме своего положения и обжорства, они не намерены проявлять в отношении бедняков милосердия. Измученный Бахтыгул очень тихо произнес слова приветствия и занял место около двери. Не нашлось ни одного человека, который пожелал бы спросить о его жисте и здоровье. Даже на приветствие его никто не ответил.

Окинув взором всех сидящих, он узнал среди них и близких прежде биев. Тут почетный старик Сарсен и еще несколько биев, которые летом, во время разгара вражды, были на стороне Жараспая и казались Бахтыгулу своими людьми. Он хотел было встретиться с ними глазами и поздороваться, но они избегали его взглядов, старались не смотреть на него.

Бахтыгул сказал себе: “Ну, теперь все ясно”. Вместе с этим он почувствовал облегчение. Он повторил про себя: “Я не виноват ни в чем!” Ему показалось, что во мраке, окутавшем его, блеснул яркий свет. “Если я виновен, то пусть меня обвиняют другие. Если же вы хотите быть моими судьями, то мы еще посмотрим, — каков я, таковы и вы” — так начал он про себя спор. Ощетинив свои длинные усы, Бахтыгул насторожился.

Начался суд.

Истцами оказались люди Сята и Ораза. Сидевший посреди самых почетных биев жирный рыжий человек оказался истцом, требующим возмещения кражи с Бахтыгула. Разбору подлежал вопрос о краже пяти лошадей, которых Бахтыгул угнал еще летом по приказанию Жараспая.

Первым говорил истец. Затем бии грозным голосом, нахмутив брови, стали допрашивать обвиняемого. Но сколько они ни издевались и ни угрожали, Бахтыгул не только не растерялся, но и не стал вилять.

После двух-трех вопросов он прямо заявил:

— Не стану скрывать, — взял.

Все, пораженные, замолчали. Должно быть, бии со стороны Жараспая сговорились, заранее обдумали, все были подготовлены к этому. Они продолжали сидеть молча. Но низкого роста с ошетиенными усами рыжий бий противоположной партии, придираясь к словам Бахтыгула, задал вопрос: “За что же взял?”

Бахтыгул чуть заметно улыбнулся из-под усов и решительно заявил: “Из-за вражды!” Сговорившиеся бии грозно посмотрели на него в упор, некоторые из них насмешливо фыркнули.

— Да, во всем виновата партийно-родовая вражда, любому она служит оправданием. Даже и тебе она оказывает помощь! — с издевкой произнес рыжий бий. Его поддержали и остальные.

— Какую же родовую месть хранил ты по отношению к Оразу и Сяту? Что, разве вы были с ними непримиримыми врагами в этой борьбе? — снова с иронией задал вопрос Бахтыгулу рыжий бий.

— Если не я, так население моей волости, близкие мне люди вели борьбу. И я в числе других был их сторонником и защитником.

— Ну, а все же, за что ты взял пять лошадей Ораза? Ты брось говорить о вражде населения и борьбе руководителей. О них разговор особый. Они уже обсудили свои дела и помирились между собой. Ты тут не впутывай их. Я об этом серьезно говорю тебе. Люди, которых ты хочешь представить своими руководителями, оправдали себя, истцы убедились, что они не причастны к этой краже. Ты один украл у нас пять лошадей и ты один их использовал. Что скажешь на это?

— Украл ли одну, десять или пять голов — все равно не из-за своей личной мести крал. По указанию других крал. Мне не надо далеко ходить за свидетелями — вот сидят Сарсен и Кокыш, они не меньше виновны в тех набегах, которые я совершил нынче летом.

Кокыш только что вошел в юрту. В ответ на слова Бахтыгула он, зажав в руке нагайку, пристально посмотрел на него и сказал: “О нашей борьбе и барымте речь особая. Не тебе решать это. Не впутывай людей, к которым не может пристать твоя вина, не огрызайся зря, понимаешь? Ты вор, а не я. Ел ты, а не я. Если ты тонешь, не тяни за собою нас с Сарсеном. Бии, — обратился он к собравшимся, — вы знаете, что дело никакого отношения не имеет ни к барымте, ни к партийно-родовой борьбе, это — простое воровство. Он, конечно, не только нас, но и Жараспая постарается впутать в свое дело. Меня волостной управитель специально прислал сюда, чтобы заявить об этом. Известная песня вора! Он сознался в своем воровстве, а дальнейшее — ваше дело”.

Это было совершенно непереносимо. Бахтыгула охватило негодование безвинно пострадавшего. Тяжелая обида и свое бессилие, и одиночество так потрясли его, что глаза его наполнились слезами, горло судорожно сжималось и он не смог произнести ни слова.

Бии же были уже готовы на любую несправедливость, на явное бесстыдство, были готовы самым нечестным путем и любыми средствами обвинить безвинного человека. Все было кончено. Бии решились на тяжелое злодеяние. Наступал момент вынесения приговора. Потрясенный всем происшедшим, обессиленный Бахтыгул не стал спорить, он только заявил напоследок:

— Если то, что сказал Кокыш, действительно было сказано и Жараспаем, то мне нечего больше говорить. Сожгите меня. Такая собачья жизнь мне теперь не нужна! Мой одинокий двор не может увеличить или уменьшить числа чьих-либо сторонников. Я одинокий бедняк из рода сары. Кто станет тужить обо мне? Пусть я погибну. Если вы не осудите меня, то, видно, ваша честь будет ущемлена! Видно, я один порочу ваши честные головы. Я сам виноват во всем — не надо было быть таким доверчивым. Вы приносите меня в жертву, я понял вас. Что ж, пусть будет по-вашему...

У Бахтыгула выступили на глазах слезы, затем приступили к вынесению приговора. Выйдя из юрты, Бахтыгул увидел волостного управителя, проходящего мимо вместе с четырьмя толстяками. Бахтыгул поздоровался, но Жараспай не ответил на его приветствие. Видя крепкую и толстую спину сильного и бесстыдного волостного управителя Бахтыгул стиснул зубы и закусил губу. Ему казалось, что его сердце наполнилось ядом.

В это время вестовой снова позвал его и ввел в юрту. Бии постановили взыскать с него в возмещение пяти украденных лошадей пять голов скота и приговорили его к тюремному заключению на три года.

VI

Бахтыгул бежал. Прошло около двух недель, как он, скрываясь от людей, жил вольным зверем среди диких гор.

Приговор, вынесенный продажными биями на волостном съезде, в тот же день должны были привести в исполнение.

Решено было тут же арестовать Бахтыгула. Вместе со строгим предписанием уездного начальника “обуздать конокрадов”, биям и управителю было дано право определить

сроки наказания приговоренных к тюремному заключению.

Сразу же после объявления приговора вестовой волостного управителя вывел Бахтыгула из юрты биев и повел к юрте, где сидели арестованные конокрады.

Прежде такого наказания, как содержание под стражей, в обычаях степи не было.

Волостные управители и биин, не доверяя вору и опасаясь, что он может сбежать, обычно накладывали на его ноги конские путы. Вестовой не захватил их с собою. По его лицу, манерам, движениям сразу было видно, что он парень глуповатый. Бахтыгул заметил также, что вестовой безоружен.

Бахтыгул, растерявшийся при чтении приговора и не знавший, что предпринять, только теперь на свежем воздухе, когда этот джигит собрался надеть на него путы, осознал полностью свое положение. Он решил сейчас же бежать, не подчиняться приговору. Вестовой побежал за путами в юрту волостного, приказав Бахтыгулу “постоять на месте”.

Бахтыгул, не теряя времени, вскочил на своего коня, привязанного возле юрты биев, и под прикрытием юрт рысью бросился прочь. В то время, как выбежавший из юрты вестовой, тщетно охая и созывая людей, бегал с пустыми криками “куда девался, куда девался!”, Бахтыгул, перевалив за холм возле аула, быстро спустился в скалистый овраг и оттуда, проехав сквозь каменные нагромождения, поднялся в горы и окончательно скрыл свои следы. С этого момента Бахтыгул стал беглецом.

С тех пор, как Бахтыгул стал конокрадом, прошло уже много лет, но ему никогда не приходилось скрываться, его не преследовали, потому что он никогда не занимался этим делом постоянно. Иногда, вынуждаемый обстоятельствами, он участвовал в набегах, иногда же вовсе прекращал их на долгое время. Воспрянув духом прошлый год от дружбы с Жараспаем, доверившись мимолетному предательски-приветливому румянцу его лица, Бахтыгул теперь с головой окунулся в дурную славу беглеца, которую никогда не имел раньше и не хотел иметь.

Со времени бегства Бахтыгула прошло не очень много дней, но он успел уже испытать всю тяжесть жизни беглеца.

Волостной управитель заставил разыскивать Бахтыгула целый день после его бегства. Но обнаружить его не удалось, хотя до вечера люди объездили все окрестности. Бахтыгул тем временем, не останавливаясь нигде, приехал прямо домой, рассказал обо всем жене, забрал свою одежду, сел на саврасого скакуна, оставив дома рыжего коня, на котором приехал, перекинул за плечо свое ружье, и, чтобы не попасться никому на глаза, спрятался неподалеку среди камней и пробыл там до вечера. Поручив своей жене приготовить ему толченое просо, сам он притащил туда барашка, заколол его, отложил одну половину мяса для жены и детей, другую разделил на части, посолил и запихал в чисто вымытый бараний желудок на собственное пропитание.

Вечером, с наступлением темноты, жена принесла ему толченое просо, Бахтыгул простился с ней, сказал, что вернет ее с детьми аллаху, и, не говоря ничего о том, когда он вернется обратно, сел на саврасого коня и отправился с горы, ведя на поводу еще запасного темно-рыжего коня.

Каракатын стояла, смотря на удалявшегося мужа, пока он не пропал в темноте.

— Значит, вот до чего дошло! — проговорила она. — Пусть накажет тебя бог, Жараспай! Пусть все, что ты сделал, падет на твою голову! — с этими словами она закинула за спину мешок с мясом и поплелась домой, всхлипывая.

В ту же ночь в аул Бахтыгула явилась погоня, снаряженная волостным управителем. Бахтыгула, конечно, не нашли и не добились никакого толка от его жены. Каракатын сказала, что муж уехал утром и больше она его не видала. Наоборот, она наивно выпытывала у этих людей, что случилось.

Поставив себе целью расправиться с Бахтыгулом, управитель со всем своим упорством стремился к тому, чтобы Бахтыгул не гулял на свободе, а как можно скорее был отправлен в тюрьму. Управитель посылал людей на розыски во все стороны. Он использовал для этого знатоков местности, охотников и конокрадов, изъездивших скалистые горные ущелья вдоль и поперек. Со времени бегства Бахтыгула десятки людей не слезали с коней, без отдыха рыскали в горах, осматривая каждый камень, каждую скалу. Но Бахтыгул не попадался в их руки.

Со дня своего бегства Бахтыгул не переставал думать о тюрьме. Всю жизнь преследовал его призрак тюрьмы, пугая его воображение; тюрьма была единственно опасным врагом Бахтыгула, которого он смертельно боялся. Этот призрак постоянно следовал за Бахтыгулом по пятам, подобно сказочной бабе-яге, преследовавшей верхом на желмае¹ Кула-мергена². Предчувствия какой-то неведомой опасности днем и ночью охватывали его душу, как стрела пронзая его сердце.

Он был не в состоянии стряхнуть с себя это, поесть и заснуть. Какая-то тяжесть давила на его плечи, отнимая силы. Порой ему мерещилось, что его преследует огромный пожар или потоп, поглощающий окружающую природу.

Ни днем, ни ночью не покидало его ощущение близости смерти, стоящей за его спиной с раскрытой пастью, готовой поглотить его.

Чугунные ворота и мрачные стены тюрьмы были подобны этой страшной смерти. Давнишний страх перед тюрьмой, присущий его характеру по первобытной дикости его природы, часто внезапно поднимал его ото сна, заставляя вздрагивать. Эта боязнь тюрьмы превратилась теперь в болезнь.

“Что стоит человек, думающий остаться в живых, ввергая свою свободу и жизнь в железные пути тюрьмы? Лучше умереть, потому что тюрьма ведь равносильна смерти, да еще смерти в неволе, в руках врагов! Пусть будет проклята такая жизнь!” — так думал Бахтыгул. Его мысль постоянно, с утра до темной ночи была устремлена в какую-то мрачную и суровую бездонную пропасть, не будучи в силах освободиться от ее демонического притяжения. С усилением преследования болезненное воображение Бахтыгула превратило Жараспая в Азраила³, стоявшего рядом с тюрьмой, похожей на неведомую страшную пропасть. Толстая спина и суровый вид Жараспая — Азраила представлялись Бахтыгулу лишь частью из тысяч его врагов, пославших вслед ему ту смерть, которая преследовала его по пятам.

---

¹ Желмая — быстроногий верблюд.

² Кула-мерген — сказочный охотник.

³ Азраил — ангел смерти у магометан.

Порой, когда Бахтыгул задумывался над тем, что он, если не сегодня, то завтра, невольно может оказаться в тисках своих многочисленных и сильных врагов, — им овладевала мучительная тоска, он почти терял рассудок, задыхался. Но когда сознание снова возвращалось к нему, он овладевал собой. “Живым не дамся, — думал он, — буду бежать и бежать, умру беглецом. Если же ты... Жараспай... не оставишь меня в покое, то... посмотрим...”

Управитель не знал отдыха в течение пятнадцати дней. Он искал Бахтыгула повсюду, точно с факелом в руках, как говорится.

За последние дни был отправлен в горы, где скрывался Бахтыгул, целый отряд в десять человек, вооруженный до зубов. Управитель постарался привлечь к делу преследования Бахтыгула и население, живущее в горах. Был пущен такой слух: “Кто увидит Бахтыгула, тот пусть задержит и доставит его управителю, либо донесет о его местонахождении. Населению не будет спокойствия до тех пор, пока беглец не будет пойман. Из города скоро выступит отряд. Тогда населению не будет покоя — придется кормить солдат и поставлять подводы”. Кроме этого население еще запугивали тем, что оно будет наказано за поддержку конокрада. Так охотники травят зверя, пустив в небо ястреба, а по следам гончую. Мирное население натравливалось на Бахтыгула. Но управитель действовал на население не только запугиванием, но и уговорами, внушением через своих сторонников, богатых и влиятельных стариков и ловких аткаминеров¹, послушных его желаниям.

Бахтыгулу казалось, что даже в недоступных горных ущельях скоро ему не будет надежного убежища. Теперь ему оставалось одно: не доверяя окружающему населению, не показываться нигде, а отыскать какое-нибудь укромное местечко и сделать его своим убежищем, хотя для этого, может быть, придется отдать все, что имеешь. Врагов у него бесчисленное множество. Они безжалостны. В рядах преследователей нет ни одного не вооруженного человека. А Бахтыгул одинок и у него нет оружия, кроме одноствольного шомпольного ружья. Отсутствие оружия больше всего му-

---

¹ Аткаминер — родовитый, влиятельный казах.

чило Бахтыгула. Раз стал беглецом, то без надежного коня и вооружения ничего не выйдет, не для чего было бежать, чтобы погибнуть зря. Бахтыгул думал об этом постоянно с первых же дней своего бегства. И только сегодня он достиг своей цели, добыл надежное оружие.

Теперь у него за пазухой был новый сверкающий револьвер, а за плечами — хорошая берданка, которые достались ему совершенно бесплатно.

Года три тому назад во время своих поездок Бахтыгул подружился с одним старым конокрадом из Бургеня. Он два года скрывался так же, как теперь Бахтыгул, и притерпел много мучений. Наконец он попал в тюрьму, где просидел около года, а выйдя на свободу, жил у себя дома.

Бахтыгул в то время оказывал этому человеку много услуг, не раз давал ему своих коней, исполнял все его поручения и доставлял его семье все необходимое, не дожидаясь, чтобы его попросили об этом. Старый конокрад дал тогда клятву отблагодарить Бахтыгула при первой возможности. Когда Бахтыгул явился к нему, он безоговорочно отдал Бахтыгулу свое припрятанное оружие со всеми боеприпасами.

Получив оружие, Бахтыгул прибыл вечером того же дня в один аул, расположенный в горах на берегу реки Шалкар. Переночевав тут, на утро он поехал вверх по реке к аулу одного преданного ему бедняка, жившего в уединении.

Аул, где Бахтыгул провел ночь, показался ему ненадежным. Холодный прием, оказанный ему, тихие таинственные разговоры в семье, где он ночевал — во всем этом чувствовалась какая-то тайна. Встревоженный этим, Бахтыгул немного вздремнул и на заре, когда аул еще был объят крепким предутренним сном, оседлал потихоньку своего коня и отправился в путь, не разбудив никого.

Раньше этот аул всегда встречал Бахтыгула тепло и дружелюбно, теперь он охладел к нему, затаив в себе что-то враждебное, как будто здесь проползла ядовитая змея ненависти. И не только этот аул, но и многие другие, расположенные в этой местности, стали принимать при его появлении одинаково хмурый вид. Это обстоятельство еще больше озлобляло Бахтыгула.

Жараспай преследовал Бахтыгула всюду, не оставляя ему нигде на свободе убежища и распространяя о нем самую

дурную славу с тем, чтобы он стал ненавистным везде, куда бы он не поехал.

Пробравшись через густую, непроходимую чащу девственного елового леса, покрывавшего горные склоны, Бахтыгул достиг выступа красной скалы. Внизу бешенно катился необузданный Шалкар, поднимая в ущелье неистовый гул. За красной скалой ниже лежало единственно надежное пристанище Бахтыгула — аул Хатубая. Бахтыгул направился туда, чтобы согреться, попить чайку, и, узнав последние новости, снова уехать в горы до наступления вечера.

Поднявшись по выступам скалы, Бахтыгул осмотрел окрестности аула. Удостоверившись в том, что посторонних подозрительных людей и чужих лошадей не видно, он шагом подъехал к землянке, спешился, ввел и привязал саврасого коня в знакомый ему низенький сарай с двумя выходами и вошел в землянку.

Теперь этот дом был единственным надежным убежищем для Бахтыгула, где он жил подолгу, как у себя дома.

Вся семья Хатубая была в сборе. Хатубай только что убил елика¹ из старого ружья Бахтыгула, и жена приготавлила куурдак² и кипятила воду для чая. Теплый уголок спокойной свободной жизни, горячий чай и приятный запах шипящего в котле над очагом куурдака — все это, хоть и на одну минуту, отвлекло Бахтыгула и согрело его остывшее от одиночества сердце.

Хатубай был бедняк, человек спокойного и тихого нрава. Ему было лет под пятьдесят. Прошло пять, а может быть, и десять лет, с тех пор, как показалась в его жидкой бороде первая седина. Теперь борода его почти седая. Лицо у Хатубая румяное и приветливое. Лет пятнадцать тому назад, после смерти своей первой жены он женился второй раз. От второй жены он имел двух сыновей — 10 и 12 лет. Жена его полная, краснощекая, плосколицая блондинка, с мужественными чертами лица, женщина скромная, сердечная и отзвучивая.

Дети — Мукаш и Жумаш, хотя и выросли в бедной захудалой семье — славные ребята, получившие от родителей хороший пример кротости и опрятности.

---

¹ Елик — серна.

² Куурдак — жаркое.

Бахтыгул только недавно подружился с семьей Хатубая. Это была бедная семья, жившая вдали от всех, среди безлюдных гор, довольствовалась немногими козами с козлятами, да еще кое-какой скотиной, занималась охотой, расставляя силки, долго и терпеливо выслеживая зверя, и питаясь мясом изредка убиваемых из ружья горных коз и еликов.

Однажды, когда Бахтыгул ехал ночью, думая переночевать в горах под открытым небом, он увидел мерцающий огонь в этой землянке, подъехал к ней и остановился. Она тогда, как и теперь, послужила ему теплым и приятным убежищем.

Убедившись в том, что эта семья является самой радушной среди всех аулов, в которых он побывал, Бахтыгул в первую же ночь рассказал Хатубаю свою историю. Семья Хатубая искренне пожалела Бахтыгула, угостила его чем могла и даже прослезилась, проклиная и управителя, и начальство.

Семья эта только числилась в составе своего аула, жила же своей обособленной жизнью, не зная ни управителя, ни баев, ни хороших и ни плохих людей и не старалась узнать их. Занимаясь летом посевами, зимою — уходом за своим немногочисленным скотом, они держались в стороне от развлечений, сплетен и разговоров, которыми увлекались другие.

Бедняк Хатубай жил одиноко среди необитаемых гор и довольствовался своим весьма скромным и неприглядным существованием. Он любил уют своего домашнего очага и проводил жизнь в кругу своей семьи.

Хатубай не испугался последствий и приютил Бахтыгула. “Видно, ты азамат¹, впавший в несчастье. “Одинокому бог покровительствует” — говорит пословица. Может быть, когда-нибудь потом изредка будешь вспоминать, что был такой, мол, старик со старухой. Живи здесь, как у себя дома. И детей наших считай за своих братьев”. Хатубай долго дружески успокаивал своего гостя и обещал разузнать все о его врагах.

С этой первой же ночи Хатубай стал самым надежным другом Бахтыгула. Да и вся его семья смотрела на Бахтыгула как на родного, как на члена семьи.

---

¹ Азамат — смельчак, молодец.

Три дня до своей поездки в Бургень к старому другу Бахтыгул жил здесь, в этом доме. Но днем он тут не оставался. Рано утром уезжал он в горы и возвращался поздно ночью. Поэтому о том, что он ютился здесь, никто не знал. Бахтыгул возвращался каждый раз с подстреленной в горах козой, семья кормилась этим мясом. После отъезда Бахтыгула в Бургень, Хатубай, спустившись в аулы, расположенные ниже по ущелью, слышал много разговоров. Говорили, что какой-то беглец по имени Бахтыгул. Управитель, мол, приказал, чтобы этого бегльца никто к своему аулу не подпускал и что всякий, кто увидит его, должен донести о нем, а если удастся, то задержать и доставить куда следует. Такое распоряжение было будто бы послано по всем аулам. Хатубай молчал, притворяясь, что не интересуется этим. Вчера он даже видел в дальних аулах толпу преследователей, разыскивающих Бахтыгула.

Раньше они так далеко не заезжали. Видно, сюда прибыли по чьему-то доносу или прослышали что-то. Хатубай и его жена рассказали об этом Бахтыгулу сразу после его приезда за куурдаком и чаем, просили его быть осторожным.

Услышав это, Бахтыгул вспомнил о холодном приеме в том ауле, где он сегодня ночевал, и, опасаясь, что этот аул может направить преследователей на его след, быстро наполнил чаю и сел на коня.

Всякий раз, выезжая из аула, Бахтыгул следовал вверх по речке, в сторону необитаемых гор. И на этот раз, по своей старой привычке, проехав наискось скалистое плоскогорье, он достиг берега реки Шалкар.

Шалкар мчит свои воды и как бы кличет издалека: “Здесь, здесь я”, оглушая ущелье своим гулом. Когда подъезжаешь близко к его обрывистому берегу, он пугает своим суровым буйным видом. Он стремится в долину, прорываясь сквозь крутые склоны, выйдя из богатырской груди высококой горы – оттуда, где лежат вечные пласты ледников и белого снега. Он пляшет на своем пути, извиваясь и прыгая, и неожиданно круто поворачивая в сторону.

Бахтыгул ехал по обрывистому берегу реки, не в силах отвести глаз от дикого и сурового стремительного потока. Эта речка летом бывает молочно-мутной, быстрой и многоводной. Теперь, к осени, ее уровень заметно спустился. Но

все же и теперь она никому бы не дала переправиться на другой берег. И теперь она с грохотом перекатывала по дну круглые обточенные камни, сталкивая их друг с другом.

Бахтыгул подъехал как раз к тому месту, где Шалкар с грозным ревом стремительно несется вниз по крутому склону, прорываясь между темных скал.

Речка здесь бушевала и пенилась, как сильно кипящая в котле вода. Бушующие волны стремились вперед в бешеной гонке, то разбиваясь и извиваясь, как сотни змей, то с глухим ревом стремились вперед как звери, обезумевшие от пожара или облавы. Ущелье упиралось в выступ крутого утеса. Речка, извиваясь между высокими скалами, по каменистой крутизне огибала выступ и проливалась вниз как поток, выброшенный из горного лона, когда она поворачивала дальше к следующему выступу, то выбегала точно из отверстия земли. Повернув за утес, буйная речка терялась из вида и больше не показывалась, только слышался ее бешеный рев. Казалось, что высокий отвесный утес проглатывал и уносил воды в подземелье.

Бурное течение Шалкара кружило голову, там, где нет моста, никто не осмеливался переправляться через реку, но Бахтыгулу нужно было заранее заметить место, где в критический момент можно было бы легко перебраться на другую сторону речки. Отыскивая удобную переправу, Бахтыгул медленно продвигался по берегу. Но, видимо, таких мест вблизи найти не удастся.

Бахтыгул ехал, занятый этими мыслями, внимательно всматриваясь в течение реки, как вдруг его саврасый конь насторожился. Бросив взгляд вперед, Бахтыгул увидел двух всадников, поднявшихся на выступ, на расстоянии около полуверсты от него.

Люди были подозрительные: на крепких стройных конях, как бы предназначенных для погони, с дубинами в руках. На пути Бахтыгула был лес и каменистые холмы, — он пригнулся и под их прикрытием быстро спустился вниз. Но в этот момент увидел позади себя еще 4–5 всадников, маячивших на другом выступе.

Заметив Бахтыгула, они с криками бросились за ним. Подозревая, что Бахтыгул находится здесь, преследователи,

очевидно, решили пустить с тыла погоню, устроив одновременно засаду впереди.

Речка явилась опасным заграждением, создающим непреодолимое препятствие. Бахтыгул очутился в западне. Можно было бы броситься в сторону от речки, но видно было, что и этот путь сейчас же будет отрезан.

Бахтыгул убедился, что он очутился во вражеском кольце, сжимающемся со всех сторон. Долго размышлять времени не было. Оставалось одно — переправиться через Шалкар. Или Шалкар спасет, или погубит, но врагам Бахтыгул не дастся. Бахтыгул ринулся в бушующие волны Шалкара, осыпав саврасого коня ударами нагайки.

Если он благополучно переправится, то спасен — тот берег совершенно безлюден. Преследователи его не осмелятся броситься за ним, как бы ни были озлоблены. Даже если бы они и решились на это, то он может спастись бегством, так как там — полный простор.

Когда Бахтыгул прыгнул в речку, вода сразу достигла колен саврасого коня. Молясь про себя “О, боже, о, аруах!”, не давая опомниться, Бахтыгул пришпорил своего саврасого коня и всячески торопил его. Скоро вода была уже по грудь коню. И небо, и земля — все закружилось, то стремительно убегая куда-то вдаль, то мечась из стороны в сторону. Взбушевавшие волны ревели, оглушая долину, дыбясь и прыгая. У Бахтыгула закружилась голова. Волны сбивали с ног коня и несли его вниз по течению, подталкивая и поворачивая в сторону. Но умное животное, как будто чувствуя опасность, нависшую над хозяином, все же подвигалось вперед, цепляясь копытами и напрягая все усилия. Глаза его выступили из орбит. Навостренные уши сходились и расходились как ножницы. Он весь горел пламенной энергией. Вода поднялась выше стремян. Волны ударялись одна за другой. Конь стал пошатываться. Его быстро понесло сильным течением.

Бахтыгул потерял надежду на спасение. “Прощай!” — сказал он неизвестно кому. На глазах его показались слезы. “О, ты, обманчивая жизнь!” — вырвались из его груди горькие слова. В это время огромная волна подхватила саврасого

---

¹ Аруах — дух предка.

и с силой ударила об огромный камень, лежавший на пути. Слева выступал из воды такой же камень, похожий на опрокинутый большой котел. Бахтыгул безнадежно воскликнул: “Конец!”

Однако конь, ударившись о каменную глыбу, не свалился на бок. Он удержался на ногах и остановился, припертый к камню. В это время Бахтыгул заметил, что до берега осталось только два-три шага. Обессиленный конь, дрожа всем телом стал падать, Бахтыгул, призывая бога, прыгнул, наступив на шею коня. Он упал недалеко от берега. Вода была ему по пояс. Она закружила Бахтыгула и понесла вниз по течению. Ноги его лишь изредка касались дна. Кружась и взмахивая руками в поисках опоры, он увидел, как коварный бурный поток, несколько раз перевернув коня, навеки поглотил его. Саврасый утонул в трех шагах от Бахтыгула. Бахтыгул, уносимый течением, уже потерял надежду на спасение, когда его ударило о большой камень. Он прильнул к нему левым боком и крепко обхватил руками. И только тогда увидел, что последним ударом волны его прибило к самому берегу.

Мокрый по пояс Бахтыгул выбрался из воды и оглянулся назад. Его преследователи, вероятно, не допуская мысли, что Бахтыгул может перебраться на другой берег, выбравшись на возвышенность поскакали вверх по краю оврага, по которому перед тем ехал Бахтыгул. Сейчас они торчали на вершинах скал на расстоянии версты и озирались кругом. Саврасый конь погиб. Бахтыгул спасся, пожертвовав своим верным другом. Засунутый за пазуху револьвер и ружье за плечами остались целыми и даже не промокли. Сжимая в руках свою берданку Бахтыгул вспомнил о своем главном враге и произнес сквозь зубы: “Запомни, подлец, это!..” Лицо его страшно побледнело, а глаза налились кровью.

VII

Бахтыгул, перебравшись в верховье Шалкара, уже несколько дней жил в безлюдной местности посередине дороги, идущей через горы от Шегеты на Бургень и Шалкар.

Ночи он проводил под защитой ели. Там же приготавливал себе пищу, скрываясь от всего живого. С восходом солнца он отправлялся в ущелья Караш-Караш, недалеко от тракта. Он выискивал удобные места, желая их использовать для какой-то таинственной цели.

В течение двух-трех дней он все присматривался и, наконец, сегодня с утра окончательно остановил свой выбор на одном из ущелий Караш-Караш.

Румянец исчез с лица Бахтыгула, он бледен как мертвец. Дышит прерывисто, руки его дрожат и крепко сжимаются, когда он хватается за что-нибудь.

В нем назрело какое то огненно-пылающее решение, которое торопит его и не дает ему покоя. Он потерял всякое спокойствие и терпение. Кажется, что он не может больше прожить ни одного дня, если решение его не будет выполнено. Все его чувства, мысли, вся его энергия были направлены на то, чтобы разрубить непонятный узел.

Длинные, густые черные усы Бахтыгула закрывали его губы, спускаясь вниз подобно черным крыльям кырана¹, сидящего на груди своей жертвы – лисицы. Глаза Бахтыгула налились кровью и покраснели, они сверкают от сжигающего его внутреннего огня.

Жайляу Шегеты как будто пристально следит за Бахтыгулом и с нетерпением ожидает его действий...

Дело, которое Бахтыгул решил совершить сегодня, было им задумано не так давно. Обиды и насилия, творимые толстопузыми, угнетателями, перешли всякие границы, стали невыносимыми. Эти злодеи втянули Бахтыгула в преступное дело, вовлекли его в беду и, отдав его в жертву, сами остались чистыми, ни в чем не повинными, честными людьми. Не он один, – бесчисленное множество таких же разъединенных бедняков терпело эти же обиды и насилия.

Бахтыгул затаил в своей груди месть против насильников, он кипел гневом, кровь бушевала в нем, но убежденный в своем одиноком бессилии, до сих пор он не боролся с этим злом, не тратил понапрасну свои силы. Он не нашел иного выхода, кроме бегства. Многочисленный род жаныс Бахтыгулу казался самой могучей силой, стоявшей на его

---

¹ Кыран – сильная хищная птица.

пути, которую он один не сможет одолеть, если только не взорвется и не перевернется весь мир и не наступит конец света.

А он, Бахтыгул, происходит из рода сары, состоящего только из двадцати бедняцких дворов.

Среди жанысцев он был чужеродным бродягой. Управитель же — крупнейший бай крепкого сильного рода жаныс. С одной стороны, за него сильный род, а с другой — городское начальство. Надеяться стать с ним равноправным для Бахтыгула, известного всем конокрада, было бы глупостью.

Все усилия Бахтыгула, направленные на осуществление своей цели, на защиту поруганной чести, ударились о безмолвную и бесчувственную каменную стену. Это убивало его силы. Поэтому сначала, кроме желания спасти свою жизнь, скрываясь в горных ущельях, у него не было иных мыслей.

Но преследование все усиливалось, враги следили за каждым его шагом. Он очутился в таком положении, что для него не стало убежища даже среди голых каменных безжизненных глыб, лишенных света и тепла.

Врагу видно мало было того, что Бахтыгул жил один, как дикий горный зверь, не причиняя никому вреда. Бахтыгул понимал намерение врага, твердо решившего: “Не успокоюсь до тех пор, пока не убью и не загоню его в могилу”.

Преследовавший его безжалостный и коварный враг однажды загнал его в волны дикого Шалкара, в объятия верной гибели. Это был самый памятный день со времени его бегства. Шалкар оставил на душе Бахтыгула самое тяжелое воспоминание и отравил всю его кровь. С этого дня он вероятно изменился.

“Значит, наступил мой конец”, — думал Бахтыгул в тот памятный час, когда его увлекало течением Шалкара. Потом ему пришла другая мысль: “Зачем бояться смерти? Она страшна, но ведь ее не избежать, пусть будет что будет. Я готов на все!”. Теперь он стремился лишь к одной цели. Ему казалось, что он воскрес из мертвых.

“Чем мыкать такую собачью жизнь, лучше, пожалуй, умереть таким людям, как я”, — подумал он однажды.

В нем клокотала месть человека, примирившегося со смертью и охладевшего к оставляемому позади себя суровому враждебному миру и жестокой жизни. Он посылал тыся-

чи проклятий и своему бессильному одиночеству, которое смотрело на него, как на презренного изгнанника мира, и управителю, и всем, подобным ему людям, наслаждавшимся здоровьем и богатством.

Бахтыгул пришел к решению, которое и думал осуществить сегодня. За последние три дня он дважды посылал в аул управителя своего друга Хатубая и узнал все, что ему было нужно. Скрываясь в заранее выбранном месте близ дороги, он устроил засаду.

Караш-Караш, окруженный голыми каменистыми вершинами и разбегающимися в разные стороны хребтами и мохнатыми гребнями, покрытыми еловым лесом, разбивается на Караш Головной, Караш Средний и Караш Нижний.

Все эти горы со всеми окрестными высотами и холмами носят название “Караш-Караш”. Это — один из трудных перевалов, через который переходят летом многочисленные кочевники, живущие внизу, в долине. Кочевники проводят здесь все лето на жайляу.

Сюда прикочевывает большая часть населения Бургеньской и Шалкарской волостей. Сейчас с наступлением холодной осени все откочевали вниз в долину. Теперь здесь не встретишь почти никого. Только изредка проезжают одинокие всадники, следующие из горного Шегеты в город, расположенный в долине.

Выбрав для своей цели Средний Караш, Бахтыгул объездил, осмотрел и изучил все его зубчатые выступы, скрытые углубления, где можно было бы спрятать коня, а также ушелье с крутыми поворотами и густые леса.

Бахтыгулу нужно было подыскать такое место, которое, затрудняя преследование, в то же время дало бы ему самому возможность легко и быстро ускользнуть, место, где Бахтыгул мог бы встретить проезжающего, сам оставаясь незамеченным. Такое место он нашел на Среднем Караше, на голом каменистом хребте, который тянулся от него на Нижний Караш. Бахтыгул не торопясь осмотрел и изучил эти места.

Дорога проходила здесь по высокому берегу широкого оврага, она была далеко видна и, извиваясь, приводила к тому месту, которое выбрал Бахтыгул. Прежде чем поднять-

ся на хребет, дорога проходила по карнизу высокой и крутой скалы.

Возле самой дороги, там, где она проходила по карнизу скалы, виднелась группа желтых кустарников. Сразу за этими кустами начинался глубокий трудный спуск по красным камням. Спуститься вниз на коне здесь совершенно невозможно. Только человек, много видавший на своем веку и знакомый с этой местностью, мог, очертя голову, решиться на это. Внизу на дне ущелья — лес. Между деревьями протекает горный ручеек. Оставив в лесу коня со спутанными ногами, самому можно вскарабкаться вверх и залечь в густом пожелтевшем кустарнике у дороги.

Бахтыгул твердо решил остановить свой выбор на этом месте. Собираясь еще раз осмотреть все окрестности, он свернул с нижней дороги, по которой проезжали обыкновенно путники, и стал подниматься в гору. Поднявшись выше, он добрался до большой дороги и перевалил через вершину Среднего Караша. Затем поднялся на плечо возвышавшейся в стороне от главного перевала горы.

Осеннее небо, покрытое грязными тучами, угрюмо хмурилось. Далекие снежные вершины гор были окутаны туманной чалмой. Кругом безлюдная и молчаливая природа. На юге возвышается остrokонечная вершина Сарымсакты, покрытая еловым лесом. Впереди ее, чуть западнее, внизу видна пробегающая по склонам гор только что выбранная Бахтыгулом дорога.

Издали дорога резко выделяется на фоне гор широкой красной лентой, похожей на окровавленный след.

“Похожа, так пусть походит!” — промычал Бахтыгул.

На ближайшем склоне Сарымсакты видны пережившие много веков и повалившиеся от старости исполинские сухие ели с вывороченными толстыми засохшими корнями, похожие на выжженный солнцем скелет сказочного великана.

Следы опустошительной смерти видны повсюду.

Ели, покрывающие густой черной щетиной все окружающие Сарымсакты горы, образуют сплошной дремучий лес. Вдали зияет обросшее елями скалистое черное ущелье. Над этим черным ущельем возвышается желтый хребет Назар с разбросанными кое-где елями — это одно из летних пастбищ-жайляу. Над всеми этими горами высится свер-

кающая снеговая вершина Ожар, поднимая к пасмурному небу, покрытому облаками, свою седую голову. Сверкающая все лето своими ледниками, белоснежная суровая вершина Ожар с особой силой притягивает человека своей дикостью и независимостью.

Ожар как будто нашептывает Бахтыгулу про жестокую и дикую вражду, незнающую никакой жалости и пощады. Бахтыгулу кажется, что лишь один Ожар сочувственно подерживает и одобряет его намерение, что в этот печальный серый осенний день он получил с высокой обледенелой вершины горы дружеский совет. Окаменелая, обледенелая суровая природа как будто одобряет то, что он задумал, и с нетерпением ожидает его осуществления.

Высматривая с плеча высокой горы, к полудню Бахтыгул заметил большую толпу всадников, медленно приближающуюся к нему. Они миновали уже крайний перевал. Но пока еще очень далеко. Издали толпа кажется сплошной темной массой. Но Бахтыгул установил, что это верховые, не стадо. Бахтыгул немедленно повернул своего коня обратно и, погоняя его, быстро стал спускаться по направлению к глубокому ущелью, расположенному у подножья каменистого красного хребта. Оставив своего коня со спутанными ногами в лесу, где путники не могли его заметить, Бахтыгул сбросил с себя верхнюю одежду и торопливо, весь в поту, добрался до желтых кустов у дороги.

Остроконечная вершина Ожар была видна и здесь. Она как будто смотрела на Бахтыгула с поощрением, вытянув шею. По другую сторону желтых кустарников взоры останавливались на отлогих склонах Сарымсакты. Она возвышалась на востоке впереди Бахтыгула и была покрыта от подножья до самой вершины густыми рядами елей. Казалось, что колонны одетого в черное войска карабкаются на ее вершину. Вдруг Бахтыгулу померещилось, что ели бегут с подножья на вершину горы, испугавшись его намерения.

Бахтыгул ехидно усмехнулся из-под черных усов и выругался: “Кызынды!..” Потом снова оглядел горы. На склонах, покрытых еловым лесом, то тут, то там виднелись нагромождения каменистых скал и утесов. Они разбивали плотную стену густого елового леса, образуя среди темно-

зеленого ландшафта каменистые преграды, искажали его девственную красоту, придавая ему суровые очертания.

Крутые красные склоны Ожара свободны от льда и снега. Теперь он кажется особенно красным. Ниже, у подножья этой крутизны берет свое начало буйная речка Бургень.

Черное ущелье, лежащее невдалеке, кажется логовищем Бургеня, спускающегося оттуда вниз, рассекая сердце диких гор.

Голые склоны гор, виднеющиеся из-за желтых кустарников, изрыты и обезображены страшными черными потоками.

Изломанные линии черных зияющих ущелий, которые спускаются с высочайших вершин к подножиям гор, похожи на большие проторенные дороги.

Эта картина напоминала Бахтыгулу о страшных и стремительных горных потоках, разрушающих все на пути, и призывала его к быстрым и решительным действиям.

На безлюдных вершинах в чаще еловых лесов укрываются лишь дикие звери да горные козы, архары. Бахтыгулу кажется, что они ближе ему, чем все остальные живые существа на свете.

Бахтыгул поджидал замеченных им путников. Они могли появиться с минуты на минуту. Вот 10–15 верховых уже спустились с вершины, лежавшей в стороне от главного перевала Среднего Караша. Все они были на прекрасных иноходцах темных и светлых мастей.

Путники ехали замедленной иноходью. Среди всадников толстяков было мало — один-два. Большинство из них молодежь. Были и хорошо одетые молодые женщины. Украшенные серебром седла поблескивали на солнце.

Пестрели разноцветные шали, виднелись подола белых платьев. Женщин было пять-шесть человек.

Путники ехали по нижней дороге Среднего Караша, идущей по склону хребта. Доносился громкий разговор и смех, видно, что все были бодры и веселы. Всадники ехали попарно, по три в ряд, а порой, когда дорога суживалась, растягивались длинной цепью. В самой середине толпы ехал полный человек на белогривом чалом коне.

Бахтыгул, затаив дыхание, уставился на этого человека. Женщины следовали за ним. Некоторые из женщин то и

дело догоняли его и, поравнявшись с ним, перебрасывались шутиливыми словами, смеялись.

Путники были уже совсем близко. Едущие впереди всадники, повернули и стали подниматься к тому месту, где дорога проходила по карнизу утеса мимо Бахтыгула. На повороте дороги кусты закрыли путников, и Бахтыгул не смог рассмотреть их лица. Мешала ему и густая листва кустов караката¹, за которыми он залег.

Но как только путники миновали поворот и стали подниматься выше, приближаясь к Бахтыгулу, и поравнялись с группой елей на небольшом зеленом участке склона, Бахтыгул узнал нужного ему человека.

Ждать оставалось недолго. По телу Бахтыгула пробежал холод, дыхание его прерывалось. Он нахмурил брови и оглянулся на вершину Ожара. Суровая ледяная вершина, развернув свою бело-облачную чалму, будто размахивала ею и подавала знак Бахтыгулу.

Ледяные горы внушили ему холодную, как лед, силу. Пальцы крепко сжимали ложе и ствол ружья. Остывшая от осеннего холода темно-синяя сталь, казалось, тоже подбадривала.

Всадники один за другим уже проезжали мимо желтых кустарников. На каменистой голой тропе громко стучали копыта коней. Бахтыгул глубоко втянул в грудь свежего воздуха и собрал все силы. Не раздвигая нахмуренных бровей, он приложился к ложу берданы подбородком, покрытым черной бородой, сливавшейся с повисшими густыми черными усами. Бьющая без промаха, надежная берданка была наготове с поднятым курком. Вдруг перед Бахтыгулом прошел мелкими шагами сивый иноходец, а за ним широким и твердым шагом следовал байге шабдар², гордо кивая головой. На нем сидел хорошо знакомый Бахтыгулу толстый, румяный волостной управитель Жараспай. Он вез к себе домой свою новую токал³. Лицо его сияло беспредельным счастьем и довольством. Если выстрелить в него сейчас, то пуля, пролетев насквозь, может задеть второго всадника,

---

¹ Каракат – название кустарника.

² Байге шабдар – чалый скакун.

³ Токал – вторая жена.

ехавшего позади Жараспая. Поэтому Бахтыгул немного подождал. Чалый иноходец проходил, осторожно покачиваясь, как раз мимо Бахтыгула.

В этот момент торопливые пальцы нажали на холодный курок и раздался оглушительный выстрел проклятья. Бахтыгул поднял голову. Голубой дым задержался на миг на спине Жараспая, на его лисьей шубе, крытой синим сукном. Чалый конь в испуге рванулся вперед. Грузное тело управителя рухнуло на землю. Всадники вздрогнули и с шумом окружили тело управителя. Убедившись в том, что управитель убит, Бахтыгул быстро начал спускаться вниз. В это время послышался неистовый крик одной из ехавших позади женщин:

– Ойбай!!!¹ Бахтыгул!

– Кап!² – проговорил Бахтыгул, жалея о том, что неосторожно показался и, прыгая с камня на камень, проворно спустился вниз в ущелье. Прислушиваясь к голосам людей, оставшихся наверху возле тела управителя, Бахтыгул, не торопясь, подошел к своему коню. Конь его стоял на том же месте, где он оставил его недавно. Вскочив на коня, Бахтыгул пустился рысью восвояси. Он чувствовал себя так легко, как будто одним ударом он избавился от всех джинов³, от неведомой болезни, давившей его грудь и отнимавшей все его силы. Он ожил и повеселел.

Встретив по пути какого-то незнакомого человека, Бахтыгул улыбнулся из-под усов и проговорил: “Сегодня я застрелил архара⁴”. И поехал дальше...

Бахтыгул давно сидит в тюрьме. После убийства Жараспая и городское начальство, и вожаки рода жаныс – все принялись за Бахтыгула. Ему некуда было деваться. Да и сам Бахтыгул не слишком старался скрываться. Через несколько дней после убийства Бахтыгул был пойман.

На теле и голове Бахтыгула сохранилось немало следов от побоев и ран, нанесенных ему в тот момент, когда он был схвачен. Раны теперь начали заживать. Жанысцы разорили

---

¹ Ойбай – восклицание удивления.

² Кап – восклицание “Жаль!”

³ Джин – злой дух.

⁴ Архар – горный баран.

все двадцать дворов маленького рода сары, не оставив камня на камне; отобрали у них весь скот и имущество до последнего туурлыка¹. Бедняки остались голыми и беспомощными как неоперившиеся еще птенцы.

Бахтыгул не унывал. Он совершенно свыкся с тюремной жизнью, казавшейся ему раньше страшнее смерти. После того, как оставшиеся в ауле враги пустили по миру его семью, Бахтыгул взял к себе своего сына Сеита, получив на это разрешение тюремного начальства. Сын теперь находился при нем. Жена с младшими детьми жила в прислугах у одного городского богача.

Смирненький, худенький Сеит, пугливо посматривавший сперва на окружающих его людей, сразу понравился всем – и казахам, и русским. Его обласкали. Скоро он превратился в общего любимца.

Один из русских заключенных достал книгу, бумагу, карандаш и стал учить мальчика грамоте. Молчаливый мальчик, предоставленный сызмальства самому себе, никогда не делившийся своими переживаниями даже с родителями, много не разговаривал и не оживлялся. Все свои чувства и знания молчаливо накапливал в своей груди, крепко сжав брови. Порой он подолгу сидел молча, и вдруг без всякой видимой причины начинал рыдать. Он не поднимал головы от книги. Иногда, всматриваясь в книгу, тяжело вздыхал. Скрытный, смуглый мальчик рано почувствовал постигшую его горькую участь.

Он копил в себе глухое недовольство и протест против давившей на него жестокой судьбы. Это и заставляло его тяжело вздыхать и плакать. В душе впечатлительного мальчика навсегда оставила неизгладимый след зверская расправа сильных людей с его отцом. В день, когда отца схватили и привели в аул управителя, когда мать, рыдая, сказала ему: “Несчастный, твоего отца убивают!” – мальчик не помня себя бросился туда. Он был свидетелем издевательств над отцом. С тех пор он постоянно видел перед собой Кокыша, Сарсена, богато одетых толстых людей, с отборной руганью остервенело избивавших его отца. Мальчику мерещились нагайки и дубины, падавшие крест на крест на голову отца.

---

¹ Туурлык – войлок, покрывающий нижнюю половину юрты.

Он видел перед собой смертельно бледного, дрожавшего отца. От этого жуткого воспоминания он вздрагивал. Первые дни после этого он просыпался, пугаясь кошмарных сновидений. Он бредил, во сне он спорил, кричал и просыпался с рыданиями. Это продолжалось много дней.

Как-то вечером Бахтыгул долго сидел, задумчиво и хмуро глядя на своего сына, потом подозвал его к себе:

– Сеит-жан¹, подойди-ка сюда! – Он обнял сына, прижавшись к нему лицом, и понюхал его щеки.

– Калкатаим², учись!.. Не поднимай головы от ала-кагаз³!!! Только она может помочь тебе. Ты видишь, что со мной стало? Я был плохим человеком. Не делай того, чем я занимался...

При последних словах мальчик снова заплакал и воскликнул:

– Когда?! Не ты бил, а они били тебя! – Дальше он не мог говорить, охваченный волнением.

“Если будешь учиться, то превзойдешь их всех, – продолжал отец. – Тогда они не смогут поступить с тобой так, как поступили со мною. У тебя откроются глаза. Ты откроешь глаза сестре и братишкам. Все силы отдай ала-кагаз! Вот мой совет тебе, сам я ничему не могу научить тебя. Ты сам добьешься всего, у тебя есть способности. Твердо запомни мои слова. Я долго думал об этом”.

Бахтыгул обнял своего мальчика, поцеловал его и сидел так некоторое время. Свои родительские чувства Бахтыгул проявил здесь впервые после прибытия Сеита в тюрьму.

На глаза Бахтыгула навернулись слезы, но потом, быстро овладев собою, он собрался с силами и чуть оттолкнул Сеита от себя, сказав:

– Теперь иди к своим бумагам!

Слова отца как-будто осветили ярким светом путь мальчика и привели отрывочные скорбные думы, накопленные им, в ясный и стройный вид. Мальчик крепко принялся за учење, сосредоточив на нем все свое внимание; в его груди

---

¹ Жан – душа, ласкательное обращение.

² Калкатаим – ласкательное обращение, миленький.

³ Ала-кагаз – пестрая бумага, неграмотные называли так всякую печатную бумагу.

постепенно завязывался крепкий узел недовольства и протеста, узел чести и мщения...

Способный к учению, умный, выдержанный смуглый мальчик рос и мужал с каждым днем, и с твердой верой в какую-то неведомую светлую зарю шаг за шагом продвигался вперед, стремясь стать гражданином прекрасного будущего...

А Л У А

Пьеса в 4-х актах, 9-ти картинах

**“Такой женщины не было и не могло быть в старое время”
(Сталин)**

Алма-Ата, 1953 г.

Действующие лица

1. А л у а – батрачка, после секретарь райкома, кандидат наук.
  2. Н и н а И в а н о в н а (Нина) – после профессор.
  3. С а п а р – следователь, после секретарь ЦК партии Казахстана.
  4. Б е й с е н – чабан, после секретарь райкома.
  5. С е к с е к – пастух верблюдов, после народный композитор.
  6. А р м а н – техник, после инженер-энергетик.
  7. Н а з а р б е к – батрак, зав.фермой.
  8. Д о г а л – бай-феодал.
  9. М а р д а н – его брат, после профессор, националист.
  - 10-11-12. А й б а л а, А с и я, Ж а н а р – девушки, колхозницы.
  - 13-14-15. С а р т а й, Ж а к е ш, Б а й ы р – баи.
  16. Ж а л т ы р – джигит бая Догала.
  17. К а м а р – жена Догала.
- Батраки, колхозники, делегатки международной женской конференции азиатских стран.

АКТ ПЕРВЫЙ

Картина первая

Богато убранная юрта бая Догала. Догал и гости его уже опьянены кумысом. Сверстники Догала – баи Сартай, Жакеш, Байыр. В стороне, близко к сцене, узорная циновка. За ней девушка Алуа взбалтывает маслобойку. На ней ветхая одежда.

Д о г а л (*Сартаю*). Итак, ты решился?

С а р т а й. Не говори! Решился окончательно. Беру себе молодую жену, беру.

Д о г а л. Эх, подумать, как соблазнительно!

С а р т а й. Не говори, нет большей сладости жизни.

Ж а к е ш. Ты всерьез, а сможешь решиться...

Б а й ы р. Ну, покажи пример, решишь.

С а р т а й. Дайте ваши руки. Только найди хорошую девушку. Я на лету схвачу.

Д о г а л. Знать, как ястреб в ударе.

С а р т а й. Женюсь, ястребу – добыча. (*Убирают посуду. Камар из-за циновки зовет Алуу, показывая на медный таз и на кумган, ей говорит.*)

К а м а р. Встань, иди поливай на руки гостей! (*Накинув на плечо полотенце, из-за циновки выходит Аула и, начиная с Догала, обходит гостей, поливает им на руки воду. Сартай жадно смотрит на нее.*)

С а р т а й. Эх бы, одеть бы ее как следует, серебром, золотом украсить бы ее, держать ее в белой юрте, в тени от зноя, в пуховых атласных постелях, кругом слуги. А она со своей обходительностью, изяществом сводит меня с ума. Ничего бы не пожалел от нее, чем бы только не пожертвовал.

К а м а р (*за циновкой Алуе*). Ну, чего заробела, взбалтывай масло.

С а р т а й. Милый Догал, откуда эта лунобровая?
Б а й ы р, Ж а к е ш. Кто она? Откуда?
Д о г а л (*смеется*). Слушайте, что все вы позарились на нее?

С а р т а й. Что ты говоришь, ведь гурия. Скажи о ней.

Д о г а л. Она дочь давно умершего табунщика Сатая.

С а р т а й. А кто ею ведает?

Д о г а л. У нее нет ни отца, ни матери, ни братьев. Единственная родня — наш верблюдопас, негожий тут Сексек. Ведаю ею — я сам.

С а р т а й. Ну, значит, меня и осчастливишь ты сам, Догал. О ком я думал и мечтал...

Ж а к е ш (*смеясь*). То-то ведь недаром зажегся соблазном.

С а р т а й. Женюсь, отдай, Догал. Я нашел вторую жену.

Ж а к е ш, Б а й ы р. Ох, бедняга, совсем пропал. Сгорит!

С а р т а й. Как ее имя? Как имя милой, черноокой, чернобровой?

Ж а л т ы р. Алуа!

С а р т а й. Алуа, Алуаш. Моя, женюсь на ней! (*Алуа напугана.*) Скажи, отдашь ее? Возьму из твоих рук!

Д о г а л (*пауза*). Нет, не отдам. Вырастил лисичку и думаешь тебе в добычу отдам?

С а р т а й. Что ты, или сам метишь?

Д о г а л. Сам женюсь! Ты разжег мою страсть. Беру, сам женюсь. Вот моя рука (*с Сартаем обменивается рукопожатием*).

Ж а к е ш. Ой-ой, что они говорят. Да будет словом мужчины.

Б а й ы р. Ой-бой, Догал мурза решил всерьез.

Д о г а л (*берет водку, опьяневший*). Три дня... вот мое слово, за три дня женюсь на Алуе. Обещаю! (*Опрокидывает водку. Дает приказ Жалтыр.*) Убери все! Жалтыр, ты объяви, пусть узнает весь аул, Алуа! Иди и объявляй, позови сюда Сексека! (*Алуа, сидящая внутри циновки, услышав эти слова, теряет силу, прекращает работу, испуганно плачет. Жалтыр привел Сексека.*)

Д о г а л (*Сексеку*). Садись! Ну, Сексек, у меня к тебе слово, слово сговора. Твоя сестра Алуа стала девушкой на выдании. Сам ее вырастил, сейчас хочу сам жениться на ней. Мне нужно лишь твое согласие. С этого места ты станешь деверем Догал мурзы, моим деверем. (*Остальные громко хохочут.*)

С а р т а й. О, главный сват Сексек, почет тебе!

Б а й ы р. Сексек, сват дражайший! (*Смеются.*)

Ж а к е ш. Ох, какое счастье иметь деверем Сексека!

Ж а л т ы р. Ну, мы тебя слушаем, деверь Сексек!

С е к с е к (*Догалу*). Мурза, меня в этом сговоре нет!

Д о г а л. Что ты говоришь?

С е к с е к. Нет, меня тут, нет!

Д о г а л. Что это значит?

С е к с е к. Поверь важной байбише Камар, второй женой берете не меня, а Алуу. У нее и спросите.

Б а й ы р. Ой ты глупец, твое же согласие просят!

Ж а к е ш. Ты согласен и девушке некуда идти.

С е к с е к (*испугавшись*). Боже сохрани. Нет, нет, оставьте меня, мурзы. Не смейтесь надо мною. Меня тут нет (*уходит*).

Д о г а л. Что ты говоришь? Стой, остановись. Держите его! (*Бросился Жалтыр, но Сексек убежал.*) Все равно, шагнул – не отступлю, сказал – не откажусь. Друзья! Помогите советами. Я приготовлю для Алуы новую юрту, приданое, убранство, украшение. (*Жалтыр уходит. Гости поднимают рюмки и собираются к выходу. Вошла Камар.*)

К а м а р. Что случилось, что за суматоха? О чем голосит Сексек? О какой беде он говорит?

Д о г а л (*кричит*). Камар, если ты разумна, молчи!

К а м а р. Как молчать? Кто я, человек или скотина?

Д о г а л. Молчи, говорю! Сказано, решено. Сегодня объявил, а решил давно.

К а м а р. Тогда и реши со мной!

Д о г а л. Уходи! Молчи. Уйди. (*Бросается на Камар, остальные задерживают его.*)

Ж а к е ш (*Камар*). Не надо, Камар, мурза подвыпивший, скажет лишнего, лучше уходи. (*Камар плачет, Догал, толкая ее, выводит. С другой стороны расплаканная Алуа выходит из-за циновки и пытается убежать. Догал задерживает ее.*)

Д о г а л. Алуа, ты стой! *(Выводит Камар, а Алуу снова провожает за циновку)*. Ты отсюда не уходи. Ни шагу! *(Алуа качает головой, стоя плачет. Догал, обращаясь к своим.)* Ну пошли, на удачу! *(Уходят с возгласами: “На удачу!”, “Решили, все кончено”.)*

Ж а л т ы р *(торопливо входит, жестоко и повелительно говорит Алуе)*. Приказ мурзы строгий, не изменишь. Сиди и жди своего счастья.

А л у а *(впервые вслух)*. Я, я умру, согласие не дам, умру *(громко рыдает)*.

Ж а л т ы р. Это не мое дело. Чему быть, того не миновать! *(Алуа зарыдала, подкошенная. Входят Камар, Мардан. Алуа за циновкой.)*

М а р д а н *(остановив Жалтыра)*. Жалтыр, попроси сюда Догала. У меня к нему дело. *(Жалтыр уходит.)*

К а м а р. Милый деверь, что за позор? При мне он хочет взять в жены девушку-оборвыша, нищенку. Останови брата. Чем я виновата? Пятнадцать лет прожили вместе и такой позор. Милый деверь, заступись. Избавь меня от мук. *(Мардан молчит. Вошел Догал.)*

Д о г а л. Что, Мардан, пришел ходатаем Камар?

М а р д а н. Что все значит? Ты всерьез или шутишь?

Д о г а л. Всерьез, дважды не говорю, решено.

М а р д а н. Ты не пьян? Мурза? Актальские баи обнаглели, куда вы катитесь?

Д о г а л. Дорогой брат, другой раз послушаюсь, но тут отойди, молчи!

М а р д а н. Ах, так?

Д о г а л. Да, так! Скажу прямо, решено мною давно.

М а р д а н. Значит в советах нет нужды!

Д о г а л. Да!

М а р д а н. Тогда выслушай одно мое слово. Ты первый бай в Актале. И так вас не любит советская власть. Запомни, она могущественна, любого дикого коня укротит, шею свернет. Что, вам спокойная, сытая жизнь надоела? Многоженством опять хочешь нарушить закон? Жены пожалуются советской власти — пеняй на себя.

Д о г а л. Ладно, ты свой долг выполнил. Объяснились. Теперь отойдите от моего пути, не мешайте.

М а р д а н *(гневно)*. А так, довольно. Я молчу.

Д о г а л. Все беру на себя, обойдусь без вас. Не отступлю!
(Уходит, за сценой слышны возгласы: “Жалтыр, Байыр”. Камар плача, бросается к Мардану.)

К а м а р. Скажи, мой деверь. Как мне быть, что мне делать?

М а р д а н. Сама все слышала. Разве я не сказал за тебя и за себя?

К а м а р. Что же, мне обратиться к власти? Просить свободу, равноправие? Говори.

М а р д а н (*приторно*). Пятнадцать лет прожили — ты сказала. Не думаю, что вы оба спятите с ума. Рвет он узы, но не думаю и ты порвешь. Здесь мой родительский дом, и не Догала, а тебя я принимал за отца и мать свою. Приезжая на каникулы, думал, возвращаюсь в родное гнездо, в твои материнские объятия. Поняла? Подумай об этом! Дальше решай сама.

К а м а р (*заплакала*). Что ты сказал, милый? Знать, у меня вот еще какие тяжести, тяготы. (*Мардан уходит. За ним плача следует Камар. Громко разговаривая, выходит группа шумливых женщин.*)

1-я ж е н щ и н а. Где же Алуу? А, ты здесь? Поздравляю, милая!

2-3 ж е н щ и н ы. Поздравляем, счастлива твоя звезда!

1-я ж е н щ и н а. Счастье навалило, мертвые воскресли у старухи Жанат. Вон готовят для тебя юрты.

2-я ж е н щ и н а. Прислали тебе шелк, бархат, одевайся, радуйся! (*Подает Алуе.*)

А л у а (*плача*). Не надо, не возьму. Уберите все, я не согласна.

1-я ж е н щ и н а. О, не говори так, доченька. Нет девиц без замужества. Радуйся своему счастью.

2-я ж е н щ и н а. Ох, кому же привалило такое счастье?

3-я ж е н щ и н а. Подумай, чьей супругой станешь?
(*Одевают Алуу. Она сопротивляется.*)

А л у а. Не нужно, пусть сгинет такое счастье. Не надену, не согласна. Говорю же, не согласна...

1-я ж е н щ и н а (*бросается на Алуу, рвет ее одежду. Одевает ей шелковое платье, красивый камзол*). Какое счастье быть женой Догала!

3-я же н щ и н а. Там тебе готовят белоснежную юрту. Какая роскошь, какое там убранство!

1-я же н щ и н а (*любуясь одетой Алуой*). У, какая она красавица! Бог мой, словно солнце или луна!

2-я же н щ и н а. Как зорок глаз Догала, распознавшего в лохмотьях такую красоту. (*С возгласом “Будьте счастливы!”*, женщины уходят. Вечер. В юрте полумрак. Алуа одна. Вдруг издалека слышна мелодия какого-то кюя. Доносится печальная мелодия сыбызгы. Входит молодой чабан Бейсен. Наливает себе кумыса, обратился к Алуе.)

Б е й с е н. Алуаш, бедняга, плачешь, обидели тебя!

А л у а. Кто там? Кто играет на сыбызге? Не Сексек ли?

Б е й с е н. Он, кому же еще играть?

А л у а. Когда я сгораю на огне, кого он там утешает?

Б е й с е н. Не утешает, а рыдать заставляет о твоём горе.

А л у а. Что ты говоришь, Бейсен?

Б е й с е н. А что, думаешь рады насилию Догала?

А л у а. Брат мой, что же мне делать, как быть? Если жалеешь меня, укажи мне выход.

Б е й с е н (*говорит сдержанно*). Тихо! Откуда мне знать, знал бы сам, так не ходил бы. Но есть же путь, заступится советская власть. Поговори с Сексеком.

А л у а. Дай ему свой совет, пошли сюда! У этого порога я сироткой росла и ты ведь жил безрадостно.

Б е й с е н. Думами с тобой я, Алуа, пошлю сейчас Сексека. (*Уходит. Алуа к зрителю.*)

А л у а. Как мне страшно. Боже, что мне делать? Четырех лет лишилась матери... А в шесть отец погиб. Ни брата, ни сестер, никакой у меня защиты. Единственная родня Сексек, он бессилён... Как быть? Куда податься? Избавлюсь я от позора, унижения?.. (*Входит Сексек. Крадучись, входит за циновку, оглядываясь по сторонам, прячется за Алуу.*)

С е к с е к. Что скажешь, душенька моя? Обмылась горючими слезами.

А л у а (*решительно*). Не выйду за Догала-злодея. Он убил моего отца, чудовище, зверь. Я не забыла, не продана за тряпки. Умру, не соглашусь. Повешусь на этой веревке. (*Сорвав веревку со стены, обмотав вокруг шеи, начинает душить.*)

Сексек (*борясь с ней*). Ой бой, боже мой! Милая, что ты придумала? (*Не может справиться с Алуой, вынул нож, разрубил веревку. Алуа падает, Сексек обнимает ее.*) Солнышко, Алуаш, единственная моя! Все разделю с тобой. Погибну вместе. Сейчас сумерки, пойдем быстрее, спрячься среди верблюдов. Там приготовил быстроногого верблюда. Бежим к советской власти. О, боже! О, предки, дайте удачи! (*Оба крадучись, словно тень, уходят. Через некоторое время, громко говоря, весело посмеиваясь, с множеством свечей входят те же женщины, которые были раньше. Среди них Догал, Сартай и другие.*)

1-я же н щ и н а. Поздравляю, поздравляю с невестой!

2-я же н щ и н а. Только гляньте на нее. Дайте за смотрите. Как ясный месяц. Зорок глаз Догал мурзы, нашедший в лохмотьях такую красу. (*Открывает циновку. Все удивлены. "Ойбай, позор, где девушка? Где невеста? Похитила нечистая сила? Кто же увел ее, убежала?"*) (*Кричат, шумят. Растерянность, суматоха.*)

З а н а в е с

Картина вторая

На сцене сдвоенные юрты. Между ними сообщения нет. Двери выходят на обе стороны. В левой половине — канцелярия следователя Сапара. В правой половине — красная юрта. Перед входом с левой стороны — небольшая площадка. При открытии занавеса сидят следователь Сапар и его секретарь. Перед входом Сексек и Алуа.

Сексек. Войди теперь, входи. Вон там сидит советская власть. Входи, говорю, скорее входи!

Алуа (*задерживаясь*). Боюсь, что скажу?

Сексек. Ойбай, торопись, сейчас погоня придет, у цели погибнем. Первым со мной расправятся. Входи, говорю тебе! (*Пытается войти.*)

Алуа. Боюсь, что я скажу? (*Плачет, за ними, громко разговаривая, входят 2–3 мужчины.*)

1-й м у ж ч и н а. Эй, стойте, остановитесь!

Сексек. А что?

2-й м у ж ч и н а. Что, черед тут!..

Сексек. Как, о чем? Издевка?

1-й мужчина. Ой, здесь очередь, очередь!

2-й мужчина. Следовательно работу не начал, и мы в очереди.

Сексек. Да стойте, подождите! Ну, войди, Алуа.

1-й мужчина. Сказано, очередь, понятно?

Сексек. Шутите, вам издевки... Тряслись бы всю ночь на верблюде, поняли бы...

2-й мужчина. Ишь, прихворал, добежал и в нетерпеж. Очередь. Сказано тебе.

Сексек. Очередь, очередь... Что у них за очередь? По очереди овец пасли, аул сторожили. А тут ни стада, ни аула, что за очередь выдумали? Да ну входи, Алуа! *(Вталкивает Алуу в юрту. Оставшиеся кричат: "Очередь, очередь".)* Ну вот, я остался для вашей очереди, съешьте. *(Алуа стоит у входа.)* Что она стоит и молчит? Ой, пустите меня, пусти, говорю! *(Вырвавшись, входит, те остаются.)*

1-й мужчина *(при входе)*. Хитрец, бежал с девушкой, ишь как спешит!

2-й мужчина. До погони хочет высказать жалобу и потому лезет сломя голову. *(В юрте сидят Сапар, секретарь и рассматривают бумаги. Сексек раза два трогает Алуу. Алуа, молча, прикрыв лицо рукой, плачет. Сексек кашляет.)*

Сексек. Здравствуйте, Совет ага!

Сапар *(вскинув голову, смотрит с улыбкой)*. Как сказал?

Сексек. Власть ага *(толкает Алуу)*. Он посмотрел, иди, Расскажи ему, Расскажи, говорю. То говоришь, не поведешь – повешусь, приехали – молчишь. Что с тобой? *(Алуа громко плачет. Сапар удивлен, встает с места, подходит к Алуе и здоровается с нею.)*

Сапар. Идите, идите сюда. Не бойтесь, сестренка. *(Взяв Алуу за руку, приводит к столу и усаживает.)* Ну, смелее, здесь все свои. Вас какое-то горе привело сюда? Расскажите все. *(Алуа молчит.)* Как ваше имя?

Алуа *(тихо)*. Алуа.

Сапар. Свободу получить пришли?

Алуа. Да, ага... Но боюсь.

Сапар *(успокаивая плачущую Алуу, жалея ее)*. Чего боишься, милая? Скажи обо всем, ктонибудь сватал тебя?

А л у а. Нет.

С е к с е к. Как нет, есть.

А л у а. Не сватаясь хотел жениться.

С е к с е к. И то правда.

С а п а р. Кто он, как зовут?

А л у а. Это Догал. Захотел взять второй женой. Я бежала от него к советской власти. Боюсь, догонит и обратно уведет. Дядя, ага, это вы советская власть?

С а п а р. Я не вся советская власть, но один из ее людей. И по наказу советской власти я буду защищать тебя.

А л у а. Это верно, правда? Дядя, отец мой.

С е к с е к (*вслед за нею*). Наша советская власть, наш отец.

С а п а р (*спокойно к Алуе*). Мы тебя защитим. Но запомни мой совет. Наверное, бай Догал приедет за тобой. И он будет пытаться угрозой или хитростью вернуть тебя. Тогда мы спросим тебя: “Согласна ли ты идти к нему или нет?” Ты не бойся и скажи то, что сейчас сказала мне. Советская власть защитит тебя, но она же говорит: “Не будь труслива, умей и сама защищаться”. Поняла?

А л у а (*тихо*). Поняла, ага.

С е к с е к. Поняли, дядя советская власть...

С а п а р. Теперь идите в красную юрту. Там девушки вам напишут заявление, берите его и приходите сюда. (*Секретарь провожает их, на улице просители.*)

1-й м у ж ч и н а. Бедняжка, эта девушка тоже ищет свободу. Видите, она вышла от следователя.

2-й м у ж ч и н а. Какая она хорошая! Какая красавица, только джигит не удался.

1-й м у ж ч и н а. Сказано: от плешивого к паршивому. Что толку от иссохшего листочка, замухрышки! (*Свет в красной юрте, там Сексек и Алуа. Секретарь рассказывает об Алуе Нине и Саруар.*)

С е к р е т а р ь. Бай хотел взять ее второй женой и она убежала от него. Следователь послал, напишите заявление. Бай, который зарился на нее, крупный кулак, буржуй этого края. (*Секретарь уходит.*)

Н и н а (*Алуе*). Молодец, девушка. Хорошо, что убежала. Две жены, старый бай! Тьфу, позор! Здесь свобода, не бойся.

Алуа (*Нине*). Все же я боюсь. Догал – бай сильный. У него много людей. Разозлится страшно.

Сексек. Он избивает, не щадит. Над всеми насильничает.

Нина. Бай Догал насильничал над отдельными бедняками вроде вас, а советской власти ничего не сделает. Власть защитит вас. Накажет его самого за насилие.

Сексек. Спасибо, родная.

Нина. Пиши, Саруар, пиши заявление. Как зовут?

Саруар. Как ваше имя? Садитесь!

Алуа. Алуа, отца зовут Сатай. (*Саруар пишет заявление для нее. Вторая девушка, разговаривая с Сексеком, хочет написать заявление так же для него. Теперь разговор идет между ними.*)

Девушка (*собираясь писать*). Ну, как вас зовут, зятек?

Сексек. Меня зовут Сексек. (*Девушка смеется.*) Правда, в самом деле, Сексек!

Девушка (*смеясь*). Разве такое имя бывает?

Сексек. Да, правда, такое имя не бывает. Но видишь, как меня прозвали.

Девушка. Как прозвали? А имя, данное отцом?

Сексек. Ой, господи, и это имя ничем не лучше. Жумыр-круглый назвал. Круглый, что я головка кистеня или конец пестика? Дали, что подвернулось на язык. А Сексек имеет свой смысл. Не напрасно прозвали.

Девушка. Как же, что за слово?

Сексек. А я с малых лет пас коз в ауле Догал бая, потому-то меня прозвали Сексеком. Ведь казахи считают отцом-покровителем всех коз Сексек ата! Но люди нашли назвать отцом жирным и дали только половину его имени.

Девушка. Значит, вы согласны жениться на Алуе?

Сексек (*смотрит удивленно*). Не – нет!.. откуда?

Девушка. А как же? Вы же убежали с нею, не так ли?

Сексек. Убежал, но что из этого?

Девушка. Значит, женитесь на ней?

Сексек. Э, зачем мне Алуа? Ведь она мне сестра.

Девушка. Это как? А зачем бежали с ней?

Сексек. Как зачем? Сестра решила бежать, я не мог остановить ее. Отпустив ее одну, я не мог остаться у такой

зверюги, как Догал. Побоялся, что избыет меня и бежал с ней.

Д е в у ш к а. Но вы же могли не бежать, а так уйти.

С е к с е к. Нет, свобода нужна не только Алуе и мне. Как это так?

Г о л о с а (за сценой). Ой бой! Догал бай приехал. С ним тьма людей. Одни бай да кулаки, а сами будто пьяны, галдят.

С е к с е к. Что там, сказал я. Ойбай! Куда мне деться? Ойбай, что будет теперь? *(Бегают по юрте, прячется под котлом. На этой половине сцены гаснет свет. Свет в юрте Сапара. Там перед входом возбужденная толпа. Здесь пожилые и средних лет бай-кулаки, не входя в юрту, бросают возгласы: “девушка тут”, “пусть отдадут ее”, “пусть возвратят нашу невесту”, “идите поищите”. Часть толпы уходит за сцену, а другая часть во главе с Догалом входит в юрту Сапара.)*

С а п а р. Что, бай, у всех вас жены разбежались?

П е р в ы й г о л о с. Нам нужна беглянка — девушка Алуа!

В т о р о й г о л о с. Где же она?

С а п а р. Что, хотите отсюда силой вырвать девушку?

Ж а к е ш. Она не просто девушка, а невеста.

С а р т а й. Невеста уважаемого человека.

Ж а к е ш. Какой же будет прок, если девушка бежит от родичей, а жена уходит от мужа?

С а р т а й. Разве виновны, если просим справедливости у власти?

С а п а р. Как сказать. Скажите-ка прямо, какую справедливость хотите?

П е р в ы й г о л о с. Справедливость по закону, обычаю.

С а п а р. По какому закону, какому обычаю?

Ж а к е ш. Мы говорим об обычаях старины, об обычаях предков. Испокон веков существует религия, шариат у нас.

С а п а р. Что, тем же путем хотите вести и советскую власть? *(Встав с места, гневно.)* В таком случае опомнитесь бай, мурзы! Где вы находитесь? Собрали рать, погнались за невестой, так разъярились актальские бай, да? Или хотят показать свою силу, недовольство советской властью? Кличут предка Жалаира, скачут впереди бай Догал, Жакеш, Сартай. Напугать вздумали? А ну-ка, покажите вашу удачу! Думаете,

не догадываются о ваших проделках, расчетах? Или хотите, чтобы сейчас же я укротил вас поодиночке?

Ж а к е ш. Товарищ Сапар, мы ведь не силу, а просьбу принесли сюда...

С а р т а й (*смирившись*). Товарищ следователь, что же на справедливую просьбу нашу не последует ответа?

С а п а р. Почему же скажите такое?

Ж а к е ш. Так приехала сюда Алуа — дочь Сатая?

С а п а р. Да, приехала Алуа — дочь Сатая.

Ж а к е ш. Она ведь жена Догала мурзы.

С а п а р. А как быть, если девушка не дала свое согласие выйти за мурзу и убежала от него?

Ж а к е ш. Это неправда.

С а р т а й. Коль она не согласна, пусть она сама скажет.

П е р в ы й г о л о с. Ведь законы помогают открыто же?

С а п а р. Да, открыто помогают.

Ж а к е ш. Приведите ее сюда и пусть она это скажет перед людьми.

С а п а р. Хорошо, убедитесь сами (*секретарю*): Позовите сюда Алуу Сатаеву. (*Все молчат. Секретарь уходит. На той половине гаснет свет. Свет в красной юрте.*)

Б а й ы р (*вместе с Жалтыром во главе возбужденная толпа вошла в юрту. Алуа, пугливо озираясь, стоит в глубине сцены*). А... беглянка, попробуй спастись!..

Ж а л т ы р. Попробуй уйти от Догала. Выходи сюда! (*Бросается к ней.*)

Н и н а (*вскочила, загоразживая Алуу*). Стой, остановись. Не трогать!

Б а й ы р. Уходи отсюда! Уберите ее. (*Жалтыр хочет оттянуть Нину за руку.*)

Н и н а. Не смей! Стрелять буду! (*Вытащила браунинг.*)

Ж а л т ы р. Уой, уברי прочь!

Н и н а. Убирайтесь вон! Уходи!

Ж а л т ы р. Сама убирайся!

Б а й ы р. Не выпустим девушку! (*Вслед два-три джигита, отстраняя Нину, тянут руки к Алуе.*)

Ж а л т ы р. Отойди, девушка!

Н и н а. Стой, уничтожу! (*Выстрелила. Баи, чуть задержавшись, остановились как вкопанные. Нина, защищая Алуу.*) Возьмете, только перешагнув мой труп. Не сламся, не вы-

дам Алуу, покуда не уложу пятерых из вас. (*Вошел секретарь с милиционером.*)

Секретерь (*баям*). Отстранитесь! Назад, что за безобразии? Куда вы прете?

Жалтыр. Не выпустим девушку! Пусть запомнит сказанное Догалом.

Секретарь (*Нине*). Сатаеву вызывает следователь, ведите туда. (*Нина, Алуа, секретарь проходят перед молчаливо стоящей толпой. Гаснет свет. Свет в юрте следователя.*)

Нина. Товарищ следователь, позвольте вам доложить: сейчас толпа баев намеревалась вырвать девушку Сатаеву насильно. Это что за люди? Какими зверями они выглядят?

Сапар. А кто стрелял?

Нина. Стреляла я! Не выстрелить, так готовы разорвать девушку!

Сапар (*Догалу*). Это ваши проделки, а? Отвечай, ты так приказал? Ты знаешь, что за все и всех отвечаешь ты?

Догал. Но я не виноват, это не я, товарищ Сапар.

Сапар. Это правда? (*Толпе.*) Так пускай убирается отсюда эта толпа! Куда ворвались? Кто вас вызвал сюда? (*Секретарю и милиционеру.*) Освободите юрту от всех лишних людей.

Голоса. Да мы свидетели... свидетели!

Сапар. Довольно трех свидетелей! Истец один Догал. А все остальные выходите из юрты. Освобождайте! (*Выводят всех баев, остаются только Догал, Сартай, Жакеш, Байыр. Плачущая Алуа только теперь вздохнула легче.*)

Сапар (*начал допрос*). Алуа Сатаева, правда ли, что вы жена вот этого Догала Дулатова?

Алуа (*тихо*). Неправда.

Сапар. Правда ли, что вы согласились стать его женой?

Алуа. Неправда...

Сапар. А правда ли, что, согласившись, приняли подарок Догала?

Алуа. Неправда.

Сапар. Так чьи наряды носишь на себе? Вот Догал заявляет, что все послано им.

Сартай. А ну-ка, скажи об этом.

Ж а к е ш. Может, сама сшила этот камзол, это платье, не так ли?

С а р т а й. Может, они хранились в сундуках Сатая?

П е р в ы й г о л о с. Пусть скажет, кто одел ее.

А л у а (*решившись*). Сперва это они сами насильно одели на меня. Но думаю, что одежда принадлежит мне. Отец мой – Сатай погиб, защищая табуны Догала. Сама служила рабыней. Кто же смеет сказать, что я и мой отец не заработали камзола или платья? Пусть попробуют!

С а п а р. Итак, Алуа Сатаева, вы не давали и не даете согласия выйти замуж за Догала?

А л у а. Да, несогласна.

С а п а р (*секретарю*). Все записали? (*Обращаясь к толпе.*) Следствие закончено. И делу этим конец. Можете разойтись. (*Баи, затаив злобу, хмуро, медленно расходятся.*)

Д о г а л. Думаешь, что спаслась? Худшее теперь впереди, Алуа...

С а р т а й. Нами сказано: “В землю спрячешься, за волосы вытащим, в небо вырвешься, за ноги стащим”. (*Алуа в тревоге. После ухода баев Нина, Алуа уходит. Гаснет свет. В красной юрте из отверстий юрты смотрят и разговаривают между собой девушки во главе с Саруар.*)

С а р у а р. Баи уезжают, как побитые уходят. Вот сели на коней.

1-я д е в у ш к а. От злобы чуть не лопаются. Разъезжаются. Лица как после пожара. (*В юрте ползет казан (котел). Девушки рассмеялись. Внезапно из-под котла выскочил радостный, счастливый Сексек. Все лицо измазано сажей. Он тоже смотрит через отверстие, радостно засмеялся.*)

С е к с е к. Ушли... Уехали. Мы живы-здоровы. Алуа свободна! (*Из голенища вытаскивает сыбызгы. Играет какой-то чудесный, радостный веселый кюй. Сексек закончил кюй.*) Кюй освобождения, кюй Алуе... Свобода! А под котлом очень плохо, боже сохрани, чуть не задохнулся там.

С а р у а р. Да, как это вы, мужчина, так поступили?

С е к с е к. Откуда же мне знать? Полагал, что этот старик Канбак выдумал хорошо, забравшись под котел.

С а р у а р. Какой старик? (*Смех.*)

С е к с е к. Да есть же этот старик Канбак наш. Да этот, который в сказке спрятался под котлом от великана. Вот и я

решил, что он хорошо придумал. Ну, как ни говори, Алуаш, получилось очень хорошо, что ты убежала, а я спрятался под котлом. Избавились! Почему не радуешься?

А л у а. Не знаю... Глаза у них красные, как у бешеных волков, их очень много. Угрожают: “В землю спрячешься за волосы вытащим, в небо вырвешься, за ноги стащим”. Бось... Может, мое бедствие только начинается.

З а н а в е с

ВТОРОЙ АКТ

Третья картина

На сцене колодец между многими аулами. Слышен топот приближающегося коня. Выходит Алуа. В руке плеть, опоясана кушаком, одета наполовину по-городскому.

А л у а. Прошло три года. Вон там аул бая Догала. С этого урочища Холодные ключи бежала я в тот вечер от байской неволи. *(Наклонилась к ключу, помыла руки и лицо.)* Отец рабом, мать рабыней, а сама я с шести до тринадцати лет провела в сиротстве, рабстве, в позоре и унижении здесь. Слабые плечи мои давила коромыслом, я не раз рыдала у этих ключей. Сколько слез моих капало на тебя, Суыкбулак? Волчья стая, окружавшая, угрожавшая растерзать меня, и теперь недалеко. Вон они, аулы баев Догала, Сартая, Байыра. За немного лет многому научили меня, спасшие меня в красной юрте Нина и Сапар ага. Они и ныне учат меня, за моей спиной они, а впереди вот эти – бай Догал... Не думала, что столкнусь, но, видимо, пришла пора встречи. Пусть мне в подмогу будут обиды и горечи, испытанные моими родными от врагов. *(К ключу идут бедняки – мужчины и женщины разных возрастов. Среди них Бейсен, Назарбек, Ораз.)*

Г о л о с. Милая Алуа! Зрочок мой, единственная дочь Сатая.

2-й г о л о с. Как выросла, родная! Откуда, жива-здоровая?

А л у а. Я жива-здорова! Дяди, тети, как вы сами? Сейчас я приехала с большой просьбой, прошу вашей помощи! Масса строителей Турксиба изнывают от жары в пути, нуждаются в воде. А колодцы баи загадили, набросав туда пада- ла собак, змей, лягушек и других тварей.

Б е й с е н. Неужели, Алуа, это правда?

О р а з. Сделано нарочно? Ведь вчера только мы отко- чевали оттуда. Каким образом собаки и барсуки попали разом?

Б е й с е н. Выходит, нарочно враги набросали?

А л у а. А я проследила даже след одного верхового до- сюда, но не видела человека и умалчиваю пока. Видели, за- подозрили кого, скажете сами.

О р а з. Точно не назовешь, но что тут пакостники, не укроешь.

Б е й с е н. Разве даром они отпугивают бедняков от Турксиба?

О р а з. Ведь только и заклиняют “не давать тягло, не продавать ничего, не наниматься, не приближаться к доро- ге”. Вредят Турксибу самому, а скрывая от вас правду о нем, вредят и тут! Но это убожество, только посмеяться... Мож- но ли укрыть одеялом свет восходящего солнца?... Отравили колодец... и это их ничтожество... Попробуй удержи этим Турксиб, как бы не так! Лишь только сегодня в песках вот тут, в такую жару... из новых колодцев идет только соленая вода... Только поэтому... знайте и запомните, батраки... чем больше они хулят Турксиб, верьте, что там добро для вас...

А л у а. Хорошо, что и уши, и очи советов есть тут. Это вы. А сейчас все без задержки срочно помогите в одном деле. (Алуа ко всем.) Братья, родные! Наполните сейчас ваши по- суды напитками, водой. Садитесь по двое на своих коней, верблюдов, волов, везите поскорее.

Б е й с е н. Все выполним, Алуа!

Н а з а р б е к. А что-нибудь за это даст твой Турксиб?

А л у а. Даст! Турксиб все даст!

Г о л о с а. Сейчас же приготовим подводы и повезем воду.

Е щ е о д и н г о л о с. Все, что можно пить, заберем с собой.

Г о л о с а. Ну, ведите верблюдов, волов!

Д о г а л (*кричит*). Эй, что за суматоха, что за смута в рабочее время? (*Алуа выступает вперед.*)

А л у а. Здесь нет смуты! Мы приехали просить воды для рабочих Турксиба.

Д о г а л (*Алуе*). Ты это, дочь табунщика Сатая? Пришла бы без зазнайства, без шума и смуты.

А л у а. Мурза, ничего я не натворила. Вот эти бедняки хотят помочь хоть водой.

Д о г а л. А на меня хочешь наклеветать и сказать, что жалею и каплю воды.

А л у а. Как знать, не захотите, может, и пожалеете?

Д о г а л. Как ты клеветашь на меня!

А л у а. О клевете говорите? Так почему сразу после вашей откочевки отравлены два колодца — Киганкудук, Тастыкудук? Какой же аул набросал туда дохлых собак, барсуков, чтобы не дать воды турксибовцам?

Д о г а л. Бедой на аул явилась.

Б а й ы р (*Жалтыру*). Эй, Жалтыр, она в твою нору метит. Как бы скандал не вышел! Найди выход.

А л у а (*Догалу*). Выдумывать беду не стану, но и не скрою, что отравителей народа буду искать.

Б а й ы р. Как она задирает, набрасывается на Догала. Жалтыр, вступишь ты. Останови Догала.

Ж а л т ы р (*встал между Догалом, Алуой*). Ты что это, дочь Сатая, чинишь вред нашему хозяйству?

А л у а. Какому твоему хозяйству я помешала? Или ты байский заступник?

Ж а л т ы р. Заступник, говоришь? Я тебе покажу заступника.

Б е й с е н. Эй, Жалтыр, брось скандалить!

Ж а л т ы р. Меня обзывает. А кому я заступник? Вот тысячные табуны пяти аулов нуждаются в водопое, это советское добро. Тут колодец очищаем для скота, а она хочет увести рабочих, уморить советские стада. Это же прямое вражеское дело: я не позволю ей сгубить советское добро.

А л у а. Этот скот принадлежит не советской власти, а баям и ты попечитель байского добра.

Ж а л т ы р. Опять твердишь свое. На, получай за оскорбление отца. (*Жалтыр хватает за косу Алуу, хочет ее срезать. Схватка. Все вскрикнули от испуга, брезгливо смотрят.*)

Бейсен одним ударом сваливает Жалтыра. Алуа собралась с силой, не дала срезать косу.)

Алуа. Товарищи, вы увидели козни баев. Но я сейчас не об этом. Прошу вашей помощи. Вы сами обещали. Помогите нам, не задерживайтесь, поторопитесь! *(Группа бедняков уходит. Догал и баи быстро встают с места и кричат.)*

Догал. Не расходитесь!

Сартай. Не уходите!

Байын. Откочуем! Уберемся отсюда!

Жалтыр. Уа, бедняки, откочуем, сейчас снимемся!

Догал. Разбирайте юрты!

Алуа *(батракам)*. Напугали... Уйдут... Так пусть уходят сами, пусть укочуют. А вы поддакивайте... как близко подошел Турксиб... Идите туда... От самого Семипалатинска сюда, из всех аулов потянулась беднота к дороге... и находят свое место. Пора и вам подумать, Бейсен, Ораз... об этом...

Бейсен. Спасибо тебе, Алуа, милая! Ты сказала о том, что у меня на уме...

Голоса. Верно... Пора... Пора подумать о том...

Байыр. Уйдем подальше от Турксиба. Стойте, батраки! *(Оставшиеся бедняки собрались вокруг Алуы. Баи остались в стороне отдельной кучкой. За сценой слышен конский топот. Слышны голоса: "Кто они, кто едет?")*

Алуа *(беднякам)*. Постойте, товарищи. Это Сапар ага от властей. Встречайте, они не зря здесь. *(Слышны голоса: "Едут, вот они приехали". На сцену выходят советские работники. Впереди Сапар, а в середине группы – Сексек. Люди на сцене разбились на три кучки.)*

Догал *(своим)*. Это Сапар, глава уезда.

Сартай. Говорят, он ненавидит всех баев?

Байыр. Зачем он приехал? Опять у них какая-то кампания?

Догал. Думаешь, к добру? Был недобрый слух, неужто теперь докатилось?

Жакеш. Боже мой, так и добрался до нас!

Догал *(Жалтыру)*. Жалтыр, тебе все понятно?

Жалтыр. Как не понять бай, не был бы я Жалтыром, если бы забыл!

Догал. Коли так, то займись с Назарбеком и другими стариками. Передай им, что я поручаю их аруаху предков

(жалаиров). *(Тихо разговаривают между собой. Вторая кучка бедняков окружила Сексека.)*

1-й г о л о с. Сексек, дорогой, как ты заставил соскучиться по тебе.

2-й г о л о с. Ведь стосковались по твоей сыбызги.

С е к с е к. Не беспокойтесь, мой кюй еще дойдет. Громко и звонко дойдет до вас. Сейчас далеко раздается мелодия Сексека.

1-й г о л о с. А с чем ты приехал? За какими вы тут делами?

2-й г о л о с. Что здесь будете делать все вместе?

С е к с е к. Помалкивайте, знайте про себя, потерпите, бедняки. Скоро все раскроется. Короче *(скороговоркой)* приехал Сексек не напрасно. Скажу: вам открывается путь! Все кончится хорошо, бедняки разбогатеют! Располагайтесь! *(Здесь смех, тихие разговоры. В третьей большой кучке в окружении Бейсена, Ораза, Оспана, Алуы и других стоит Сапар.)*

С а п а р *(Алуе)*. С завтрашнего дня в этой волости мы начнем проводить сборы косшы и батраков. Соберем мнение большинства и вынесем решение о нескольких баях. Ты, Алуа, примешь в этом деле крепкое участие. Уком особо поручил тебе участвовать тут. Думал послать за тобой, хорошо, что встретились. Только себя держи спокойно, сдержанно и крепко. Будешь возле меня.

А л у а. Поняла, Сапар ага. А теперь тут много аулов, здесь масса батраков, бедноты. Может, заранее дадите им знать о положении?!

С а п а р. Пожалуй, ты права. Ну, что-нибудь слышали здесь бедняки? *(Народ собирается в круг.)*

Н а з а р б е к. О чем слышать, дорогой, ведь новости, вести ждем мы от тебя, что известно тебе самому?

С а п а р. Ну, например, вы слышали, что о баях-феодалах будет обсуждение. *(Откликаются бедняки.)*

Г о л о с а. Слышали, товарищ Сапар!

И ждали!

Ждем твоих слов.

С а п а р. Вот я озираюсь и догадываюсь, что большинство из вас всю жизнь провели на краю стад бая Догала. Это верно?

Г о л о с а. Ты прав, верно. Даже у некоторых отцы и матери были их рабами.

С а п а р. Ну тем более! А вот если сейчас бы вам сказали “разрублен узел, развенчан гордец”. Бай Догал всем родом своим насильник-феодал. Если захотите изгнать из своей среды — воля ваша. Чтобы вы сказали на это, как бы порешили? Пастухи, табунщики, доильщики, прислуга, ваша воля, сказали бы вам, да вот при самих баях спросили, ну, что бы вы сказали, батраки, а?

Г о л о с а. Ну, говори!

С а м с к а ж и.

Ну скажите, начните кто-нибудь. *(Молчание. Жакеш, Байыр, Жалтыр подговаривают стариков-соседей.)*

О р а з. Всем ясно. Ты правду сказал, товарищ Сапар! Тяжелые дни пережили, а теперь просим об одном: пусть этот бай подальше от нас.

Г о л о с а б е д н я к о в. Правильно, верно!

Д о г а л *(обращаясь к близлежащим беднякам)*. Все вы, сыновья Жалаира, в долгу же перед моими предками, перед моим хлебом и солью! О, родичи, взаправду хотите меня отдать смерти, прямо толкнуть в огонь?

С а р т а й. Есть же долг хлеба и соли... Это даром не пройдет.

Б а й ы р. Что ж будете делать с долгами перед предками?

Ж а к е ш. Чем виноват Догал перед народом? Заголосил, бедняжка!

Б е й с е н. Да, здесь кое-кто говорит, что мы в долгу перед Догалом, что нам нельзя перешагнуть его хлеб и соль, за это нас ждет божья кара в аду. Каленое железо на шею. А по-моему, чем говорить о потустороннем аде, лучше избавиться от земного. *(Со стороны, где сидят бай, кто-то, пряча лицо, бросает слова.)*

Г о л о с а. Что он сделал тебе? Что перетерпел от Догала? Разве он грабил народ или устраивал пожары?

Б е й с е н *(переждав конец выкриков)*. Не говоря о прошедших злодеяниях, только вчера и сегодня кто же отравил колодцы ядом в Каракумах, чтобы истребить жаждой русских и казахских рабочих? *(Оспан, Ораз, Смагул, Сексек возгласами поддерживают его.)*

О с п а н. Кто же увел аулы подальше от дороги?

О р а з. Кто же призвал не давать подвод, не продавать напитков, не нанимать юрт?

С м а г у л. Кто же говорил даже не давать глотка простой воды?

О р а з. Кто же отговорил нас, бедняков, не идти в Турксиб? Кто тянул нас назад?

Б е й с е н. Баи нарочно сделали это, они боялись, если мы пойдем в Турксиб, то у нас откроются глаза. Достаточно одного этого. Пусть уберется отсюда Догал. *(Опять слышны голоса из кучки баев.)*

Г о л о с а. Да, да хватит, не все бедняки говорят так, как ты.

Н а з а р б е к. Уа, джигиты! Что значит конпеске? Значит ли это отобрать скот, землю или еще ссылка?

С а п а р. Кто подлежит конфискации – вредный человек. Если его совет батраков и совет бедняков сочтут вредным, то, кроме конфискации скота, могут сослать в другую область.

Н а з а р б е к. Уа, братья и сестры! Мы ведь казахи, связанные родственными узами. Догал никого не убивал, не грабил, пожара не устраивал. “Вражду” к нему не имели. Как получится, если, скажем, отберете у него скот, не оставите самого среди нас. Накажете ли тех, кто будет говорить так? Говорят – воля бедняка, если мы выразим так свою волю, что на это скажете? *(Из кучки баев слышны громкие возгласы: “так-так”).*

С а п а р. Итак, все бедняки так думают? Этот человек сказал ваше общее мнение?

Г р у п п а Б е й с е н а. Нет, нет! Только что мы сказали. Назарбек заблуждается!

А л у а. Очевидно, теперь хватит нашей чести, примем решение, небывалое на берегу Акталя. Бывшие рабы и рабыни этого байского аула сегодня, благодаря советской власти, примут решение свободных. Чего бы скрывать, таить. Разве не ясно каждому, что бай Догал был ненасытным насильником? Как сегодня вредит Турксибу, завтра так же навредит нашему счастью, полученному от Советов. Разве не вы желали отстранения бая, сказали бы правду!

Г о л о с а. Так, так. Правильно, все так говорили. За всех она сказала. Алуа права!

Н а з а р б е к. Вот сейчас говорила приехавшая к нам дочка Алуа, она из нашего аула. Милая Алуа, мы знали твоего отца Сатая. Хорошим человеком, храбрым бедняком он был. Но убил его, доченька, не Догал. Бог есть на свете, как можем лгать. Его выстрелом убил кровожадный вор Булан. Правда и то, что Догал хотел взять тебя второй женой, кроме этого он ничего не сделал плохого для тебя. Ведь так? Он сказал: “возьму”, ты ответила: “не пойду”. Не согласилась и ты ушла. Из-за этого, ты считаешь, мало отобрать у него скот и землю, а самого хочешь уничтожить.

А л у а (*Сапару*). Этот Назарбек — несознательный, подкулачник. Хотя сам бедняк, он не понимает. Я хочу разоблачить его.

С а п а р. Нет, сейчас речь идет не о нем, не отвлекай. Так нельзя. Подожди, пусть кто-нибудь из народа говорит. (*Все молчат.*) Уа, народ, послушали и слова Назарбека, что на это скажете, как решите? (*Пауза. Сидящий с края собравшихся, хорошо и по-городскому одетый человек в очках встает с места. Это — Мардан.*)

М а р д а н. Товарищ Сапар, может, выслушаете и меня? (*Он идет к середине сцены. Среди батраков неодобрительные голоса.*)

Г о л о с а. Это брат Догал бая! Сам наследник феодала, городской тюре... Мардан! Что он может сказать?

М а р д а н. Я приехал из далекого города на предстоящее собрание батраков. Одни говорят, что я приехал попрощаться со своим родным братом Догалом. Другие думают, что я прибыл посоветовать и помочь ему. Так думал вот этот Догал, единоутробный мой брат. Но я не для этого приехал. Долина Актала сегодня озарена теми же лучами, что освещают всю казахскую степь. Это заря Советов. То, что сюда дошла великая стройка — Турксиб, это значение новой истории, новых начал... Но кто хозяйничал в долине Актала? Сами, нелюбящие знания, труд, эксплуатировавшие всех трудящихся, державшие в темноте, вот эти Догалы господствовали.

Г о л о с а (*среди батраков*). Э, спасибо, правду говоришь! Пусть счастлив будет твой путь!.. (*Среди баев.*) Пусть убьет тебя бог, аруах, вероотступник. Гнилое яйцо!

М а р д а н. Теперь окрестность Актала очищается от тунейдцев. Она перейдет истинному хозяину, трудовому человеку. Не только перейдет, будет цвести, обновляться. Сестра Алуа все высказала, она выразила желание народа. Людей, подобно Догалу, надо отчуждать не только от скота, от богатства, но и от народа. Пусть Догал будет изгнан из этого края!

Г о л о с а. Так, так, правильно!

С а п а р. Правильно вы сказали, да?! Ну, друзья, это у нас не собрание, а так, проба самих себя. Об остальном поговорим на собрании, верно?

Г о л о с а. Верно, верно! Ждем собрания, ждем вестей.

Н а з а р б е к (*Жалтыру*). Еще что-нибудь сказать мне?

А й б а л а. Отец, хватит, довольно.

Ж а л т ы р. Ну, не мешай, что это такое?

А й б а л а. Уйди прочь от отца, ты как бодливый пучеглазый бугай. Довольно возил им. Сказано: и дьявол по бороде тобою владеет. Отец... ты своего... подкулачником стал.

Н а з а р б е к. Как, что сказала...

А л у а (*пожимая руку Мардана*). Как хорошо вы сказали! Вот вы какой!

М а р д а н (*смеясь*). А вы как думали? Алуаш, ведь мы люди нового воспитания, новой эпохи.

А л у а. Я не знала, совсем не думала так.

М а р д а н. Наверное, позабыли, Алуаш!.. Вспомните, когда Догал посягал на вашу свободу, я же выступал против него? Тогда я с ним порвал свое отношение. Сегодня я приехал сюда совсем отказаться от предков, от такого брата, которого прогнал народ, порвать все с ним и стать истинно советским гражданином.

А л у а. Чудесно, очень хорошо сказали, Мардан ага! Да, таков должен быть путь сознательного образованного гражданина, не таким, как обычно.

С а п а р (*находясь среди бедняков, окружавших его*). Итак, друзья, батраки! Вы решили крепко схватиться с баями. Изгнав их, создадим новую жизнь, новый мир в долине Актала. Для этого отдадим все свои силы! Запомните, что в долине Актала по-настоящему началась классовая борьба только сейчас. И теперь знайте, что и враги будут действовать ко-

варно, хитроумно, беспощадно. Борьба началась!.. Бейсен, Алуа, Ораз, едьте со мной в волисполком. Поехали!

З а н а в е с

Картина четвертая

Сцена представляет собой часть клуба. На сцене Алуа, Бейсен. К ним идут Сексек и маленькая Жанар.

С е к с е к (*Жанар*). Попроси, заставь спеть тетю Алуу. Проси!

Ж а н а р. А она уполномоченная... Умеет ли петь?

С е к с е к. Она же моя родственница, и вся в меня... А певица – мастерица!

Ж а н а р. Тетя Алуа, а мы начинаем концерт.

А л у а. Прекрасно... Дайте концерт... Развеселите колхозников.

Ж а н а р. И верно... тетя, спойте же и вы сами!

А л у а. Ой, что ты, милая, ведь у меня дела...

Ж а н а р. Ну, а мы все сами да сами...

С е к с е к. В самом деле, поддержи хоть в промежутках.

А л у а. А, значит ты сам ее привел? Ну, ладно, идите, начинайте... Я как-нибудь поддержу. (*Все последующие события картины проходят на фоне отдаленного концерта.*)

А л у а (*рассматривая бумаги, начала читать письмо вслух Бейсену*). Бейсен, ты послушай письмо Сапар ага из Укома: “Напоминаю вам обоим, что эта весна – испытание вам. Народ наш, бродивший по степи как перекасти-поле, оседает. Конец той жизни, которую называли ездой на собаке, погоняемой сучком! Объединились немощные, хилые одиночки для коллективного труда. А партия и правительство Казахстана поставили условием – перестроить долину Актала. И вот примерным пусть станет ваш колхоз! А первейшая задача: закончить в десять дней план сева и представить сводку”. Видишь, Бейсен, ты председатель колхоза “Актал”, а я уполномоченная из уезда, здесь указано и на общие обязанности, и общую ответственность нашу. Все вложим в посев. А ты собрал свои людские силы? – всех мужчин и женщин?

Бейсен. Всех людей, которых ты назвала, бросил на посев.

Алуа. А как с фермами?

Бейсен. Хоть начался окот, оттуда я беру то женщин, то подростков. *(Входит Мардан.)*

Алуа, Бейсен *(удивленно)*. Вы откуда, каким ветром, когда приехали?

Мардан. Я приехал из Алма-Аты, по линии печати. Для газет и журналов буду писать о достижениях Актала.

Алуа. Э, Бейсен, выходит, тебя будут хвалить. Как хорошо!

Бейсен. Пусть напишет хорошо, тогда будет хорошо.

Алуа. Хорошо будет тогда, когда ты сам покажешь хороший пример.

Мардан. О, я был так восхищен, так обрадовался сегодняшними достижениями.

Алуа. А недостатков и прорывов никаких?

Мардан. Не говори, не говори, Алуаш! Конечно, коли я приехал, то я буду писать хорошо о нашем Актале, я буду хвалить его.

Алуа. И только хвалит... Никакой критики... *(Смеется.)* Блаженство!..

Мардан. Нет, я, видя столько изменений Актала, не в силах сегодня критиковать его... Возрождайте наш родной Актал, пусть он цветет... Сестра Алуа, пусть вам сопутствует удача!

Алуа. Так, агай... А скажите, однако, есть вести от вашего брата Догала?

Мардан. Не-т... ну, почему о нем спрашиваете у меня? Столкнемся, остается лишь стрелять друг в друга.

Алуа. А... вон как!.. Да, пожалуй... *(Повернулась к Назарбеку.)*

Мардан *(Бейсену)*. Как она выросла, красивая, умная. Узнаю человека, она пойдет далеко, очень далеко.

Назарбек. Ой, сынок, Бейсен, Алуа! Что вы со мной сделали? Тысячи овец начали окот в горах, в одиноко стоящем хлеве остались я и моя старуха. Погибнет же народное добро. Неужели мой труд, мои старания напрасно пропадут?

Алуа. Кто ушел от вас, аксакал, сколько человек взяли?

Н а з а р б е к. Трое ушли.

А л у а. Ничего не поделывать, Назеке, потерпите неделю, срок сева проходит. Подумайте! А что от нас хотите сейчас?

Н а з а р б е к. Мое желание, посмотри сама! Не сегодня, хоть завтра приезжай, смотри все своими глазами, увидишь молодняк, узнаешь мои мучения. Окот идет днем и ночью. Двойняшками несут. Одни матки недокармливают, другие не принимают своих ягнят. Я одной рукой помогаю окоту, овцам, другой кормлю, приучаю к другой матке ягненка-сиротку. Нет отдыха... Даже во сне кричу, зовя ягнят, козлят. Старуха моя ворчит, что я стал шаманом. Дочку забрали. Теперь придешь к нам, посмотришь все. Даешь ли свое твердое слово или нет?

А л у а. Завтра вечером, идет... обещано... ладно. *(В стороне Мардан прислушался, записывает. Ворвался разгневанный Арман.)*

А р м а н. Где же ваши люди, колхоз "Актал"? До каких пор мне ждать?

Б е й с е н. Мы сбились с ног из-за посева. Вот уполномоченная, а срываете план сева.

А р м а н. Сев, сев! А мое дело не для сева? Оно же для колхоза, а не для врага!

Б е й с е н. Вы орошаете посев, а без посева какое орошение?

А р м а н. Это не довод. Где же ваше обещание? Обещали из фермы, а теперь и оттуда всех сняли и привели сюда. Я должен обскатать фермы, посевные поля. В городе наобещали, а здесь обманываете? Какая ложь, какое бесстыдство!

А л у а. Вы, наверное... товарищ Арман? Я знаю, что у вас большие обязанности. Знаю также, что вас долина Актала долго ждала.

А р м а н. Нечего сказать, ждала!

А л у а. Товарищ Арман! Я понимаю вашу спешку, но и вы поймите положение колхоза.

А р м а н. Не нужна мне отговорка. За то, что обманули меня, не дали людей, за срыв большого дела, я сейчас буду писать рапорт на Бейсена.

А л у а. Ваша воля! Но мы будем оправдывать Бейсена.

Арман. Не только оправдывать, но можете на руках носить, только найдите мне людей.

Алуа. Сегодня нет людей.

Арман. У меня нет дела до того. *(Вбегают две маленькие девочки. Это Асия и Жанар.)*

Асия. Тетя Алуа, две бригады пришли на обеденный перерыв, мы уже даем им концерт. И просим вас спеть.

Жанар. Нам спойте городские песни. И колхозники, и мы жаждем их послушать! Новые песни спойте нам, тетя!

Алуа. Милая, пока начинайте сами. Ведите концерт. Когда дойдет моя очередь – скажите мне, Асия, я спою песню. *(Девочки убежали. Слышно, что вблизи проходит концерт.)*

Арман. Товарищ уполномоченная, как вы не понимаете исключительную важность моего дела для всей долины теперешнего Актала?

Алуа. Кто же вам сказал, что я не понимаю?

Арман. Если понимаете, то зачем вынуждаете меня говорить?

Алуа. Кто же вас просил об этом?

Арман. По-вашему, сейчас кроме сева ничего нет?

Алуа. Кроме него сейчас есть еще песня. *(Смеется. Арман то горячится, то любит ее.)*

Арман. Ох, какая ограниченность! У вас все понятия отсталые. *(Алуа смотрит пристально на Армана и смеется.)*

Алуа. Если красная пшеница отсталое понятие, то пусть будет по-вашему! *(Обращается к Асие. Арман, рассердившись, уходит, вместе с ним уходит и Бейсен. Алуа обнимает Асию.)* Ты чья, маленькая Асия? Ты сейчас так хорошо спела! Я слушала тебя, думала, какая она певунья. Покажи, милая, мне своих папу и маму.

Асия. Тетя Алуа... их нет.

Алуа. Как же?

Асия. Они умерли. Папа умер и бабушка моя тоже умерла, тетя...

Алуа. Что ты говоришь, родная? Где учишься, где живешь?

Асия. Родных нет и я живу в интернате нашей школы и учусь. А теперь, тетя Алуа, очередь выходить, приготовьтесь. *(Алуа задумалась.)*

Алуа (*записывая свои мысли, говорит вслух*). В иные минуты она поет песню, но не голосом, а душой. Маленькая Асия скупыми словами своими заставила меня вспомнить тяжелые, печальные дни моего детства. До сих пор перед моими глазами мерещится осенняя, ветренная черная ночь, окутавшая долину Актала... Жгучий мороз, пронизывающий ветер. На мне почти ничего нет, с непокрытой головой, волосы взлохмачены, стою на мерзлой земле босиком, холод пронизывает, вся дрожу. Своими взорами я впиалась во мрак ночи... От аула все дальше удаляется громкий топот скачущих коней, изредка слышны удары осилов (*шесть, применяемые при схватке*)... Пристально смотря на темную ночь, призывая, молю... Я молю о сохранении жизни родного отца. Испуганная, в страхе кричу: “Ага, ага-тай! Отец мой!” Стою, как вкопанная. Вот мгновенная зловещая вспышка огня... грянул выстрел, все замолкло, угасло. Вместе с этим умер и мой отец. Асия не увидит того, что видела я. Милая Асия, если вырвала смерть твоего отца, то тебя в объятия принял народ. У меня не так было, я осталась одна, без крова. А сейчас я учусь в средней школе, я сама прилежная ученица. И сейчас Сапар ага, друг мой — Нина являются моими самыми близкими людьми, родными и советниками. Они мне говорят, что надо “расти так, чтобы получить знания из двух благородных источников: от книг и от самой жизни”. “Иди далеко”, — советуют они. Пусть это станет моей песней, мечтой! (*Так, постепенно речь ее переходит на возрастающую красивую песню. Асия, выбегая и протягивая руки во внутреннюю сцену, говорит: “Тетя Алуа, ваш выход!” Песня Алуы все усиливается, теперь как бы ее мысли, песня души переходит в песнь торжества*”.)

З а н а в е с

Картина пятая

Одинокая зимовка, укрытая в глубине ущелья. Это овцеводческая ферма Назарбека. Когда Назарбек приближается к изгороди, находящейся между домом и хлевом, кто-то, прячась, воровато выглядывает.

Н а з а р б е к. Эй, кто ты?

Ч е л о в е к. Не бойся, Назарбек! Назарбек, это я!

Н а з а р б е к. Догал мурза?!

Д о г а л. Да, Догал, когда-то был мурзой, а сегодня он согласен на любое прозвище!

Н а з а р б е к. Откуда, как? Зачем здесь?

Д о г а л. Что ж мне делать-то? Коль остался хоть один сочувствующий родич из жалаиров, то пришел просить участия.

Н а з а р б е к. Видно, ты сбежал, а?

Д о г а л. Давно же я потерял волю свою... Что же делать? Скрываюсь.

Н а з а р б е к. Значит, пришел найти убежище у меня?

Д о г а л. Угадал, конечно, Назеке!

Н а з а р б е к. Э, значит, чтоб я тебя укрыв?

Д о г а л. Конечно, Назеке!

Н а з а р б е к. Нет, не обманется теперь Назарбек! Назарбек снова не впадет в детство! Догал мурза, давно кончился бывший раб Назарбек!

Д о г а л. Что ты сказал? Я человек, решившийся на все! Единственный, кому верю — это ты. Вскоре уеду, не причину зла. Только пришел к тебе, раскрыл, кто я! Нужна мне твоя небольшая помощь. Вдумайся, вдумавшись, прими правильное решение. Ты будешь мне защитой, будешь! Через три дня еще раз приеду, если хоть одной живой душе дашь знать, то учти, погибну, может быть, сам, но и тебе не сдобровать. *(Назарбек один, тревожно смотрит по сторонам.)*

Н а з а р б е к. Что ж мне делать? Я один, уехать — скот останется без присмотра. Оставаться — он придет. Боже мой, как быть? Пусть погибну, но дам знать народу! *(Мечется и бормочет.)* А, только сейчас пришел в себя... О, Айбала же есть, Айбала! Доченька моя!..

А й б а л а *(выходит из дома)*. Что такое, чуть прилегла такая усталая, что случилось?

Н а з а р б е к. Милая доченька, душа моя, Айбала, только ты приехала. Теперь поезжай обратно, скачи! Не жалея себя, не смотри на усталость!

А й б а л а. Что, что стряслось? Что мерещится тебе?

Н а з а р б е к. Догал... проклятого Догала видел. Не жалея сил, скачи в аул. Сообщи колхозу, народу!..

А й б а л а (*торопясь*). Когда же доеду туда? Почему он пришел к тебе, а не к другим? Отвечай, говорю, такой враг – враг советской власти, почему к другим не идет, а укрываюсь, приходит к тебе?

Н а з а р б е к. Пока оставь это, потом расскажу! Скорее скажи, поезжай!

А й б а л а. Не уеду, расскажи все! Почему он не идет к другим и надеется на тебя? Как говорится, и ведьма выбирает жертву по бороде, так что, может, он думает, что ты скорее окажешь помощь врагу народа, чем другие?

Н а з а р б е к. Ойбай, не говори. Я выстрадал за это. Скажи без оглядки! (*Проводит Айбалу к коню, стоящему за хлебом. Айбала собирается уезжать.*)

А й б а л а. Ну, отец, погоди! Ты будешь за это отвечать перед колхозным народом!.. Сказано: большой кавардак ты увидишь, когда корову заколят. Вот увидишь тогда. Я не хочу еще раз краснеть перед комсомолом за то, что ты стал подкулачником. (*Уезжает.*)

Н а з а р б е к (*один. Оглядывается по сторонам. Смотрит вдаль*). О, кто это еще? Боже мой, не вовремя приехал. Ой, это Алуа. Вчера же сам ее приглашал. Одна приехала, хоть бы вооруженные товарищи с нею, то другое дело. Что же теперь делать, как ей сказать? Тогда при конфискации Догала с нею столкнулся было, если она опять увидит меня с Догалом, то все пропало. Я буду совсем разоблачен, опозорен перед Алуой. Нет, я ей сказать не могу! Боже мой, этот супостат не вернулся бы при ней. Ведь он сказал, что через три дня вернется, значит, Алуе ничего не скажу. (*Слышно, как он здоровается с Алуой. Уже вечер, темнеет.*)

А л у а. Вот, Назеке, чтобы не обидеть вас, в самую горячку я приехала посмотреть твои отары, твою зимовку. Где же скотный двор? Ведите!

Н а з а р б е к (*берет в руки фонарь*). Вот, милая, пошли. Вот это козлята и ягнята! (*Слышно, как они вдвоем, разговаривая, рассматривают скот.*)

А л у а. Правильно, а что здесь есть?

Н а з а р б е к. Сегодняшний приплод.

А л у а. Что там в лачужке?

Н а з а р б е к. Там двойняшки. А вот здесь ягнята-сиротки, да те козлята и ягнята, которых не признали матки. Мы их

кормим молоком, а также приучаем к другим маткам. *(Они ходят, затем снова возвращаются к сцене. За сценой слышен лай собак.)*

Н а з а р б е к *(растерянно)*. Почему так лают, милая?

А л у а. Что тут особенного, отец?

Н а з а р б е к. Не знаю, доченька, об этих горах идут дурные слухи.

А л у а. Какие слухи?

Н а з а р б е к. Не знаю, доченька, только вчера в горах, говорят, видели чужих людей. Кажется, есть и пропажи из колхозного табуна! *(Алуа, прислушиваясь, приговливает свой наган.)* О, дорогая, и то хоть утешение!

А л у а. Слышен топот коней!

Н а з а р б е к. Надо погасить лампу. *(Гасит свет.)*

А л у а. Отец, не бойтесь, кто же может быть?

Н а з а р б е к. Да, родная, крепись, будь сильней. Окажись отважной так, как твой отец Сатай! Он умер, проклинаемая бая Догала. А я после того еще долго заблуждался, молился на этого Догала. Помнишь, когда сослали Догала, я дурной головой защищал же его, этого кровопийца.

А л у а. О, отец, как хорошо, что вы так говорите!

Н а з а р б е к. Ойбай, чего только не было. За одну свою тогдашнюю болтовню каялся, каялся. До того я убивался, что за одну только осень довел себя до седины. Пуще того, у меня дочь Айбала, комсомолка, она до сих пор мне житья не дает. Она словно старая мать, чуть ошибусь, начинает попрекать меня. *(Стучат в ворота.)* Кто это? Чужой стук.

А л у а. Не бойся, отец. Я буду вместе с вами. Смотрите, не открывайте!

Н а з а р б е к *(смотрит через отверстие)*. Чужаки нечистивые. Эх, на свою беду, я не один... И на тебя накликал ли беду, дитя мое? Бедная голова моя, зачем я пригласил тебя?

А л у а. Назеке, только что вы вспоминали моего отца, наверное не зря, сочту вас за родимого... Теперь слушайте меня, не открывайте!

Н а з а р б е к. Не открою, милая. Когда сейчас увидел тебя, думал, испугаю и не сказал было, а вот эти твои враги, пощады не будет. Знаешь, кто Догаля?

А л у а. Как? Как узнали?

Н а з а р б е к. Вижу, он самый. Теперь и тебе, и мне нет пощады.

Г о л о с *(за сценой)*. Открой, открой живее!

Н а з а р б е к. Кто ты? Откуда?

Г о л о с. Из района, из ГЕПЕУ, открой!

Н а з а р б е к. Приезжай днем. Не открою.

А л у а. Уходи, убирайся отсюда! А то стрелять буду.

Г о л о с. А, и ты здесь? Попробуй стрелять. Ты сама нам нужна!

А л у а. Кто нужен?

Г о л о с. Алуа, дочь табунщика Сатая нужна! *(Алуа выстрелила.)*

А л у а. А, враг! И я узнала тебя!

Г о л о с а. Узнали, теперь все равно. Не уйдем, пока живы. Стреляйте, захватите ферму! *(Алуа, меняя место, изредка стреляет.)*

Н а з а р б е к. О, зрачок мой, да помогут тебе предки. Хоть и дочка, а вся в отца! *(Алуа тащит старика в дом, враги обходят скотный двор. Алуа бегает и поочередно стреляет то из дома, то из хлева. Старик в хлеву готовит коня, подходят к Алуе.)* Слышен запах гари, наверное, сожгли скотный двор. Все сгорит, погибнет весь скот! Дитя мое, теперь выстрелами не спасемся. Хоть ты спасайся. Может быть, половину молодняка спасешь. Все вытерплю сам. Вот повод коня, тут нет врагов, открой задние ворота и скачи! Садись, говорю, скачи, хоть ты спасайся!

А л у а *(бросаясь вперед)*. Отец, не бойся, родной! Спасусь я, и вас, и ягнят спасем. *(Быстро вскочила, на пути встретился враг, прятаящийся, выстрелы. У раненного в руку врага выпадает оружие. Враг кричит.)*

В р а г. Убежала девушка, убежала! Убейте, уничтожьте ее! Стреляйте, стреляйте, говорю! *(Выстрелы.)* Не давайте ей спастись. Уйдет она! Погибли! *(Выстрелы. Раненая Алуа выходит на сцену, падает. Подоспела помощь.)*

А л у а. Враг! Банда! Скорей, скорей, сжигают ягнят! *(Стрельба. Вскоре борьба прекращается. Стрельба удаляется. Арман и еще 2–3 человека приводят раненого Жалтыра. Колхозники выносят раненого Назарбека.)* Где другие? Где самый главный?

А р м а н. Погнались, отстреливаются, но не спасутся... Не зная, где быть, кому помогать приехали сюда? Всех взбудоражили?

А л у а. Что говорит, что он сказал, что я сделала? Я виновата? *(Теряет сознание.)*

Н а з а р б е к. Фу, не умер, все еще жив Назарбек! Наверное, у меня сорок душ. Душа моя живуча, как у собаки. *(Увидев Алуу.)* Милая, храбрая доченька, жива ли ты? Будь здорова, пусть я буду жертвой твоей. Я виноват, во всем я виноват!..

А л у а. Что он говорит? Что за тайны тут?

Н а з а р б е к *(увидев Жалтыра)*. А, и ты был тут? Ох, пучеглазый, бодливый бык, подлый! *(Теряет сознание.)*

А р м а н *(Алуу)*. Я знал, что вы заблуждаетесь. Ведь говорил же я! Зачем вы приехали сюда?

А л у а *(гневно)*. Что злорадствуете? Если бы вы не были одним из моих спасителей, то была бы удивлена вашему пророчеству. *(Вбегают Нина.)*

Н и н а *(обнимая Алуу)*. Алуа, жива, куда ты ранена?

А л у а. Нина? Ты? Что это, все неожиданные события? Откуда ты взялась? И ты знала, что я попаду в несчастье?

Н и н а. Алуа, что ты говоришь? Ты бредишь? Я – Нина, меня послал Уком. Сапар ага прислал меня на помощь тебе, зная, что трудные задачи у тебя в Актале. Только подоспела. А тут вести отсюда и поскакали. Не удивляйся, только и успела.

А л у а. Я мучаюсь, я боюсь... Раскаиваюсь, Нина! Боюсь, не совершила ли ошибку. Скажи, не провинилась я перед партией?

Н и н а. Почему ты так говоришь? Объясни.

А л у а. Какая загадка? Кругом непонятно. Проклятые такие загадки... Пока в памяти, все расскажу, слушай, Нина... Дай знать Сапар аге!

Н и н а. Говори, выскажи все, что подозреваешь!

А л у а. Откуда он заявился? Как мог узнать, что я найдусь здесь, мой заклятый враг, давно исчезнувший Догал? Как я вызвана и кем, выходит, вызвана сюда? Запомни, еще вчера я видела Мардана. Он хвалить приехал. А сегодня... Подвинься ближе, запомни еще. Я вчера поссорилась с этим вот гидротехником Арманом. Он ненавидит меня. И он сам за-

гадка для меня!.. Не могу забыть ни его лица, ни слов только что сказанных мне. Знай и помни, Нина! (*Слабеет.*)

А р м а н. Она бредит... Истекает кровью... Скорее надо везти.

Н и н а. А ну, помогите! Поднимите! Сейчас увожу в больницу в Костобе. (*Уносят Алуу.*) Да, какие странные переплетения! Бедняга Алуа, какие загадки окружают тебя!

З а н а в е с

АКТ ТРЕТИЙ

Картина шестая

Половина сцены – широкий коридор большого здания, где размещен ряд учреждений района, вторая половина – кабинет.

А л у а (*записывая, обращается к зрителям*). Через восемь лет я снова в Актале... В убогой дикой степи, где раньше хозяйничали семь баев рода жалаир, ныне семьдесят колхозов. Этому краю, расположенному по Турксибу, очень помогла станция Костобе, которая сейчас стала районным центром. Я училась и недавно окончила в Алма-Ате институт. Защитила диплом на тему о том, что внесла социалистическая Родина в женское движение. Нина Ивановна была членом ученого совета. Когда я получила оценку “отлично” за дипломную работу, она радовалась, как своему собственному успеху. Неожиданно еще один человек придавал исключительное значение моему диплому. Это был забытый мною, давно сочтенный за пропавшего и вдруг неожиданно заявившийся человек... В очках, с поседевшими волосами, солидный, имеющий важный ученый вид. Он недавно прибыл из Москвы, сам профессор исторических наук!.. Это – Мардан! Он меня пригласил в филиал, в аспирантуру Института истории! Но когда я пришла к Нине Ивановне, ее муж Сапар ага с радостью встретил новую весть, но он дал мне неожиданный совет, совсем другое решение. Сапар ага – первый секретарь Алма-Атинского обкома, он не послушался Нины Ивановны. Он не одобрил, чтобы я после

окончания института поступила бы сразу в аспирантуру. Он сказал: “Поезжай в Актал, успехи в науке умножай успехами в жизни. Учись и обогащайся знанием в жизненной борьбе в Академии партийного строительства!” – говорил он и всех нас убедил... Теперь я, делая научные выводы своей работы среди женщин, буду защищать диссертацию на степень кандидата исторических наук!.. (Выходит Сексек.)

Сексек. Итак, ты сама... Не определивший свою жизнь человек. Боюсь, очень боюсь я одного положения, Алуа!

Алуа (смеясь). Да что ты, дурной сон видел?

Сексек. Если скажут, чем учить других, лучше показала бы пример своей личной жизнью другим девушкам, то что на это ответим?

Алуа (смеясь). Что я не могу быть примером? Чем разочарован?

Сексек. Ты должна быть всем примером, а до сих пор не имеешь ни кола, ни двора. И у меня нет шуйке бас (ироническое название женщины), а у тебя – медноголового (в смысле жениха). Все летаем, да летаем, как перепелка без пристанища!

Алуа. Ой-ой, какие мы горемычные!

Сексек. А как иначе? Говорили, учеба, учеба... Ждали, наконец, окончили. Теперь, думал, что-нибудь будет, ты опять приехала из Алма-Аты одна. Думаешь, в районе полно достойных женихов? Или в испуге бежала из столицы от множества женихов?

Алуа. Оставь, оставь меня, Секе!.. Однажды я обожглась... Лучше не вынуждай... Ведь давно я воздержалась. Итак, оставим обо мне. А вот почему ты сам не женишься?

Сексек. А я же ведь дважды... сама знаешь, начал было строить жизнь, но распалось у нас... Разъехались... Не приходится ведь настоящая...

Алуа. Настоящая, а какая такая?

Сексек. О, я ищу такую, чтобы она душа в душу, в особенности рост в рост со мной была.

Алуа. Это что еще за “Тысяча и одна ночь”?

Сексек. Зачем мне долговзая девушка – в жены? Сошлись было тут с одной, другой, да разъехались. Все из-за роста. Нашли, “разве бывают такие щупленькие мужчины”. Да и девушки пошли ныне какие великорослые. На что мне

такая длинноногая, как ты? Скажем, захотел я поцеловать в щеку, что ж буду тянуться, как конь в ясли за овсом или под ноги колотушку ставить? А я вот как Жеренше-шешен... Он решил жениться только на той, которая равна ему в красно-речии. А я женюсь на той, которая будет равна по росту!..

А л у а. Что ты говоришь, разве такая клятва бывает?

С е к с е к. Если не клятва, то причина. А у тебя и даже причины нет!

А л у а (*смеясь*). Ладно, ладно. Если твоя молитва дойдет до твоего бога, то откуда знаешь, может, и здесь встречу какого-нибудь жениха!..

С е к с е к (*насмешливо*). Да, говорят, в той стороне есть Бетпакдала, а там все еще холостыми бродят девяносто рыцарей из поэмы “Козы Корпеш и Баян-Слу”, влюбившиеся в красавицу Баян, теперь они, говорят, ждут Алуу... В районе все мужчины живут со своими семьями, откуда же тебе найти жениха? У меня в оркестре немного мужчин, да и то все женаты. Если ты выйдешь замуж, то я готов отрезать свой нос!.. (*Входит Бейсен.*)

Б е й с е н. Ну, Алуа, что случилось вчера?

А л у а. А что ты сам услышал?

Б е й с е н. Я-то услышал только со слов Абекена. Он говорит, что “получился скандал, у всех на устах женотдел и твое имя, правда ли это?”

А л у а. Что еще я сделала?

Б е й с е н. Говорят, ты отговорила девушку.

А л у а. А, это про Жанар. Про комсомолку, которую мать оторвала от школы, хотела выдать замуж, таких здесь девушек целая группа. Тебе надо знать, хорошо спросил. А я их сегодня сюда в женотдел вызвала. Наверное, скоро придут! (*Жанар, Асия, Камшат, Сауле идут по коридору. Подходят к двери Алуы и стучат. Алуа принимает их.*) А вот они сами. Ну, девочки, знакомьтесь! Вот Бейсен ага, секретарь райкома, сами знаете его! Ну, Жанар, расскажи Бейсену ага сама, что было вчера ночью.

Ж а н а р. Тетя Алуа... стоит ли?..

Б е й с е н. Вполне стоит, ну рассказывай, Жанар!

Ж а н а р. Имеется такой хозяйственник по имени Жуман, работающий в кооперативе. Говорят, что у него много денег, много продовольствия, в сундуке его хранится много

промтоваров. Прежняя жена умерла. И этот джигит, ни разу не разговаривая со мной и не получив моего согласия, на вчерашний день назначает свадьбу и делает все свои приготовления.

А с и я. Не знаем, откуда они взялись – сватами собрал разных старух и стариков со всего Костобе. Если бы были только они, еще полбеды, он еще пригласил районных работников.

Ж а н а р. А мне наговаривает, что из райисполкома едет Абекен и поздравит он. Разозлилась я на все их сделки, решилась на скандал.

А с и я. Пусть они строят свои карточные домики, их сразу разнесем, думали мы. Но вчера вечером нам встрети-лась тетя Алуа. Она все видела сама. После снова приезжал Абекен. Как будто все в один голос говорили, что “получилось некрасиво”.

Ж а н а р. Ну, что же поделаешь, как бы стыдно ни было, перед Абекен ага, я не пойду же замуж за такую собаку. Теперь я, тетя Алуа, от вас, а также и от вас, Байсен ага, от имени всех этих девушек прошу, чтобы нас всех устроили в какую-либо хорошую школу!

С а у л е. Пошлите нас на любую учебу, откуда бы мы вышли специалистами!

К а м ш а т. Нас обучайте специальности агротехника, которая очень нужна нашему району.

Б е й с е н. Теперь пусть свадьба не состоится, зато эти девушки вместо домохозяйек станут активными деятелями района, Алуа их устроит!.. *(Смех.)* Хотя Абекен остался без тоста, но дело обернулось совсем не плохо!.. *(Смех.)*

А л у а. Да, вчерашняя ночь была, с одной стороны, разоблачением многих безобразий, комедийной ночью. Однако здесь имеет место не только один смех... Подзадориванием недовольных людей, расстройством свадьбы жених пошел на свершение преступного действия. *(Из портфеля извлекает кусок камня, протягивает его.)* Коварный и пьяный жених ночью разбил мое окно и это оставил мне как подарок. Товарищ Бейсен, прошу сейчас послать человека в мою квартиру и составить акт.

Б е й с е н. А, вот как дело оборачивается. Тогда об этом поговорим у меня. Абеке, много скрытных тайн при Абеке...

Да? Алуа, как окончишь свои дела приходи ко мне. (*Бейсен уходит.*)

А л у а (*обращаясь к девушкам*). Ну, девушки! Я о вчерашних ваших желаниях, стремлениях учиться — обдумала и взвесила. Вас всех, оставивших школу двенадцать девушек, я решила устроить на агротехнические курсы и там вы будете обучаться очень почетной специальности, крайне нужной для района — свекловодству, рисоводству. Завтра в два часа дня созывается совещание с руководителями курсов. Известите остальных и сами к двум часам приходите. Хорошо? (*Девушки одобрительно кивают и, попросившись, уходят. Входят 2–3 колхозницы и один колхозник.*) Бригадир Садык, я вас вызывала. Ну, матери! То, что рассказали вчера мне, сегодня повторите перед бригадиром!

П е р в а я ж е н щ и н а. Что тут говорить. Наш “Актал” — богатый колхоз. Но ты сама своими глазами видела, Алуа, каждый день на работу выходим с детишками. Дома некому за ними присмотреть.

В т о р а я ж е н щ и н а. Ясли, говорят, детские сады, говорят, где же они?

Т р е т ь я ж е н щ и н а. Не организовал, в глаза прямо скажу, вот этот бригадир, вот этот Садык не организовал.

П е р в а я ж е н щ и н а. Из-за того, что с нами рядом дети, мы не сможем работать, как другие женщины!

В т о р а я ж е н щ и н а. Своими глазами видела, Алуа, когда в душе неспокойно и работа не идет.

А л у а. Есть ли среди вас стахановки? Кто из вас ударница?

Т р е т ь я ж е н щ и н а. Эх, милая, друг от друга далеко не ушли.

В т о р а я ж е н щ и н а. Таких пока никак не можем вырастить и выдвинуть...

А л у а (*Садыку*). Ну, что на это скажешь, товарищ бригадир? Долина Актала — одно из самых урожайных мест свеклы в Союзе. Партия и правительство ставят условие — установить здесь мировые рекорды по урожайности. А вы в своей бригаде создали тяжелые условия работы для многих женщин и не даете им быть стахановками!.. Не правда ли?

С а д ы к. Да, не выходит. Они сами чуть что — бригадир!..

Первая женщина. А кто же кроме бригадира? Все зависит от тебя?

Вторая женщина. Какое условие создал? Кому создал?

Алуа. Да хватит, все ясно! Причины также ясны!.. Товарищ бригадир, вам с председателем колхоза ставится только одно условие. Три дня... Начиная с завтрашнего дня, в течение трех дней в вашей бригаде должен открыться детский сад. Если не откроется, то эти женщины с ребятами на работу не выйдут.

Садык. Ой-ой, что вы говорите? Нет женщин без детей. Лучше сказали бы, что во время кампании сева свеклы остановите всю работу?

Алуа (*сурово*). Остановится, и такой бригадир, как вы, пойдет под суд!..

Садык. Причину для них нашли. Говорю же вам, нет женщин без детей!..

Алуа (*гневно*). Да, нет женщин без детей, но вы не заботитесь ни об одной из них. Что они, люди или скотина? Под солнцем, под дождем находятся дети без присмотра, хуже, чем ягнята и козлята. Когда я вчера увидела своими глазами, мурашки побежали по моей спине. Разве вы видели, чтобы чабан так плохо относился к ягнятам и козлятам? Тогда сразу пошел бы он под суд!.. В первую очередь приготовил бы кров для ягнят. Кончен разговор! В течение трех дней открываются ясли, только тогда матери могут выйти на работу без тревоги.

Женщины. Да, пусть сбудутся твои слова, пусть удача сопутствует тебе, Алуа!

Алуа (*Садыку*). Вы вместе с председателем колхоза вдвоем должны сделать точный расчет о том, что нужно для яслей: какое оборудование и какая одежда, постельные принадлежности, посуда. А завтра к концу занятий все это представьте в райком, ко мне! Я буду вам помогать. (*Они уходят. Вошли Назарбек и Айбала.*) Да, дорогой Назеке, я в тот раз, ознакомившись с вашей фермой, пригласила вас особо сюда. Ну, Назеке, вы довольны всем положением вашей фермы?

Назарбек. Что говорить, милая, это наша пора избытия. Несколько сот породистых коров имеем, каждая из

них — неиссякаемый родник. Имеем свой маслозавод. Нечего говорить о доходе нашего колхоза!

А л у а. А как с доярками?

Н а з а р б е к. И о них не спрашивайте, все одна к одной!

А л у а. Значит, все они стахановки? Или все они доярки средней руки?

Н а з а р б е к. Э, так-то оно есть! Мы их не делили на стахановок и на других.

А й б а л а. Эх, наш зав. фермой, мой отец, попусту тараторит. Хотя вы раньше износили одну спецовку, все же придется сказать! По-моему, и вы, отец, ничем не ублажили нас. То, что нет стахановок среди нас, это плохо, надо жалеть об этом. Разве не вышло бы из нас передовиков-женщин? Вот о чем нужно говорить.

А л у а. Да, говорите об этом! Раскройте правду.

А й б а л а. Вы хотите настоящую правду, Алуа? Тогда я скажу эту самую правду. Прямо говорю — наш Назеке не сможет быть зав. фермой. Скажите, вы сами, отец. Ведь я точно говорю?

Н а з а р б е к. Ох, что она говорит? В те времена с тобою вместе на этой ферме кровь проливали же, Алуа!

А л у а. Да, это правда, Назеке! Но если вас снимать, то можно это сделать без обвинения.

Н а з а р б е к. Позора-то нет? Пожалуй, дочка права, на самом деле свалите меня, дайте кому-либо молодому. И назовите-ка его здесь.

А л у а. Нет, Назеке, здесь мы не решим, это решит собрание колхоза. Правда, вчера другие женщины назвали Айбалу. Видимо, совместно с колхозом так и решим. Айбала, запомните. *(Прощается с ними. Алуа одна читает письмо.)* Арман! Увижу, спешу увидеть, пишет он, а я? На этот раз и я спешу... Линии нашей жизни снова сошлись на Актале. Много лет мы оставались чужими друг для друга. Но в Алма-Ате, в ночь после окончания института, в саду, так по-особенному, по-новому открылись мы и оценили друг друга... *(Входит Арман, радостно кинулся к Алуе.)*

А р м а н. Алуа, Алуаш!

А л у а. Арман, дорогой мой...

А р м а н. Слышал, что ты в районе, спешил разыскать

тебя. Считая каждые дни, часы, ждал я этого выходного дня!.. Как хорошо, как прекрасно! И как кстати, что сегодня вызвали.

А л у а. Вызвали? Вас? Кто?

А р м а н. Ну те, начальника... начальника строительства разве не вызывал женотдел?

А л у а. Выходит, вы начальник?

А р м а н. А кто же еще?

А л у а. О лучше бы по мне вам быть Арманом, а не начальником!... Но что ж поделывать.

А р м а н. Что такое? Как ты говоришь, Алуаш?

А л у а. Говорю, вот что: вы принесли сюда романтику, а ваши дела начальника не только сдружат нас, но отдаляют, отчуждают. Так знайте — наши женщины были у вас и познакомились со всем положением ваших женщин. Вот каковы ваши дела, послушайте ваших женщин. *(Читает.)* “Начальник наш не желает слушать о нашем положении. Живем в помещениях, хуже собачника. У наших детей нет крова, ухода; нет врачей для больных. Много сотен работниц, ни библиотеки, ни газет, никаких признаков культуры”. *(Арману.)* Вот, товарищ начальник, вы слышали, видите, как недоволен вами народ. Двадцать пять процентов ваших рабочих — женщины, что, у вас нет возможности построить хотя бы ясли, детсад?

А р м а н. Алуа, как это так? Разве мы так хотели встретиться на Актале?

А л у а. Да, и я не думала, что мы так встретимся. Сейчас у меня нет другой мысли, других чувств.

А р м а н. Что это еще, когда я не могу строить станцию. Чем обвинять, лучше помогли бы!

А л у а. Почему вы ни одну женщину не ставите на сильную работу, почему не обучаете их?

А р м а н. Я сейчас не в роли обучающего, не могу быть учебным комбинатом. Это забота других учреждений, других дней.

А л у а. Ах, так! Тогда не о чем нам говорить. Не стоворимся, значит, тут. Разговор я сегодня перенесу на бюро райкома. А на днях поставлю перед Алма-Атинским обкомом, перед вашим министерством. За этих женщин не мало, а долго решила бороться я.

А р м а н. Ну, кончила ругать меня? Какой ты суровый человек! Кроме брани что-либо скажешь или нет?

А л у а. В нынешнем положении твоего производства, кроме обиды и огорчения, ничего не могу сказать.

А р м а н. Разве мы так говорили в Алма-Ате? Ведь я же готовил квартиру!..

А л у а. Не устроив дела, вверенных мне людей, не успев приехать, начну устраиваться сама? Тогда, какая может быть справедливость, спокойствие, удовольствие? Значит, о квартире можешь беспокоиться без меня! Можешь уходить! *(Арман уходит. Алуа одна. Записывает. Зрителю.)* Что же опять, какая развязка. С давних пор то порываемся друг к другу и все проходим мимо, нет конца нашим схваткам! Долгое время я таила в себе холодную решимость, которая у меня родилась, когда-то от одной ошибки, заблуждения... Я говорила о себе, что “во мне остывшее сердце, словно оледенело, я носила травму в себе”... Недавно в Алма-Ате, когда вновь нашла его, Армана, то казалось, что наши чувства отогревали застывшее в груди. А теперь, как я могу думать о личном, своем. С каким сознанием, с каким лицом, смогу жить с ним мужем и женой?.. Что это за горе и несчастье, не отстающее и цепляющееся за мою жизнь, надежды?.. *(Заплакала.)*

З а н а в е с

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Картина седьмая

Хорошо убранная просторная комната. Входят Нина, Алуа, Арман, Сексек. Несколько позже входят хорошо одетые, с орденами и со значком члена правительства на груди Айбала, Жанар, Камшат, Анар, Сауле.

Н и н а. Все понятно, имеется только одно положение. Я сегодня говорила с обкомом, с Сапаром решила за тебя, моя Алуа, один вопрос. Нельзя оставить в пределах одного Актальского района многостороннюю, многолетнюю воспитательную работу среди женщин района. Поэтому, Алуа,

ты должна написать о ваших трудах, о борьбе с трудностями и обо всем ином. Написала?

А л у а. Помнишь ли, Нина Ивановна, Сапар ага, посылая меня в район, говорил: “Вернись в науку обогащенная”. А я собиралась написать диссертацию, не забыла?

Н и н а. Как забыть? Обком мне поручил особо выяснить и эти твои дела. Возможно, ты даже поедешь со мной в Алма-Ату.

А л у а. Пожалуй, придется ехать по поводу диссертации. Я получила письмо от профессора Мардана. Я ему послала полный план диссертации. В письме он поднял для меня ряд неожиданных и странных вопросов.

Н и н а. Какие вопросы?

А л у а. Я, разбирая женский вопрос, хотела показать, что внесло коммунистическое движение в него в масштабе всемирной истории. Точные данные хотела посвятить успехам борьбы и побед послеоктябрьского периода женщин советского Востока, в частности — казашек. Профессор Мардан нашел это “недостаточным”.

Н и н а. “Недостаточным” по какой причине?

А л у а. Он преподносит мне совершенно неожиданные и неимеющие отношения к моей диссертации вещи. И сам очень настаивает на них.

Н и н а. Это что за проблема?

А л у а. Требуется, чтобы я внесла исследование о некоторых женщинах Золотой Орды, ногайского периода и казахских ханств.

Н и н а. А какое это имеет отношение к данной теме?

А л у а. Пишет, что без них не будет исторических обоснований масштабов.

Н и н а. А что, если не слушаешься его?

А л у а. Мой будущий оппонент... Имею большие возражения, необходима встреча, поездка в Алма-Ату... Есть еще одна мысль у меня... Хочу обосновать все свои возражения против его положений. Для этого хочу послушать и разузнать до конца его замыслы. На то у меня особая причина. Потому задумываюсь основательно.... Как-то мы с ним встретимся, что-то во мне много сомнений... Нет, обязательно ехать в Алма-Ату. Так выходит, Арман!

А р м а н. Что же поделаешь!

С е к с е к. Нет, зачем так торопиться неожиданно-негаданно?

А л у а. Ох, Секе, когда же ты угомонишься и успокоишься, когда идет речь обо мне?

С е к с е к. Когда семьей стали, что скажешь, кроме того, чтобы посидели дома?

А л у а (*входит Асия в военной форме*). Асия, Асюша, что, собираешься уезжать?

А с и я. Еду. Пришла попрощаться с вами, тетя Алуа.

А л у а. Так решила, родная! Счастливого пути, найди славу, счастье. Будь здорова, милая! (*Целует Асию в глаза. Асия со всеми женщинами, целуясь, прощается. Алуа к ней.*) Знаю, Асюша, ты пламенна, храбра! Ты одна из лучших дочерей нашего района. Тебя на фронт добровольно ведет твое высокое сознание, воспитанное ленинским комсомолом.

А с и я. Тетя Алуа, вы стали для меня отцом и матерью. Я это также помню. Знайте, оправдаю это!..

А л у а. Родная, ты первая девушка-казашка из нашего района едешь защищать Родину. Мы будем много думать, много вспоминать о тебе. Твои хорошие дела станут примером людям труда. Запомни это! Будь счастлива, родная! (*Целует, провожает ее. Приносят Арману повестку.*)

А р м а н (*показывает повестку Алуе. Пауза*). Я офицер запаса. Одно утешение – успел достроить станцию. (*Смотрит на Алуу*). Достиг еще долголетней мечты. По этой повестке завтра или послезавтра должен уехать из Костобе. (*Звонит телефон, Алуа у телефона.*)

А л у а. Бейсен?.. Что ты говоришь, офицер запаса?.. Арман получил повестку, только что получил. Как говоришь? И ты был офицером запаса? И ты отправляешься? Как, как же будет здесь? Разговаривал с обкомом, Сапар ага? Нет, мне еще не звонил... Что говоришь? Я, как это так, почему так спешно? Бейсен, родной, увидимся, иду сейчас!

Н и н а. Насколько я понимаю, первый секретарь Актальского района тоже уезжает на фронт.

А л у а (*в раздумьи*). Да, так, отправляется... Не знаю, почему такие крутые перемены!..

Н и н а. На его месте секретарем остается Сатаева Алуа, не так ли?

А л у а. Не знаю... Удивляюсь, поражена. Такая ответ-

ственность в таком большом районе... *(Снова телефонный звонок.)* Да, Сапар ага, Алма-Ата, Алма-Ата! Да, Сапар ага, я, Алуа. Только что перед вами по телефону от Бейсена услышала! Как это так? Не спешно ли? Это весьма ответственное решение, Сапар ага! Смогу ли я оправдать, хватит ли сил? Утверждено обкомом и ЦК тоже так решил, говорите? Поняла... Когда? Сегодня ночным поездом? Хорошо, Сапар ага, буду готовиться... *(Положила трубку.)* Понятно, товарищи? *(Во время разговора Алуа молча слушавшие, все встают, все как бы устремились к ней.)*

Ж а н а р. Насколько нам понятно, тетя Алуа, сейчас происходят такие большие, крутые и замечательные перемены.

А й б а л а. Дорогая Алуаш, поздравляю! Хотя Бейсен одну спецовку раньше сносил и ты сама не уступишь, радуемся и приветствуем...

К а м ш а т. Не смущайтесь, тетя Алуа, примите наказ Родины. Народ – ваша опора, друзья – ваши крылья.

А н а р. В песне сказано: “Келсен келде кез болды кейіте беріп кайтесің”. (“Встреча в решительный час, пусть не расстроит нас”). У тебя сотни, тысячи женщин друзей в Актале!.. Доверие к тебе партии, Родины, мы понимаем как наказ и для нас.

Н и н а. Вот твой ответ произносится устами друзей, народа.

А л у а. Сапар ага сказал скорее приехать для получения от ЦК особо важного поручения. Наказал выехать сегодняшним ночным поездом. Нужно принять Обращение от женщин Акталя ко всем женщинам области, республики, страны. Это невиданное в истории Акталя ответственное обязательство. Друзья, сейчас десять часов. Через сорок пять минут проедет поезд в Алма-Ату. Я должна заехать к Бейсену. Сами видите! Арман, нужно все срочно! Надо готовиться... Что поделаешь, родной!..

Н и н а. И мне надо быстро готовиться. Спешить к отъезду. Все тебе понятно, Арман! *(Арман и Алуа уединились.)*

А р м а н. Не раскаиваюсь, Алуаш, только нас самих, двоих немножко виню... Почему так скупое, так неумелое мы воспользовались той свободной, радостной жизнью, которую нам предоставило наше время, столь радостные дни наши...

А л у а. Хотя внешне не говорили, хотя скупые слова не сорвались с нашего сдержанного языка, мы с тобой сердцем, нутром без слов, молчаливо давным давно нашли друг друга...

А р м а н. Почему мы запоздали, почему мы сдерживались? Вот теперь...

А л у а. Знаю, Арман... Мой Арман!.. Верю в то, что ты говоришь не от горя. Ты на этот путь отправишься не с печалью, я и сама провожаю не с горем. Я отправляю тебя с сознанием, как мужа, с которым идет полжизни моей в справедливый путь мести и высокой чести патриота... Во всей моей жизни, в трудах моих, твои фронтовые дела будут жить в моей душе, рядом со мной...

А р м а н. Я счастлив, Алуаш... Будь здорова, будь счастлива... Все надежды и мечты мои с тобой. Короткое счастье наше станет вечным неугасимым светочем во мне... Я доволен тобою!

А л у а. Прощай, милый! *(Целуются. Затемнение.)*

Действие происходит в просторной комнате секретаря райкома.

Выходит Сапар в сопровождении группы людей из города.

Сапар и Алуа беседуют на ходу.

С а п а р. Есть ли люди наших газет? Приехал корреспондент “Правды”?

А л у а. Приехал, наверное, здесь.

К о р р е с п о н д е н т. Сапар Сеилович, я здесь!

А л у а. Разрешите, товарищи, представить для рапорта слова о принятии Обращения передовых женщин, представляющих колхозников, рабочих и интеллигенцию нашего района!

С а п а р. Разрешаем, начинайте! *(Входит несколько групп женщин.)*

А л у а. Условимся — по вашему решению Обращение начнет секретарь ЦК компартии Казахстана товарищ Сеилов, а дальше поддержите сами вы, передовики, стахановки района. Знатные свекловичницы, рисоводы, доярки, строители, нынешнее слово за вами. Ну, вот и предоставляем для начала всего слово товарищу Сеилову. Товарищи, что если Обращение начнем вот так: *(торжественно)*.

С а п а р. Сегодня, как пуля врагу, мы принимаем этот исторический призыв от имени колхозных, рабочих, служа-

щих женщин – патриоток, чьи сыновья, мужья, братья, отцы находятся на фронте. Перед руководством райкома партии и перед ЦК партии Казахстана, перед партией Ленина–Сталина, возглавляемой любимым вождем, дорогим отцом нашим – Сталиным, перед Советским правительством клянемся выполнить объявляемое нами это решение.

Ж а н а р (*подхватывает*). В этой клятве мы ставим себе условие и даем слово Родине, что женщины Актальского района, где бы мы ни работали – в колхозах, бригадах, совхозах, фермах, отарах-кошарах, в цехах заводов, на станции Костобе... (*Дальнейшее продолжение по очереди произносят знатные женщины района – сперва Айбала, затем Камшат, Сауле, Анар.*)

А й б а л а. Во всех учреждениях, в школах, культурно-просветительных организациях объявляем всех трудоспособных женщин района в состоянии мобилизационной готовности отдать все силы для фронта, для защиты Родины. (*Оркестр Сексека играет торжественный марш.*)

А н а р. Мы, женщины, находящиеся на всех участках труда в районе, со всей решимостью и последовательностью отдаемся стахановскому, ударному труду до тех пор, пока наши мужья, братья не вернутся с победой над врагом!

К а м ш а т. Для чего между бригадами, между колхозами, между совхозами, фермами, отарами, между цехами и бригадами производства с призывами “За Родину!”, “За Сталина!”, “Все для победы!” объявляем социалистическое соревнование.

С а у л е. Мы, женщины Актальского района, подытоживая свой опыт работы, начиная с первых дней Отечественной войны, сегодняшнее свое решение объявляем всему Казахстану. Мы призываем всех высокосознательных женщин – патриоток всех районов, всех областей нашей страны к самоотверженному труду на благо любимой Отчизны.

Ж а н а р. Мы выражаем уверенность перед мужьями, братьями, находящимися на фронте, перед великой Родиной, что своей неиссякаемой энергией, непреборимой силой и высоким сознанием, мы одолеем все трудности, все испытания, встречающиеся нам на тяжелом трудовом фронте! (*Теперь Алуа находится среди женщин и все они одним голосом провозглашают призыв.*)

Ж е н щ и н ы. Мы победим! Все для победы! За Родину! За Сталина! *(Так заканчивают Обращение. Энергичный марш Сексека также этим заканчивается.)*

С а п а р. Пламенные, мужественные женщины великого советского народа, дорогие друзья! Вам не нужно агитационных слов. Все положение, всю священную правду, всю энергию, силу, которых ждет Родина, вы высказали в своих призывах!.. Ваша клятва решила, что делать. Брошенный в этой маленькой комнате вами только что призыв завтра разойдется по всему Казахстану, а через страницы газеты “Правда” – по всей стране. Это будет священным призывом, охватывающим своим ярким пламенем весь мир! Свое слово заканчиваю одним напоминанием: клятва ваша велика, также велик ваш призыв, который может разрастись на весь мир! Значит, борьба будет тяжелой, испытание великим. Будьте мужественны, станьте легендарными великанами...

А л у а *(вместе со всей группой женщин).* Все силы, все порывы, всю энергию – за победу! За Родину! За Сталина!

З а н а в е с

Картина восьмая

Перед занавесом, близко к авансцене остановилась Алуа.

А л у а. В какой день... В какой день я получила весть от тебя, мой дорогой Арман! *(Перечитывая письмо.)* Сегодня у меня в жизни самый ответственный день, день испытания. В такую-то пору нашло письмо меня тут. Или спешило подбавить силу. Письмо от него, он жив! Последняя весть была послана им из Берлина в жаркие дни штурма... И дальше оборвалось все... Я цеплялась за волосок надежды, как ждала малейшей весточки, как ночами обливалась слезами я, ты пишешь: выздоравливаю, вернусь... милый Арман, вернись! Крылья мои! *(Вошла Нина.)* Знай, Нина! Я счастлива! Вот!

Н и н а. От Армана? Жив, нашелся? Алуа, радость моя, друг мой, приветствую. Он жив?

А л у а. Вот читай... Жив... Был тяжело ранен.

Н и н а (*читая*). Да, ясно... “Расскажу при встрече... Напишу попозже” говорит. Долгие месяцы находился между жизнью и смертью, но счастлив и выздоравливаю, пишет он... Какая ты счастливая, дорогая, любимая Алуа! Да, эта радость таилась долгие годы, как бы желая прийти в такой большой день испытаний для тебя! Пусть она приумножит твою внутреннюю силу!

А л у а. А теперь защита, ты что хотела сказать?

Н и н а. Да, об этом. Но есть еще одна новость. Неожиданная весть, пока точно не знаю, ты не тревожься, после услышим от Сапар ага. Он разговаривает с Москвой.

А л у а. Да, что это? О чем?

Н и н а. По слухам – двенадцать женщин Актала отмечены высокой правительственной наградой. Есть большая надежда, что ваш труд будет отмечен. Точно и подробно услышим позже. Теперь перейдем к диссертации.

А л у а. Да, ну-ка об этом! Ты, очевидно, только успела прочитать последний вариант, давеча ты по телефону напугала меня... А что, большие ошибки?

Н и н а. Да. Теперь об этом буду говорить сурово, Алуа, иначе не могу. Зря ты тут перебираешь много ненужного. Например, зачем понадобилась и откуда взяла глашатая и печальницу какой-то Золотой Орды Караулек? Что ты ищешь от затворницы и рабыни старой традиции амангерства, левирата Кыз Жибек? В особенности, зачем вспомнила сестру врага русского и казахского народов Кенесары Бопая? Научный труд, посвященный положению казахских женщин, разве и это имеет своей целью? Я тебя спрашиваю, это?

А л у а. О, Нина, ты права. Сердишься правильно. Ведь не нужно всего этого?

Н и н а. Безусловно, не нужно.

А л у а. А мне сказано, что не будет исторического научного исследования...

Н и н а. Кто так сказал?

А л у а. Мой оппонент. Профессор Есенов Мардан. Я разве не говорила тебе в Актале или ты забыла?

Н и н а. Нет, не забыла. Потому и злюсь, почему здесь это написано? Почем знать, что за этим не кроется ядовитое, опасное.

А л у а. Именно... Ты точно сказала. Минутку терпения, пусть станет тебе известно, и крепко запомни мои слова. По упорному настоянию профессора Мардана я распознала тут все и пришла к одному особенному решению.

Н и н а. К какому бы решению не пришла, прежде всего решай отбросить эту часть. Это явное вредоносное, настоящий яд. Если не уберешь, то я решила выступить против. Я обвиню и тебя, и твоего профессора.

А л у а. Правильно, если сохраню эти материалы, ты права. Но я сейчас решила испытать профессора Мардана. Ради чего, сегодня ты здесь увидишь. Эта часть ни основное, ни важное моей диссертации. Она и сделана с расчетом очень легко устранить ее. Потому я начну свой доклад с заявления о том, что отбрасываю эту ненужную часть. *(Входит Мардан.)*

М а р д а н. Что вы хотите отбросить, Алуа?

А л у а. Знайте, профессор, пусть и вам будет известно, что я, тщательно обдумав, решила исключить те разделы, о которых я говорила вам, объявлю, что я их вычеркиваю.

М а р д а н. Нет, нет, Алуа, откажитесь от этого решения! Без этого диссертация не будет защищена!

А л у а. Пусть не будет защищена, профессор! Теперь моя рука не поднимается на защиту этих чуждых положений! Я сейчас свое слово начну с исключения ненужных диссертации разделов.

М а р д а н. Тогда не обижайтесь, сестра! Мы с вами будем на ножах. И у меня есть другое решение, другой ответ!.. Знайте также, что я буду критически ловить каждое ваше движение, каждую мысль, каждое сказанное вами слово! Предупреждаю, жестокая битва будет. *(Затемнение. Открывается занавес. Там переполненный конференц-зал, идет заседание. Во внутренней сцене ученый совет. На кафедре профессор Мардан.)*

М а р д а н. Еще раз повторяю, уважаемые члены ученого совета, диссертантка Сатаева Алуа, хотя приложила много трудов и собрала необходимые для исторических наук данные, но не смогла их использовать. Она свое знание направила на малое, но не глубокое изучение. У нее получилось не научное исследование, а брошюра для агитаторов женотдела или же журнальная статья, нанизывающая дешевые истины.

Исходя из этого, я не считаю и не признаю работу Сатаевой в научном отношении ценной. Поэтому, уважаемые члены ученого совета, подчиняясь велению совести советского ученого, я считаю этот труд недостаточным для получения диссертанткой степени кандидата наук. Я заключаю, что за этот труд Сатаевой нельзя присудить степень кандидата исторических наук! *(Пауза. В зале: “Какое жестокое заключение!”, “Какой беспощадный удар!”, “В таком случае, зачем надо было ему быть оппонентом?”, “Это не случайно”, “Здесь что-то кроется”. Во время шумных разговоров наступает затемнение. Теперь говорит Алуа.)*

А л у а. ...Товарищи, заключая свои ответные доводы на обвинения профессора Есенова, я хотела бы обратить внимание уважаемого ученого совета на это исключительное обстоятельство. Профессор Есенов обвиняет меня в том, что я не написала о Караулек, Бопай. Когда шел разговор о моей диссертации сперва в 1939 году, затем в 1943 году, все время профессор Есенов предлагал мне написать об этих женщинах. Я только сейчас на этом собрании очень ясно понимаю причину этих его настояний. Я хочу, чтобы вы также знали об этом. Профессор Есенов имел намерение моей рукой оправдать страшный быт прежних золотоордынских, нагайлинских ханов, вчерашних казахских феодалов-ханов. Это называлось научной проблемой, а по существу это была не научная проблема, я могу назвать вещи своими именами, товарищи. Это — настоящая буржуазно-националистическая программа сегодняшнего времени. Теперь я буду говорить не только о защите диссертации, я буду говорить как общественный работник, выполняющий требования партии на идеологическом фронте. Поэтому несколько отклонюсь от темы сегодняшнего заседания. Это мой долг чести, долг гражданина!.. *(В зале слышен одобрительный гул.)* Профессор Есенов не спорит со мной, он оказывает мне сопротивление. Невольно я вспоминаю один момент: в 1926 году был бай, который хотел на мне насильно жениться, взять как вторую жену. Вы были, профессор, родным братом этого бая! После этого, когда я работала в 1931 году в Актале, ваш брат, ставший бандой, хотел уничтожить меня и стрелял в меня. Тогда я спаслась от пули вашего брата, и сегодня вы не стреляете ли в меня из того же обреза, выпавшего тогда из рук вашей-

го брата Догала? Да, вы стреляете, притом стреляете после длительной подготовки, после долгой искусственной маскировки! *(В зале снова дружелюбный гул, выражающий к Алуе доверие.)* В 1926 году я, наученная волчьей стаей бая, прибежала в красную юрту. Тогда русская девушка студентка — Нина защитила меня своей грудью от вражеской пули. Та же дочь русского народа, ныне член партии, советский работник, смелый деятель советской науки — профессор Нина Ивановна Ершова, снова защитила меня от врага, уберегла от профессора Есенова. Еще раз тебе тысяча “спасибо”, хороший русский человек, Нина Ивановна! *(В зале аплодисменты, шум.)*

Г о л о с а. Какое сражение дала Алуа!

— Как победила в единоборстве!

— Все норы затоплены у профессора!

— Как вырастило и для науки Алуу партийное воспитание!

(На переднем плане встретились Сексек с маленькой женщиной.)

С е к с е к. Да, да! Так точно, так!.. Точно, точно так... Да, какова наша Алуа! *(Нечаянно задевает маленькую женщину.)*

Ж е н щ и н а. Э, что стряслось с этим беднягой? Как бы он не улетел?

С е к с е к. Эй, что ты говоришь, эй? *(Говорит в спину женщины.)* Сама малышка, а язык востер!

Ж е н щ и н а. Малышка, как будто сам в гору!

С е к с е к *(смотрит на женщину, узнал, что это не ребенок, быстро меняется, удивляясь)*. Что ты сказала, милая, говоришь, сам будто в гору?

Ж е н щ и н а. Что из того, что сказала “гора”, или называть джигитом, как скала?

С е к с е к *(любуясь, смеясь)*. Говори, говори! Милая, скажи еще. Ой, астай...

Ж е н щ и н а. Ой, однако, сумасшедший! Чему он смеется?

С е к с е к. Ой, астай... *(любуясь)*. Ой, как говорится, что ищешь, то всегда найдешь.

Ж е н щ и н а. Ищешь, да найдешь... Думаешь, что я побоюсь тебя?

С е к с е к. Что ты говоришь, милая. Ой, не бойся! Только одно слово молви. Вот... Замужем ты или нет?

Ж е н щ и н а. Что из того, если нет? Что, скушаешь меня? Ну, нет мужа!

С е к с е к. Та самая, кого ишу. Ты хорошенко это выслушай, родная. Я все выложу. До сей поры я, как Жеренше, искал свою пару. Говорю о той, которая мне по росту. На что мне такая длинноногая журавлиха? Ой, астай... Сама настоящая, айналайын!..

Ж е н щ и н а. Тогда меня зовут Балжан, Бал-жан!..

С е к с е к. Айналайын, твое имя. Какое оно хорошее и мед, и душа! А я... *(Потупясь.)* дирижер оркестра народных инструментов, композитор, заслуженный артист Сексек Сенгирбаев! Такая сладкая, дунуть да в рот взять. *(Оба уходят. Нина и Алуа.)*

Н и н а. Алуа, дорогая моя... Радуйся, только что пришла подробная весть от Сапара, он просит поздравить тебя. Он просил приветствовать тебя с исключительной радостью: двенадцати женщинам Актальского района присвоено высокое звание Героев Социалистического Труда. Среди них первым названо твое имя, душенька моя! Сейчас тебя срочно вызывают в ЦК. Сапар ага просит подготовиться к вылету в Москву по вызову ЦК ВКП(б). Еще ждут тебя исключительные новости. Пойдем, счастливого пути!

З а н а в е с

Картина девятая

Пекин. Летний дворец императрицы Ци-Си. Много женщин различных стран Азии. Алуа в группе женщин Ирана, Турции.

Т у р ч а н к а. Вы — казахи, узбеки, татары, туркмены в прежней истории назывались мусульманами России. Большинство из этих племен до принятия ислама были дикарями. А вы не знаете, какие новшества ввел исламиат в положение женщин этих народов?

И р а н к а. Конечно, не знает, она же не мусульманка...

1-я ж е н щ и н а. Потому она безбожница...

Т у р ч а н к а. Вы осуждаете ислам. А знаете ли вы учение основателя этой религии Мухамеда Мустафы? Не знаете!

А л у а. А может быть, и знаю!

Т у р ч а н к а. Если знаете, то говорите, например, пророк Мухамед запрещал учиться женщинам?

А л у а. Нет, он велел учиться (*говорит на арабском языке*). “Альгилми фаризатун галя кулли муслимина уа мусли-матун!” Правда, пророк сказал, что “наука обязательна для мусульманина”. Однако во всем мусульманском мире позорному положению женщин опять способствовало само же мусульманство.

Ж е н щ и н а из И р а н а. Не оно само, последующие времена изменили положение женщин! Разве гаремы, уставленные шахами, султанами, возникли по велению пророка?

Т у р ч а н к а. Разве пророк завещал, чтобы в каждом дворе были ишкарри для затворниц?

А л у а. Правда, он об этом не говорил. Однако тот же Мухамед в своей жизни девять раз женился. Если так поступает глава религии, глава справедливости, человечности, гуманности, то что ждать от шахов, султанов, эмиров, халифов, кроме учреждения гаремов? Короче говоря, от какой бы религии не было никакого добра для женщины.

Т у р ч а н к а. Мы — борцы за раскрепощение женщин, однако мы говорим: “Альхамду лиллайи” и являемся мусульманками!

А л у а. Буржуазное движение среди женщин началось не только от вас — от женщин Турции, Ирана. Давным-давно имело место движение феминисток, суффражисток во Франции, в Америке, Англии. Однако в них до сегодняшнего дня, как и у вас, преобладает реакционное сознание, связанное с религией и законами буржуазного общества, поэтому в положении женщин ничего не изменилось. Все эти движения ограничивались обманом женского населения! Вам лучше всего быть благонравной женой благообразного мусульманина, ханум, нежели защитниками женского положения, это спокойнее и сподручнее. Иначе, вы понимали бы, что в XX веке положение женщин решается одним путем, на одной основе!

Т у р ч а н к а. Агитация, агитация! Большевицкая агитация! (*Турчанка, женщина из Ирана, еще две-три женщины быстро исчезают. Вместо них — другие женщины Азии, окру-*

жившие Алуу, дружелюбно смотрят на нее и задают вопросы, смотря доверчиво.)

1-я ж е н щ и н а. По-вашему, под каким лозунгом объединить борьбу женщин Азии?

2-я ж е н щ и н а. Вы правильно заметили, что борьба женщин Азии увенчается успехом только при условии, если она сочтется с большой исторической борьбой!

3-я ж е н щ и н а. На этом пути религия не будет программой!

4-я ж е н щ и н а. Эти женщины заблуждаются. Теперь вы расскажите нам о направлении новой борьбы, объединяющей женщин всей Азии!

А л у а. Я могу сказать только одно: в настоящее время имеется только один лозунг – это борьба за мир! Женщины Азии для того, чтобы защитить свое материнское счастье, свои голоса к великому, чистому призыву, должны поддерживать только лозунг мира. Не правда ли?

Г о л о с а. Правильно, правильно! *(Алуу окружают еще женщины многих народов, одетые по-разному. Они, улыбаясь, смотрят друг на друга, но не могут разговаривать.)*

А л у а. О, язык! Языки, какая преграда! Мы друг другу не можем раскрыть свой внутренний мир, донести, что на языке!.. Однако, слушайте, кажется, я нашла для нас общий язык! Это – музыка, песня! Давайте споем песни наших народов о женщине! Только в этой песне пусть женщина будет петь своей душой...

Я п о н к а *(по-английски)*. Пусть будет песней женщины, воспеваящей ее душу!

Ж е н щ и н а из Б и р м ы *(по-французски)*. Споем песню женской души!

Ж е н щ и н а из М а л а й и *(по-немецки)*. Пусть женщина споет о себе!

К и т а я н к а *(по-китайски)*. Пусть песня будет о матери, о подруге, о героической женщине!

Ж е н щ и н а из И р а к а. Пусть песня будет о женской доле!

Ж е н щ и н а из А р а в и и. Пусть песня будет о женской печали! *(По очереди поются песни женщин различных стран. Затем Алуу поет радостную песню. Песня эта постепенно становится задумчивее и тише, на этом гаснет свет и снова*

загорается. Песня постепенно переходит в речь Алуы, произносимой ею с трибуны.)

А л у а (зрительному залу произносит свою заключительную, пламенную речь).

Уважаемые женщины! Женщины Азии, сестры! Те ужасные положения, которые услышала от вас здесь, некоторые из них, будучи женщиной Азии, в детстве я пережила сама. Когда меня — несовершеннолетнюю сиротку, бай хотел взять насильно второй женой, я убежала... В своем бегстве я нашла защиту в советском законе. Я получила не только свободу, приобрела также свет знания! Нашла свое счастье. Сейчас я на Родине — Герой Социалистического Труда, кандидат исторических наук, член нашего Правительства! Все-го этого я достигла не потому, что я необыкновенная, я одна из рядовых, одна из миллионов обыкновенных женщин!.. Я хотела бы выразить только одно желание, а это: многомиллионные женщины Азии, пусть до вас дойдет только истинная правда о положении женщин моей Родины! Второе, что хочу сказать, вернее, хочу задать один вопрос ко всем руководящим обществам всех народов Азии: — мой вопрос касается женщин, составляющих половину народов Азии, — доколе будут решать судьбу женщины Азии законы Сидхарты, Гаутамы, Будды, установленные две с половиной тысячи лет тому назад? Доколе будет управлять положением женщины Кодекс Ману, установленный две тысячи двести лет тому назад? Доколе будут властвовать над судьбой женщин брахманизм, индуизм, установившие полторы тысячи лет тому назад издевательские законы; доколе мусульманский шариат, тысяча триста с лишним лет тому назад бросивший женщин в рабство и позор, будет продолжать свой жестокий закон? Вам и мне известно, что у некоторых племен Азии все еще существует полиандрия, т.е. сожителство с одной женщиной всех мужчин одной семьи... Я заканчиваю свою речь вопросом. Это вопрос чести, вопрос нашего века! Это вопрос матерей, сестер, дочерей всей Азии! Когда же наступит конец этим унижениям, позору, или нет им конца?..
(В зале сцены бурные аплодисменты.)

З а н а в е с

К О Н Е Ц

**ҒЫЛЫМИ
түсініктемелер**

**“Выступление М.О. Ауэзова на общегородском
собрании Союза советских писателей
18 ноября 1940 г.”**

Бұл М. Әуезовтің 1940 жылы 18 қарашада жазушылардың қалалық жиналысында сөйлеген сөзі. Жиналыстың күн тәртібінде М. Әуезов, С. Мұқанов, Ә. Әбішев, П. Кузнецов және т.б. жазушылардың сөз сөйлейтіні белгіленген. Жиналысты өткізіп, басшылық жасаған ақын Ә. Тәжібаев.

М. Әуезов осы жиында сөйлеген сөзінде кеңестік дәуірдегі жаңа қоғам орнату жолындағы жағымды кейіпкер бейнесін сомдау мәселесіне ерекше тоқталып, ой бөліседі. Сондай-ақ Сталиннің әдебиетке қатысты айтқан мәселелері бойынша өз пікірін білдірумен қатар, жағымды образ жасауда тек бүгінгі күн тақырыбымен шектеліп қалмай, тарихи тақырыптарды да қарастыруға болатынын ескертеді. Осы ретте, өзінің “Абай” пьесасы мен “Абай” романы бойынша жұмыс жасап жатқанын сөз етеді. Абай туралы шығарма ескірген тарихи тақырып емес, ол өткеніміз бен бүгініміз туралы сыр шертеді. Абай, бір жағынан, ескі заман өкілі ретінде сол кездің кемшіліктерімен күрессе, екінші жағынан, ол өз халқын жарқын болашаққа, әлемдік мәдениетке жетеледі. Сондықтан Абай өткен уақыт тарихы мен қазіргі заманның бейнесі ретінде көріне алатынын айтады. Мәселен, орыс жазушысы Л. Толстой есімі арқылы Анна Каренина, Ростова, Безухов бейнелері, Гомер есімі арқылы бүкіл грек халқының батырлары көркем шығармаларға арқау болып, ерекше образдарға айналды. Үлкен әдебиет осындай мүсін сияқты кескінделген кесек әдеби образдар арқылы жасалатынына жазушы ерекше тоқталған. Сондықтан бүгінгі күннің жағымды кейіпкерін бейнелеу үшін шынайылық пен ізденіс қажеттігін атап өтеді.

М. Әуезовтің машинкада басылған бұл сөзі Орталық мұрағатта сақтаулы (ҚР Орталық мемлекеттік архиві, 1778-қор,

1-тізбе, 98-іс, 3-бума, 14–26-бб.). Жазушы шығармаларының елу томдық академиялық басылымының осы томына машинкада басылған нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Выступление М.О. Ауэзова на республиканском совещании работников искусства (1948 г.)”

М. Әуезовтің өнер қызметкерлерінің республикалық жиналысында сөйлеген сөзі. Сөз мәтіні Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік мұрағатында сақталған (1242-қор, 2-тізім, 1002(a)-іс, 150–169-бб.). М. Әуезовтің сөзі негізінен Қазақ КСР Министрлер Кеңесі жанындағы Өнер істері басқармасының бастығы С.А. Ахметовтың Қазақстан КП(б) ОК V съезі мен 8-пленумының шешімдерін іске асыру туралы жасаған баяндамасы туралы. Ахметовтың баяндамасына жоғары баға бере келіп, республикадағы өнердің дамуы, драматургияның жайы, орыс әдебиеті мен драматургиясынан, әлемдік драматургиядан үйрену жолдары жайында нақты ойлар айтқан. Орыс драматургтеріне қарағанда қазақстандық драматургтердің кенжелеп келе жатқанын нақты мысалдармен көрсетіп, олардың “Любовь Яровая”, “Разлом”, “Бронепоезд” сияқты шығармаларды бере алмай жатқандарын сөз етеді. Мүсірепов, Мұқанов, Тәжібаевтармен қатар өзін де атап, алдыңғы уақытта аталған олқылықтардың орнын толтыруымыз керек дейді. Осындай саяси-идеологиялық талаптармен қатар драмалық жанр теориясын өте жақсы білген, қазақ драмасы туралы терең мағыналы, теориялық деңгейі жоғары жұмыстар жазған Әуезов драма жанрындағы конфликт мәселесі, сюжеттік шеберлік, характер ашу, образдылық, заман мен адам тақырыбын реалды ұштастыру сияқты күрделі ғылыми ойлар айта отырып, Ресейдің басты театрларының тәжірибесінен үлгі алу жолдарын талдаған. Сөзінің арасында ән, ән мәтіндері, опера және балет жайында да нақты пікірлері бар. Соңында өзінің алдағы жоспарларынан хабар береді. Әуезовтің сөзі толыққанды көлемді баяндама деңгейінде.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына Орталық мемлекеттік мұрағат қорынан алынған қолжазба бойынша беріліп отыр.

Д. Қонаев

**“Выступление М.О. Ауэзова на совещании при
ЦК КП Казахстана по вопросу подготовки
к декаде казахской литературы и искусства
в г. Москве (1958 г.)”**

М.Әуезовтің Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің мәжілісінде сөйлеген сөзі қазақ мәдениеті мен өнерінің алдағы онкүндігіне дайындық мәселесін сөз етуге арналған. Дайындық жайына жауапты тиісті орындар осы жиынды өткізе отырып, кеңейтілген мәжілісте бұл мерекеге келешекте қандай дайындықпен бару қажеттігін талқыға салып, әр саладағы жауапты адамдардың пікірін тыңдайды. Қаралып отырған мәселе туралы қаламгер өзінің кейбір ұсыныстары мен маңызды пікірлерін білдірген.

Мәскеудегі мәдениет күндері өнердің барлық саласын қамтитындықтан, оған Одақ көлеміне көрсетілуге жарайтын табыстарды паш ететін өнер туындыларын іріктеу мәселесіне жазушы ерекше көңіл бөледі. Тың көтеру жайында жазылған өлеңдер мен поэмаларды, кең тынысты романдарды орыс тіліне аудару жөнінде ұсыныс білдіреді. Қазақстанның кейінгі жылдардағы табыстарын көрсететін деректі, көркем фильм түсіретін режиссерлер шақыртып, солардың тәжірибесін тарату жөнінде айтқан пікірі, сөз жоқ, алдағы уақыттағы өнер келешегін болжаған маңызды ұсыныс болды.

Тек әдебиет пен кино ғана емес, драма, опера, хор сияқты көркемөнердің басқа да маңызды салаларының алда тұрған міндеттері, оларды дамытудың жолдары мен сол кезеңге тән жай-күйі айтылған. Өнердің барлық саласы дерлік биік деңгейге көтеріліп, дамып отырған республикаға өнердің жас буынын тәрбиелейтін, жаңа, тың өнер түрлерін алға апаратын кадр мәселесін ойластыру да маңызды мәселе ретінде атап көрсетіледі.

М. Әуезовтің сөйлеген сөзі бұрын еш жерде жарияланбаған. Оның машинкаға басылған нұсқасы Орталық мемлекеттік ар-

хивте (1890-қор, 1-тізбе, 322-іс, 22–33-бб.) сақталған. Елу томдық академиялық шығармалар жинағына осы нұсқасы бойынша теріліп, әзірленді.

К. Рахымжанов

“Отзыв на книгу С.К. Кеңесбаева “Устойчивые сочетания слов казахского языка (парные слова, идиомы и фразы)”, представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук (1944 г.)”

М. Әуезовтің С.К. Кеңесбаевтың “Устойчивые сочетания слов казахского языка” кітабына жазылған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (385-бума, 1–8-бб.). Пікір мәтініне қарағанда, аталған кітап докторлық диссертация ретінде қорғауға ұсынылған. 1944 жылы 2 сәуірде жазылған пікірде бұл жұмыстың ұзақ жылғы жүйелі еңбектің нәтижесінде дайындалғанын айта келіп, Кеңесбаевтың тұрақты сөз тіркестерін, олардың жеке компоненттерін тек қана қазақ тілінің негізінде емес, қырғыз, өзбек, татар, ойрат тілдері аясында алуын, бүкіл түркі тілдерінің кейбір заңдылықтарын терең ғылыми мәселе деңгейінде қарастырғанын баса айтады. Сонымен қатар жұмыстың тағы бір жақсы жағы ретінде, лингвистикалық максаттармен қатар әдебиеттану сипатының да бар екенін атай отырып, оны нақты мысалдармен көрсеткен. Кітаптың кемшіліктері ретінде кейбір мысалдардың қарастырып отырған мәселеге айқын қызмет етіп тұрмағандығы, стилінің ала-құлалығы, сөйлемдер құрудағы кейбір олақтық, т.б. айтылады.

Пікір елу томдық академиялық толық басылымға “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорынан алынып берілді.

Р. Қайшыбаева

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Габдирова И.Х. на тему
“Горьковские традиции в творчестве отдельных
казахских писателей (1946 г.)”**

М. Әуезовтің бұл пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (209-бума, 33–38-бб.). А-4 үлгідегі паракқа күлгін сиямен жазылған. Пікірдің соңында “Действительный член Каз. Академии наук, доктор филологических наук Ауэзов. 1944 г. 25 ноября” деген деректер берілген. Пікір бұрын жарияланбаған. М. Әуезов И. Ғабдировтың диссертациялық жұмысы жайында айта отырып, өзінің М. Горький шығармашылығына көркемдік баға беру принциптерінің, көзқарасының негізінде ұлы орыс жазушысының қазақ әдебиетіне ең алдымен гуманистік сипатта басым әсер еткеніне арнайы тоқталады. Пікірде айтылған бағалы ойлардың, ескертпе-сындардың нәтижесінде диссертант өз жұмысына біраз түзетулер жасаған. И. Ғабдировтың “М. Горький и казахская советская литература”, “Писатель и действительность” монографияларында М. Әуезов пікір жазған диссертацияның материалдары түгелімен қамтылған. И. Ғабдировтың диссертациясы мен аталған монографияларында М. Әуезов пікірінде айтылған кейбір ескертпелер түзетілмеген. Бұған М. Горькийдің қазақ әдебиетіне әсерін тым артық бағалап жібергені жатады. Оның ішінде М. Әуезовтің “Қараш-Қараш оқиғасына” М. Горькийдің шешуші әсері болды деуі артықтау.

1. 42-б. **Ғабдиров Елеукең Хамидоллаұлы** (1912–1989) — әдебиетші ғалым, филология ғылымының докторы (1968). С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетін бітірген (1944). Осы университетте оқытушы, доцент, филология факультетінің деканы болды. 1962–1987 жылдары ҚР ҒА Әдебиет және өнер институтында ғылыми қызметкер, бөлім меңгерушісі. Алпыстан аса ғылыми-зерттеу еңбектердің ав-

торы. Ғылыми еңбектері негізінде орыс, қазақ әдебиеттерінің байланысын зерттеуге арналған.

Пікір мәтіні М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығындағы қолжазба (209-бума) бойынша дайындалды.

Р. Қайшыбаева

“Отзыв о научных трудах товарища Шалабаева Б.”

Көп жылдар жоғарғы оқу орнында жастарға дәріс беріп, оқытушылық-әдістемелік тәжірибе жинақтаумен бірге әдебиет тарихын зерттеуде сан салалы жұмыстар жүргізген белгілі ғалым Б. Шалабаевтың еңбектері туралы жазған пікірінде М. Әуезов оның бірқатар жұмыстарына лайықты баға бере отырып, жеткен жетістіктерінің кей тұстарына орынды талдаулар жасаған. Өз кезіндегі әдебиеттің маңызды мәселелеріне назар аударып, көптеген әдеби-сын еңбектер жазған әдебиет сыншысы түбегейлі зерттеулері арқылы ғылымға мол үлес қосты. Орыс әдебиетінің белгілі тұлғалары В. Белинский, М. Горький мақалаларын қазақ тіліне аударып, өзі де қазақ әдебиетінің даму проблемалары жайында көлемді еңбектер жазды.

Осы еңбектердің ішінде А. Құнанбаев, С. Торайғыров шығармашылығы жайлы, роман жанрының қазақ әдебиетінде дамып қалыптасуы туралы жазған еңбектеріндегі талдаулары мен ойлары қазақ поэзиясының кейбір ерекшеліктерін зерттеушілердің мақалаларына игі әсер еткенін атап өткен. М. Әуезов зерттеушінің С. Торайғыров шығармашылығын қазақ романының дамуымен бірге қарастыруын құптай отырып, көркем прозаның өсу белесінде оған дейінгі әдебиеттің орны дұрыс айқындалғанына назар аударған.

Әр кезеңде өзіндік даму сапасына ие болатын көркем әдебиеттің тың белеске көтерілуіне оның өткенін зерттеп, келешегін белгілейтін ғылымның ықпалы ерекше. Бұл еңбектердегі маңызды пікірлердің оқырман ойын байыта түсетін ерекшеліктерімен бірге, қаламгер ондағы орын алған кейбір кемшілік тұстарды да атап өткен.

М. Әуезовтің Б. Шалабаевтың ғылыми еңбектеріне жазған пікірі бұрын еш жерде жарық көрмеген. Машинкаға басылған нұсқасы архив қорынан (209-бума, 1–5-бб.) алынып, М. Әуезовтің елу томдық академиялық толық басылымына осы бойынша әзірленді.

К. Рахымжанов

**“Отзыв о книге тов. Бегалина С.
на тему “Материалы к биографии Джамбула”
(Первоначальный вариант книги тов. Бегалина С.)**

М. Әуезовтің бұл пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (385-бума, 13-б.). А-4 үлгідегі паракқа машинкамен басылған. Соңында “27/II—46 г. Ауэзов” деген сөздер жазылған, бірақ қолы қойылмаған. Пікір таза басылған, түзетілген жерлері жоқ. М. Әуезов мұражайының қолжазба қорындағы 385-бумада (12—13-бб.) “Жамбылдың өмірі” атты Әбділда Тәжібаев кітапшасы туралы пікір” атты материал бар. М. Әуезовтің бұл пікірінде де Сапарғали Бегалин кітабы туралы айтылып, жоғары баға берілген. Ә. Тәжібаев кітапшасының жазылуына Бегалин материалдарының көп пайдасы тигенін нақты мысалдармен көрсеткен. Жамбылдың 100 жылдық мерейтойының бағдарламасы бойынша шықпақ басылымдардың қатарында Жамбылдың қазақ, орыс тілдеріндегі бір томдық толық жинағы, Жамбылдың прозалық шығармалары, П. Кузнецовтың “Джамбул внук Истыбая” романы, С. Бегалиннің романы, “Жамбылдың өмірі” атты кітапша, М. Әуезовтің баяндамасы, т. б. бар. Осылардың ішінде Жамбылдың қара сөзді мұрасынан тұрмақ жинақ және С. Бегалин кітабы мерейтой кезінде шықпай қалған. Әбділда Тәжібаев дайындаған, қолжазбасына М. Әуезов пікір жазған кітапша С. Бегалин, Ә. Тәжібаев, М. Ритман-Фетисов авторлығымен шықты. М. Әуезовтің мерейтойда жасаған “Жамбылдың айтыстағы өнері” атты баяндамасы 1948 жылы Қазақ КСР Ғылым академиясы Хабарларының әдебиет сериясында (№ 6, 5—24-бб.) жарияланды.

М. Әуезов пікірінің мәтініне қарағанда, С. Бегалин жұмысының қолжазбасына бұрын да пікір айтқаны көрінеді. Қазір Қазақстан Республикасы Ғылым академиясы кітапханасының қолжазба қорында сақталған жұмыстың деректері бойынша, С. Бегалин екі жыл арнайы іссапарда болып, Жамбылдың өміріне қатысты материалдар жинаған. Бума

материалдарына “Жамбылдың өмірбаянына қосымша материалдар” деп ат қойған. Көлемді жұмысты роман, прозалық шығарма деуге келмейді. Өмірбаяндық очерк немесе ғылыми өмірбаян деуге келеді. 1936 жылдан Жамбылдың өмірінің соңғы күндеріне дейін ақынның шығармаларын жазып алуға, шығармашылығын зерттеуге арнайы адамдар бөлінген. Осылардың ішінде ең нәтижелі жұмыс істеген С. Бегалин. Жамбылдың өмірі мен шығармашылығына қатысты деректерді отызыншы, қыркыншы жылдардың идеологиялық талаптарына қарамай, реалды түрде, еш бұрмаламай жинаған. 1946 жылы мерейтой бағдарламасында бола тұрып шықпай қалғанымен, осы күнге дейін Жамбылдың шығармашылық өмірбаянына қатысты негізгі жұмыс С. Бегалин жинаған материалдар. Бұл жұмыс 1996 жылы жеке кітап болып жарық көрді.

Жамбыл мерейтойының негізгі баяндамасын жасаған М. Әуезов тойға қатысты ұйымдастыру тобының да белсенді мүшесі болған, шықпақ басылымдардың бәрін оқып, мемлекеттік деңгейдегі бас рецензент ретінде пікір айтып, баға берген. Осы себепті М. Әуезовтің С. Бегалин кітабы туралы пікірі ғылыми білгірлікпен, жоғары кәсіби деңгеймен жазылған. Жұмысқа жоғары баға бере отырып, орыс тілінде де қатар шығаруды ұсынады.

1. 53-б. **Бегалин Сапарғали** (1895–1983) – жазушы, ақын, әдебиет зерттеушісі. Тұңғыш өлеңі 1914 жылы “Айқап” журналында шыққан. Ол 25 поэманың, 12 повестің, 9 шағын пьесаның, көптеген өлеңдердің, ән мәтіндерінің авторы. Ж. Жабаев, И. Байзақов, Ш. Қошқарбаев, Қ. Терібаев, Т. Көбдіков, т. б. халық ақындары жайлы ғылыми танымдық жұмыстар жазды. Екі рет “Құрмет белгісі” орденімен, медальдармен марапатталған. Бегалиннің Жамбыл өміріне қатысты жұмыстары – қазіргі күнге дейін осы саладағы негізгі дерек көздері. М. Әуезов пікірінде С. Бегалиннің осы бағыттағы еңбегіне жоғары баға берілген.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық жинағының бұл томына көрсетілген бумадағы пікір мәтіні сол күйінде берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Жамбылдың өмірі” атты Әбділда Тәжібаев кітапшасы туралы пікір (1946 ж.)”

М. Әуезовтің Ә. Тәжібаев кітапшасы туралы пікірі (1946 ж.) мұражайдың қолжазба қорында сақталған (385-бума, 12–13–бб.). Пікір М. Әуезовтің өз қолымен жазылған. Тақырыптын үсті жағында, парақтың сол жақ бұрышына “Машинкаға, 3 экз. срочно, Такиму, 13/III 1946 г.” деп жазылған. Пікір мәтінінің соңында М. Әуезов қолын қойып, “12/III – 1946 г.” деп дата-сын көрсеткен.

1946 жылы жазда Жамбыл Жабаевтың 100 жылдық мерейтойы мемлекеттік деңгейде атап өтілген. Мерейтойдың бағдарламасы бұрынғы Партия тарихы, қазіргі Президенттік архивте сақталған. Сол бағдарламаның бір пунктінде шығарылатын әдебиеттер тізімінде өмірбаяндық кітапша аталған. 1946 жылы сол кітапша Ә. Тәжібаев, С. Бегалин, М. Ритман-Фетисов авторлығымен шығып, Жамбылдың кейінгі өмірбаяндарына негіз болды. Ә. Тәжібаев Жамбылмен жақын араласып тұрған адамдардың бірі. М. Әуезов те Жамбылмен бірнеше рет кездесіп, жамбылтанудың алғашқы кезеңіндегі ең құнды жұмыстарды жазды (Джамбул и народная поэзия. Казахстанская правда. 1938. 8 марта; Джамбул и народные акыны. Литературный Казахстан. 1938. № 6; Ардақты Жәке! Әдебиет майданы. 1938. № 5). Сонымен қатар Жамбыл Жабаевтың 100 жылдық мерейтойына арналған салтанатты жиналыстың бас баяндамасын “Жамбылдың айтыстағы өнері” тақырыбында М. Әуезов жасаған. Халық ауыз әдебиетін, суырыпсалма акындық өнер табиғатын өте жақсы білген, Жамбылдың өзімен бірнеше рет кездескен, шығармашылығын ғалым-әдебиетші ретінде терең түсінген М. Әуезов Ә. Тәжібаев кітапшасына жан-жақты кәсіби пікір айтқан. Жоғарыда аталған “Джамбул и народная поэзия” және “Джамбул и народные акыны” мақалалары сол кездегі Жамбыл шығармашылығына қатысты ең алдыңғы қатарлы, теориялық деңгейі жоғары жұмыстар болатын. Оның үстіне 100 жылдық мерейтойдың бас баян-

дамасын дайындау барысында Жамбыл шығармашылығына қатысты көп материал жинаған. “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында бірнеше бумада сол материалдар сақталған.

М. Әуезов Ә. Тәжібаев қолжазбасына жазған пікірінде алдымен Жамбыл өмірбаяны бұған дейін үстірт айтылып келгеніне тоқталып, енді Сапарғали Бегалин жинаған мол деректердің негізінде ақын өмірбаянын ғылыми тұрғыда жасауға мүмкіндік туғанын айтады. 1942–1944 жылдары ғылыми іссапарға жіберіліп, арнайы түрде Жамбыл Жабаевтың өміріне қатысты деректермен айналысқан. Осы ғылыми іссапардың материалдары ҚР ҒА Ғылыми кітапханасының қолжазба қорында “Жамбылдың өмірбаянына қосымша материалдар” атты бумада сақтаулы тұр. Жамбыл Жабаевтың 100 жылдық мерейтойының бағдарламасында көрсетілген жарияланымдардың қатарында С. Бегалин жұмысы да аталған, бірақ белгісіз себептерден шықпай қалған. Бағдарламада роман деп көрсетілген материал кейін, Жамбылдың 100 жылдық мерейтойы кезінде роман боп шықты. Бірақ көркем роман деуге келмейді, өмірбаяндық кітап.

М. Әуезов өзі жиған материалдарға және С. Бегалин жұмысына сүйене отырып, Ә. Тәжібаев дайындаған кітапшаға ғылыми талдау жасайды. Ең алдымен бұл өмірбаяндық кітаптың бұрынғы жазылғандардан анағұрлым дәл, реалды, ғылыми тұрғыда дәлелді жұмыс болып шыққанын айтқан. Сонымен қатар үш түрлі кемшілігін көрсетеді. Біріншісі – тым әрідегі, дәлелді дерегі жоқ, жүз жылдан астам бұрын өткен тұлғалар жайлы айтқандары сенімсіз және керегі де жоқ, екіншісі – Жамбылды орташа кара шаруаның өкілі деп ұзақ дәлелдеуі артық, үшіншісі – Жамбылдың 1936 жылдан кейінгі өмірін Ә. Тәжібаев өзінің естелігі түрінде жазған. Пікірдің соңында қойылған датаға қарағанда (12/III–46 г.) М. Әуезов кітаптың қолжазбасына пікір айтқан. 1946 жылы баспадан шыққан кітапшаны оқу барысында Әуезов пікірінде айтылған үш кемшілік те жөнделгенге ұқсайды.

Пікірдің мәтіні М. Әуезовтің академиялық толық шығармалар жинағының бұл томына қолжазба бойынша дайындалды.

Р. Әбдіғұлов

**“Отзыв о работе тов. Чарномского
по оформлению спектакля “Кобланды”
в Казахском академическом театре драмы
(1946 г.)”**

Қазақ академиялық драма театры сахнасында 1946 жылы 6 сәуірде М. Әуезовтің “Қобыланды” пьесасы бойынша жаңа спектакльдің премьерасы өтті. Осы жылдың басынан бастап жүргізілген дайындық жұмыстары өз нәтижесін беріп, қойылым барлық жағынан көрермен ойынан шығатындай сәтті болды. Қазақ және орыс тіліндегі қойылымдардың көркемдік жетекшісі Я.С. Штейн мен Қазақ КСР-нің халық артисі Қ. Бадыров, сахна безендіруші суретші Э. Чарномский, музыкамен көркемдеуші композиторлар Л. Хамиди мен Шабельский театр ұжымымен бірге спектакльдің сәтті өтуіне өзіндік үлес қосты.

Қазақ академиялық драма театрының 20 жылдығына арналып қойылған спектакльдің сахналық безендірілуі мен тарихи эпосты көрсетудегі актерлер ойынының шеберлігі, драмалық пьесаның дұрыс режиссерлік шешіммен жүзеге асуы қалың көрерменді разы етіп, тиісті орындар бұл үшін театр ұжымының жұмысына арнайы түрде алғыс білдірді. Осы қойылым кезінде өзінің тамаша суреттерімен бірге киім эскиздерін жасаудағы табыстарымен көзге түскен суретші Э. Чарномскийдің сахна безендірудегі шеберлігіне М. Әуезов өзінің ризашылығын осы пікір арқылы білдірген. Онда қаламгер суретшінің бай фантазиясы мен пьесаға қажетті бояуды, тиісті декорацияны таба білудегі сан қырлы ізденістеріне талдау жасап, оның басқа суретшілерге үлгі болатын жақтарын атап өткен.

1. 57-б. **Чарномский Эмиль Владиславович** (21.11.1908—7.3.1968) Санкт-Петербургте туып, сонда қайтыс болған. Қазақ КСР-нің еңбек сіңірген артисі (1943). 1937—1948 және 1959—1964 жылдары Алматыда қызмет істеген. Осы кездері Қазақ мемлекеттік академиялық драма театрының бас суретшісі болды. Суретші М. Әуезовтің онға жуық пьесасын сахналық

жағынан безендірді. Э. Чарномский сондай-ақ С. Мұқанов, Ғ. Мүсірепов, Ә. Тәжібаев, Т. Ахтанов сияқты қазақ жазушыларымен бірге орыс және шетел классиктерінің шығармалары бойынша қойылған көптеген спектакльдердің сахналық көркемделуіне үлес қосты.

М. Әуезовтің суретші Э. Чарномскийдің “Қобыланды” спектаклін безендіріне байланысты жазған пікірі бұрын еш жерде жарық көрмеген. Оның қолжазба нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында (657-бума, 1-б.) сақталған. М. Әуезовтің елу томдық академиялық басылымына осы нұсқа бойынша теріліп, өзгеріссіз жіберілді.

К. Рахымжанов

**“Отзыв на труд
Б. Кенжебаева “Поэзия Султанмахмута
Торайгырова (1946 г.)”**

М. Әуезовтің Б. Кенжебаевтың диссертациялық жұмысына жазған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (210-бума, 2–7-бб.). Машинкамен басылған мәтін үстінен М. Әуезовтің өз қолымен жасаған түзетулері, машинка басушының қолжазбаны оқи алмай ашық қалдырған жерлері бар. Пікір соңында “1946 г.” деген дерек қойылған.

М. Әуезов өз пікірінде Сұлтанмахмұт Торайғыровтың Абайдан кейінгі кезеңде қазақ әдебиетін, әлеуметтік-философиялық қорыту тұрғысынан алғанда, елеулі деңгейге көтергеніне тоқтала келе, Сұлтанмахмұт туралы өте көп жазылғанмен, оның шығармашылығын бағалауда солақай идеологиялық талдау, схематизмнің басым болғанын айтады. Осы тұрғыдан алғанда, Б. Кенжебаевтың диссертациялық жұмысын дер кезінде жазылған, Торайғыров шығармашылығын жан-жақты талдаған жұмыс деп баға береді. Сонымен қатар диссертациялық жұмыстың кемшіліктері ретінде Торайғыров шығармаларындағы реалистік сипатты анықтаудағы қателіктер, ақын өлеңдері мен поэмаларындағы романтикалық сарынды көрсетудегі дәлдіктің жетіспеуі, кейбір терминдерді, сөздерді қолданудағы қателіктер, т.б. атайды.

1. 61-б. **Кенжебаев Бейсембай** (1904–1987) – әдебиеттанушы ғалым. 1921–1925 жылдары Мәскеуде Шығыс еңбекшілері коммунистік университетінде, 1938–1942 жылдары М. Горький атындағы Әдебиет институтында оқыған, Қазақ мемлекеттік университетінің журналистика факультетін бітірген. Ұзақ жылдар мерзімді баспасөзде, Қазақтың мемлекеттік біріккен баспасында қызмет істеді. 1944–1984 жылдары ҚазМУ-де оқытушы, факультет деканы, кафедра меңгерушісі болды. Филология ғылымының докторы, профессор.

Пікір М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымына қолжазба қорындағы (210-бума) мәтін бойынша М. Әуезовтің өзі жасаған редакциясымен толықтай берілді.

Р. Қайшыбаева

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Габдуллина Малика на тему “Проблемы
изучения былины “Кобланды батыр”**”

М. Әуезов дәуірінде бірен-саран диссертациялар қорғалатын. Осындай ірі құбылысқа саналатын еңбекке арнайы пікір беру (әсіресе оппонент ретінде) елеулі оқиға болған жоқ.

Пікір “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорындағы 208-бумада (12–19-бб.) сақталған. Мәтін машинкаға басылған. Бірақ әріп қателері жөнделмеген. Жаңа “На основе вышеупомянутых положительных самой...” деп келетін сөздермен бітіп, ғалым ойларының қорытынды бөлігі түгел аяқталмаған. Басқа толық нұсқа әріп қателерінен, кейбір дұрыс терілмеген сөздерден тазартылып, тыныс белгілері толық қойылып, қолданысқа берілген сияқты.

Автор мерзім мөлшерін, тараулардың санын көрсетуге римдік және кәдуілгі үлгіні пайдаланған. Жақшалар, қысқартулар кәдеге жаратылады. Жақша ішінде алдындағы тұжырым, фактіні анықтай түсетін немесе тырнақшаға алынған тарау аттары, әйтпесе үзінді алынған, не сілтеме жасалатын беттер белгіленеді. Беттерді әріптейтін қысқарған сөздер (мыс. стр.) санның соңында да, алдында да келе береді. Өзге елдердегі батырлар жырын санамалағанда “армянских” деген ілік септігіндегі сөз 5-беттегі үшінші абзацта негізгі жолдың үстінен қосылып терілген. Автордың қолы тимеген.

М. Әуезов өзінен кіші әріптесінің диссертациялық жұмысына қатысты мол білімін таныта отырып, біраз мәнді ескертулер айтады да, негізінен оның фольклористика ғылымы үшін маңыздылығы мен жаңа байламдарын сарабал түрде бағалайды.

Б. Майтанов

“Қазақ әдебиеті тарихының” тарихи жырлар бөлімі туралы пікір (1947 ж.)”

М. Әуезовтің бұл пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (212-бума, 9–11-бб.). Машинкамен басылған. Автордың қолымен күлгін сиямен жасалған аздаған түзетулері бар. Соңында қара сиямен “1947 ж. 10 апрель” деп жазып, қол қойылған.

“Қазақ әдебиеті тарихының” бірінші томына жазылған бұл пікір шешендік өнер бөліміне берілген пікірден қысқа жазылған. Қолжазбаның бетін көрсете отырып, бірер сөйлеммен нақты ұсыныстар айтады. Кемшіліктер ретінде кіріспеде тарих пен жыр жайлы ұзақ айтылып кеткені, 1916 жыл оқиғасына аз көңіл бөлінгені, тарихи тұлғалар мен тарихи деректерге катысты жіберілген қателіктер, жырларды образдылық, композициялық құрылым тұрғысынан тексерудің нашарлығы, баяндауда “газеттік стильдің” кездесуі, әлеуметтік талдаудың жетіспеушілігі, Абылай, Әбілмәмбет, т.б. жайлы айтқанда ғылыми принциптен ауытқу бар екендігі көрсетілді.

Пікір авторының жұмысқа өте мұқият, жауапты қарағаны айқын байқалады. Қысқа пікірдің практикалық құндылығы өте жоғары.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына аталған бумадағы мәтін сол күйінде берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Қазақ әдебиеті тарихының” “Шешендер сөзі” бөліміне пікір (байқалған кемшіліктер туралы) (1947–1948 жж.)

М. Әуезовтің “Қазақ әдебиеті тарихының” қолжазбасына жазған екі пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (212-бума). Буманың сыртында машинкамен басылған “Мұхтар Әуезов. “Қазақ әдебиеті тарихының” бірінші томына рецензия, 1947–48” деген жазу бар. Бұл жазудың үстінен қара қарындашпен түзету жасалған. Түзетілген түріндегі жазу: “Қазақ әдебиеті тарихы” туралы ойлар, ұсыныстар”. Бума материалдарының бірінші бетінде таблица түрінде мазмұн берілген. Бір бет қағазға машинкамен “Қазақ әдебиеті тарихының” 1-томы, 2-бөлім, редакциясын басқарған М. Әуезов” деп жазылып, бетті “тақырып”, “автор”, “көлем” деген графаларға бөліп, нөмірлеп, берілген әрбір тақырып, бөлімнің тұсына автордың аты-жөнін, көлемін (б.т.) берген. Кітаптың жалпы көлемі 38 баспа табақ деп көрсетілген. Мұнда М. Әуезовтің фамилиясы “Айтыс”, “Әңгіме-аныздар”, “Иса Байзақов” тақырыптарының тұсында тұр. Осы мазмұнды 1948 жылы шыққан “Қазақ әдебиеті тарихының” бірінші томының мазмұнымен салыстырғанда негізінен сәйкес келеді.

М. Әуезов аталған жұмыстың екі бөліміне пікір жазған. Әрқайсысының датасын жазып, қолын қойған. “Шешендер сөзі” бөліміне жазылған пікір сарғыш жазу қағазына күлгін түсті таспалы машинкамен басылған. Бірінші бетінің жоғары жағында “Редактордан (7 бет). 9.XI—47 ж.” деген М. Әуезовтің өз қолымен жазылған деректер бар. Дәл осы дата пікірдің соңында да қойылған. Машинка жазуының үстінен пікір иесі күлгін сиямен түзету жасаған.

Пікірдің бас жағында “Байқалған кемшіліктер” деп жеке тақырып түрінде бөлек жазып қойып, “Шешендер сөзі” бөлімінің негізгі кемшіліктері ретінде қазақ халқындағы билер статусының, әлеуметтік орнының анық ашылмай қалғанын айта келіп, әрі қарай мәтіннің беттерін көрсете отырып талдай-

ды. Пікір берушінің материалды өте мұқият қарағаны, жоғары кәсіби деңгейі айқын байқалады. Қолжазба мәтінге байланысты айтқан пікірлерінде өрескел қателіктерді нақты көрсетіп, мәтіннен алынған мысалдармен дәлелдеп, ғылыми деңгейі жоғары ұсыныстар айтып, дұрыстау жолдарын ұсынады. Кейін жарық көрген “Қазақ әдебиеті тарихының” бірінші томындағы М. Әуезов пікірінде көрсетілген тұстарын қарағанда пікірдегі ұсыныстардың ықпалы, әсері болғаны байқалады.

Пікір мәтіні М. Әуезовтің академиялық толық шығармалар жинағының бұл томына ҒМО-ның қолжазба қорындағы мәтін (212-бума, 2–8-бб.) бойынша берілді.

Р. Әбдіғұлов

“Ғабиден Мұстафиннің “Қарағанды” романы туралы рецензия (1951 ж.)”

Ғ. Мұстафиннің “Қарағанды” романына берілген бұл рецензия 1951 жылы 13 ақпанда жазылғанын растап, “рецензия жасаушы” деп автордың қолы қойылған бір данасы мұражай қорындағы 385-бумада (архив беттеуінде (14–19-бб.) сақтаулы тұр. Машинкада терілген бұл нұсқада жазушы “Қарағанды” қазақ әдебиетіндегі өндірісті арқау еткен күрделі әрі тың роман екендігін, бұл бағыттағы Ғ. Мұстафиннің “ірілеп өсіп келе жатқан үлкен прозаигіміз” болып отырғанын баяндаған. Әрі қарай рецензияның негізгі шарттарына сәйкес, ең бастысы – “жолдастық сын ретінде” романдағы Әлібек, Мейрамдардың образдары жасанды екенін; кейбір кейіпкерлердің сөздері мен мінездері “қонымсыз” келіп, ұзақ-ұзақ сөйлейтіндері (Ардақ, Мейрам, Жанабіл, Балжан, Шербаковтар); автордың тілі мен сөйлемдеріндегі кемшіліктер; сонымен қатар орыс адамдарының образдары “үлкен реалистік романда” табиғи шықпай, олардың көп ретте “қазақша сөйлеп, қазақша ойлап” кететіндіктері, т.б. жан-жақты айтылып, нақты мысалдармен, мәтін беттеріне дейін көрсетілген.

Ал осы сын-ескертпелерді (рецензияны) М. Әуезов аяқсыз қалдырмай, 1952 жылы “Әдебиет және искусство” журналында (№12) Ғ. Мұстафиннің 50 жылдығына арналған “Өнер өрінде” деген мақаласында кеңейтіп, толықтай пайдаланған. Және аталған ойлары “Творчестволық өсу” (1952) мақаласында да кездеседі. (Бұл мақала “Творческий рост” деген атпен де аударылған.) Ғ. Мұстафиннің шығармашылығына арналған осы үш мақала академиялық толық жинақтың 31-томында жарияланғандықтан, аталған мәлімет олардың түсініктемелерінде айтылған (Әуезов М. Шығармаларының елу томдық толық жинағы. 31-т. Алматы: “Жібек жолы” баспа үйі, 2008. 402-б.). Бірақ бұлар бірдей емес екені өзара текстологиялық салыстыру кезінде анықталды. 1951 жылы жазған аталмыш рецензия кейінгі мақалаларға материал бо-

лып, мазмұны, стилі, әсіресе көлемі жағынан көбейіп, мүлде өзгеше шыққаны көрінді. Рецензияның “Талантты, ізденгіш...” деп басталатын әуелгі абзацынан бастап, “Бұл роман туралы толық тексеру...” дейтін абзацқа дейінгі бөлігі көп өзгеріссіз “Өнер өрінде” атты мақаласының ортасына енгізілсе, ал “Творчестволық өсуде” негізгі ойлар толық үндеседі.

Қолжазбаға жазылған рецензиядан мақалаға дейін ұлғайған жазушының бұл еңбегін академиялық толық жинақтың 48-томына 385-бумадағы нұсқасы негізінде ешбір өңдеусіз, толық ұсынып отырмыз.

Е. Қаныкейұлы

**“Отзыв о работе заслуженного деятеля искусств
Казахской ССР Б.Г. Ерзаковича
“Народные песни Казахстана”, представленной
на соискание ученой степени кандидата
искусствоведения (1952 г.)”**

М. Әуезовтің бұл пікірі “Әуезов үйі” ҒМО қолжазба қорында сақталған (213-бума, 1–6-бб.). А-4 үлгідегі сарғыш параққа машинкамен басылған. М. Әуезовтің өз қолымен жасалған аздаған түзетулері бар. Сақталуы жақсы. Диссертациялық жұмыстың әр тарауы жеке сөз болатын пікір өнертанушы маман денгейінде жазылған. Пікір беруші Б.Г. Ерзаковичті сазгер-этнограф ретінде бағалайды. Диссертациялық жұмыстың Ерзаковичтің 20 жылдық жинау, зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жазылғанын айта келіп, А.В. Затаевичтің қазақ музыкасын жинаудағы, зерттеудегі ұлан-ғайыр еңбегімен салыстырып, әрқайсысының ұлттық музыканы зерттеудегі өзіндік ерекшеліктері туралы құнды ойлар айтқан. Жалпы диссертацияға жоғары баға бере келіп, диссертанттың кемшіліктері ретінде Затаевичтің Біржан, Абай, т.б. қазақ композиторларының әндеріне қатысты кейбір қате пікірлерін көрсете алмағанын, А.Қ. Жұбановтың 1942 жылы шыққан кітабындағы Кенесары, Наурызбайға қатысты пікірлеріне дұрыс баға бере алмауын, “жөктау” жанрын классификациялағанда қате жіберуін, қысқа болса да “Қобыланды” жырының мазмұны берілмеуін, ноталары берілген әндердің тексттері еңбеуін нақты мысалдармен дәлелдеп көрсеткен. Пікір мәтінінде өткен ғасырдың елуінші жылдарындағы солақай идеологиялық талаптардың әсерінен туған біраз бағалар кездеседі. Пікір мәтінінің соңында “Действительный член Академии наук Казахской ССР, доктор филологических наук, профессор (автордың қолы) М.О. Ауэзов, 20. 03. 1951 г.” деген мәліметтер берілген. Автордың қолын

Ғылыми кеңестің хатшысы тарих ғылымдарының кандидаты
Б.С. Сүлейменов растаған.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылы-
мының бұл томына пікір мәтіні ҒМО-ның қолжазба қорындағы
нұсқа бойынша беріліп отыр.

Р. Әбдіғұлов

“М. Ғабдуллин жазған 8-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” атты оқу құралы жөнінде рецензия (1953 ж.)”

М. Әуезовтің 8-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” атты оқулыққа жазған рецензиясы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (208-бума, 15–24-бб.). Сарғыш параққа машинкамен басылған. М. Әуезовтің өз қолымен редакциялаған жерлері бар. Рецензия мәтінінің соңында “Профессор М. Әуезов, 19. 03. 1953 жыл, Алматы” деген деректер берілген.

М. Ғабдуллиннің аталған оқулығы ұзақ жылдар бойы қазақ мектептерінде пайдаланылды. 1952 жылы шыққан басылымында 76 беттен тұрса, М. Әуезов рецензия жазған 1952 жылғы 2-басылымында оқулықтың көлемі 100 бетке жеткен. Осы алғашқы екі басылымды салыстыру барысында М. Әуезов рецензиясында айтылған кейбір пікірлердің ескерілгені көрінеді. М. Ғабдуллин бұл оқулығын үнемі, жылма-жыл редакциялап отырған. Оныншы басылымында оқулықтың көлемі 128 бетке жеткен.

М. Әуезов рецензиясы “Бұл кітап бұрынғы осы класқа арналған оқу құралының көп қателіктерін, кемшіліктерін (саяси-идеологиялық қателіктерін, ғылымдық қателіктерін, методикалық кемшіліктерін) еске ала отырып, мүлде тыңнан жазылған еңбек деуге болады”, – деген пікірмен басталады. Рецензия жазушының оқулық мазмұнымен өте мұқият танысқанын, маман ретінде тереңдете талдағанын рецензия мәтінінен анық көреміз. М. Әуезов оқулық жайлы пікірлерін нөмірлеп, 25 пунктке бөлген. Әр пунктте айтатын ойларына қатысты бөліктердің беттерін де көрсетіп отырған.

Рецензия беруші ең алдымен оқулықтың кіріспе бөлімінің тым ұзақ екенін орынды көрсеткен. 5-пункттегі 53–54-беттерде “жылқы мен түйенің шаруашылық қасиеттерін қажетсіз ұзақ таратып айтқан”; 9-пункттегі 89-бетте “мәтелдің мәнін түсіндіру жеткілікті емес”; 10-пункттегі 89–95-бетте “Жұмбақ жайын

аса ұзақ және пропорциясы қолайсыз түрде ұзақ талдаған”; 18-пунктте “Қозы Көрпеш жөніндегі тексеруде көп даулы теріс пікірлер бар” – түріндегі кейде бір-екі сөйлемді, кейде бір бетке кеткен пікірлерден рецензия авторының фольклорды, халық ауыз әдебиетін өте терең білетін маман екенін, бұл жұмысқа аса жауаптылықпен қарағанын көреміз. Және жеке пункттердегі ескертпелердің авторға (М. Ғабдуллин) көп көмек болғанын оқулық басылымдарымен танысқанда байқаймыз.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық жинағының бұл томына рецензия мәтіні ҒМО-ның қолжазба қорындағы мәтін (208-бума) бойынша толығымен беріліп отыр.

Р. Әбдіғұлов

**“Отзыв о диссертационной работе
т. Иманалиева К.И. на тему
“Киргизская советская поэзия
в период Великой Отечественной войны
Советского Союза (1953 г.)”**

М. Әуезовтің диссертациялық жұмысқа жазылған бұл пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (209-бума, 20–24-бб.). Сарғыш параққа машинкамен басылған, сақталуы жақсы. Қолжазбасы жоқ. Пікірдің соңында “1953 год 25 ноября” деген дата қойылған.

Диссертант жұмысына негізінен жоғары баға берілген. Әрбір бөлімі жеке қаралып, нақты талдаулар жасалған. Жұмыстың жақсы жақтары ретінде Ұлы Отан соғысы кезіндегі қырғыз ақындарының аға ұрпағы мен жастарының шығармаларын мүлдем ажыратып тастамай, шығармашылық даму үрдісінде қарастырғанын, жеке авторлар мен шығармаларға баға бергенде жалған мақтау мен даттауға бармағандығын, соғыс кезіндегі қырғыз поэзиясын бұрынғы жылдардағы поэзиядан дараламай, көркемдік жалғастық тұрғысынан қарағандығын айтқан. Сонымен қатар диссертациялық жұмыстың кемшіліктері ретінде кіріспенің тым ұзақтығы, жеке ақындардың шығармашылық ерекшеліктерінің нақты ашылмауы, диссертация мазмұнына қатысы аз соғыс тақырыбының ұзақ баяндалуы, кейбір поэмалардың мазмұндалып берілуі сияқты кемшіліктер көрсетілген.

Қорыта келе диссертацияның жақсы жақтарының басым екенін, көрсетілген кемшіліктердің оңай жөнделетінін айтып, қорғауға жіберуге болатын, танымдық, теориялық деңгейі жоғары жұмыс деп баға берген.

Пікірдің соңындағы датаға қарағанда М. Әуезовтің 1953–1954 жылдары Мәскеуде МГУ-дің КСРО халықтары әдебиеті кафедрасында жұмыс істеп жүрген кезінде жазылған.

М. Әуезовтің ұлттық республикалар әдебиетші-ізденушілеріне берген пікірлері негізінен осы кезеңде жазылған.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық жинағының бұл томына пікір мәтіні “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорынан алынып берілді.

Р. Әбдіғұлов

**“Отзыв о диссертационной работе
т. Таштемирова Жакыпа на тему “Творческий
путь киргизского народного акына
Тоголок Молдо” (1953 г.)”**

М. Әуезовтің қырғыз жазушысы Ж. Таштемировтың диссертациялық жұмысына жазған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (209-бума, 26–32-бб.). Машинкамен таза басылған, еш жерінде түзетілген жерлері жоқ. Пікір соңында “Доктор филологических наук, профессор М. Ауэзов, 1953 г. 2 декабря” деген деректер бар. Мұндағы датаға қарағанда пікір Мәскеуде жазылған. Пікір соңында М. Әуезовтің қолы жоқ. Автордың қолы қойылған пікірдің бір данасы диссертантқа жіберілген болу керек. Жазушының 1953–1954 жылдары Мәскеуде тұрып, Мәскеу мемлекеттік университетінің КСРО халықтары әдебиеті кафедрасының профессоры ретінде қызмет істеген кезінде Орта Азиядан келген материалдармен көп жұмыс жасағаны белгілі. Осы кезеңде ортаазиялық ұлттардан шыққан бірнеше диссертациялық жұмыстарға пікірлер жазды. Бұған М. Әуезовтің КСРО халықтары әдебиетімен қатар, барлық түркі тілдерін жақсы білуі де себеп болған. Ж. Таштемиров диссертациясына жазған пікірінен М. Әуезовтің арғы-бергі қырғыз әдебиетінің тарихын да, Тоғолоқ Молдо шығармашылығын да жақсы білетіні көрінеді. Диссертациялық жұмыстың жақсы жақтары ретінде Тоғолоқ Молдоның өмірі мен шығармашылығындағы актандықтардың орнын толтыруы, оның суырыпсалма акын-импровизатордан ағартушы акын деңгейіне дейін өсу, жазба әдебиетке келу жолын жүйелі, ғылыми тұрғыда ашуы, кенестік қырғыз поэзиясының негізін салушы екенін дәлелдеуі, акын шығармашылығын мұқият, көркемдік құбылыс ретінде зерттеуі, т.б. атаған. Диссертацияның әр бөліміне, мазмұндық ерекшеліктеріне қатысты нақты ойларын білдірген. Оны

монографиялық деңгейдегі жұмыс деп көрсетіп, автордың кандидаттық атаққа лайық екенін айтқан.

Тоғолоқ Молдо (шын аты-жөні Байымбет Әбдірахманов, 1860–1942) – қырғыз халық ақыны, ауылда молдадан сауат ашқан. Жастайынан жетім қалған. Он төрт жасынан өлең айта бастаған. Шығармалары қырғыз халық поэзиясының барлық дерлік жанрларын қамтиды. Тұрмыс-салт өлеңдерін, сатиралық шумақтар шығарып, қырғыз ақындарының ішінде алғашқылардың бірі болып мысал жанрына үлес қосқан. Шығармаларында адам мінез-құлықтарының әртүрлі қырларын, әлеуметтік жағдайларды бейнелеген. Қазан төңкерісінен кейінгі шығармашылығы сол кезеңдегі қазақ халық ақындарының шығармашылығына ұқсас. Тоғолоқ Молдо қырғыз фольклорын өте жақсы білген, жатқа айтқан, “Манас” эпосын орындаушылардың бірі.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымының бұл томына “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған мәтін (209-бума) беріліп отыр.

Р. Әбдіғұлов

**“Предварительный отзыв о диссертационной
работе Ш.К. Сатпаевой на тему
“Тема индустриализации в казахской
художественной прозе” (1954 г.)”**

М. Әуезовтің Ш. Сәтбаеваның диссертациялық жұмысына жазылған бұл пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (209-бума, 1–3-бб.). Сарғыш паракқа күлгін сиямен жазылған, сақталуы жақсы. Пікір соңында “Профессор (Ауэзов), Москва, 10 марта 1954 г.” деп жазып, қолын қойған. Пікірдің жазылу датасына қарағанда 1953–1954 жылдарда Мәскеуде қызмет істеген кезеңінде жазылған болуы керек.

Диссертанттың жұмысындағы негізгі тұжырымдарды құптай келе, 1920 жылдардан бастап диссертация жазылған кезенге (елуінші жылдардың басы) дейінгі қазақ прозасын түгел қарап, жұмыс мақсатына орай талдап шығудағы үлкен еңбегін атап өтеді. Сол кездегі талаптарға орай социалистік реализм принциптері тұрғысынан келгенін атап өтеді. Қазақ ішінен шыққан жұмысшы табының пайда болуын, өндіріске араласудың көшпелі халықтың психологиясына еткен әсерін прозалық шығармалар мәтіндері негізінде талдауына да жоғары баға береді. Диссертациялық жұмысты қорғауға ұсына отырып, кемшіліктерін де көрсеткен. Жеке шығармаларды талдауда кейде олардың көркемдік тұрғыдағы кемшіліктерін көрсете алмағанын, кейбір шығармалардың социалистік реализм принциптеріне сәйкес келмейтіндігін ашу керек екенін айтады.

1. 110-б. **Сәтбаева Шәмшиябану Қанышқызы** (1930–2001) — әдебиетші ғалым, филология ғылымының докторы (1979). ҚР халық ағарту ісінің үздігі (1980). 1954–1965 жылдары Абай атындағы Қазақ педагогика институтында, 1965 жылдан өмірінің соңына дейін ҚР ҰҒА-ның М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтында жұмыс істеген. Ғылыми еңбектері

негізінен әдебиеттің көркемдік даму тарихына, әдебиеттер байланыстарын зерттеуге арналған.

Пікір мәтіні М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымына қолжазба бойынша алғаш рет ұсынылып отыр.

М. Ахем

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Нурмухамедова Марата на тему
“Влияние русской литературы на развитие
советской каракалпакской литературы” (1954 г.)”**

М. Әуезовтің каракалпак әдебиетші-ғалымы Марат Нұр-мұхамедовтың диссертациялық жұмысына жазған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (208-бума, 49–52-бб.). Сарғыш параққа машинкамен басылған, автордың қолымен қарақұлгін сиямен жасаған түзетулері бар. Сақталуы жақсы. Пікір мәтінінің алдында “Представлено на соискание научной степени кандидата филологических наук. Научный руководитель проф. Бертельс Е.Э.” деген жазу бар. Пікірдің соңында “Действительный член Казахской Академии наук профессор (М.О. Әуезовтің қолы) Ауэзов М.О., Москва, 1954 г. 25 ноября” деп жазылған. Пікірдің мәтінін оқығанда М. Әуезовтің каракалпак әдебиетін өте жақсы білетіні байқалады. Диссертацияның әр тарауы бойынша диссертанттың каракалпак әдебиетінің әр кезеңдеріне қатысты ойларына сол кезең әдебиетінің (каракалпак) ерекшеліктеріне орай нақты бағалар беріледі. М. Әуезовтің КСРО халықтары әдебиеті жайында бірталай зерттеулер, мақалалар жазғаны белгілі (КСРО халықтары әдебиетінің өркендеуі // Қазақ совет әдебиетінің очеркі. Алматы, 1957; О развитии литературы народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма. Советское востоковедение. 1957. № 5; Художественные переводы литератур народов СССР // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. М., 1956., т.б.). Пікірдің соңында қойылған датаға және Москва деп жазылғанына қарағанда М. Әуезовтің Мәскеуде қызмет істеген кезеңінде жазылған болу керек. 1953 жылы солақай идеологиялық саясат өршіп, космополитизм етек алып келе жатқан кезде М. Әуезовке ұлтшыл деген айып тағылып, өміріне қауіп төнгенде, жасырын Мәскеуге ұшып кетуге мәжбүр болған, содан екі жыл бойы елге қайта ора-

ла алмаған. Осы кезде Мәскеу мемлекеттік университетінің КСРО халықтары әдебиеті кафедрасында жұмыс істеген. Кенес Одағы халықтары әдебиетін өте жақсы біліп, лекциялар оқыған. Нұрмұхамедовтың диссертациялық жұмысына жазған пікірінен осындай дайындықтың әсері айқын байқалады. Диссертацияның үлкен еңбектің, ізденудің нәтижесінде жазылған жақсы жұмыс екенін талдап түсіндіре келіп, кемшіліктерін де көрсеткен. Фактологиялық материалдың өте көп алынып, көбіне үстірт айтылып кететінін, адам аттары мен шығарма атауларының көптігінен калейдоскоптық әсер қалдыруын, стильге қатысты кемшіліктерді атайды.

М. Әуезов шығармаларының академиялық толық басылымына мұражайдың қолжазба қорындағы мәтін автордың редакциялық жұмысын толық ескере отырып берілді.

Р. Әдбіғұлов

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Джангалина М.О. на тему “К истории
организаций перевода и изданий произведений
классиков марксизма-ленинизма в Казахской
ССР” – на соискание ученой степени кандидата
исторических наук (1955 г.)”**

М. Әуезовтің М. Жанғалиннің аталған диссертациялық жұмысына жазған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (203-бума). Машинада басылған мәтін үстінен сиямен жасаған аздаған түзетулері бар. Пікірдің соңында “Мухтар Ауэзов, доктор филологических наук, профессор” деп басылып, М. Әуезовтің қолы қойылған. Пікірдің жазылған датасы “1955 г. 10 января. Алма-Ата” деп көрсетілген. 47-томға М. Әуезовтің Жанғалиннің диссертациясына алдын ала берілген пікірі енген болатын. Ол пікір 1954 жылғы 16 қарашада Мәскеуде жазылған. 1955 жылдың 10 қаңтарындағы пікір әдеби-теориялық сипаттағы көлемді мақала түрінде жазылған. Аударма теориясы туралы ойлар айтылған, сол кезеңдегі қазақ аудармашыларының жұмыстарын терең талдаған ғылыми-танымдық бағалы жұмыс болып шыққан. М. Әуезовтің өзінің де аудармашылық жұмыспен айналысқаны және оны өте жоғары деңгейде атқарғаны белгілі. Сонымен қатар аударма теориясы, аудармашылық жұмыс жайында маңызды ойлар айтқан бірнеше мақалалары да бар (Көркем аударманың кейбір теориялық мәселелері. Қазақ әдебиеті. 1955. 24 маусым; “Евгений Онегиннің” қазақшасы туралы. Соц. Қазақстан. 1937. 8 қаңтар; “Дворян ұясы” романының аудармасы туралы. Әдебиет және искусство. 1952. № 4; “Ревизордың” аудармасы туралы. Соц. Қазақстан. 1936. 2 қазан, т.б.).

Аударма теориясы саласында осындай дайындығы бар М. Әуезов Жанғалин диссертациясына жазған пікірінде жалпы

аударма мәселесі жайында көп ойлар айтқан. Диссертанттың шығармашылық жолымен таныс екенін, жоғары бағалайтынын атап көрсете отырып, Жанғалиннің тарихшы ретінде жазған жұмысына негізінен өзі етене араласқан әдеби шығармашылық, аудармашылық тәжірибесі тұрғысынан пікір білдіретінін ескертеді. Диссертанттың марксизм-ленинизм классиктерінің қазақ тіліне аударылу жайын талдауына жоғары баға бере келе, оның екі қосымша мәселені жақсы көтергеніне тоқталады. Бұлар – марксизм-ленинизм мұрасын игеру барысында қазақ әдеби тілінің баюы және көркем прозаның озық үлгілерін аударудағы маңызды проблемаларды көрсете отырып, бірқатар құнды практикалық ұсыныстар айтуы. Пікір беруші бұдан кейін қазақ аудармашылары поэзияны, өленді шығармаларды аударуда прозалық мәтіндерді аударушылардан озық екенін, бұл салада жұмыс жасаушылардың теориялық дайындығының, шығармашылық тәжірибесінің аз екенін айтып, нақты ұсыныстар береді. Жанғалиннің марксизм-ленинизм классиктерін аударуда сөзбе-сөз буквализмнен және қарадүрсін еркін баяндаудан гөрі толыққанды, ғылыми, дәл, шығарманың мазмұнын да, түрін де сақтайтын аударма жұмысын қолдайтынына қосылып, осы әдісті көркем прозада қолдану жайына тоқталады. М. Әуезовтің мысал ретінде Гоголь, Толстой, Горький шығармаларын алып, аталған жазушылар өмір сүрген кезеңнің лебін беру және авторлық стильді сақтау үшін күрделі құрмалас сөйлемдерді жай сөйлемдерге жіктеп ұсақтандырмай, баяндау интонациясын сақтау принципін ұстану керек, ұлттық әдебиеттердегі көп кездесетін қарапайым сөз тіркестерін орынсыз қолдана беруге болмайды деген сияқты ойлары диссертациялық жұмысқа берілген пікір шеңберінен шығып, аударма жұмысының мәселелері туралы теориялық мақала деңгейіне көтерілген. Пікірде диссертациялық жұмыстың мазмұны жан-жақты қаралып, нақты бағалар берілген.

Томға дайындық барысында машинкада басылған пікір мәтінінің үстінен автордың қолымен жасалған түзетулер түгелдей енгізілді.

Р. Әбдіғұлов

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Кирабаева Серика на тему “Литературная
деятельность Спандияра Кобеева” (1956 г.)”**

М. Әуезовтің Серік Қирабаевтың кандидаттық диссертациясына жазған пікірі “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында сақталған (657-бума, 1–5-бб.). Жазу қағазына машинкамен таза басылған, автордың қолымен жөнделген жерлері жоқ. Сақталуы жақсы. Пікірдің соңында “Доктор филологических наук, профессор Мухтар Ауэзов” деп жазылып, қол қойылған. Жазылу датасы “1956 г. 5 сентября. г. Алма-Ата” деп көрсетілген.

Диссертацияның үш бөлімнен, жақсы, кенінен жазылған кіріспе мен қорытындыдан тұратынын айта келіп, диссертанттың бұрын бірнеше зерттеу жұмыстарының, көптеген сын мақалалардың авторы ретінде танылғанын атап өтеді. Қабдолов, Нұрқатовпен бірге тоғызыншы класқа арналған қазақ әдебиеті оқулығының авторы болғанын айтады. М. Әуезов жазған бұл пікірдің басқа пікірлерінен өзгешелігі – мұнда алдымен диссертанттың шығармашылық өмірбаянына арнайы тоқталған. Кандидаттық диссертацияның бұған дейін атқарылған ғылыми-зерттеу жұмыстарының заңды нәтижесі екенін нақты мысалдармен дәлелдейді. Диссертанттың зерттеу объектісіне негізінде принципті тұрғыдан келгеніне тоқталып, нақты мысалдармен талдайды. Жұмыстың әр бөліміне арнайы баға беріп, диссертация мазмұнымен мұқият танысқанын көрсетеді. Спандияр Көбеевтің шығармалары туралы диссертациялық жұмысты жоғары деңгейде жазылған монографиялық сипаттағы зерттеу деп бағалап, болашақтағы зерттеулерге негіз болатынын айтып, жоғары баға береді, қорғауға ұсынады.

1. 123-б. **Қирабаев Серік Смайылұлы** 1923 жылы Қарағанды облысы Жаңаарқа ауданы Атасу аулында туған. 1951 жылы Абай атындағы Қазақ педагогика институтын бітірген. Аспирантурада оқи жүріп, Қазақстан мемлекеттік көркем әдебиет баспа-

сында, “Әдебиет және искусство” журналында, “Пионер” журналында редактор, “Социалистік Қазақстан” газетінде жұмыс істеді. 1958–1988 жылдары Абай атындағы ҚазПИ-де доцент, профессор, кафедра меңгерушісі, институттың оқу ісі жөніндегі проректоры, 1988–1995 жылдары ҚР ҒА М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының директоры қызметтерін атқарған. Филология ғылымының докторы (1964), профессор (1966), КСРО Педагогика ғылымдары академиясының корреспондент мүшесі (1968), ҚР ҰҒА-ның академигі (1994), Қазақстан ғылымының еңбек сіңірген қайраткері (1977), Қазақстан Республикасы Мемлекеттік сыйлығының лауреаты (1996). Көптеген іргелі ғылыми жұмыстардың авторы, ғылыми мекемелердің жұмыстарын ұйымдастырушы, қоғам қайраткері.

Пікір мәтінін “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының колжазба қорынан алып беріп отырмыз.

Р. Әбдіғұлов

**“Отзыв о книге тов. Суванбекова Ж.
“Колхозная тема в киргизской
советской литературе”
(1959 г.)”**

Бауырлас кеңестік қырғыз әдебиетіндегі колхоз тақырыбын қозғаған Ж. Суванбековтің кітабы жайында жазған пікірінде М. Әуезов мазмұны жағынан ауқымды жүкті көтеріп отырған бұл еңбектің толық талап деңгейіне жетпеген олқы тұстарын, алған мәселені терең қамтып, жүйелі зерттеу орнына үстірт шолып баяндаумен шектелген кемшіліктерін көрсетіп, орынды сынайды. Зерттеуші жалпы қырғыз әдебиетіндегі колхоз тақырыбын поэзия, проза, драматургия жанрлары бойынша алып, осы шағын еңбекте түгел қамтымақ болған. Осындай кең көлемдегі жоспарды толық игеріп, айтар ойына қажет фактілерді жүйелей алмау себепті еңбек үстірт болып шыққан.

Тақырыпқа арқау болған күрделі мәселені орнықты дәлелдермен жүйелі жеткізіп талдап беру орнына ізденуші түрлі жанрдағы шығармаларды баяндап, оларды шолып өтумен шектелгендігі пікірде анық көрсетілген. Кітап қырғыз әдебиеті жайлы салмақты зерттеуден гөрі қысқаша шолу, бауырлас әдебиеттің түрлі жанрдағы шығармаларын оқырманға таныстыруға арналған аннотациялық еңбек екендігі дәлелденген. Сонымен бірге автордың белгілі бір шығарманы қызғыштай қорғап, оған айтылған сын пікірлерді жеткілікті дәлелсіз теріске шығармақ болған көзқарасын да біржақты деп табады.

Зерттеуге алған еңбекте кейбір авторлардың оқырманға белгілі деген шығармалары қамтылмай қалғаны атап өтілген. Осы аталған себептерге орай пікір беруші бұл кітапты осы күйінде толық мәніндегі ғылыми еңбек деуге келмейді деп есептейді. Осы кітап үшін авторға ғылыми дәреже беру негізсіз деп санайды. Пікір соңында оның 1959 жылы қаңтарда Мәскеуде жазылғандығы көрсетілген.

М. Әуезовтің Ж. Суванбековтің еңбегіне жазылған пікірі бұрын жарық көрмеген. Жазушының елу томдық академиялық толық жинағына пікірдің машинкаға басылған нұсқасы қолжазба қорынан (213-бума, 7-б.) алынып, өзгеріссіз берілді.

К. Рахымжанов

Отзыв о диссертационной работе Джумаева К. на тему “М. Горький и туркменская советская проза”

Қазақ әдебиеті еліміз егемендік алғанға дейін кеңестік одақтас елдер құрамында болып, жалпы сипаты, даму жолы жөнінен сол дәуір мәдениетінің ықпалында қалыптасып өсті. Кеңестік әдебиетке одақтас республикалар, көптеген ұлттар әдебиетінің жетістіктері енді. Түрі ұлттық, мазмұны социалистік әдебиеттің өзіндік ерекшеліктері, алға қойған партиялық, түрлі қоғамдық міндет-мақсаттары болды. Әдебиет сол дәуірде көбіне белгілі дәрежеде қоғамдық, идеологиялық талаптарға қызмет етті. Көп ұлтты кеңес әдебиетінде таптық, бұқаралық, партиялық принциптер негіз боп саналды. В. Маяковский, М. Горький дәстүрлері кеңінен насихатталды. Осы бағыттағы жұмыстар өрістей келіп, бұл тақырыпта кең көлемді зерттеу еңбектер орын алды.

Түрікмен әдебиет зерттеушісі К. Жұмаевтың осы мәселеге арнап жазған, орыс жазушысы М. Горькийдің түрікмен әдебиетіне жасаған ықпалын қарастырған диссертациясына М. Әуезов жан-жақты пікір білдірген. Зерттеу жұмысында көлемді тақырыпты зерттеушінің негізінен үш бөлімге бөліп қарастыруын дұрыс көреді. Алған тақырыптың маңызы мен ауқымдылығын айта келіп, оны ашуда ізденушінің түрікмен әдебиетінің көрнекті өкілдерінің еңбектері мен М. Горький шығармаларын түрікмен тіліне аударушылардың еңбектеріне тоқталуын орынды деп есептейді. Б. Кербабаевтің М. Горькийдің “Ана”, “Менің университеттерім” атты шығармаларын аударуда жіберген кемшіліктерін зерттеушінің орынды сынағанын мысалға келтіре отырып, осы аталған қаламгердің “Шешуші қадам” романына орыс әдебиеті классигінің тигізген ықпалын жан-жақты қарастырып, салыстыра талдауын жетістік ретінде атап өткен.

Түрікмен әдебиетіне М. Горький тәрізді орыс әдебиетінің көрнекті өкілі әкелген игі әсерді, бір кезеңдегі көптеген

шығармаларды мысалға келтіре отырып, жеткілікті талдаулармен дәлелдеп қарастырған зерттеушінің ізденісін орынды бағалай келе, осы еңбек үшін оған ғылыми дәреже беруге болады деген қорытынды жасайды.

К. Жұмаевтың диссертациялық жұмысына берілген пікір бұрын еш жерде жарияланбаған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық басылымына қолжазба қорындағы (“Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қоры, 385-бума, 30-б.) машинкаға терілген нұсқасы бойынша әзірленді.

К. Рахымжанов

**“Отзыв о диссертационной работе
тов. Ахинжанова М. на тему “Раскрепощение
трудящейся женщины-казашки”**

М. Әуезов тарихшы Мұсатай Ақынжановтың кандидаттық диссертациясына пікір берген. Қолжазба “Әуезов үйі” ҒМО-ның архивінде (207-бума, 16–20-бб.) сақтаулы. Машинкаға басылған қосымша нұсқа екені байқалады. Қағаздар сарғайған әрі көшіргіштен өткен үшінші немесе төртінші нұсқа екені аңғарылады.

Бұл пікірінде де М. Әуезов мәселеге кең тұрғыдан келеді. Тақырыптың арғы тарихи маңызын, атақты ғалымдар, саяхатшылар еңбектеріндегі құнды мәліметтермен таныстығын көрсетеді. Зерттеудің саяси-әлеуметтік негіздері аталып өтеді. Оны әдеттемелік ыңғайдағы жетістікке балайды. Кенестік дәуірдің қазақ әйелдеріне еркіндік әпергеніне әрдайым екпін түсіріледі.

Диссертацияның бірнеше кемшіліктері мол тарихи, логикалық дәлелдермен нанымды жеткізіледі. Сонымен қатар ізденушінің тиісті ғылыми талаптарға сай еңбек жазғаны туралы қорытынды жасалады.

Б. Майтанов

“Отзыв о диссертационной работе С.С. Каташа на тему “Опыт сравнительного изучения алтайского и казахского эпоса”

Қазақ фольклорында ертеден зерттеліп, түрлі нұсқалары әр кездерде жиналған “Қозы Көрпеш – Баян сұлу” жырының телеут, алтай нұсқаларын қазақ тіліндегі нұсқалармен салыстыра зерттеген С.С.Каташтың жұмысына жазған пікірінде М. Әуезов ізденушінің тек бір халықтың ғана емес, жалпы түркі халықтарының ортақ қазынасы болып саналатын жырды осылай салыстыра отырып кеңінен қарастыруына көңіл бөлген. Айтар ойын негізгі бөлімнен бастай келе, ондағы берілген талдау, жинақтау, салыстыру әдістерінің орнықты пікірлермен дәлелденгенін атап өткен.

Орыс тілінде жазылған 7 бетке жуық көлемді пікірде ғылыми жұмыстың жалпы шығыстануға қосатын үлесі мен ұқсас жайттарды салыстыра талдау жаналықтарына назар аударған. Бұрын көңіл бөлінбеген кейбір мәселелер төңірегіне кейінгі ғылыми табыстар тұрғысынан келу жағынан да ғылыми жұмыста көптеген маңызды өзгешеліктер кездесетінін көрсеткен.

Жырдың бір ғана нұсқасы емес, көпшілікке белгілі көптеген нұсқаларын игеріп, оны зерттеу жұмысына қажетті жерінде мол пайдалануы ізденуші еңбегінің ауқымы кең екендігін танытумен бірге, зерттеу жұмысының өзекті болып шығуына мүмкіндік берген. Жырдың түрлі нұсқадағы, сюжет пен мазмұн, стильдік өзгерістерде қалыптасқан заңдылығын ашуда ізденушінің негізгі бөлімде жасаған талдауларын орынды деп тапқан.

Диссертациядағы ізденуші еңбегінің қол жеткен табыстарымен бірге зерттеу жұмысындағы кейбір жетіспей жатқан олқы тұстар жөнінде де осы пікірдің соңғы тұстарында бірқатар ескертпелер айтылып өткен.

М. Әуезовтің С. Каташтың диссертациялық жұмысы туралы жазған пікірі бұрын еш жерде жарық көрмеген. Оның

қолжазба нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қорында (385-бума, 22–27-бб.) сақталған. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымына осы нұсқа бойынша әзірленіп жіберілді.

К. Рахымжанов

“Қазақ әдебиетінің оқу құралы туралы”

М. Әуезовтің бұл мақаласы орта мектепке әдебиет пәнінен оқу құралын шығару барысында орын алған кемшіліктерді түзетуге негіз боларлық пікір ретінде жазылған. Қазақ әдебиетінен орта мектепке арналған оқу құралының 8–9-кластарға арналған кітабы қайта басылымында бұрынғы жіберілген қателіктер жөнделіп, түзетілу орнына оқулық жазушылар мен оған жауапты болған шығарушы редакторлар оны келесі басылымға сол күйінде өзгертпей ұсынып жіберген.

М. Әуезов аталған оқулықты қайта қарап, оған осы мақалада жан-жақты пікір білдірген. Уақыт талабын ескеріп, жаңа басылымды жетілдіру орнына сол күйінде шығарған 9-классқа арналған Х. Жұмалиев оқулығының жазылу сапасының талап деңгейінен төмен болу себептеріне пікір беруші кеңінен тоқталған. Оқулық авторының көзқарасы мен пікірлеріндегі, еңбегіндегі орын алған қателіктер мен кемшіліктерін сынға ала отырып, жалпы әдебиет оқу құралы қандай болу керек деген мәселе төңірегінде ойларын ортаға салып, ұтымды жауап іздейді. Кітаптың Бұхар жырау, Мұрат, Махамбет, Абай, Ыбырай сияқты белгілі ақын-жазушыларға арналған бөліміндегі жіберілген кемшіліктер мысал арқылы айқын дәлелдермен көрсетіліп, оны түзету жолдары ұсынылған.

Кенестік кездің саяси көзқарасы кітаптағы кейбір ақын-жазушылардың тыйым салынған шығармалары туралы айтылған пікірлерде еріксіз кездесіп қалады. Сол кезде баспасөзде аттары аталуға тыйым салынған М. Жұмабаев, А. Байтұрсынов, Х. Досмұхамедовтердің еңбектері туралы сөз болғанда қаламгер “байшыл, ұлтшыл” деген сөздерді қоса отырып, олардың зиянды жақтары болды дегенді айтуға мәжбүр болады. Мұны жазушы М. Әуезовтің көзқарасы деп емес, сол кездегі саяси мәні бар сөздерді мәжбүрлеп айтқызған қоғамның пікірі деп қабылдағанымыз дұрыс.

М. Әуезовтің әдебиет оқулығы жайында жазылған пікірі бұрын баспасөзде толық көлемінде жарық көрмеген. Кейбір

қысқарған үзінділері мақала түрінде кездеседі. Мақаланың машинкаға басылған нұсқасы “Әуезов үйі” ҒМО-ның қолжазба қорында сақталған (211-бума, 29–39-бб.). Жазушы шығармаларының елу томдық академиялық толық жинағына осы нұсқа бойынша әзірленді.

К. Рахымжанов

“Предварительный отзыв о диссертационной работе Р. Сулейменова на тему “Культурное строительство в Казахстане в годы второй и третьей пятилеток”

Қазақстанның екінші және үшінші бесжылдықтағы мәдени өркендеуі жайында жазылған Р. Сүлейменовтің ғылыми жұмысына берген пікірінде М. Әуезов осы еңбекке қатысты сан салалы материалдарды жинақтап, оларды қажетке сай іріктеп қорытындылауда көп уақыт алатын бұл жұмысқа ізденушінің ыждаһатпен ден қойып, оны жазу барысында көп еңбек еткенін атап өткен. Жұмыс көлемі әдеттегі кандидаттық диссертация көлемінен артық болып шыққан. Онда Қазақстанның оқу-білім, түрлі өнер саласындағы және мәдени жетістіктері кең қамтылып, ол жайында жан-жақты мәліметтер берілген. Өзі қарастырған сала бойынша мол білім жиған, зерттеу жұмысына дайындығы жеткілікті, эрудициясы бай зерттеушінің қолтанбасы танылатын еңбекке ғалым өзінің разылығын білдіре келіп, жетістіктермен қоса бірқатар кемшіліктерді де көрсеткен.

Зерттеуші Қазақстан мәдениетінің жетістіктерін негізінен халыққа білім беру, республика еңбекшілерін мәдени-саяси ағарту, жоғары білім, ғылымды, әдебиет пен көркемөнерді дамыту сияқты бағыттармен байланыстыра қарап, осы жолда кездескен кедергі мен қиындықтарды жеңу барысында еліміздегі мәдениет саласының қалыптасу жолын көрсетіп берген. Пікірде мұндай көлемді зерттеу жұмысындағы негізгі кемшілік оның ұзақтығы екені айтылған. Соның ішінде, атап айтқанда, кіріспенің көлемі 35 бет болса, ал қорытынды 11 бет. Пікір беруші диссертацияның кейбір ұзақ беттерін ықшамдауды ұсынады. Тек осы айтылған жерде емес, жалпы жұмыс көлемін ықшамдау еңбектің кейбір артық жерлерден арылып, оның жалпы мазмұнының айқындала түсуіне көмектесер еді деген қорытындыға келеді.

Мәдениет тарихына байланысты жазылған еңбекке пікір білдіре келіп, М. Әуезов осы тақырыпқа қатысты бірқатар өзінің салмақты ойларын білдірген. Р. Сүлейменовтің диссертациялық жұмысына жазылған бұл пікір бұрын еш жерде жарияланбаған. Жазушының елу томдық академиялық толық жинағына қолжазба қорындағы машинкаға басылған нұсқасы (213-бума, 21-б.) бойынша әзірленді.

К. Рахымжанов

“А. Маловичконың мақаласы туралы көлденең пікірлер (1954 ж.)”

Бұл М. Әуезовтің 1954 жылы 25 қазанда филология ғылымдарының кандидаты А. Маловичконың “За жизненный конфликт в драматургии (заметки о пьесах казахских драматургов)” деген, “Советский Казахстан” журналының 1954 жылғы № 8 санында жарияланған мақаласына қатысты айтылған пікірі.

А. Маловичко мақаласында Ә. Тәжібаевтың “Гүлден, дала”, “Дубай Шубаевич”, Ә. Әбішевтің “Достық пен махаббат”, “Әке үкімі”, Ш. Құсайыновтың “Көктем желі”, М. Иманжановтың “Менің махаббатым” атты пьесаларын көркемдік ерекшеліктері мен кемшіліктерін қатар айта отырып талдаған, сыни пікірін білдірген.

М. Әуезов өз пікірінде мақала авторы талдап отырған пьесаларды әділ және орынды сынағанын, драманың теориялық мәселелері туралы дұрыс сөз қозғағанын айтқан. Сондай-ақ мақаладағы кемшіліктерге де тоқталып, беттеріне дейін көрсеткен. М. Әуезовтің ойынша, пьесаларды екі-екіден, кейде үштен, немесе топтап қарастырмай, негізінен хронологиялық кезеңімен, жеке-жеке талдау керек еді. Өйткені мақалада айтылған тұжырым, сын қосарланып талданған қай шығармаға арналғанын ажырату қиын. Сондықтан айтылған нақты ойларын, сындарын А. Маловичконың мақаласының беттеріне орыс тілінде көрсетіп, осы материалдар негізінде қайта жазылу қажет екендігін атап өтеді. Ғ. Мүсіреповтің “Амангелді” және М. Ақынжановтың “Алтынсарин” пьесасын үнемі қосақтап тексеру де дұрыс емес деген.

Пікірдің машинкада басылған бір данасы “Әуезов үйі” ғылыми-мәдени орталығының қолжазба қорында (211-бума, 52–53-бб.) сақтаулы. Жазушының өзінің жасаған түзетулері бар.

Жазушы шығармаларының елу томдық академиялық басылымының осы томына машинкада басылған нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Қазақ совет әдебиеті туралы (1948 ж.)”

1948 жылы “Ғ. Мүсірепов, Қ. Бекхожин, Қ. Жармағамбетов, С. Сейітовтердің қатысуымен Қазақ КСР Оқу министрлігі бекіткен орта мектептің 10-сыныбына арналған оқу құралы үшінші рет жарық көреді. Аталған кітаптың құрылымы “Кіріспе”, “Максим Горький”, “Қазақ совет әдебиетінің негізгі өсу кезеңдері”, “Жамбыл Жабаев”, “Сәбит Мұқанов”, “Мұхтар Әуезов”, “Ғабит Мүсірепов”, “Асқар Токмағамбетов”, “Туысқан республикалар әдебиетінен” деген тараушалардан тұрады. Осы оқулықтың “Қазақ совет әдебиеті” атты кіріспе тарауы өз ішінен “Қазақ совет әдебиетіне дейінгі бұқарашыл әдебиет туралы”, “Көркем әдебиетке большевиктер партиясының басшылығы”, “Социалистік әдебиет жөнінде Ленин-Сталин ғылымы”, “Социалистік реализм әдісі” деген тараушаларға бөлінген” (Г. Орда. Мүсілім Базарбаев зерттеулері және әдебиеттану ғылымының мәселелері. Алматы: Арда, 2010. 293–294-бб.).

Осы 10-класқа арналған оқу құралы 1948 жылы “Қазақ әдебиеті” деген атпен жарық көргенімен, көп өтпей мектеп бағдарламасынан алынып тасталды (Мүсірепов Ғ., Бекхожин Қ., Жармағамбетов Қ., Сейітов С. Қазақ әдебиеті. Қазақ ССР Оқу министрлігі бекіткен орта мектептің 10-класына арналған оқу құралы. Алматы: Қазақ мемлекеттік оқу құралдар баспасы, 1948. 187 б.). Бұған әртүрлі себептер келтіруге болады әрі ол жөнінде Г. Орданың монографиясында айтылған және осы кітапта аталмыш оқу құралының жалпы мазмұны да жан-жақты жазылған.

Ал бұл оқулыққа “Қазақ совет әдебиеті туралы” деген атпен М. Әуезов пікір білдірген, бірақ нақты қай жылы жазылғаны көрсетілмеген. Пікірдің машинкада теріліп, мәтіннің үстінен қарап шыққан автордың өз қолтанбасы бар бір данасы жазушының мұражай-үйіндегі 211-бумада (архив беттеуіндегі 12–28-бб.) сақталған және еш жерде жарияланбаған. М. Әуезовтің “Қазақ совет әдебиеті” оқулығына (әрине,

қолжазбаға пікір айтқан болуға тиіс) берген қатан сын-ескертпелері каншалықты орындалғаны әдебиет зерттеушілерінің зерттеу нысаны болғандықтан, біз ондағы: “кітап оқу құралы болудан көрі қазақ совет әдебиеті туралы жалпылай айтылған нашар очерк; Ғ. Мүсіреповтің өзінен басқа бірде-бір жазушы жайында тиянақты, түйінді пікір жоқ; Жамбыл, Сәбит, Асқарлар жалаң үгіт-айқайдың адамы болып шыққан; М. Әуезовтің творчествосы жөнінде әдебиеттік әділ пікір айтылмаған; ең сорақы жері авторлардың шіміркенбестен, бұрынғы басылған кітаптардан көп жерін ұрлап алып жазған (Е. Ысмайыловтың 1942–1946 жылғы оқулығынан); партиялық, ғылымдық принцип жоқ; елеулі қателері бар, әдеби ұрлығы бар, балаларға нақты, жүйелі білім бермейтін құнсыз кітап”, т.б. деген ащы ескертулерді жалпылама келтіре кетуді жөн санадық. Себебі жазушының көптеген ескертпелері еленбей, “Қазақ әдебиеті” деген атпен жарық көрген бұл оқулық үш жылдан соң мектеп бағдарламасынан алынып тасталды. Бұған М. Әуезовтің аталған сын-пікірі себеп болды деген негіз жоқ, өйткені оқулықты “үш жылдан кейін Орталық партия Комитетінің” қаулысымен жапқан. Ал авторлардың 10-класқа арналған оқу құралы, жазушының көрсеткеніндей, елеулі кемшіліктері болған соң, әрі сол кездегі түрлі-түрлі “партия қаулыларының” сынына, бағыт-бағдарына сәйкес толықтырылып, өзге авторлардың қатысуымен қайталап жарық көрген. Солардың қатарындағы оқу құралдарының үшінші басылымын құрастырушылар Ғ. Мүсірепов, Қ. Бекхожин, Қ. Жармағамбетов, С. Сейітовтердің (редакторы Ә. Шәріпов) 1948 жылғы 10-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” (Қазақ совет әдебиеті болмай) атты оқу құралы да, оған жазылған М. Әуезовтің “Қазақ совет әдебиеті туралы” деген пікірі де әдеби мұра болып, әдебиет тарихында қалып отыр.

Жазушы шығармаларының академиялық толық жинағының 48-томына бұл пікір қолжазбалар қорындағы 211-бумадан алынып, ешбір қысқартуларсыз, толық күйінде тұңғыш рет ұсынылды.

Е. Қаныкейұлы

“Жолжазба (1935 ж.)”

Бұл жолжазба М. Әуезовтің 1935 жылы Л. Соболев бастаған Ленинград жазушыларымен бірге Шығыс Қазақстандағы Өскемен, Зырян, Риддер сынды қалаларды аралаған сапарынан туған. Мұнда автор ондағы завод, фабрика, пионерлер лагерінде болып, жергілікті халықтың тұрмыс-тіршілігімен танысқандарын баяндайды. Жекелеген адамдарға қысқаша өмірбаяндық мәліметтер, мінездемелер береді. Жолжазбада жазушы даталарды жүйелі түрде көрсетіп отырған (15–27 маусым аралығы).

Жолжазбаның бірінші беті “У т. Яхимовича. В подразделении” деп басталады. Бірақ онда еш мәлімет берілмеген. Екінші бетте “16 маусым” деп күні көрсетілген. Бұнда келген қонақтарды күтіп алушылардың іс-әрекеті, алғашқы күннің әсерлері сипатталған. Келесі “Пионерлер лагерінде” деген бөлігінде пионерлердің лагерьде қандай істермен шұғылданатынын, әр күні қалай өтетінін, қандай мәдени шаралар өткізіп, олардың жергілікті халыққа көрсеткен көмектерін сөз етеді. Бұл тақырыпшалар латын әрпінде жазылған.

“Пионерский луч № 1”, “Горячо приветствуем” деген бөлігінде Л. Соболев бастаған жазушылардың лагерьге келуі әңгімеленеді. Сонымен қатар пионерлердің жеке-жеке аттары, қанша жаста екендігі көрсетіліп, олар орындайтын ән мен көрсетілімдерінің бағдарламасы берілген.

17, 18 маусым күндері “Шаған” заставасындағы кездесу кешінде болып, Л. Соболев сөз сөйлеген. Сондай-ақ бұл бөлігінде шекара бұзушылар мен күзетушілер арасында болған оқиғаларды баян еткен.

20 маусым. Бұнда жетпіске келген Кулигина Мария Кузьминичнаның өткен өмірі жайындағы естелігін жазып алған.

“22 июнь” деп белгіленген бөлігінде 1930–1935 жылдардағы Риддердегі түрлі түсті металл өндірісінен, заводтың жабылуын, жұмыстың тоқтап қалу салдарын баяндайды. Сондай-ақ завод-

та қорғасын, мырыш, алтын, күмістің қалай өндірілетіні туралы толық мәлімет берілген. Завод жұмысшыларының жағдайына ерекше тоқталып, олардың кім болғандығын, қайда жұмыс істегенін әңгімелеп, кейбірінің өміріне қатысты портреттік сипаттамалар келтірген.

Жолжазбада сонымен қатар 1932 жылы шетелдік тау-кен инженері, Испания, Африкада болған Майердің Зырян қаласына келіп, 1934 жылы Риддерде болғанын және оның әйелінің Бостон қаласынан Зырян қаласына дейін келуін әңгімелейді, кей жерлерінде түсініктеме беріп отырады.

“Свинцовый завод” бөлігінде қорғасынның қалай өндірілетінін, қандай қоспаларды қосқанда таза өнім алынатынын, яғни оның өндірілу технологиясын рет-ретімен жіктеп, жүйелеп көрсеткен.

Сонымен бірге “Жәлелдің әңгімелері”, “Электролитный завод” деген бөліктері де бар. Жолжазба “Колхоз “Победа” деген бөлікпен аяқталады. “Жол әсерлерінен” деген бір бет латын әрпінде қосымша, бөлек жазылған. Онда Жанайға мінездеме беріледі, бірақ аяқталмай қалған. М. Әуезов осы сапары жайында “Жолдас Жанай” деген очерк жазып, 1935 жылы баспа бетінде жариялаған болатын.

Бұл жазушылардың сол кезеңдегі еңбек тақырыптарын, яғни өндіріс орындарындағы, ауыл шаруашылығындағы өмір көріністерін шынайы суреттеуден, сапалы көркем шығарма беруден туған ізденістері. Осы мақсатта жазушылар одақтық, өлкелік шығармашылық жолсапарларға шықты. Мәселен, Қазақстан жазушылары Мәскеу, Ленинград, Донбасс, Днепро-строй, Урал өндірістерін аралады.

Ал ленинградтық жазушылар Шығыс Қазақстандағы Риддер, Зырян жерлеріндегі өндірістерді аралап, тіпті жер астына дейін түсіп, еңбекшілердің ауыр жұмыстарын өз көздерімен көрген. Бұл туралы Л. Соболев өзінің әйеліне жолдаған хатында айтып өткен: “7 июня. ...в 12.15 мы пошли в рудник. Он рядом с квартирой парторга. Со свечами в руках, одетые в брезентовые штаны и куртки, в тяжелые рудничные сапоги, мы полезли в узкую темную дыру, закончив спуск на 80 метрах. Нам показали место недавнего обвала, огромный конус породы, сорвавшийся в штрек и придавивший двух рабочих. Посмотрели буренье “Джеками” – пневматическими бурами, поговорили на месте с рабочими, с казахами, с девушками-подписчицами, и, проведя около 2 часов под землей, вылезли наверх – я с пульсом 105, Мухтар – 140. Подъем очень труден, в особенности в этих тяжелых сапогах и узких штанах” (М. Әуезовтің өмірі мен шығармашылық шежіресі. Алматы: Ғылым, 1997. 152-б.).

Л. Соболевтің бұл айтқандары жолжазбада толығымен берілген.

Л. Соболев осы шығармашылық жолсапарының негізінде 1935 жылы “Правда” газетінде “Риддер” деген очеркін жариялады.

Бұл жолжазба жазушы мұрағатындағы 478-бумада сақтаулы (1–64–66.). Жай қарындашпен жазылған автограф. Көбі латын әрпінде, орыс тілінде жазылған. Әр жерде қай күн екені көрсетіліп отырған, парақтардың екі бетіне бірдей жазылған, тысы қара блокнот.

Жазушы шығармаларының елу томдық академиялық басылымының осы томына қолжазба нұсқасы ұсынылып отыр.

А. Болсынбаева

“Происшествие на Караш-Караш” (повесть) (1927 г.)”

М. Әуезовтің әйгілі “Қараш-Қараш” повесінің орыс тіліне жолма-жол аудармасы Ресей мемлекеттік әдебиет және өнер мұрағатының қолжазба қорында сақталған (ф. 613, опись 1, ед. хран. 5434, л. 60). Аударма 112 беттік көлемде машинкаға теріліп, осы күйінде жазушы оны үстінен оқып, кейбір тұстарын түзете отырып, жеңіл-желпі өзгертулер енгізген. М. Әуезовтің ертеректе жазған кейбір пьесалары мен мақалаларын орыс тіліне өз қолымен жолма-жол аударғандығы белгілі, олардың кейбір қолжазбалары жазушы мұражайында сақталған.

Кейінгі кезде архив қорынан табылып, баспаға ұсынылған бірнеше көркем әңгімелері мен “Қараш-Қараш” сияқты көлемді повесінің 1927 жылы жасалған аудармалары қаламгердің тәржіма өнеріндегі екі тілде бірдей меңгерген шеберлігін ерте кезде-ақ танытқандығын көрсетеді. Алғашқы шығармалары жарық көрген кезден бастап-ақ оның орыс тілді оқырманға жетуіне көңіл бөле отырып, осы жолда қаламгер үнемі ізденіп еңбек еткен. Жазушының аудармашылық шеберлігі мен оқиға желісін негізге алып аударып отырған шығармасын кейде орысша көсіле жазып кететін таланты осы повесте айқын көрінеді.

М. Әуезовтің әңгімелері мен повестері орыс тілді оқырманға аударма кітаптары арқылы белгілі. Оларды аударуға көптеген орыс және қазақ қаламгерлері қатысқан. Орыс тілінде бұл басылымдар түрлі баспалардан бірнеше мәрте кітап болып жарық көрді. Соның ішінде “Қараш-Қараш” повесін М. Әуезовпен достық қарым-қатынаста болып, оның бірқатар шығармаларын орыс тіліне аударған А. Пантиелев тәржімалаған. Повесті аудару барысында оған шығарманың 1960 жылы өңделіп қайта басылған қазақша нұсқасын негізге алған. Мұнда повесть кейіпкері Бақтығұл ұры емес, ағасының кегін қуып, адал еңбектің өтеміні алу мақсатымен Сәлмен байдың жылқысынан ту биені ұрлап әкеп сояды, сол үшін қуғын көріп, Жараспайды паналайды.

Қазақ тілінде жарияланған екі нұсқа арасындағы айырмашылық пен өзгерістер бұрынғы түсініктерде көрсетілген. Сол себепті орысша аудармада осы өзгерістердің қаншалық негіз болғанын сөз ету үшін бұл ерекшеліктер кей сәттерде ескеріліп, ол жайында айтылып отырды. Повестің алғашқы нұсқасы Бақтығұлдың қараңғы түнде жылқы алып, содан аулына келгенде ұсталуынан басталса, екінші нұсқа бас кейіпкердің ағасы Тектіғұлдан айырылып, кегін қууға бел байлаған кезінен басталады. Бақтығұл бұл жерде адал еңбектің өтеуін іздеп, сол үшін зардап шеккен адам болып көрінеді. Бұл шығарманың әлеуметтік салмағын, кейіпкердің адал, дұрыс ниетін көрсететін бағыт болып, осы көзқарас шығарманың негізгі өзегіне айналады.

Екінші нұсқада өзінің алғашқы қателігінен кейін дұрыс жолға түсіп түзелуді ойлаған Бақтығұл Жараспайдың жұмсауымен кейін Сәлменнің жылқысын алғанда да шектен аспай, айтылған амалдарды істеумен ғана тынады. Бұл оның адал жолда болсам деген ниетінен кейінге дейін айнымаған адам болып көрінуіне дәлел. Алғашқы нұсқада ұры Бақтығұл Жараспайдың ығын паналап бір барымта алғаннан кейін, ежелгі ұрының қызулығына салынып, өздігінен тоқтай алмай, ұрлық істеп үйренген әдетімен мәселені ушықтырып алғаны мол суреттеледі.

Енді бөгде адамның жұмсауынсыз-ақ кейде өзі жорыққа аттанып, ұрлық істеп жүрген кейіпкер оны ешкім білмейді деген оймен, басқа адамдардың ұрлығына жауап беруге тура келетін тығырыққа тіреледі. Бұл жердегі Жараспайдың аяласын суреткер оның ішкі ойлары мен енді тоқтайтын кез келгенін Бақтығұлға айтпай үнсіз жүріп алатын әрекеті арқылы білдірген. Бірінші нұсқадағы осы тұстарды аударғанда қаламгер Жараспайды айлакер, әккі, қол астындағы адамға жаны ашымайтын, жеке басының мүддесін көздеп, маңына шаң жуытпайтын тоңмойын етіп сипаттайды. Бақтығұлдың жеке басын күйттеп, ұрлыққа салынып, қара басының қамын көздеген әрекеттерін де көбірек көрсетеді.

Кейіпкерлердің аты да біршама өзгерістерге түсіп, Қатша – Қара қатын, Құрал – Сейіт, Жұматай – Смағұл болса, емшектен әлі шықпаған қара қыз Бәтима – аты аталмай, “грудной ребенок” деп беріледі. Басқа негізгі кейіпкерлердің аты-жөні өзгермеген. Повестегі Жараспай аулының тыныс-тіршілігі, сол жерде жүргендегі Бақтығұлдың бастан кешкен сезімдері шынайы көрініс тапқан. Іргелес отырған бай ауылдардың жайшылықтағы қарым-қатынасы мен сайлауға қатысқандағы

талас-тартыстары шындық өмірге жақын күйінде, мейлінше көркем бейнеленген.

Жазушы қоғамдағы қилы өмір тартыстарын әр таптан шыққан кейіпкердің тіршілік тынысы арқылы ашады. Бактығұлдың әйелі – Қара қатын алғашқы нұсқада оның барлық жұмыстарында күйеуінің әрекетін үнсіз қостап, оған қол ұшын беріп жүретін пысық әйел. Оған күйеуі әкелген олжаның ақ-қарасы, адал-арам екені бәрібір тәрізді. Тұрмыс қамымен бұл жайында бас қатыруға дағды алмаған әйелдің әрекет-қимылын суреткер бірінші нұсқада дәл етіп, “арсыз күлкімен жымыды” деп суреттейді.

“Қараш-Қараш” повесінің орыс тіліне жасалған жолма-жол аудармасы шығарманың ертеректе 1927 жылы басылған нұсқасы бойынша жүргізілген. Повесть сюжетінің аудармаға алынған желісі, оқиға өрбуі, кейіпкердің жоқтық, тұрмыс таршылығынан суық жолға түсіп ұрлық істеуі, сонынан өзінен әлдеқайда әлді адамның қолынан жәбір көруі, таяныш етерлік тірек іздеп Жараспайға келіп орнығуы осы нұсқамен сәйкес келеді. Демек, аударманың 1927 жылдары жасалғаны жөнінде осы алғашқы нұсканы негізге алуына қарап болжауға болады.

Повестің негізгі кейіпкері – Бактығұл тау ішінде, елден жырақ отырған жалғыз үй, анда-санда ұрлық істейтін адам тағы да кезекті жортуылға аттанады. Шығармаға негіз болған оқиға өткен жерлермен танысып, ол жайындағы архив деректерін жинастыра келе, қаламгер көркем дүниеге арқау болған өмір шындығын молынан танып игереді. Бірақ кеңестік кездегі әдеби шығарма мен кейіпкердің саяси-идеялық бетбейнесі уақыт қажеттілігіне қарай өзгертіліп, ондағы адамдар әрекеті 1960 жылғы екінші нұсқада біршама өзгерістерге түседі. Жоғарыда айтылып өткен мәселелермен бірге шығарманың өн бойында кездесетін әдеби өңдеулер мен қысқартулар, сол кездің қажеттігінен туған көзқарас ерекшеліктері повестің екінші нұсқасында кейіпкер тұлғасының бастапқыдан басқашалау болып сомдалып шығуына себеп болады.

Алғашқы нұсқада ұрлықпен айналысып жүрген Бактығұл жылқы ұрлағаны үшін бай ауылдың жігіттерінен соққы көріп, енді бұл кәсіпті тастап, адал жолмен жүрсем деген оймен болыс аулына келеді. Болыс оны біраз уақыт өзіне сенімді адам ретінде көмекші қылып ұстайды. Оның өзіне деген сенімін пайдаланып, біраздан соң Бактығұлды сайлау кезінде өз қарсыласын әлсірету мақсатымен барымтаға жұмсайды. Бас кезінде бұған құлқы болмаса да, Бактығұл айнала қолпаштап, шүйлеп салу әдісін қолданған ауыл қуларының айдап салуымен екі болыс елдің арасындағы көп шығынға себеп болған барымтаға ат-

танады. Оның соңы бұрынғы өзінің үйренген кәсібіне кірісіп кетуімен аяқталады. Бұл нұсқадағы Бақтығұлдың бейнесі, оның іс-әрекеті екінші нұсқаға қарағанда өмір шындығына жақындау, әрі аға кегін қуып атқа қонған бас кейіпкердің өршіл мінезінен гөрі айлалы, қарапайым ұрының әрекеттеріне жақын суреттеледі.

Жазушы аудармада орыс тілді оқырманның ерекшелігін ескеріп, түсінуге қиын тиетін кейбір сөздерге анықтама беріп өтеді. Мысалы жайлау, қазы, жал, жая, телше, соғым, құрық, қызынды, жануар, кебеже, кесе, би, ораза, бәйбіше, ақсақал, құман, келіншек, болыс, жұт, барымта, айт, желмая, әзірейіл, атқамінер, елік, қуырдақ, азамат, аруак, қыран, қарақат, бәйге, тоқал, қап, жың, туырлық, арқар, жан, қалқатайым, ала қағаз сияқты сөздерге түсіндірмелер берілген.

Повестің екі нұсқасында да сол кездегі қоғамдық өмір бейнесі, өткен ғасыр басындағы қазақ аулының әлеуметтік тіршілігіндегі өзекті мәселелер, ондағы паракорлық, отарлық жүйенің таптаурын әдістерімен ел басқару ісінде ескіше күн өткізіп жатқан билік адамдарының қимыл-әрекеті нанымды беріледі. Осы алғашқы нұсқадағы көркемдік шешімді сақтап, оны орыс тіліне аудару үстінде жазушы шығарманың өзіне тән бояуы мен ерекшелігін сақтай білген.

Повестің сюжеттік желісі мен оқиғаның негізгі құрылымы сақталып, шығарма көлемі қазақ тіліндегі ауқымды күйінде әдеби тұрғыдан мазмұн жүйесіне сай етіп берілген. М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымына шығарма машинкаға басылған нұсқасы бойынша теріліп әзірленді.

К. Рахымжанов

“Алуа” (пьеса) (1953 г.)”

М. Әуезовтің төрт актылы, тоғыз суретті “Алуа” пьесасының орыс тіліне жолма-жол аудармасы қазақша нұсқадағы мазмұнына сәйкес, көп өзгеріс енгізілмей, алғашқы жазылған негізі толық сақтала отырып жүргізілген. Аудармада пьесаның сюжеттік желісіне жаңалық боларлықтай өзгешеліктер кездеспейді. Шығармадағы кейіпкерлердің аты-жөні, өзіндік тұлғасы мен іс-әрекеті айтарлықтай өзгеріске түспеген. Пьесаның оқиға желісі қазақша нұсқадағы әрбір акты мен суреттердегі калпында сюжет желісі бойынша алынады.

“Алуа” пьесасы кеңестік тақырыптағы әдебиетте өзіндік орын алатын оқиғасы кесек, еліміздің сол кезеңдегі тарихын кеңірек камтып, күрделі оқиғалар үстінде баяндайтын туынды. Онда қазақ қызының өмір жолы, өсу баспалдақтары, қоғамдық қызметі кеңінен сол уақыттың оқиғаларымен қабаттас суреттеледі. Бір кездері Доғал байдың есігінде күн болып жүрген Алуа кеңестік жаңа дәуірде теңдікке қолы жетіп, оқуға, ел қатарлы қоғамға қызмет етуге мүмкіндік алады.

Бұның бәрі бір мезгілде орнай қалмайды, әкесінен айырылған жетім қыз бойжеткенше Доғал байдың есігінде күн боп жүреді. Сол өңірге аты белгілі байлардың қолпаштауымен Доғал тоқал қылып зорлап алғалы жатқан жерінен туысы Сексек екеуі кеңестік мекемеге теңдік іздеп қашып келеді. Осы кезден бастап Алуаның жаңа өмірі басталады. Өзінің қатарымен бірге білім алып, жоғары оқу орнын бітіріп, туған аулына оралған жас қыз өзі өскен Ақтал өңіріндегі бұрынғы бес-алты адамның иелігінде болған жерлерде колхоз-совхоздар орнатуға қатысады. Жаңа шаруашылық ұйымдастыру ісіне белсене араласады. Отан соғысы басталған кезде аудандық партия ұйымына жетекшілік етіп, аудандағы әйелдерден құрылған еңбек бригадаларының бүкіл Одақ көлемінде үндеу қабылдап, екпінді болуына дем береді.

Пьеса жас қыздың жамау киім киіп, Доғал байдың жалшысы кейпінде шаршап жүрген кезін көрсетуден басталады. Бірақ

автор оны орыс тіліне аударғанда осы алғашқы Алуаның қиналу үстінде айтқан сөздерін алмаған. Бірінші сурет оның орнына мәз-мейрам болып масайрап отырған байлардың даурыққан әңгімесін көрсетуден басталады. Бірінші акт, бірінші суреттегі аударылмай кеткен Алуаның сөздері мынадай:

“Шымылдық алдында, ауыр маслобойканы қиналып көтерген, сүрініп-қабынған Алуа келеді.

А л у а. Қандай ауыр, зілдей еді қуарғаны! (*Маслобойканы жерге қояды.*) Діңкем құрыды-ау! Құлқын сәріден күн ұзын... сонау түн ортасына дейін тыным жоқ! Толас жоқ! Бейнет те бейнет! Сондағы киінгенім мынау шоқпыт, ішкенім шалап, шәйінді... Әкем сорлы өлерінде: сені тым құрса адам қолында да қалдырмадым. Қасқырдың... қорқау қасқырдың інінің аузында қалдырдым-ау! – деп еді. Қандай қатал өздері... Қандай шошимын... қорқам өзінен... Құтылармын ба осының азабы мен мазағынан! (*Шелегін алып жөнеле береді.*)”

Орысшаға аударғанда жазушы сәл өзгерістер жасап, пьесаның басталар сәтінде Доғал байдың өз достарымен сөйлесіп отырған эпизодын толық береді. Сатай сол сәтте Байыр екеуіне үш күннің ішінде тоқал аламын деп жариялайды. Ол сол мезетте Алуаны көріп қалып, қызығушылығы оянады. Доғал жетім қызды кішкене күнінен бастап өзі өсіргенін, оны ешкімге бермей, өзі алуға шешім қабылдағанын айтады. Қазақша нұсқада Доғал ойлана келіп бұл әңгімені өзі бастайды, бірақ оның ойы басқада ма, Алуада ма, әлі белгісіз. Алуа жөніндегі әңгіме Сатайдың қызығушылығынан келіп шығады.

Осы бірінші акт, бірінші суреттің соңындағы бірнеше адамның сөздері, диалогтері аударылмаған. Ондағы айтылар ойды қаламгер басқадай сөздермен мағынасын беру арқылы білдіріп кетеді. Мысалы:

“Екінші сурет басталарда, шымылдық алдында әбігер мен сабылғандар.

Ж ә к е ш. Ауыл маңында жоқ... Қашқан!

Д о ғ а л. Қашты! Қайда қашты?!

С а р т а й. Сотқа седуәтілге қашқан!

Б а й ы р. Ойбай рас, сотқа қашты!

Ж а л т ы р. Сексек те жоқ, бірге қашыпты!” – деген сөздер аудармада кездеспейді.

Орысша аудармада Сексек пен Алуаны қызыл отаудан күшпен тартып әкетпек болған байлардың қимылын Нина мылтық атып тоқтатады. Ал қазақшасында бұл оқиға айқай-шу, тартыспен барып өздігінен басылады. Қазақша нұсқада төртінші акт сегізінші суреттен басталса, аудармада жетінші суреттен басталады. Пьесаның алғашқы оқиғаларындағы

тартысқа себеп болушы Доғал кейін колхоз шаруасына бөгет келтіруші, жер аударған өңірден қашқын болып өмір сахнасынан кетіп бара жатқан адам ретінде көрсетілген. Ал оның туған інісі Мардан белгілі ғалым болып, Алуаның ғылыми еңбегіне жетекшілік етеді.

Жазушы Алуаны партия қызметкері, қоғамға еңбек сіңірген қайраткер етіп берумен бірге, қоғам тарихын зерттеуші ғалым қылып бейнелейді. Пьесада Алуа көбінесе қиындық үстінде, оқу, жұмыс, қызмет, шаруа адамдары, панасыз жетім балалар арасында көрсетіледі. Бұл эпизодтар шығарманың таптық, әлеуметтік сипатын көтере түскен. Алуа өз қызметінде қазақ қыздарының теңдік алуына, оқуына, қызметке араласып, тұрмыс жағдайын жақсартуға көмектесетін бастамалар көтереді.

Оның бейнесі арқылы барлық қызметінде қоғамшыл, көпшілік мүддесін қолдаушы, социалистік қоғамның жана адамына тән сипаттар мен қазақ қызына тән бірқатар мінез-құлықтар жинақтап берілген. Кеңестік қоғамдағы әйел тақырыбын жан-жақты қозғай отырып, қаламгер қай кезде де өмірге жылу мен жарық әкелуші, болмысы жарқын қазақ әйелінің тұрмыс қиындығын мойымай жеңе білетін төзімді қайраткерлігін Алуа бейнесі арқылы танытқан.

Жазушы пьесаға И. Сталиннің “Такой женщины не было и не могло быть в старое время” деген сөздерін эпиграф етіп алған. Пьесаны орыс тіліне аударып, оны киноға арналған сценарий етіп жазды. Бұл сценарийді орыс тіліне жолма-жол аудара отырып, қаламгер осы шығарманың ойдағыдай болып шығуына көп көңіл бөлді. Өткен ғасырда, елуінші жылдар ортасында болған жылымық кезеңде социализм дәуірінде қазақ әйелінің қоғамдағы жетістіктерін бейнелейтін пьеса сол кездегі көркем шығармалар арасында, сөз жоқ, жетістігі мол туынды еді. Сол кезеңнің социалистік реализм әдісімен жазылған туындылары тәрзімі көптеген мәселелерге таптық, әлеуметтік, партиялық тұрғыдан келетін көзқарастарға қарамастан қоғамдағы қазақ әйелінің бейнесі пьесада жарқын етіп көрсетілген.

М. Әуезовтің “Алуа” пьесасының орыс тіліне жолма-жол аудармасы 1953 жылы жасалған. Аударма бұрын еш жерде жарияланбаған. Оның машинкаға басылған нұсқасы Ресейдің мемлекеттік әдебиет және өнер архивінде сақталған (ф. 656, опись 5, ед. хран. 452, л. 78). М. Әуезов шығармаларының елу томдық академиялық толық басылымына “Алуа” пьесасының орыс тіліне жолма-жол аудармасы машинкаға басылған осы нұсқа бойынша теріліп, өзгеріссіз жіберілді.

К. Рахымжанов

МАЗМҰНЫ

I. СӨЗДЕР	3
Выступление М.О. Ауэзова на общегородском собрании Союза советских писателей 18 ноября 1940 г.	5
Выступление М.О. Ауэзова на республиканском совещании работников искусства (1948 г.)	13
Выступление М.О. Ауэзова на совещании при ЦК КП Казахстана по вопросу подготовки к декаде казахской литературы и искусства в г. Москве (1958 г.)	25
II. ПІКІРЛЕР	33
Отзыв на книгу С.К. Кенесбаева “Устойчивые сочетания слов казахского языка (парные слова, идиомы и фразы)”, представленную в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук (1944 г.)	35
Отзыв о диссертационной работе тов. Габдирова И.Х. на тему “Горьковские традиции в творчестве отдельных казахских писателей” (1946 г.)	42
Отзыв о научных трудах товарища Шалабаева Б.	48
Отзыв о книге тов. Бегалина С. на тему “Материалы к биографии Джамбула”	53
“Жамбылдың өмірі” атты Әбділда Тәжібаев кітапшасы туралы пікір (1946 ж.)	55
Отзыв о работе тов. Чарномского по оформлению спектакля “Кобланды” в Казахском академическом театре драмы (1946 г.)	57
Отзыв на труд Б. Кенжебаева “Поэзия Султанмахмута Торайгырова” (1946 г.)	59

Отзыв о диссертационной работе тов. Габдуллина Малика на тему “Проблемы изучения былины “Кобланды батыр”	64
“Қазақ әдебиеті тарихының” тарихи жырлар бөлімі туралы пікір (1947 ж.)	72
“Қазақ әдебиеті тарихының” “Шешендер сөзі” бөліміне пікір (байқалған кемшіліктер туралы) (1947–1948 жж.).....	75
Ғабиден Мұстафиннің “Қарағанды” романы туралы рецензия (1951 ж.).....	81
Отзыв о работе заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Б.Г. Ерзаковича “Народные песни Казахстана”, представленной на соискание ученой степени кандидата искусствоведения (1952 г.)	86
М. Ғабдуллин жазған 8-класқа арналған “Қазақ әдебиеті” атты оқу құралы жөнінде рецензия (1953 ж.).....	91
Отзыв о диссертационной работе т. Иманалиева К. И. на тему “Киргизская советская поэзия в период Великой Отечественной войны Советского Союза” (1953 г.)	99
Отзыв о диссертационной работе т. Таштемирова Жакыпа на тему “Творческий путь киргизского народного акына Тоголок Молдо” (1953 г.).....	104
Предварительный отзыв о диссертационной работе Ш.К. Сатпаевой на тему “Тема индустриализации в казахской художественной прозе” (1954 г.)	110
Отзыв о диссертационной работе тов. Нурмухамедова Марата на тему “Влияние русской литературы на развитие советской каракалпакской литературы” (1954 г.)	112
Отзыв о диссертационной работе тов. Джангалина М.О. на тему “К истории организаций перевода и изданий произведений классиков марксизма-ленинизма в Казахской ССР” – на соискание ученой степени кандидата исторических наук (1955 г.)	116
Отзыв о диссертационной работе тов. Кирабаева Серика на тему “Литературная деятельность Спандияра Кобеева” (1956 г.).....	123
Отзыв о книге тов. Суванбекова Ж. “Колхозная тема в киргизской советской литературе” (1959 г.)	128

Отзыв о диссертационной работе Джумаева К. на тему “Горький и туркменская советская проза”	130
Отзыв о диссертационной работе тов. Ахинжанова М. на тему “Раскрепощение трудящейся женщины-казашки”	133
Отзыв о диссертационной работе С.С. Каташа на тему “Опыт сравнительного изучения алтайского и казахского эпоса”	137
Қазақ әдебиетінің оқу құралы туралы	141
Предварительный отзыв о диссертационной работе Р. Сулейменова на тему “Культурное строительство в Казахстане в годы второй и третьей пятилеток”	154
А. Маловичконың мақаласы туралы көлденең пікірлер (1954 ж.)	157
Қазақ совет әдебиеті туралы (1948 ж.)	159
III. ЖОЛЖАЗБА (1935 ж.)	175
Күнделік	177
IV. АУДАРМАЛАР	237
Происшествие на Караш-Караш (повесть) (1927 г.)	239
Алуа (пьеса) (1953 г.)	325
V. ҒЫЛЫМИ ТҮСІНІКТЕМЕЛЕР	383

ӘУЕЗОВ МҰХТАР ОМАРХАНҰЛЫ

Шығармаларының елу томдық толық жинағы

48-том

Академиялық ғылыми басылым

*М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының
ғылыми кеңесінде бекітіліп, баспаға ұсынылған*

Баспа жобасының жетекшілері:
С. Назарбаева, Б. Қанапиянов

Редакторлары: *Б. Хабдина, Б. Мұсахан*
Компьютерде беттеген *И. Селиванова*

Басуға 11.03.2014 ж. қол қойылды.
Пішімі 84x108 ¹/₃₂, Офсеттік қағаз.
Қаріп түрі “Таймс”.
Шартты баспа табағы 23,7.
Таралымы 4000 дана.
Тапсырыс № 1182.

ЖШС РПБК «Дәуір», 050009,
Алматы қаласы, Гагарин д-лы, 93а.
E-mail: rpik-dauir81@mail.ru

“Жібек жолы” баспа үйі
050000, Алматы қаласы, Қазыбек би көшесі, 50.
Тел.: 272-65-01, 261-11-09.

ISBN 978-601-294-190-6

9

7 8 6 0 1 2 9 4 1 9 0 6